

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ  
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО  
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

*На правах рукописи*

Щавлинский Максим Станиславович

**КНИГА И.А. БУНИНА «ХРАМ СОЛНЦА»:  
ТЕКСТОЛОГИЯ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ, РЕЦЕПЦИЯ**

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук  
Специальность 5.9.1 — Русская литература и литературы народов Российской  
Федерации

Научный руководитель:  
доктор филологических наук  
Е.Р. Пономарев

Москва  
2024

## Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Жанр, история текста и текстология книги И.А. Бунина «Храм Солнца» .....	15
1.1. Жанровые особенности книги «Храма Солнца» .....	18
1.2. История текста «Храма Солнца» .....	26
1.3. Текстология и поэтика: изменение тематической структуры текста .....	35
Выводы 1 главы.....	51
Глава 2. Биографическое и книжное путешествия на Восток.....	52
2.1. Путешествия Бунина на Восток.....	57
2.2. Круг чтения Бунина о Востоке: опыт реконструкции.....	74
2.3. «Храм Солнца» Бунина в контексте путеводителей .....	89
2.3.1. Бунин и путеводители конца XIX – начала XX вв.....	92
2.3.2. Образ путешественника-европейца.....	102
2.3.3. Константинополь и Афины.....	108
2.3.4. Египет .....	121
2.3.5. Святая земля.....	130
2.3.6. Баальбек.....	167
2.3.7. Анурадхапура .....	176
Выводы 2 главы.....	185
Глава 3. Травелоги современников и «Храм Солнца» .....	186
3.1. Рецепция «Храма Солнца» современниками.....	192
3.2. Диалог И.А. Бунина, А.М. Федорова и П.А. Нилуса о Востоке .....	202
3.3. И.А. Бунин и П. Лоти в поисках «подлинности» .....	236
3.4. Библейский хронотоп И.А. Бунина и С.С. Кондурушкина .....	250
3.5. И.А. Бунин и другие (Д.Л. Мордовцев, С. Глаголь и С.Я. Елпатьевский).....	259
Выводы 3 главы.....	270
Заключение.....	272
Список литературы .....	275
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	299
Приложение 1. Публикация письма С.С. Кондурушкина И.А. Бунину .....	300
Приложение 2. Публикация письма П.А. Нилуса И.А. Бунину .....	306
Приложение 3. Публикации и переиздания книги очерков «Храм Солнца».....	312

## Введение

Жизни и творчеству И.А. Бунина посвящено немало крупных исследований, ставших уже классическими для буниноведения: работы Ю.В. Мальцева<sup>1</sup>, О.В. Сливицкой<sup>2</sup>, О.Н. Михайлова<sup>3</sup>, А.К. Бабореко<sup>4</sup>, В.Н. Афанасьева<sup>5</sup>, А.А. Волкова<sup>6</sup>, Н.В. Пращерук<sup>7</sup>, С.Н. Бройтмана и Д.М. Магомедовой<sup>8</sup>, В.А. Келдыша<sup>9</sup>, Т.Г. Marullo<sup>10</sup>, J.V. Woodward'a<sup>11</sup> и др.

Среди современных исследователей стоит отметить работы: Е.Р. Пономарева<sup>12</sup>, Т.М. Двинятиной<sup>13</sup>, С.Н. Морозова<sup>14</sup>, Н.Г. Мельникова<sup>15</sup>, А.В. Бакунцева и К.В. Анисимова. Об отдельных аспектах творчества Бунина написано много статей и диссертаций (А.В. Лушенкова-Фосколо<sup>16</sup>, М.М. Аболина<sup>17</sup>, О.А. Коростелев и З.С. Закружная<sup>18</sup> и др.). Опубликованы неизданные произведения писателя, его письма и материалы: «Литературное

<sup>1</sup> Мальцев Ю.В. Иван Бунин, 1870–1953. М., 1994. 431 с.

<sup>2</sup> Сливицкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. М., 2004. 270 с.

<sup>3</sup> Михайлов О.Н. И.А. Бунин: Жизнь и творчество. Тула, 1987. 317 с.

<sup>4</sup> Бабореко А.К. И.А. Бунин: Материалы для биогр. с 1870 по 1917. 2–е изд. М., 1983. 351 с.

<sup>5</sup> Афанасьев В.Н. И.А. Бунин: Очерк творчества. М., 1966. 384 с.

<sup>6</sup> Волков А.А. Проза Ивана Бунина. М., 1969. 448 с.

<sup>7</sup> Пращерук Н.В. Художественный мир прозы И.А. Бунина: язык пространства. Екатеринбург, 1999. 253 с.

<sup>8</sup> Бройтман С.Н., Магомедова Д.М. Иван Бунин // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. С. 540–585.

<sup>9</sup> Келдыш В.А. Бунин // О «Серебряном веке» русской литературы: Общие закономерности. Проблемы прозы. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 205–249.

<sup>10</sup> Marullo T.G. If you see the Buddha: Studies in the fiction of Ivan Bunin. Evanston, 1998. 208 p. См. также: Марулло Т.Г. «Если ты встретишь Будду...»: Заметки о прозе И. Бунина / пер. с англ.; под ред. Е.К. Созиной. Екатеринбург, 2000. 252 с.

<sup>11</sup> Woodward J.V. Ivan Bunin: A Study of His Fiction. Chapel Hill, 1980. 275 p.

<sup>12</sup> Пономарев Е.Р. Преодолевший модернизм Творчество И.А. Бунина эмигрантского периода. М., 2019. 340 с.

<sup>13</sup> Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2015. 437 с. Упомянем также двухтомное научное издание поэзии писателя: Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинятиной. СПб., 2013. И биографию: Двинятина Т.М. Иван Бунин: Биографический пунктир: в 2 т. / ИРЛИ РАН; Русский архив в Лидсе. СПб., 2020.

<sup>14</sup> Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 1. 1870–1909 / сост. С.Н. Морозов. М., 2011. 943 с.; Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 2. 1910–1919 / сост. С.Н. Морозов. М., 2017. 1183 с. Т. 3. И Т. 4. готовятся к публикации.

<sup>15</sup> Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И. А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы). Антология / Под общ. ред. Н. Г. Мельникова; сост., подг. текста, коммент. Н. Г. Мельников (1 ч., 2-й раздел 2 ч., приложение), Т. В. Марченко. М., 2010. 926 с.

<sup>16</sup> Лушенкова-Фосколо А.В. «Прустовские места» в произведениях И.А. Бунина // Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология) / Ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М.: Литфакт, 2019. С. 66–85. (Академический Бунин).

<sup>17</sup> Аболина М.М. И.А. Бунин и издательская деятельность русской эмиграции: 1920–1955 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Санкт-Петербург. ун-т. СПб., 2020. 24 с.

<sup>18</sup> Закружная З.С., Коростелев О.А. «Сундук с вырезками» Ивана Бунина // Новый филологический вестник. 2019. № 1 (48). С. 44–56.

наследство» (1973<sup>1</sup>, 2019<sup>2</sup>, 2022<sup>3</sup>), «И.А. Бунин: новые материалы» (2004, 2010, 2014), письма (2003<sup>4</sup>, 2007<sup>5</sup>), публицистика (2000)<sup>6</sup>. Изданы коллективные сборники статей, вышедшие в авторитетных филологических сериях: «Бунин И.А. Pro et contra» (2001, 2015)<sup>7</sup>, «Академический Бунин» (2019<sup>8</sup>, 2021<sup>9</sup>, 2024<sup>10</sup>).

«Храм Солнца»<sup>11</sup> — единственная книга путевых очерков И.А. Бунина, — никогда не воспринималась исследователями как одно из основных произведений дореволюционного периода творчества. Эту «путевую поэму»<sup>12</sup> заслоняли такие произведения, как «Деревня» (1910), «Суходол» (1911), «Грамматика любви» (1915), «Господин из Сан-Франциско» (1915), «Легкое дыхание» (1916), «Окаянные дни» (1925–1927), «Митина любовь» (1924), «Жизнь Арсеньева» (1927–1952), «Темные аллеи» (1937–1946) и др. На фоне этих произведений книга «Храм Солнца» затерялась, отошла на второй план, однако и это произведение имеет длительную исследовательскую историю (с 1960-х гг.<sup>13</sup> до настоящего времени)<sup>14</sup>.

<sup>1</sup> Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: [Сборник материалов]: в 2 кн. Кн. 1. 696 с.; Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: [Сборник материалов]: в 2 кн. Кн. 2. 551 с.

<sup>2</sup> Литературное наследство. Т. 110: И. А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 1 / ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. М., 2019. 1183 с.

<sup>3</sup> Литературное наследство. Т. 110: И. А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 2 / ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. М., 2022. 984 с.

<sup>4</sup> Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текстов и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 763 с.

<sup>5</sup> Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. С.Н. Морозов; подгот. текстов и коммент. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М., 2007. 830 с.

<sup>6</sup> Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; вступ. ст. О.Н. Михайлова, коммент. С.Н. Морозова и др. М., 2000. 635 с.

<sup>7</sup> И. А. Бунин: pro et contra: личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: антология / сост.: Б.В. Аверин и др. отв. ред.: Д.К. Богатырев. 2-е изд. СПб., 2015. 1015 с. См. также первое изд. 2001 г.

<sup>8</sup> Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте (библиография, источниковедение, текстология). М., 2019. 895 с. (Академический Бунин; вып. 1). В качестве второго выпуска опубликована указанная выше монография Е.Р. Пономарева «Преодолевший модернизм Творчество И.А. Бунина эмигрантского периода». (М., 2019).

<sup>9</sup> И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества: коллективный труд: [сборник]. М., 2021. 1036 с. (Академический Бунин; вып. 3).

<sup>10</sup> Раннее творчество И.А. Бунина (1883–1902 гг.): поэтика, текстология, комментарий / отв. ред. С.Н. Морозов; ред. А.В. Бакунцев, Т.М. Двинятина, Е.Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2024. 342 с. (Академический Бунин; вып. 4).

<sup>11</sup> Бунин публиковал книгу под двумя заглавиями: «Тень Птицы» и «Храм Солнца». В книгоиздательской традиции и в литературоведении релевантны оба заглавия книги. В рамках нашей работы мы придерживаемся заглавия «Храм Солнца», выбранного для научного издания книги. В исследовательской литературе можно также встретить разночтения в вопросе написания строчных и прописных букв заглавия: «Тень птицы» или «Тень Птицы», «Храм солнца» или «Храм Солнца». В нашей работе мы придерживаемся написания заглавия прописными буквами, однако при цитировании оставляем тот вариант, который указан в источнике. См. подробнее: Глава 1.

<sup>12</sup> Бунинское определение. См. подробнее: Глава 1.

<sup>13</sup> Среди первых, обнаруженных нами работ можно назвать статью: *Гольдин С.Л.* Антиколонизаторская тема в творчестве И.А. Бунина // Ученые записки Орехово-Зуевского пед. ин-та. Орехово-Зуево, 1964. Т. 21. Кафедра русской и зарубежной литературы. Вып. 4. С. 3–20.

<sup>14</sup> Подробнее см.: *Щавлинский М. С.* Библиография рецензий и научных работ о книге И.А. Бунина «Храм Солнца / Тень Птицы» // И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества. М.: 2021. С. 968–1001.

В первую очередь исследователей интересовал вопрос жанра: многие определяли «Храм Солнца» как сборник или цикл (рассказов или очерков) или, вслед за Буниным, — как «путевую поэму». Ввиду сложной жанровой структуры произведения исследователям выработать единую позицию до сих пор не удалось. Мы занимаем сторону современных исследователей, в частности, Е.Р. Пономарева, и считаем «Храм Солнца» книгой очерков. Другой проблемой стала интерпретация этого текста. «Храм Солнца» называли паломническим «хожением»<sup>1</sup>, религиозным текстом о глубоко личном поиске Бога<sup>2</sup>, или философским произведением о жизни и смерти<sup>3</sup>. Кроме того, исследователи анализировали интертекстуальность «Храма Солнца», ориентальный дискурс, содержащийся в книге, биографические аспекты бунинского путешествия и т.д. А также семнатические структуры, культурные коды и отдельно взятые частности, проявляющиеся в разных очерках книги: цвет, свет, языковые особенности, поэтические приемы и пр.

Несмотря на выявленную объемную библиографию — больше 150 исследований (в том числе на иностранных языках) — и возросший интерес к этой теме в последние годы<sup>4</sup>, существует множество лакун, требующих исследовательского внимания: текстологические особенности книги, историко-литературный контекст «Храма Солнца», биографический контекст бунинского путешествия, «восточный» круг чтения Бунина.

Помимо разных редакций «Храма Солнца», **материалом для исследования** в диссертации являются: биография писателя (в том числе письма и воспоминания, включая книгу В.Н. Муромцевой-Буниной «Беседы с памятью») и «восточный» круг чтения Бунина. В него входят: современные эпохе создания текста путеводители Русского Общества Пароходства и Торговли (РОПиТ), Добровольного флота, «Путеводитель по Святым местам Востока», «Путеводитель

<sup>1</sup> Dearman V. The Reality of Time, History and Life in the Prose of Ivan Bunin. Submitted for the Degree of Doctor of Philosophy. Sheffield, The University of Sheffield. 1999. 263 p.

<sup>2</sup> Пронин А.А. Евангельский «след» в цикле путевых рассказов И.А. Бунина «Тень птицы» и поэма В.А. Жуковского «Агасфер» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: сб. ст. Петрозаводск, 2001. С. 459–464.

<sup>3</sup> Працгерук Н.В. Художественный мир прозы И.А. Бунина: язык пространства. Екатеринбург, 1999. 253 с.

<sup>4</sup> Следует отметить научный проект № 20-012-41004 «И.А. Бунин и Палестина», осуществленный в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке РФФИ. В рамках проекта подготовлено научное издание «Храма Солнца» и коллективная монография «И.А. Бунин и Палестина». Автор диссертации принимал участие в проекте.

по Святой земле», «Русские богомольцы в Святой земле», «Palestine and Syria», «Egypt and the Sudan» и пр.; научно-историческая литература: «Древняя история народов Востока» Г.К. Масперо, археологический отчет А.А. Олесницкого «Святая земля» (в 2 т.), диссертация И.Н. Холмогорова «Шейх Мослихуддин Саади Ширазский и его значение в истории персидской литературы»; книги П. Лоти «Азиаде», «Призрак пустыни», «Разочарованные», «Пустыня», «Иерусалим», «Галилея»; книги А.М. Федорова «На восток», «За океан», «Солнце жизни» (в 2 ч.); книги С.С. Кондурушкина «Сирийские рассказы» и «Рассказы»; книга С. Глаголя «На юг: Из летней поездки в Константинополь, Афины, Неаполь, Рим и Венецию»; книга С.Я. Елпатьевского «Египет»; книги Д.Л. Мордовцева «Поездка к пирамидам», «Поездка в Иерусалим»; книги Е.Л. Маркова «Путешествие на Восток: Царьград и Архипелаг. В стране фараонов», «Путешествие по Святой земле: Иерусалим и Палестина. Самария, Галилея и берега Малой Азии» и пр.

**Актуальность работы** определяется возросшим исследовательским интересом к «Храму Солнца» И.А. Бунина, а также обозначенными лакунами в изучении этого произведения. Данная работа представляется особенно **актуальной** в рамках работы над Полным академическим собранием сочинений И.А. Бунина и в рамках готовящегося к публикации научного издания книги «Храм Солнца». Выводы, изложенные в диссертации, позволяют существенно расширить текстологический и историко-литературный комментарий к тексту. Исследование литературного контекста 1890–1910-х гг. позволит четче определить место бунинского травелога в литературном процессе эпохи, а также показать взаимодействие бунинского текста с иными травелогами эпохи. Изучение текстологии дает возможность продемонстрировать особенности и различия поэтики «Храма Солнца» дореволюционных (1915, 1917) и эмигрантских (1931, 1936) изданий. Особое внимание уделяется прочтению дореволюционной редакции сквозь призму «восточного» круга чтения писателя; это позволяет показать, как Бунин работал над текстом.

**Степень разработанности проблемы.** До настоящего момента не существует работ, которые, во-первых, комплексно сравнивали бы бунинский

травелог с травелогами эпохи и иной историко-археологической, туристической и религиозно-философской, справочной литературой. Во-вторых, в буниноведении не представлено работ, указывающих на многочисленные источники бунинского травелога. До настоящей диссертации эти источники даже не были перечислены полностью. В-третьих, несмотря на большое количество исследований, посвященных книге Бунина, почти все исследователи работали с последней редакцией 1936 г., а не с первыми газетно-журнальными публикациями и первой книжной редакцией 1915 г., где объем текста существенно больше и содержится множество актуальных для путешествия 1900–1910-х гг. деталей, исключенных впоследствии.

**Научная новизна** диссертации заключается в принципиально ином подходе к исследованию бунинского травелога. С одной стороны, мы стремимся прочитать «Храм Солнца» через призму популярных путеводителей эпохи и через подробно описанный «восточный» круг чтения Бунина. Мы полагаем, что круг чтения предопределяет и формулирует бунинское представление о Востоке, накладывает отпечаток на биографическое путешествие и литературный текст. С другой стороны, делается попытка прочитать травелог Бунина на фоне других травелогов эпохи и поместить его в широкий историко-культурный и литературный контекст. Анализ производится на основании редакции «Храма Солнца» 1915 г. — текста, который почти не изучен в буниноведении.

**Теоретическая значимость** диссертационного исследования заключается, во-первых, в определении «восточного» круга чтения Бунина. Во-вторых, в выработанной автором методике прочтения травелога через призму современных Бунину путеводителей. В рамках этой методологии мы стремимся показать, в каких случаях бунинский травелог вторит путеводителю, а в каких случаях сопротивляется устоявшемуся нарративу и предлагает иной взгляд на путешествие. В-третьих, в попытке реконструировать поле историко-литературного диалога между «Храмом Солнца» и разными травелогами эпохи. Кроме того, в научный оборот впервые вводятся письмо П.А. Нилуса Бунину, а также письмо С.С. Кондурушкина Бунину, что позволяет совершенно иначе, чем это делалось

ранее, выстроить идейный диалог Бунина с его друзьями-писателями А.М. Федоровым и П.А. Нилусом, как и он, увлеченными литературой путешествий.

**Практическая значимость** диссертации заключается в наиболее полном на сегодняшний день комментировании книги «Храм Солнца» (диссертация предоставляет обширный материал для текстологического, реального, историко-литературного комментария). Результаты диссертационной работы будут использованы при подготовке Полного академического собрания сочинений И.А. Бунина и будут востребованы в рамках готовящегося к публикации научного издания книги «Храм Солнца». В работе впервые установлены и атрибутированы многие ранее неизвестные цитаты. Опубликовано письмо С.С. Кондурушкина к И.А. Бунину (1908) — Приложение 1; опубликовано письмо П.А. Нилуса к И.А. Бунину (1908) — Приложение 2; опубликован полный перечень изданий и переизданий «Храма Солнца» (отдельных очерков и книг целиком) с 1908 г. по настоящее время (на русском, английском, немецком языках) — Приложение 3. Результаты могут быть использованы при дальнейшей научной работе в области буниноведения, а также в сфере исследований русской литературы путешествий. Исследование также может быть использовано в рамках преподавания общих и специальных курсов по истории русской литературы конца XIX – начала XX вв.

**Основной методологической базой** исследования служат: концепция «ориентализма» Э. Саида<sup>1</sup>; критика ориентализма и постколониализма, высказанная в работах Б. Льюиса<sup>2</sup> и Р. Ирвина<sup>3</sup>; концепция «экзотизма» В. Сегалена<sup>4</sup>; работы классиков постколониальной критики: Х. Бхабхи<sup>5</sup>, Г. Спивак<sup>6</sup>, Ф. Фанона<sup>7</sup>; исследования по теории и истории литературы

<sup>1</sup> Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб., 2006. 639 с.

<sup>2</sup> Lewis B. The Question of Orientalism by Bernard Lewis. The New York Review of Books. Publication date 1982-06-24. URL: <https://archive.org/details/LewisBernardTheQuestionOfOrientalism> (дата обращения: 27.05.2024).

<sup>3</sup> Irwin R. Dangerous knowledge: orientalism and its discontents. NY: Overlook Press, Woodstock, 2008. 409 p.

<sup>4</sup> Segalen V. Essai sur l'exotisme, une esthétique du divers. Paris, 1999. 184 p.

<sup>5</sup> Bhabha H.K. The location of culture. [London], [1994]. XXXII, 408 p.

<sup>6</sup> Spivak G.C. Can the Subaltern Speak?: Reflections on the History of an Idea / ed. by R.C. Morris. NY, 2010. 336 p.

<sup>7</sup> Fanon F. Black Skin, White Masks. NY, 1967. 222 p.; Fanon F. The Wretched of the Earth. NY, 1963. 316 p.

путешествий<sup>1</sup>: Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского<sup>2</sup>, А.М. Эткинда<sup>3</sup>, Е.Р. Пономарева<sup>4</sup>, В.М. Гуминского<sup>5</sup> и Д. Зилкоски<sup>6</sup>.

В рамках нашей диссертации мы придерживаемся сформулированного Е.Р. Пономаревым определения жанровых характеристик и границ термина «травелог»: «Путешествие шире любого жанра (новеллы, очерка, романа) и уже эпоса»<sup>7</sup>. Исследователь называет травелог метажанром: «Мы предлагаем использовать “метажанр” в тесной связи с термином “метатекст” <...>. С одной стороны, метажанр по ряду признаков напоминает традиционный жанр — выделяемый согласно предмету изображения, семантической емкости материала, его организации, определенной (оценочной) позиции по отношению к миру. С другой же, путешествие, в силу своей структурной свободы, перерастает жанровые границы, вбирает в себя те или иные жанры — точнее, пользуется ими по своему усмотрению — и разрастается до небольшой самостоятельной “литературы”, располагающейся на грани художественного и нехудожественного, искусства и неискусства»<sup>8</sup>.

**Объектом исследования** является книга И.А. Бунина «Храм Солнца».

**Предметом исследования** являются история текста, литературный контекст и рецепция книги И.А. Бунина «Храма Солнца».

**Цель работы:** комплексное исследование книги И.А. Бунина «Храм Солнца» с учетом широкого биографического, литературного, общекультурного контекста; обнаружить источники, влияния и семантические связи.

<sup>1</sup> Русский травелог XVIII – начала XX веков: аннотированный указатель. Новосибирск, 2018. 829 с.

<sup>2</sup> Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб., 1997. С. 484–564.

<sup>3</sup> Эткинд А.М. Внутренняя колонизация: имперский опыт России / пер. с англ. В. Макарова. М., 2013. 441 с.; Эткинд А.М. Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001. 483 с.

<sup>4</sup> Пономарев Е.Р. Постколониальная теория и литература путешествий. Взгляд из России // НЛО. 2020. № 1 (161). С. 355–377.; Пономарев Е.Р. Русский имперский травелог // НЛО. 2017. № 2 (144). URL: [https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe\\_literaturnoe\\_obozrenie/144\\_nlo\\_2\\_2017/article/12412/](https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/144_nlo_2_2017/article/12412/) (дата обращения: 25.05.2024).; Пономарев Е.Р. Типология советского путешествия: «Путешествие на Запад» в литературе межвоенного периода. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2013. 411 с.; Пономарев Е.Р. Травелог vs. путевой очерк: постколониализм российского извода // НЛО. 2020. № 6 (166). С. 562–580.

<sup>5</sup> Гуминский В.М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М., 2017. 605 с.

<sup>6</sup> Zilcosky J. Writing Travel: The Poetics and Politics of the Modern Journey (German and European Studies). Toronto: University of Toronto Press, 2008. 353 p.

<sup>7</sup> Пономарев Е.Р. Типология советского путешествия: «Путешествие на Запад» в литературе межвоенного периода. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2013. С. 9.

<sup>8</sup> Там же. С. 12.

**Задачи:**

- 1) Описать историю текста книги «Храм Солнца» и показать различие между дореволюционными (1915, 1917) и эмигрантскими (1931, 1936) редакциями.
- 2) Изучить биографический контекст бунинских поездок на Восток (1903–1913).
- 3) Реконструировать «восточный» круг чтения Бунина, связанный с книгой «Храм Солнца».
- 4) Проследить интертекстуальные связи претекстов «Храма Солнца» в общем корпусе современных Бунину путеводителей, а также философско-религиозной, историко-археологической и справочной литературе конца XIX–начала XX в.; представить историко-литературный диалог бунинского произведения с травелогами конца XIX – нач. XX вв.
- 5) Собрать и проанализировать рецепцию отдельных очерков и книги в целом современниками (с 1908 по 1936 гг.), а также представить историко-литературный диалог бунинского произведения с травелогами конца XIX – нач. XX вв.

**Методология.** В соответствии с поставленной целью, задачами и спецификой материала применялись комбинированные методы исследования: сравнительно-исторический, историко-культурный, типологический метод, а также элементы интертекстуального метода.

**Положения, выносимые на защиту:**

1. С конца 1890-х гг. у Бунин планировал совершить путешествие по Востоку от Турции до Японии и описать (осмыслить) Восток как единое целое. Биография Бунина и текстологический анализ книги позволяют утверждать, что Бунин изначально задумывал создать цельное повествование (крупную форму) о путешествии, а не отдельные очерки по следам восточных путешествий.
2. Текстологически издания 1915 и 1917 гг. значительно отличаются от изданий 1931 и 1936 гг. объемом (в эмигрантских изданиях текст сокращен почти на треть), это оказывает значительное влияние на поэтику произведения (пропадает

понимание Востока как модели будущего, начинают доминировать метафоры прошлого: «Восток — могила»; дневник Бунина-путешественника превращается в воспоминание о далекой поездке). Выделяются две редакции книги: дореволюционная и эмигрантская.

3. На нарратив «Храма Солнца» оказали серьезное влияние популярные путеводители по Востоку, справочная, религиозно-философская, историко-археологическая литература и травелоги современников. Бунин при создании книги использовал путеводители («Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку», «Путеводитель по Святой земле», «Palestine and Syria», «Egypt and the Sudan» и пр.), отчасти следуя заданному в них нарративу, отчасти трансформируя его. На очерк «Тень Птицы» сильнейшее влияние оказала диссертация И.Н. Холмогорова «Шейх Мослихуддин Саади Ширазский и его значение в истории персидской литературы». Книга А.А. Олесницкого «Святая земля» оказала ключевое влияние на очерки «Иудея», «Пустыня дьявола», «Мертвое море». Установка бунинской поэтики на «подлинность» сформирована после чтения П. Лоти и отразилась на всей книге «Храм Солнца».

4. Культурно-философские и социальные взгляды Бунина на Восток формировались в творческом и дружеском диалоге с А.М. Федоровым и П.А. Нилусом. Они читали одни и те же книги о Востоке; высоко ценили художественный метод П. Лоти и следовали ему; одинаково смотрели на политику Османской империи; воспринимали Восток как единое целое и планировали поездки от Турции до Японии; в Палестине искали следы земной жизни Христа. Травелоги Федорова («На Восток», «За океан», «Солнце жизни») могут быть прочитаны как существенное дополнение к «Храму Солнца», а редакторские советы Нилуса напрямую отразились в книге Бунина.

### **Структура работы:**

Диссертация состоит из трех глав. Первая глава состоит из 3 параграфов. Вторая глава тоже содержит 3 параграфа. В третьей главе 5 параграфов. После Списка литературы даны три Приложения к диссертации.

Результаты работы были **апробированы** на международных научных и научно-практических конференциях:

1. Щавлинский М.С. «Тень Птицы» И.А. Бунина — неоконченный проект освоения Востока (секционный). Международная научная конференция «Иван Бунин: контексты судьбы — история творчества» (20–23 октября 2020 г., ИМЛИ РАН).

2. Щавлинский М.С. «Тень птицы» И.А. Бунина: маршруты путешествий, текстология, круг чтения. Исследования к будущему научному изданию (секционный). Всероссийская научно-практическая конференция «Творчество И. Бунина, А. Куприна, А. Чехова в контексте развития русской литературы конца XIX – начала XX века» (Москва, музей экслибриса и миниатюрной книги, 3–4 декабря, 2020 г.).

3. Щавлинский М.С. Национальный и колониальный дискурсы в «Тени Птицы» И.А. Бунина (секционный). X Международная научная конференция «Национальные коды в языке и литературе» (международная). 28-30 октября, 2022 г., Нижний Новгород, Институт филологии и журналистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского при участии Отдела теории и Отдела литератур Европы и Америки Новейшего времени ИМЛИ им. А.М. Горького РАН.

4. Щавлинский М.С. Категории пространства и времени в «Сирийских рассказах» С.С. Кондурушкина и «Храме Солнца» И.А. Бунина (секционный). V Международная конференция молодых ученых «Пространство и время в русской литературе и философии»: к 90-летию Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (международная). 15–16 ноября 2022 г., Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

5. Щавлинский М.С. Исчезновение национального и колониального дискурсов: текстология очерка «Тень Птицы» И. А. Бунина. (пленарный, стендовый доклад). Научно-практическая конференция «Наследие русских писателей XX в.: вопросы эдиционной практики» (всероссийский). 27 октября 2022 г., Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН.

Положения диссертационной работы представлены в статьях, опубликованных в рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ (или ВАК при Минобрнауки РФ):

- 1) *Анисимов К.В., Щавлинский М.С.* Историко-литературный контекст бунинского травелога «Храм Солнца». На фоне кого Бунин «вышел в гении»? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. С. 183–210.
- 2) *Щавлинский М.С.* Исчезновение национального и колониального дискурсов: текстология очерка «Тень Птицы» И.А. Бунина // Летняя школа по русской литературе. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 355–375.
- 3) *Щавлинский М.С.* «Храм Солнца» И.А. Бунина и «Сирийские рассказы» С.С. Кондурушкина: точки пересечения // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 221–232.
- 4) *Щавлинский М.С.* «Храм Солнца» И.А. Бунина и травелоги о Святой Земле Пьера Лоти // Летняя школа по русской литературе. 2024. Т. 20. № 1–2. С. 73–100.

Также положения диссертационной работы представлены в статьях, опубликованных в сборниках статей, включенных в РИНЦ:

- 5) *Щавлинский М.С.* Библиография рецензий и научных работ о книге И.А. Бунина «Храм Солнца/Тень Птицы» // И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / отв. ред.-сост. Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов; ред. А.В. Бакунцев, Е.Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 968–1001.
- 6) *Щавлинский М.С.* «Храм Солнца» И.А. Бунина — неоконченный проект освоения востока // И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества. М.: Литфакт, 2021. С. 934–952.
- 7) *Щавлинский М.С.* «Тень Птицы» И.А. Бунина: маршруты путешествий, текстология, круг чтения. Исследования к будущему научному изданию // Творчество И. Бунина, А. Куприна, А. Чехова в контексте развития русской литературы конца XIX – начала XX века. Материалы всероссийской межвузовской научно-практической конференции. М.: МСК, 2020. С. 213–230.

- 8) *Щавлинский М.С.* Эволюция травелога в раннем творчестве И.А. Бунина: от «Казацкого хода» до «Храма Солнца» // Eurasiascience. Сборник статей XLIX международной научно-практической конференции (15 ноября 2022 г., Москва). М.: «Научно-издательский центр «Актуальность. РФ», 2022. 292–295 с.
- 9) *Щавлинский М.С.* История публикации книги И.А. Бунина «Храм Солнца» // Сб. науч. ст. по результатам международной научной конференции «Бунинские чтения» (20–21 октября 2022 г.). Елец: ЕГУ, 2022. С. 106–113.

## Глава 1. Жанр, история текста и текстология книги

### И.А. Бунина «Храм Солнца»

Сложность жанрового определения книги «Храм Солнца» волновала многих исследователей, но, пожалуй, самым красноречивым фактом является молчание авторов монографий, посвященных творчеству Бунина в целом. Ю.В. Мальцев не анализирует книгу, лишь трижды упоминает ее в своей монографии<sup>1</sup>. О.В. Сливацкая в своем исследовании уделяет внимание только буддийскому Востоку в творчестве Бунина и буквально один раз упоминает «Храм Солнца»<sup>2</sup>. Во многих общих работах «Храм Солнца» вообще не упоминается, несмотря на то что это самое крупное произведение Бунина дореволюционной поры. Причиной нам кажется отнесение «Храма Солнца» к второстепенным жанрам творчества Бунина. Хотя, казалось бы, история создания «Храма Солнца» только подчеркивает сложность и многогранность этого произведения, а длительная работа над очерками указывает на значимость этого текста для Бунина лично.

Над «Храмом Солнца» Бунин работал почти 30 лет. Первые очерки созданы в 1907 г. по следам поездки на Восток, они опубликованы в 1908 г. К 1912 г. были опубликованы все очерки будущей «путевой поэмы» (авторский подзаголовок), но только к 1915 г. они становятся единым целым — книгой «Храм Солнца». До революции текст полной книги был издан дважды: в 1915 г. и с некоторыми незначительными изменениями в 1917 г. В эмиграции текст и вовсе обрел вторую жизнь — был сильно переработан и изменен. Сначала все очерки были переизданы по отдельности на страницах эмигрантской прессы в 1920–1930-е гг. (с новыми заглавиями), затем книга «Храм Солнца» сменила название на «Тень Птицы» в издании 1931 г., но в последнем издании 1936 г. первоначальное заглавие было восстановлено (подробнее история текста описана в параграфе 1.2 настоящей работы).

---

<sup>1</sup> Мальцев Ю.В. Иван Бунин, 1870–1953. М., 1994. С. 126, 153–154.

<sup>2</sup> Сливацкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. М., 2004. С. 209. См. также: Сливацкая О.В. Бунин и Восток. (К постановке вопроса) // Известия Воронежского гос. пед. ин-та. Т. 114. Воронеж, 1971. С. 85–96. Однако и в этой статье интерес к «Храму Солнца» проходит по касательной.

Критики не обошли стороной это произведение. Они рецензировали как отдельно взятые очерки (несколько сразу), так и книгу целиком. Реакция эмигрантской критики на издания 1931 и 1936 гг. была не столь масштабной, как на дореволюционные публикации, однако именно она окончательно закрепила высокий статус бунинского произведения (об отзывах современников см. параграф 3.1). В литературоведении «Храм Солнца» изучается с 1960-х гг., тогда же, при первом советском переиздании (1965 г.) остро встал вопрос определения жанра произведения. Позднее, с 1970-х гг., дискуссия перешла на страницы научных журналов и продолжается по сей день.

В первом параграфе мы подробно анализируем жанровые особенности «Храма Солнца», освещаем историю вопроса и формулируем собственный подход к этой проблеме. Метатекстовость бунинского травелога является существенной проблемой для определения жанра. Жанр «Храма Солнца», на наш взгляд, тесно связан с текстологией и историей текста (см. 2 и 3 параграфы главы). В первую очередь, приводится вся история публикаций (в том числе несостоявшихся), приводятся биографические сведения, указывающие на время и обстоятельства работы Бунина над текстами. В 3 параграфе показано как в разных редакциях дореволюционных (1915 и 1917) и эмигрантских (1931, 1936) текстологические изменения меняют восприятие текста<sup>1</sup>.

Один из важнейших вопросов, поставленных в последние годы, стал вопрос о заглавии книги. Близок ему вопрос об использовании заглавных и строчных букв в заглавиях книги и заглавиях входящих в нее очерков.

Издания книги в 1915<sup>2</sup>, 1917<sup>3</sup> и 1936<sup>4</sup> гг. носили заглавие «Храм Солнца», издание 1931 г.<sup>5</sup> называлось «Тень Птицы». В 1953 г. Бунин, думая о будущем издании «путевой поэмы», в личном экземпляре 1936 г. зачеркнул название «Храм Солнца» и надписал над ним «Тень Птицы». Это текстологическое решение принял

<sup>1</sup> Анализ, рассуждения и выводы, представленные в главе, были апробированы в наших статьях. По ходу главы даются ссылки на статьи.

<sup>2</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Полное собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. Пг., 1915. С. 100–220.

<sup>3</sup> Бунин И.А. Храм солнца. Пг.: Жизнь и Знание, 1917. 174 с.

<sup>4</sup> Бунин И.А. Храм солнца. // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 1. Берлин: Петрополис, 1936. С. 169–308.

<sup>5</sup> Бунин И.А. Тень птицы: Рассказы 1907–1911 гг. Париж, 1931. 207 с.

А.К. Бабореко<sup>1</sup>, когда готовил 3-ий том 9-томного собрания сочинений. Таким образом, с 1965 г. все советские и постсоветские издания повторяют это заглавие. Однако многие современные исследователи считают, что правильно называть книгу «Храм Солнца»<sup>2</sup>.

Е.Р. Пономарев задает важный вопрос: «Как <...> должна называться книга? Если следовать принципу последней авторской воли (да и принципу частотности), то “Храм Солнца”, как в последнем прижизненном издании. Правка, сделанная в 1953 г., всего лишь несложившийся проект. Однако А.К. Бабореко, принимавший всю правку такого рода, опубликовал книгу в СССР (в 3-м томе девятитомного Собрания сочинений) под заглавием “Тень Птицы”. Все советские и российские издания последовали за ним. Поэтому мы и привыкли к заглавию “Тень Птицы”»<sup>3</sup>. Таким образом, вопрос о заглавии основного текста Е.Р. Пономарев решает в пользу заглавия «Храм Солнца»<sup>4</sup>. Мы следуем за решением Е.Р. Пономарева и используем заглавие «Храм Солнца». Исключения составляют случаи, когда мы упоминаем издание 1931 г., советские и постсоветские переиздания или случаи цитирования научных работ, авторы которых традиционного пишут о книге «Тень Птицы».

Вопрос об использовании заглавных и строчных букв в заглавиях книги (и, соответственно, в заглавиях двух очерков, входящих в книгу) решен в диссертации в соответствии с решением Е.Р. Пономарева<sup>5</sup>. В работе мы используем варианты: «Храм Солнца» и «Тень Птицы». Заглавия: «Храм солнца» и «Тень птицы» встречаются только в цитатах и заголовках цитируемых научных работ. Вопрос о

<sup>1</sup> Бунин И.А. Тень птицы // Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 3. Повести и рассказы 1907–1911. М., 1965. 503 с.

<sup>2</sup> Пономарев Е.Р. Книга очерков «Храм Солнца». Проблема заглавия и основного текста // И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества. М., 2021. С. 881–889.

<sup>3</sup> Пономарев Е.Р. «Храм Солнца» или «Тень Птицы»? Поэтика «путевых поэм» И.А. Бунина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 300.

<sup>4</sup> Пономарев Е.Р. Книга очерков «Храм Солнца». Проблема заглавия и основного текста // И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества. М., 2021. С. 881–889. Любопытно, что схожим образом вопрос заглавия решил Т. Гроб, издав первый немецкий перевод под заглавием «Храма Солнца», а не «Тень Птицы»: *Bunin I. Der Sonnentempel: Literarische Reisebilder, 1897–1924* / I.A. Bunin, dolmet. D. Trottenberg, ed., nachwort. T. Grob. Zürich: Dörlemann Verlag, 2008. 416 S.

<sup>5</sup> Этот вопрос подробно проанализирован Е.Р. Пономаревым, см.: Пономарев Е.Р. Книга очерков «Храм Солнца». Проблема заглавия и основного текста // И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества. М., 2021. С. 881–882.

заглавных и строчных буквах в заглавии очерка «Город Царя Царей» решен в диссертации по аналогии<sup>1</sup>. Вариант заглавия «Город царя царей» приводится только в случае цитирования работ предшественников, советских и постсоветских изданий.

### 1.1. Жанровые особенности книги «Храма Солнца»

Вопрос о жанре возник почти сразу после первой публикации «Храма Солнца»<sup>2</sup> в СССР — в составе 9-томного собрания сочинений под заглавием «Тень птицы» (1965 г.). Уже в начале 1970-х гг. звучали разные жанровые определения «Храма Солнца». Э.А. Полоцкая высказывала следующее мнение: «Путевые очерки “Тень птицы” <...> не являются циклом, в том значении, которое сложилось в нашем литературоведении <...> мешает конкретность, обособленность тематики произведений, объединенных общим заглавием»<sup>3</sup>. Б.М. Данциг, наоборот, рассматривал текст Бунина как «цикл рассказов и очерков о Востоке, позже объединенных в сборнике “Тень птицы”»<sup>4</sup>. Д. Ричардс считал книгу Бунина прозаической поэмой<sup>5</sup>, другие англоязычные исследователи предпочитали определять «Храм Солнца» как сборник путевых поэм<sup>6</sup>.

Итог советской исследовательской работы над «Храмом Солнца» подведен в статье Л.В. Крутиковой. Исследовательница дает бунинскому «циклу» такую характеристику: «Поиски ответов на вечные и всечеловеческие вопросы о смысле бытия, о назначении человека, о взаимосвязи и взаимозависимости всего сущего, о смысле истории, о причинах расцвета и гибели цивилизаций, размышления о

<sup>1</sup> Так в *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Произведения 1914–1931. М.: Худ. лит., 1988. 703 с. Такое же заглавие во всех советских и постсоветских изданиях. См.: Приложение 3.

<sup>2</sup> Выводы главы апробированы в статье: *Щавлинский М. С.* Библиография рецензий и научных работ о книге И.А. Бунина «Храм Солнца / Тень Птицы» // *И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества.* М.: 2021. С. 968–1001.

<sup>3</sup> *Полоцкая Э.А.* Взаимопроникновение поэзии и прозы у раннего Бунина // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка.* Т. XXIX. Вып. 5. М., 1970. С. 418.

<sup>4</sup> *Данциг Б.М.* Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). М.: Наука, 1973. С. 374.

<sup>5</sup> *Richards D.J.* Comprehending the Beauty of World: Bunin's Philosophy of Travel // *The slavonic and east european rev.* 1974. Vol. 52, № 129. P. 517.

<sup>6</sup> *Dearman V.* The Reality of Time, History and Life in the Prose of Ivan Bunin. Submitted for the Degree of Doctor of Philosophy. Sheffield, The University of Sheffield. 1999. P. 82. Далее исследовательница продолжает: «Авторское обозначение жанра “Тени Птицы” как “путевых поэм” указывает на то, что перед нами одна из разновидностей жанра путевого очерка (хождения)» (P. 82.; пер. с англ. выполнен мной — М.Щ.).

верованиях и устремлениях народов к правде, добру и красоте и одновременно неистощимая жажда увидеть самому бесконечное разнообразие мира — все это питало воображение художника, его мысль и слово. Особенно влекли Бунина те страны и века, где сходились начала и концы, где коренились “истоки дней”, где сталкивались созидательная мощь духа и варварство, творчество и деспотизм»<sup>1</sup>.

Постсоветские исследователи С.В. Зеленцова<sup>2</sup>, А.В. Громов-Колли<sup>3</sup>, О.В. Жарикова<sup>4</sup>, Л.С. Кислова<sup>5</sup>, А.Л. Латухина<sup>6</sup> и др., наоборот, считали «Храм Солнца» (они называли произведение традиционно для советского и постсоветского литературоведения «Тень Птицы») — циклом и, рассматривая его жанровые особенности, отмечали историсофскую концепцию писателя, роль цитат, реминисценций и обращали внимание на нахождение нарратора сразу в двух мирах: вечном и настоящем. В первую очередь, выделяется диссертация А.Л. Латухиной<sup>7</sup>, которая целиком посвящена определению жанра «Храма Солнца». Она перечислила определения, которые давали жанру разные исследователи: «путевой очерк — <...> (А.Г. Бердникова<sup>8</sup>, В.А. Келдыш), “лирико-философские миниатюры”, близкие к стихотворениям в прозе (В.Я. Гречнев<sup>9</sup>), «культурологическое хождение» (Н.Б. Глушкова)» и сделала вывод, что «именно авторское определение жанра <«путевые поэмы»> оказалось наиболее точным»<sup>10</sup>. В качестве своеобразных черт книги она фиксировала историсофскую концепцию

<sup>1</sup> Крутикова Л.В. Проза Бунина 1907—1914 годов // Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. М., 1987. С. 593–594.

<sup>2</sup> Зеленцова С.В. Структурно-содержательные особенности «путевых поэм» «Тень птицы» И.А. Бунина // Россия Ивана Бунина и культура русского Подстепья. материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения И.А. Бунина (научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы). Елец, 2020. С. 41–46.

<sup>3</sup> Громов-Колли А.В. «Путевые поэмы» И.А. Бунина (проблематика, жанр, поэтика) // И.А. Бунин и русская литература XX века. М., 1995. С. 37–40.

<sup>4</sup> Жарикова О.В. О некоторых особенностях жанра путешествия в сборнике И. Бунина «Тень птицы» // Восточнославянская филология. Литературоведение. 2015. № 1 (25). С. 77–81.

<sup>5</sup> Kislova L.S., Ertner D.E. The Revival of the Genre: Key Trends in the Contemporary Travelogue Development // Филологический класс. 2019. № 3 (57). С. 127–133.

<sup>6</sup> Латухина А.Л. Цикл «путевых поэм» И.А. Бунина «Тень птицы»: проблема жанра: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Н. Новгород, 2004. 22 с.

<sup>7</sup> Там же. С. 4.

<sup>8</sup> Бердникова А.Г. «Тень птицы» И.А. Бунина: (К вопросу о поэтике бунинских очерков) // Традиции и новаторство русской литературы XX века: Сборник трудов. М.: МОПИ, 1973. С. 30–47.

<sup>9</sup> Гречнев В.Я. В мире лирико-философской прозы Бунина // Русский рассказ конца XIX – начала XX века: (Проблематика и поэтика жанра). Л.: Наука, 1979. С. 44–100.; Гречнев В.Я. Проза Ивана Бунина // Русская литература. 1970. № 4. С. 221–226.

<sup>10</sup> Латухина А.Л. Цикл «путевых поэм» И. А. Бунина «Тень птицы»: проблема жанра: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Н. Новгород, 2004. С. 3.

писателя, субъектную организацию «путевых поэм», жанрообразующую роль реминисценций и трехуровневый хронотоп (мифопоэтический, историко-культурный и хронотоп героя). Для А.Л. Латухиной «Храм Солнца» это «цикл, состоящий из 11 путевых поэм, объединенных не только общим сюжетом-путешествием, заглавием, но и разветвленной сетью реминисценций, архетипическими мотивами и образами, центральным из которых является образ Солнца»<sup>1</sup>.

На своеобразие бунинского травелога и узость классических жанровых определений для «Храма Солнца» указал Е.Р. Пономарев: «у Бунина не бывает традиционных жанров, все его жанры индивидуальны. <...> Для изучения поэтики такого рода нужна теория травелога — с динамической жанровой парадигмой, в которой прагматические небеллетристические жанры (дневник, отчет, рекламный проспект, путеводитель) взаимодействуют с жанрами беллетризованными (легендарным рассказом, паломничеством <...>, путевыми очерками, циклами очерков <...>, а также путеводителем, экскурсионным нарративом и даже символистским романом — из модернистской литературы). Метатекстовость травелога (реальное путешествие накладывается на литературное как одна из текстовых версий<sup>2</sup>) способствует сложности восприятия бунинского текста»<sup>3</sup>.

Тезисы А.Л. Латухиной о хронотопе разделяли и дополняли такие исследователи, как Д.В. Буняева<sup>4</sup>, Г.Г. Исаев<sup>5</sup>, Т.Н. Ковалева<sup>6</sup>, V. Daerman<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> Латухина А.Л. Цикл «путевых поэм» И. А. Бунина «Тень птицы»: проблема жанра: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Н. Новгород, 2004. С. 7–8.

<sup>2</sup> Возможность соотнести текст о путешествии с реальным путешествием, Е.Р. Пономарев считал одним из основополагающих признаков травелога: «Четко проведя границу между путешествием написанным и путешествием-поездкой, мы можем в дальнейшем воспринимать их как параллельные конструкты (полагая поездку как текст в семиотическом понимании)» (Пономарев Е.Р. Типология советского путешествия. 2013. С. 8).

<sup>3</sup> Пономарев Е.Р. «Храм Солнца» или «Тень Птицы»? Поэтика «путевых поэм» И.А. Бунина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 298–299.

<sup>4</sup> Буняева Д.В. Пространство культуры Востока в цикле «путевых поэм» И.А. Бунина «Тень птицы» // Университетские чтения — 2019. Материалы научно-методических чтений ПГУ. Пятигорск, 2019. С. 61–65.

<sup>5</sup> Исаев Г.Г. Художественный хронотоп цикла путевых поэм И. Бунина «Тень птицы» // Вопросы лингвистики и литературоведения. 2009. № 4(8). С. 63–73.

<sup>6</sup> Ковалева Т.Н. Библейский хронотоп в «путевых поэмах» И.А. Бунина «Тень птицы» // Проблемы исторической поэтики. 2015. № 13. С. 507–526.; Ковалева Т.Н. Библейский хронотоп в пространственно-временной структуре цикла И.А. Бунина «Тень птицы» (о некоторых итогах изучения цикла) // Метафизика И.А. Бунина. Межвузовский сборник научных трудов, к 100-летию Воронежского государственного университета. Воронеж, 2018. С. 82–94.

<sup>7</sup> Daerman V. The Reality of Time, History and Life in the Prose of Ivan Bunin. Submitted for the Degree of Doctor of Philosophy. Sheffield, The University of Sheffield. 1999. 263 p.

Значительная часть исследователей видела в «Храме Солнца» паломнический сюжет<sup>1</sup>. Интересно, что в данном случае исследователи продолжали или оспаривали интерпретацию, впервые обозначенную критиком П.М. Бицилли. Он считал, что, путешествуя по следам Христа, автор «Христа не нашел»<sup>2</sup>. Постсоветские исследователи считали книгу настоящей паломнической литературой<sup>3</sup>. И лишь некоторые из них соглашались с Бицилли. А.В. Громов-Колли полагал, что «христианская» тема в «Храме Солнца» является не ведущей, а фоновой. Бунин, по его мнению, верен общему пафосу путешествий Серебряного века, ностальгически искавших свою прародину — Золотой век<sup>4</sup>.

С исследователями, считавшими, что Бунин «Бога не нашел», не был согласен А.А. Пронин. Магистральный тезис его работы в полемике с П.М. Бицилли и А.В. Громовым-Колли можно проиллюстрировать следующей цитатой: «Есть в бунинской поэме и совершенно другой, “внутренний маршрут” путешествия по следам Христа, который, как нам кажется, позволяет ему найти эти следы и тем самым выйти за рамки традиции “горьких” поисков минувшего “золотого века” <...>. Бунин нашел Христа в дыхании живой природы, которую обожествлял всю свою жизнь, и не случайно в финале рассказа “Геннисарет”, венчающего весь цикл, сидя на овеваемом ветром берегу, он берет в руки книгу. Это Евангелие, “развернутое как раз на тех страницах, что говорят о море

<sup>1</sup> См. также: *Апанович Ф.* Путь к свету (О духовных исканиях в «Тени птицы» И.А. Бунина) // Феномен русской духовности: Словесность. История. Культура. Материалы международной конференции. Калининград, 2007. С. 102–112.; *Shagayeva Z.A.* Bunins Pilgrimage in countries of the east: traveling as a basis for the formation of religious and philosophical views of the writer // The First European International conference on collaboration in academic researches between Kazakhstan and European countries. Vienna, 2015. S. 32–37.

<sup>2</sup> *Бицилли П.М.* [Рецензия] // Современные записки. 1931. № 47 (сент.). С. 493–494. — Рец. на кн.: Бунин И. А. Тень Птицы. Париж, 1931.

<sup>3</sup> *Апанович Ф.* Путь к свету (О духовных исканиях в «Тени птицы» И.А. Бунина) // Феномен русской духовности: Словесность. История. Культура. Материалы международной конференции. Калининград, 2007. С. 102–112.; *Громов-Колли А.В.* «Путевые поэмы» И.А. Бунина (проблематика, жанр, поэтика) // И.А. Бунин и русская литература XX века. М.: Наследие, 1995. С. 37–40.; *Ползунова Ю.С.* «Тень птицы» И.А. Бунина как паломническое путешествие // Дергачевские чтения — 2018. Литература регионов в свете гео- и этнопоэтики: материалы XIII Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2019. С. 186–190.; *Shagayeva Z.A.* Bunins Pilgrimage in Countries of the East: Traveling as a Basis for the Formation of Religious and Philosophical Views of the Writer // The First European International Conference on Collaboration in Academic Researches between Kazakhstan and European Countries. Vienna, 2015. pp. 32–37.; *Пронин А.А.* Евангельский «след» в цикле путевых рассказов И.А. Бунина «Тень птицы» и поэма В.А. Жуковского «Агасфер» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: сб. ст. Петрозаводск, 2001. С. 459–464.

<sup>4</sup> *Громов-Колли А.В.* «Путевые поэмы» И.А. Бунина (проблематика, жанр, поэтика) // И.А. Бунин и русская литература XX века. М.: Наследие, 1995. С. 38. Любопытно, что один из рассказов стал самым настоящим паломническим текстом и вышел отдельным изданием в серии «Библиотека паломника»: *Бунин И.А.* Иудея. М.: Россия молодая, 1999. 14 с. — (Библиотека паломника).

Галилейском. Теперь оно предо мной”. Таким образом, путешествие по следам Христа завершено, тождество достигнуто»<sup>1</sup>.

Для «выхода» из узких хронологических рамок Серебряного века А.А. Пронин сравнивал произведение Бунина с поэмой В.А. Жуковского «Агасфер» и указывал на сходство концовок обоих произведений: «Очевидная переключка текстов, указывающая на следование Буниным иной традиции, нежели узко понимаемая интенция ностальгических путешествий “серебряного века”. В духе поэтической натурфилософии Бунин не нашел Христа в изменчивом мире людей и их трагической истории, но еще раз, вслед за Жуковским, открыл Спасителя в природе. Тем самым автор поэтической поэмы “Тень птицы” осуществил цель своего путешествия»<sup>2</sup>.

Многие исследователи обращались к «Храму Солнца» как к философскому тексту, изучали нравственную, космическую, антропологическую, религиозную и другие философские проблематики<sup>3</sup> книги: это М.З. Дашдемиров<sup>4</sup>, А.Л. Латухина<sup>5</sup>, Н.М. Кучеровский<sup>6</sup>, Т.И. Подкорытова<sup>7</sup>, Г.Ю. Карпенко<sup>8</sup>, В.Л. Шарова<sup>9</sup>. Н.В. Пращерук<sup>10</sup> считала, что основной задачей Бунина видел переход из временного в вечное в «правильном» (вневременном) пространстве и что «“выход” из истории, драгоценное приобщение к бесконечности достигается усилиями памяти»<sup>11</sup>. В этом ей вторил В.М. Крапивин: «Для Бунина высший смысл всякого

<sup>1</sup> Пронин А.А. Евангельский «след» в цикле путевых рассказов И.А. Бунина «Тень птицы» и поэма В.А. Жуковского «Агасфер» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: сб. ст. Петрозаводск, 2001. С. 462, 464.

<sup>2</sup> Там же. С. 464.

<sup>3</sup> Философской — особенно широко понятой философской проблематики, где любая попытка абстрактного обобщения может быть равноправно принята за таковую — проблематики касаются очень многие исследователи, мы выделили в этом перечне наиболее предметные работы.

<sup>4</sup> Дашдемиров М.З. Философия нравственности в произведениях И.А. Бунина // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 59–61.

<sup>5</sup> Латухина А.Л. Цикл «путевых поэм» И. А. Бунина «Тень птицы»: проблема жанра: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Н. Новгород, 2004. 22 с.

<sup>6</sup> Кучеровский Н.М. Эстетическая сущность философских исканий И.А. Бунина (1906–1911) // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1969. № 6 (нояб. – дек.). С. 25–35.

<sup>7</sup> Подкорытова Т.И. Ближневосточный «палимпсест» культур в цикле И.А. Бунина «Тень птицы» // И.А. Бунин: русская и национальные литературы. Материалы международной практической конференции. Ереван, 2020. С. 297–309.

<sup>8</sup> Карпенко Г.Ю. Творчество И.А. Бунина и религиозно-философская культура рубежа веков. Самара: Изд-во Сам. гуманитар. акад., 1998. 113 с.

<sup>9</sup> Шарова В.Л. Философское осмысление пространства в прозе И.А. Бунина // Философские науки. 2020. Т. 63. № 6. С. 133–145.

<sup>10</sup> Пращерук Н.В. Художественный мир прозы И.А. Бунина: язык пространства. Екатеринбург, 1999. С. 6–83.

<sup>11</sup> Там же. С. 16. Схожие позиции находим и в англоязычных исследованиях: «Литературная трактовка и интерпретация времени в произведении “Тень Птицы” позволили Бунину снять установившуюся жанровой

странствия — освобождение от времени и пут индивидуальности, выход в родовое, до-личное, бессмертное»<sup>1</sup>.

«Храм Солнца» пронизан библейскими цитатами, аллюзиями, реминисценциями отчего многие ученые интерпретировали «Храм Солнца» как паломнический травелог. Е.Р. Пономарев полагает, что понимание бунинского текста исключительно как паломнического сильно упрощает интерпретационную модель. Исследователь пишет, что для книги Бунина «два композиционных центра и два заглавия <...> совершенно необходимы. Они соответствуют феноменальному и ноуменальному в мифопоэтике Серебряного века. С одной стороны, путешественник движется в глубь мифологизированной истории Средиземноморской цивилизации <...>. С другой стороны, путешественник совершает паломничество по христианским святыням <...>. Паломнический нарратив и туристический нарратив, органически соединяясь, выстраивают этот двуединый травелог»<sup>2</sup>.

Интертекстуальность интересовала многих ученых: С.Л. Андрееву<sup>3</sup>, А.Л. Латухину<sup>4</sup>, Т.Н. Ковалеву<sup>5</sup>. Диссертация С.Л. Андреевой с этой точки зрения заслуживает особенного внимания. Согласно ее списку лексических единиц, отсылающих к тексту Библии, «в “Тени птицы” 234 употребления с 639 маркирующими элементами»<sup>6</sup> (полный анализ выполненной работы исследовательница представила в Приложении к диссертации)<sup>7</sup>. С.Л. Андреева

---

традицией оппозицию между вечностью и временем. В его художественном мышлении эти категории становятся важными критериями “человеческого сознания”, основанного на идее о том, что жизнь человека осуществляется только в ходе исторического времени» (*Dearman V. The Reality of Time, History and Life in the Prose of Ivan Bunin*. Sheffield, 1999. P. 87.; пер с англ. выполнен мной — М.Щ.).

<sup>1</sup> *Крапивин В.* Между Синаем и Цейлоном. Восток в прозе Ивана Бунина // Литературная учеба: литературно-филологический журнал. 2000. № 5/6. С. 147.

<sup>2</sup> *Пономарев Е.Р.* «Храм Солнца» или «Тень Птицы»? Поэтика «путевых поэм» И.А. Бунина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 303.

<sup>3</sup> *Андреева С.Л.* Библейские реминисценции как фактор текстообразования (на материале произведений И.А. Бунина «Тень птицы», «Окаянные дни», «Миссия русской эмиграции»): дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 242 с.

<sup>4</sup> *Латухина А.Л.* Цикл «путевых поэм» И.А. Бунина «Тень птицы»: проблема жанра: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Н. Новгород, 2004. 22 с.

<sup>5</sup> *Ковалева Т.Н.* Библейский хронотоп в «путевых поэмах» И.А. Бунина «Тень птицы» // Проблемы исторической поэтики. 2015. № 13. С. 507–526. ; *Ковалева Т.Н.* Библейские и коранические сюжеты в интерпретации И. Бунина как поиск вечных объединяющих начал // Научные исследования в сфере гуманитарных наук: открытия XXI века: Материалы V Международной научно-практической конференции. Пятигорск, 2017. С. 53–57.

<sup>6</sup> *Андреева С.Л.* Библейские реминисценции как фактор текстообразования (на материале произведений И.А. Бунина «Тень птицы», «Окаянные дни», «Миссия русской эмиграции»): дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. С. 2.

<sup>7</sup> Там же. С. 181–224.

определяла «Храм Солнца» как цикл очерков и называла «описанием, выполненным с фотографической точностью и способное служить путеводителем по святым местам. Это и раздумья о мире, его истории; это и религиозно-философские искания с острым чувством сопричастности к жизни всего человечества, с устремленностью писателя “познать тоску всех стран и всех времен”<sup>1</sup> <...>. Скорее всего, поэтому Бунин назвал записи своих впечатлений “путевыми поэмами”, а не “путевыми очерками”»<sup>2</sup>.

Проблема ориентализма становится отдельной темой для исследователей «Тени Птицы», об этом пишут К.В. Анисимов<sup>3</sup>, Г.В. Килганова<sup>4</sup>, С.Л. Гольдин<sup>5</sup>, Т. Гроб<sup>6</sup>, Л.И. Лишова<sup>7</sup>, Л.С. Кислова<sup>8</sup>, З.А. Шагаева<sup>9</sup>, М.Л. Мирза-Авакян<sup>10</sup>, Т.Н. Голицына<sup>11</sup>. В целом, исследователи склонны считать, что текст Бунина антиколониален и что Восток интересует Бунина как историко-культурное пространство. Именно это и привлекает исследователей, так как текст Бунина не типичен и не строится на известной ориенталистской бинарности: (правильный, сильный, культурный) Я и (слабый, некультурный, варварский) Другой.

Таким образом, мы видим, что вопрос жанра является важным и весьма сложным. Исследователи высказывали разные соображения на этот счет и предлагали разнообразные, порой неожиданные, жанровые определения. «Храм

<sup>1</sup> Цитата из стихотворения Бунина «Собака» (1909). См.: Бунин И.А. Стихотворения В 2 т. Т. 2. СПб., 2013. С. 71.

<sup>2</sup> Андреева С.Л. Библиейские реминисценции как фактор текстообразования (на материале произведений И.А. Бунина «Тень птицы», «Окаянные дни», «Миссия русской эмиграции»). М., 1998. С. 102.

<sup>3</sup> Анисимов К.В. «Итинерарий жизни». Восточные травелоги И.А. Бунина: специфика авторского сознания и нарратива // Россия — Италия — Германия: литература путешествий: коллектив. моногр. Томск, 2013. С. 466–484.

<sup>4</sup> Килганова Г.В. Ориентализм в прозе И.А. Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 17 с.

<sup>5</sup> Гольдин С.Л. Антиколониаторская тема в творчестве И.А. Бунина // Ученые записки Орехово-Зуевского пед. ин-та. Орехово-Зуево, 1964. Т. 21. Кафедра русской и зарубежной литературы. Вып. 4. С. 3–20.

<sup>6</sup> Grob T. Nachwort / Der Sonnentempel: literarische Reisebilder, 1897–1924. Zürich, 2008. S. 381–392.

<sup>7</sup> Лишова Н.И. Ориентализм в творчестве писателей серебряного века (на материале произведений И.А. Бунина и М.М. Пришвина) // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2015. № 1 (18). С. 30–33.

<sup>8</sup> Kislova L.S., Ertner D.E. The Revival of the Genre: Key Trends in the Contemporary Travelogue Development // Филологический класс. 2019. № 3 (57). С. 127–133.

<sup>9</sup> Shagayeva Z.A. Bunin's Pilgrimage in countries of the east: traveling as a basis for the formation of religious and philosophical views of the writer // The First European International conference on collaboration in academic researches between Kazakhstan and European countries. Vienna, 2015. S. 32–37.

<sup>10</sup> Мирза-Авакян М.Л. Работа И.А. Бунина над темой Востока // Творчество писателя и литературный процесс: межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1981. С. 216–227.

<sup>11</sup> Голицына Т.Н. Текстовые особенности ориентальных рассказов И.А. Бунина // И.А. Бунин и русская культура XIX–XX веков. Тезисы международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения писателя. Воронеж, 1995. С. 82–83.

Солнца» понимали как «путевые очерки», «путевую поэму», сборник<sup>1</sup>, цикл<sup>2</sup> или книгу<sup>3</sup>. Единство замысла, единство композиции<sup>4</sup> и отдельные, предпринятые Буниным публикации «Храма Солнца» и «Тени Птицы» (1917, 1931)<sup>5</sup> как отдельных книг, убеждают нас в том, что «Храм Солнца» — книга. Перед нами цельное произведение, объединенное одним нарративом путешествия, общим повествователем и единым комплексом идейно-художественных установок. На основе этих соображений, а также разделяя точку зрения Е.Р. Пономарева<sup>6</sup>, в нашей работе мы называем «Храм Солнца» — книгой.

Следует определиться и с жанровой характеристикой текстов, составляющих книгу: очерк или рассказ? Сам Бунин часто в письмах именуется свои произведения «рассказами»<sup>7</sup>, советские исследователи часто использовали оба термина как равнозначные<sup>8</sup>. Согласно современной литературоведческой традиции определять травелоги как путевые очерки<sup>9</sup>, мы везде называем произведения из «Храма Солнца» очерками<sup>10</sup>, и пользуемся бунинским наименованием, который определил очерки при публикации в подзаголовке как «путевые поэмы»<sup>11</sup>. Для нас «Храм Солнца» — книга, состоящая из очерков. Стихи, включенные в издание 1917 г. мы не рассматриваем<sup>12</sup>.

<sup>1</sup> См.: *Жарикова О.В.* О некоторых особенностях жанра путешествия в сборнике И. Бунина «Тень птицы» // Восточнославянская филология. Литературоведение. 2015. № 1 (25). С. 77–81.

<sup>2</sup> *Латухина А.Л.* Цикл «путевых поэм» И.А. Бунина «Тень птицы»: проблема жанра: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Н. Новгород, 2004. 22 с.; *Ковалева Т.Н.* Библиейский хроногон в пространственно-временной структуре цикла И.А. Бунина «Тень птицы» (о некоторых итогах изучения цикла) // Мегафизика И.А. Бунина. Межвузовский сборник научных трудов, к 100-летию Воронежского государственного университета. Воронеж, 2018. С. 82–94.

<sup>3</sup> *Молчанова Н.А.* Путевые книги И.А. Бунина и К.Д. Бальмонта: «Тень птицы» и «Край Осириса» // И.А. Бунин в диалоге эпох. Воронеж, 2002. С. 55–61.; *Кознова Н.Н.* Жанрово-композиционные особенности книги И. А. Бунина «Тень птицы» // Творческое наследие И. Бунина на рубеже тысячелетий: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию вручения Нобелевской премии и 50-летию со дня смерти писателя. Елец, 2004. С. 111–115.

<sup>4</sup> *Пономарев Е.Р.* «Храм Солнца» или «Тень Птицы»? Поэтика «путевых поэм» И.А. Бунина. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 318.

<sup>5</sup> Сюда же стоит добавить два несостоявшихся проекта издания книги: 1921 г. (об этом подробнее ниже) и 1953 г. (проект не был реализован из-за смерти писателя).

<sup>6</sup> *Пономарев Е.Р.* «Храм Солнца» или «Тень Птицы»? Поэтика «путевых поэм» И.А. Бунина. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 298.

<sup>7</sup> *Бунин И.А.* Письма 1905–1919 годов. М. 2007. С. 93.

<sup>8</sup> *Данциг Б.М.* Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). М.: Наука, 1973. С. 374.

<sup>9</sup> *Гуминский В.М.* Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 605 с.

<sup>10</sup> Такого же мнения, по умолчанию, большинство литературоведов, исследовавших «Храм Солнца».

<sup>11</sup> *Бунин И.А.* Храм солнца // *Бунин И.А.* Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 100.

<sup>12</sup> Подробное исследование о стихах Бунина, в частности о «восточных» стихах См.: *Двинятина Т.М.* Поэзия Бунина. 2015. С. 88–110.; *Двинятина Т.М.* Поэзия и проза в книге И.А. Бунина «Храм Солнца» // Русская литература. 2022. № 4. С. 185–197.

Как видим, «Храм Солнца» — травелог, сочетающий в себе множества жанровых элементов, что и вызывает основную сложность в жанровом определении текста. Мы, вслед за Е.Р. Пономаревым, подходим к тексту через теорию травелога, что позволяет рассматривать нам «Храм Солнца» посредством особенности его метатекстуальной поэтики и сопоставить, казалось бы, несочетаемые жанры в пространстве одного текста.<sup>1</sup> Во второй главе диссертации, где мы сосредоточены на сравнении «Храма Солнца» с художественными текстами, путеводителями, отчетами об археологических командировках и научно-историческими трудами, — именно такой подход к пониманию жанровых особенностей бунинского текста приносит результат.

## 1.2. История текста «Храма Солнца»

До недавнего времени история текста «Храма Солнца» содержала много белых пятен, но в последние годы, благодаря работе бунинской группы ИМЛИ РАН в рамках проекта «И.А. Бунин и Палестина»<sup>2</sup>, эта проблема была во многом решена. На данный момент исследователи хорошо представляют историю книги «Храм Солнца» (см.: Приложение 3). Точное понимание обстоятельств и времени публикации того или иного очерка позволяет нам лучше ориентироваться в издательской истории «Храма Солнца», а также позволяет нам вернее определять, как круг чтения (см. параграф 2.2) мог повлиять на генезис того или иного очерка.

После путешествия 1907 г. Бунин начал работу над очерками<sup>3</sup>. Они печатались и перепечатывались отдельно в газетах, журналах и сборниках с 1908 г.

<sup>1</sup> Пономарев Е.Р. «Храм Солнца» или «Тень Птицы»? Поэтика «путевых поэм» И.А. Бунина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 298–299.

<sup>2</sup> Грант РФФИ, научный проект № 20-012-41004 «И.А. Бунин и Палестина». Участники: Е.Р. Пономарев, Т.М. Двинятина, К.В. Анисимов, М.С. Щавлинский. В рамках гранта подготовлена коллективная монография «И.А. Бунин и Палестина», а также научное издание «Храма Солнца» И.А. Бунина. Обе книги в процессе подготовки к публикации. Выводы, представленные в параграфе апробированы: Щавлинский М.С. «Тень Птицы» И.А. Бунина: маршруты путешествий, текстология, круг чтения. Исследования к будущему научному изданию // Творчество И. Бунина, А. Куприна, А. Чехова в контексте развития русской литературы конца XIX – начала XX века. Материалы всероссийской межвузовской научно-практической конференции. М.: МСК, 2020. С. 213–230.; Щавлинский М.С. История публикации книги И.А. Бунина «Храм Солнца» // Сб. науч. ст. по результатам международной научной конференции «Бунинские чтения» (20–21 октября 2022 г.). Елец: ЕГУ, 2022. С. 106–113.

<sup>3</sup> Бунин в письмах называет очерки — рассказами, как и критика. Только «Пустыня дьявола» опубликована с подзаголовком «очерк». Все же, придерживаясь традиционного жанрового определения текстов о путешествии — путевой очерк, мы в этом параграфе (и во всей диссертации) везде используем именно этот термин.

по 1912 г. В 1915 г. и 1917 г. очерки были опубликованы в полном составе. В эмиграции история повторилась: сначала в 1920–1930-е гг. отдельные очерки в новой редакции были напечатаны в эмигрантской периодике, затем вышли издания 1931 г. и 1936 г. Таким образом, в нашей работе мы делим «Храм Солнца» на два корпуса текстов: опубликованные в России (1908–1917) и опубликованные в эмиграции (1925–1936).

В декабре 1907 г. была закончена работа над первыми очерками: «Тень Птицы», «Море богов», «Зодиакальный свет»<sup>1</sup>. В это же время шла работа над очерком «Иудея».<sup>2</sup> В.Н. Бунина<sup>3</sup> вспоминала: «Вернувшись домой, сидели в кабинете Яна, он чаще всего читал вслух новый рассказ или критику из полученной новой книги журнала, а иногда что-нибудь из любимых авторов. Он писал “Иудею”, просматривал “Море богов”, “Зодиакальный свет”»<sup>4</sup>.

В 1908 г. были опубликованы 3 первых очерка: «Тень птицы»<sup>5</sup>, «Море богов»<sup>6</sup> и «Зодиакальный свет»<sup>7</sup>. Видимо, уже в это время Бунин задумывается о будущей книге. Во-первых, в письме к К.П. Пятницкому 30 октября 1908 г. Бунин писал: «еще дам 2 листа — рассказ из цикла “Храм Солнца”, к<ото>рый будет напечатан, как мы условились, в декабре в сборнике 25-м и пойдет в моей книге последним»<sup>8</sup>. Примерно в это же время в газетах появляется объявление о том, что Бунин работает над книгой «Храм Солнца». Будущая публикация очерка «Храм

<sup>1</sup> Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 712. Авторская дата: 1907 г. Очерк «Дельта» в дореволюционных изданиях отдельно никогда не публиковался, но сразу был включен в состав очерка «Зодиакальный свет». Только в эмиграции он стал самостоятельным текстом.

<sup>2</sup> Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 712.

<sup>3</sup> Во избежание путаницы оговоримся: в тексте диссертации мы называем Веру Николаевну по фамилии мужа — Буниной. При цитировании ее произведений мы указываем ту фамилию, которой она подписывалась. Как правило это: Муромцева-Бунина. Однако есть случаи, когда Вера Николаевна публиковалась как: Муромцева, Бунина, Бунина-Муромцева.

<sup>4</sup> Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 464.

<sup>5</sup> Бунин И.А. Тень птицы // Земля: Сб. 1. (январь). М., 1908. С. 229–272. Авторская дата: 1907 г. Альманах опубликован 30 января 1908 г. (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 718). Здесь и далее мы приводим заглавия в том виде, как они даны при публикации, соблюдаем выбор прописных и строчных букв, сделанный Буниным при публикации. В письме П.А. Нилусу от 20 февраля 1908 г. Бунин писал: о «Тени Птицы»: «это — *путевая* поэма! Начало ее!» (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 723; см. Приложение 2). Такой же заголовок встречаю в первом полном издании книги «Храм Солнца» в 1915 г. Вероятно, уже в начале 1908 г. И.А. Бунин задумывал очерки как единое целое.

<sup>6</sup> Бунин И.А. Море богов // Северное сияние. СПб., 1908. № 1. (ноябрь). С. 31–46. Авторская дата: 1907 г. Данный номер журнала вышел 1 ноября 1908 г. (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 765).

<sup>7</sup> Бунин И.А. Зодиакальный свет // Слово: литературно-художественные сборники. Книга первая. М., 1908. С. 13–39. Авторская дата: 1907 г. Сборник вышел в свет в декабре 1908 г. (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 776).

<sup>8</sup> Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. М., 2007. С. 89.

Солнца» анонсируется в «Русских ведомостях» (1908. 21 дек. (№ 296) С. 3), в газете печатается объявление об открытии подписки на журнал «Современный мир» на 1909 г., в котором сообщается: «в 1909 г. будут напечатаны: <...> из книги “Храм Солнца” — рассказ Ив. Бунина»<sup>1</sup>.

Уже в 1909 г. Бунин предпринимает первую попытку «объединения» очерков. Так, в 5 томе собрания сочинений (в 6 т.) Бунина<sup>2</sup> (изд. «Знание»<sup>3</sup>) друг за другом публикуются 2 очерка: «Тень птицы» и «Зодиакальный свет». В этом издании Бунин объединяет в один текст очерки «Море богов» (1–5 гл.) и «Зодиакальный свет» (6–11 гл.) и публикует под заглавием «Зодиакальный свет», также из первоначального варианта очерка исчезает последняя глава (позднее она не будет восстановлена)<sup>4</sup>. 24 января 1909 г. он пишет сотруднику издательства «Знание» С.П. Боголюбову (1858–1927): «Очень напуган: вместе с пакетиком с этими листками, надписанными Вашей рукой, получил бандероль, надписанную чьей-то рукой из Конторы, — и в ней листки, кои были у меня еще в декабре в неисправленном виде, когда еще “Море богов” и “Зодиакальный свет” не были соединены в один “Зодиакальный свет”. Это пронзило меня мыслью о всевозможных путаницах. Заклинаю Вас — пришлите мне все отпечатанные листы»<sup>5</sup>.

В 1909 г. Бунин пишет новые очерки: «Пустыня дьявола»<sup>6</sup>, «Храм солнца»<sup>7</sup>, в этом же году начата работа над очерком «Мертвое море»<sup>8</sup>. В 1910 г. опубликована «Иудея»<sup>9</sup>. Работа над этим очерком велась долго. Как указывала В.Н. Бунина в

<sup>1</sup> Цит. по: *Летопись жизни и творчества И.А. Бунина*. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 775–776. Также в письме от 20 ноября 1908 г. Бунин, подразумевая очерк «Храм Солнца», писал П.А. Нилусу: «приехал в деревню с обязательством хоть умереть, а написать рассказ к началу декабря» (*Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов*. М., 2007. С. 91).

<sup>2</sup> *Бунин И.А. Тень птицы; Зодиакальный свет*. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. СПб.: Знание, 1909. С. 129–233. Том опубликован 2 марта 1909 г. (*Летопись жизни и творчества И.А. Бунина*. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 790).

<sup>3</sup> С издательством «Знание» Бунин сотрудничал с 1902 по 1909 гг. В 1910 г. очередной том собрания сочинений Бунина был опубликован издательством «Общественная польза».

<sup>4</sup> *Бунин И.А. Зодиакальный свет* // *Слово: литературно-художественные сборники*. Книга первая. М., 1908. С. 38–39. В этой первой публикации 7 глав, в дальнейших переизданиях — 6 глав. Анализ этой главы см. в параграфе 2.3.4.

<sup>5</sup> *Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов*. М., 2007. С. 103.

<sup>6</sup> *Бунин И.А. Пустыня дьявола* // *Русское слово*. 1909. 25 дек. (№ 296). С. 3. Авторская дата: 1909 г. Опубликован с подзаголовком «очерк».

<sup>7</sup> *Бунин И.А. Храм солнца* // *Современный мир*. 1909. № 12. С. 33–42. Авторская дата: 1909 г. Журнал вышел в декабре 1909 г. (*Летопись жизни и творчества И.А. Бунина*. Т. 1. 1870–1909. М. 2011. С. 790).

<sup>8</sup> *Летопись жизни и творчества И.А. Бунина*. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 859.

<sup>9</sup> *Бунин И.А. Иудея* // *Друкарь Лит. сб.* под ред. Н.Д. Телешова. М.: Вспомог. касса типографов, 1910. С. 41–69. Авторская дата: 1909 г. Сборник опубликован до 23 декабря 1909 г. (*Летопись жизни и творчества И.А. Бунина*. Т.

приведенной выше цитате — «писал Иудею»<sup>1</sup> Бунин с конца 1907 г. Уточнить эту дату позволяет письмо Бунина Н.Д. Телешову от 1 августа 1909 г. Обсуждая состав будущего сборника «Друкаръ», где и будет опубликована «Иудея», Бунин писал: «если бы <...> я и дал тебе <очерк> о Палестине, то это было бы уж не так и плохо. Это последний мой рассказ о поездке, я придаю ему довольно большое значение, пишу его давно, отношусь к нему так серьезно, что не печатаю его уже года полтора»<sup>2</sup>. Очерк был завершён не позднее конца августа 1909 г.<sup>3</sup> Потом последние главы «Иудеи» стали самостоятельными очерками: «Камень» и «Шеол». Хотя, судя по письмам, «Камень» ещё в 1908–1909 гг. задумывался и писался как самостоятельный «рассказ», который Бунин при первой публикации «Иудеи» включил в «рассказ» как главу. «Рассказ отделаю под лак и политуру <...> называться он будет “Камень” <...> кажется, недурно и интересно вышло» (письмо от 11 декабря 1908 г. К.П. Пятницкому (1864–1938))<sup>4</sup>; «Я целый день сижу в номере — переписываю и подчищаю “Камень”» (письмо от 4 октября 1909 г. Н.Д. Телешову (1867–1957))<sup>5</sup>.

В 1910 г. впервые объединяются очерки «Иудея», «Пустыня дьявола» и «Храм Солнца»<sup>6</sup>. В 1911 г. Бунин публикует очерк «Мертвое море»<sup>7</sup>, позднее очерк будет публиковаться под заглавием «Страна содомская». 9 декабря 1911 г. Бунин

1. 1870–1909. М., 2011. С. 857). Сохранилась третья корректура «Иудеи» (ОР РГБ. Ф. 429. I. № 7. 29 л.) На первом листе рукой Бунина написано: «Исправить и дать Н.Д. Телешову для подписи у печати. Ив. Бунин. 30 ноября 1907». (Л. 1). В корректуре Бунин не предложил никаких серьезных изменений, только указал на опечатки. Автор благодарит С.Н. Морозова за предоставление этого документа.

<sup>1</sup> *Муромцева-Бунина В.Н.* Беседы с памятью. М., 2019. С. 464.

<sup>2</sup> *Бунин И.А.* Письма 1905–1919 годов. М., 2007. С. 122.

<sup>3</sup> *Летопись жизни и творчества И.А. Бунина.* Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 821.

<sup>4</sup> *Бунин И.А.* Письма 1905–1919 годов. М., 2007. С. 93.

<sup>5</sup> Там же. С. 129.

<sup>6</sup> *Бунин И.А.* Иудея, Пустыня дьявола, Храм Солнца. // *Бунин И.А.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. СПб.: Общественная польза, 1910. С. 117–192. Том опубликован 1...8 июня 1910 г. (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2. 1910–1919. М., 2017. С. 42–43). В январе-феврале 1910 г. Бунин в переписке с директором-распорядителем книгоиздательства «Общественная польза» П.Е. Кулаковым обсуждал возможную публикацию отдельной иллюстрированной книги под заглавием «Храм Солнца». В письме от 8 января 1910 г. П.Е. Кулаков от лица издательства писал Бунину: «Правление Т-ва нашло возможным уплатить Вам гонорар за эту книгу в размере 840 р. <...> Покорнейше прошу, в случае Вашего согласия, прислать остальные статьи, а также обещанные рисунки» (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2. 1910–1919. М., 2017. С. 8–9). С.Н. Морозов по поводу планов Бунина на этот том пишет: «Первоначально Бунин предполагал выпустить иллюстрированную книгу под заглавием “Храм солнца”, в которую должны были войти рассказы из цикла “Храм солнца” и стихотворения. Позднее он отказался от этого проекта и составил другую книгу: шестой том сочинений “Стихотворения 1907–1909 гг. Рассказы”» (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2. 1910–1919. М., 2017. С. 9). Таким образом, уже к январю 1910 г. (если не раньше) у Бунина было четкое представление о том, что «Храм Солнца» — это единая книга. Вероятно, издание 1917 г. напоминает идейный замысел 1910 г.

<sup>7</sup> *Бунин И.А.* Мертвое море // *Русское слово.* 1911. 10 июля (№ 158). С. 3. Авторская дата: 1909 г.

написал «Геннисарет» (последний очерк из дореволюционного периода), чуть больше, чем через год — 25 декабря 1912 г. очерк был опубликован<sup>1</sup>. С 1912 по 1914 гг. Бунин в разных составах<sup>2</sup> и отдельно<sup>3</sup> перепечатывает очерки.

Впервые очерки были опубликованы как единое целое под названием одного из очерков «Храм солнца» в 1915 г. в составе 4-го тома Полного собрания сочинений И.А. Бунина в издательстве А.Ф. Маркса. В том вошли очерки: «Тень птицы», «Море богов», «Зодиакальный свет», «Иудея», «Пустыня дьявола», «Мертвое море», «Храм солнца» и «Геннисарет»<sup>4</sup>.

В 1917 г. выходит книга «Храм солнца» с 18 рисунками в тексте; сборник дополняется «восточными» стихами: «Храм солнца», «Каин», «Стамбул», «Скутари», «Айя-София», «В Архипелаге», «Египет», «Александр в Египте», «Могила в скале», «Иерусалим», «Долина Иосафата», «Караван», «Иерихон», «Бедуин», «Под Хевроном», «Гробница Рахили», «Источник звезды (Сирийский апокриф)», «Гермон» и «Мать». Сначала расположены стихотворения, затем очерки в той же последовательности, что в издании 1915 г.<sup>5</sup> Первые два стихотворения посвящены Баальбеку; затем идут три стихотворения о Стамбуле; отдельное стихотворение об Архипелаге, который Бунин видел по пути из Константинополя в Пирей и обратно; три стихотворения о Египте и десять стихов о Палестине.

Книга 1917 г. имеет издательскую предысторию. В декабре 1913 г. В.Д. Бонч-Бруевич (1873–1955), возглавлявший издательство «Жизнь и знание»,

<sup>1</sup> Бунин И.А. Геннисарет // Русское слово (Москва). 1912. 25 дек. (№ 297). С. 4. Авторская дата: «Капри.9.XII.1911 г.».

<sup>2</sup> Бунин И.А. Иудея, Пустыня дьявола, Мертвое море, Храм Солнца // Бунин И.А. Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг. 2-е изд., доп. М.: Московское книгоиздательство, 1912. С. 47–162. Том опубликован 25...30 апреля 1912 г. (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2. 1910–1919. М., 2017. С. 197). Бунин И.А. Тень птицы, Зодиакальный свет // Бунин И.А. Золотое дно: Рассказы 1903–1907 гг. 2-е изд. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. С. 138–196. Книга опубликована до 9 февраля 1914 г. (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2. 1910–1919. М., 2017. С. 541). «Зодиакальный свет» перепечатан также, как и в 1909 г.: «Море богов» (1–5 гл.) и «Зодиакальный свет» (6–11 гл.) объединены в один очерк под заглавием «Зодиакальный свет». Начиная с издания 1915 г. очерки будут разделены в указанных границах и будут публиковаться отдельно.

<sup>3</sup> Бунин И.А. Геннисарет // Бунин И.А. Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 гг. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1913. С. 14–28. Книга опубликована до 2 октября 1913 г. (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2. 1910–1919. М., 2017. С. 479).

<sup>4</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. Рассказы 1903–1911 гг. Пг.: Изд. Т-ва А.Ф. Маркс, 1915. С. 100–220. Книга опубликована 15 августа 1915 г. (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2. 1910–1919. М., 2017. С. 681).

<sup>5</sup> Бунин И.А. Храм солнца. Пг., 1917. 174 с. Книга опубликована 21...28 апреля 1917 г. (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2. 1910–1919. М., 2017. С. 853).

предложил Бунину издать «Храм Солнца» как книгу для юношества. После переговоров об условиях, правах владения и гонораре, Бонч-Бруевич и Бунин начали работу<sup>1</sup>. 9 января 1914 г. Бунин послал иллюстрации для будущей книги<sup>2</sup>. 14 января он просит прислать ему обратно весь материал, обещая быстро его просмотреть и отредактировать, а также просит прислать проект и условия от издательства<sup>3</sup>. 27 января Бунин отправил очередное письмо: «что же Вы не ответили на мое письмо? Отчего не прислали материал “Храма Солнца”? Ведь нужно мне его пересмотреть и распределить. Мой V т. (<...> “Золотое дно”) выходит 2-м изд. и “Тень птицы” и “Зодиак<альный> свет”, находящийся в нем, имеют порядочно поправок. С этого изд. и надо перепечатывать. Да и прочее я поправлю чуть-чуть»<sup>4</sup>. Бонч-Бруевич 3 февраля отвечал: «очень извиняюсь, что задержался высылкой текста, дней пять тому назад отправил»<sup>5</sup>. 20 февраля уже Бунин в письме попросил прощения за задержку и выслал материал обратно в издательство<sup>6</sup>. 8 мая Бунин, уже явно раздраженный издательским процессом, писал: «...небрежность Вашего издательства по отношению ко мне переходит все границы. Точно я в пропасть бросил книгу! Ни единой вести о ней, ни проекта условия, ни денег! Настойчиво прошу Вас немедленно сообщить мне, в каком положении находится эта злосчастная книга, выслать условие и перевести 300 рублей, срок платежа коих уже давно прошел»<sup>7</sup>.

Бонч-Бруевич 10 мая на это отвечал: «Крайне удивлен тоном и формой Вашего письма. Я не привык и не хочу привыкать к подобной переписке: ни сам не пишу никому столь грубых писем, ни получать их ни от кого не желаю. Что касается дела издания Ваших книг, то оно обстоит следующим образом: <...> Что касается “Храма солнца”, то как обещал, буду печатать летом, чтобы книжка вышла к осени. Вы обещали прислать еще картин, но так и не прислали, будут ли они

<sup>1</sup> Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. М. 2007. С. 297, 680. Срок владения книгой — 3 года. Также к изданию готовилась книга переводов: «Байрон. Манфред. Небо и Земля. Каин» (пер. И. Бунина. СПб., 1914).

<sup>2</sup> Там же. С. 298, 680.

<sup>3</sup> Там же. С. 298, 680.

<sup>4</sup> Там же. С. 300.

<sup>5</sup> Там же. С. 682.

<sup>6</sup> Там же. С. 301.

<sup>7</sup> Там же. С. 304.

присланы?»<sup>1</sup>. Бонч-Бруевич также отметил, что задержка вызвана забастовками в типографии. Бунин 15 мая парировал: «Вы ничуть не уверили меня, да, должно быть, и сами не верите, что сказать то, что я сказал, есть грубость. <...>. Так как, к сожалению, развязаться на этот раз мы уже не можем и книги не повинны в наших распрях, то прошу, если возможно, прислать мне корректуру»<sup>2</sup>.

Наконец получив корректуру, 27 мая Бунин отправляет ее обратно, а в письмах (27 и 28 мая)<sup>3</sup> продолжается обсуждение не только издательских вопросов, но и вопросов этики и норм поведения. 4 июля Бунин пишет: «... снова напоминаю Вам, что к<нигоиздательст>во “Жизнь и знание” <...> опять хранит молчание о том, когда оно приступит к набору “Храма солнца”, рукопись которого лежит у Вас уже почти 5 месяцев»<sup>4</sup>.

Каков был ответ и был ли он вообще — неизвестно. 3 декабря Бунин написал вновь, но уже напрямую в книгоиздательство «Жизнь и Знание»: «Прошу книгоиздательство немедленно и в точных выражениях ответить мне в каком положении находятся мои книги — переводы из Байрона и «Храм Солнца». Положение становится настолько исключительным, что я вынужден буду предпринять решительные шаги для того, чтобы распутать его»<sup>5</sup>.

Своеобразным ответом издательства стала публикация книги переводов мистерий Байрона к концу 1914 г. В 1915 г. Бунин продолжил переписку с Бонч-Бруевичем, 9 апреля он писал: «Многоуважаемый Владимир Дмитриевич, да побоится, наконец, Бога “Жизнь и знание”! Что же оно не скажет мне, будет оно печатать “Храм солнца” или нет? <...> Если печатает — *корректуру мне обязательно надо прислать* <...> ответьте хоть что-нибудь, но — определенно»<sup>6</sup>.

Ответ на это сообщение тоже неизвестен. Дальнейшую судьбу книги узнаем уже из бунинского письма от 1 августа 1916 г.: «Возвращаю Вам корректуру первых листов “Храма солнца”. Стихи сверстаны очень некрасиво <...>. Что до

<sup>1</sup> Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. М. 2007. С. 686.

<sup>2</sup> Там же. С. 304–305.

<sup>3</sup> Там же. С. 306–307, 687.

<sup>4</sup> Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. М. 2007. С. 309.

<sup>5</sup> Там же. С. 315.

<sup>6</sup> Там же. С. 327. Курсив Бунина.

прозаического текста, то в нем пришлось сделать много поправок, и это всецело Ваша вина: будучи осенью в Петербурге, я посылал племянника<sup>1</sup> к Вам в контору — сказать, что надо набирать с издания “Нивы”<sup>2</sup>. Путаница с корректурой продолжилась и дальше осенью.<sup>3</sup> В итоге, только в конце апреля 1917 г. книга была выпущена. На этом дореволюционная история издания «Храма Солнца» заканчивается.

В эмиграции Бунин запланировал переиздать «Храм Солнца». Согласно «Международному сводному каталогу»<sup>4</sup>, в 1921 г. планировалась публикация книги «Храм солнца»<sup>5</sup> отдельным изданием, однако издание не состоялось. В №№: 5, 6, 7–8, 9 в разделе «Реклама; объявления» есть реклама книгоиздательства «Русская Земля», повторяется содержание рекламы из номера в номер.

Само издательство, возглавляемое Т.И. Полнером (1864–1935) просуществовало всего два года: с 1920 по 1921 и выпустило 13 книг. «В “Русской земле” у Бунина вышла повесть “Деревня”, а также сборники рассказов: “Господин из Сан-Франциско” и “Чаша жизни”»<sup>6</sup>. В издании «Чаши жизни» (1921) также есть реклама планирующегося издания «Храма Солнца».

Тогда же Бунин, видимо, задумался о французском издании «Храма Солнца» и, вероятно, он хотел назвать эту книгу «Поля мертвых»: «В письме к издателю Боссару 21 июня 1921 года<sup>7</sup> он <Бунин> говорит о своих путешествиях: “...меня занимали вопросы философские, религиозные, нравственные, исторические”. Книгу о своих странствиях Бунин хотел назвать «Поля мертвых»<sup>8</sup>.

<sup>1</sup> Николай Алексеевич Пушешников (1882–1939) — литератор, переводчик, племянник И.А. Бунина.

<sup>2</sup> Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. М. 2007. С. 369.

<sup>3</sup> Там же. С. 372, 736.

<sup>4</sup> Международный сводный каталог русской книги (1918–1926). Т. 2. Бедринский-Бялыницкий / Ред. Е. К. Соколинский; Рос. нац. б-ка. СПб., 2003. С. 562.

<sup>5</sup> Бунин И.А. Храм солнца. Париж: Русская земля, [1921?].

<sup>6</sup> Аболина М.М. И.А. Бунин в книжной культуре русской эмиграции, 1920-е гг. // Вестник СПбГУКИ. 2015. № 4 (25) декабрь. С. 108.

<sup>7</sup> См.: И.А. Бунин. Избранные письма. Письмо к Боссару // И.А. Бунин: pro et contra. СПб., 2001. С. 30–33.; Бакунцев А.В., Морозов С.Н., Протопопова А.В. «Письмо к Боссару» (1921) И.А. Бунина: автограф и производные тексты // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 1: Памяти Олега Анатольевича Коростелева / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, М. Шруба, ред. М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 253–288.

<sup>8</sup> Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. Произведения 1907–1914. М., 1987. С. 655–656. Боссар издал на французском «Господина из Сан-Франциско», и в издании, в качестве предисловия приводится «Письмо к Боссару». См подробнее об этом предисловии: Деотто П. Иван Бунин: три автобиографических заметки // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 357–368.; Bounine I. Le Monsieur de San-Francisco / Traduit du russe par Maurice [Parijanine]; avec un portrait de l'auteur, par Bakst. Paris: Editions Bossard, 1922. pp. 7–12.

Этот образ (это заглавие) уже был представлен в «Храме Солнца», причем в двух очерках. В «Тени Птицы» и в «Иудее»: «Поля Мертвых — так хотел я назвать свою путевую поэму. Разве не Поля Мертвых — Баальбек и Пальмира, Вавилон и Ассирия, Иудея и Египет? Разве не сплошное Поле Мертвых и Константинополь? Его погосты — величайшие в мире — так и называются: Поля Мертвых. И сколько их, этих погостов!»<sup>1</sup>; «В Новом <Завете> она <Иудея> стала уже пустошью, той великой пустошью, засеянной костями, что могла сравниться с полем мертвых в страшном сне Иезекииля»<sup>2</sup>.

Позднее про поездку в Святую землю с Буниным Вера Николаевна вспоминала: «— И все это Поля Мертвых, — грустно говорит Ян. — И в этом запустении и умирании и есть бесконечная прелесть этой страны»<sup>3</sup>.

Бунин вернулся к очеркам из «Храма Солнца» в середине 1920-х — начале 1930-х гг. Писатель существенно исправил очерки и опубликовал их в периодике (некоторые под новыми заглавиями). В 1925 г. он создал еще один восточный очерк «Город царя царей»<sup>4</sup>, посвященный путешествию по Цейлону в 1911 г. В 1927 г. — Бунин переработал очерк «Геннисарет» и опубликовал его под заглавием «Христово озеро»<sup>5</sup>. В 1928–1929 гг. Бунин перепечатал очерки: «Пустыня дьявола»<sup>6</sup>, «Храм солнца»<sup>7</sup>, «Страна содомская»<sup>8</sup> (в конце очерка напечатан сонет «Скользят, текут огни зеленых мух...»), «Святая Земля»<sup>9</sup> (изначально 2–3 и 6 главы «Иудеи»), «Камень»<sup>10</sup> (изначально 4–5 главы «Иудеи»), «Свет Зодиака»<sup>11</sup> (ранее очерк назывался «Зодиакальный свет») и «Море богов»<sup>12</sup>.

В 1931 г. Бунин опубликовал книгу переработанных очерков отдельным изданием и дал ей заглавие «Тень птицы». В книгу, кроме вышеупомянутых

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 126–127.

<sup>2</sup> Там же. С. 176.

<sup>3</sup> Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 343.

<sup>4</sup> Бунин И.А. Город царя царей // Руль. Берлин, 1925. 22 февр. (№ 1284); 24 февр. (№ 1285). С. 2–3; С. 2–3.

<sup>5</sup> Бунин И.А. Христово озеро // Возрождение. 1927. 24 апр. (№ 691). С. 3.

<sup>6</sup> Бунин И.А. Пустыня дьявола // Последние новости. 1928. 10 мая (№ 2605). С. 2–3.

<sup>7</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Последние новости. 1928. 1 июля (№ 2657). С. 2–3.

<sup>8</sup> Бунин И.А. Страна содомская // Последние новости. 1928. 2 авг. (№ 2689). С. 2.

<sup>9</sup> Бунин И.А. Святая Земля // Последние новости. 1928. 25 дек. (№ 2834). С. 2–3.

<sup>10</sup> Бунин И.А. Камень // Последние новости. 1929. 31 марта (№ 2930). С. 2–3.

<sup>11</sup> Бунин И.А. Свет зодиака // Последние новости. 1929. 9 июня (№ 3000). С. 2–3.

<sup>12</sup> Бунин И.А. Море богов // Последние новости. 1929. 18 июля (№ 3070). С. 3.

очерков, включен очерк «Шеол» (изначально 6 глава «Иудеи»), а очерку «Христово озеро» возвращено заглавие «Геннисарет»<sup>1</sup>. В книгу был включен очерк «Город царя царей», завершивший книгу.

В 1932 г. появился и был отдельно напечатан новый очерк «Дельта»<sup>2</sup> — он состоит из изначальной (дореволюционной) концовки очерка «Моря богов» и прежнего (дореволюционного) начала очерка «Свет Зодиака».

Последняя прижизненная публикация книги «путевых поэм» состоялась в 1936 г. — в первом томе 11-ти томного Собрания сочинений (Берлин, изд. «Петрополис»). Бунин вернул заглавие «Храм Солнца» (так же озаглавлен сам том — в этом издании тома имели самостоятельные названия). Последовательность очерков такова: «Тень Птицы», «Море богов», «Дельта», «Свет Зодиака», «Иудея», «Камень», «Шеол», «Пустыня дьявола», «Страна содомская», «Храм Солнца» и «Геннисарет»<sup>3</sup>.

Последним авторским исправлением можно считать бунинскую правку 1953 г. для будущих изданий. Писатель зачеркнул заглавие «Храм Солнца» и написал «Тень Птицы» на личном экземпляре первого тома «Петрополиса», планируя возможную публикацию в издательстве им. А.П. Чехова, с которым он сотрудничал в 50-е гг. Но из-за смерти писателя в 1953 г. издание не состоялось<sup>4</sup>.

### 1.3. Текстология и поэтика: изменение тематической структуры текста

Текстологическая правка в полном объеме будет описана и представлена в научном издании книги И.А. Бунина «Храм Солнца»<sup>5</sup>. В данном параграфе

<sup>1</sup> Бунин И.А. Тень птицы. Париж. 1931. 207 с. Книга опубликована 22 апреля 1931 г. (*Двинятина Т.М.* Иван Бунин: Биографический пунктир: в 2 т. Т. 2. 1920–1953 / ИРЛИ РАН; Русский архив в Лидсе. СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Вита Нова, 2020. С. 169).

<sup>2</sup> Бунин И.А. Дельта // Последние новости. 1932. 29 мая (№ 4085). С. 3.

<sup>3</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 1. Берлин: Петрополис, 1936. С. 169–308. В течение 1935 г. завершена работа по подготовке тома, а сам том опубликован до 15 декабря 1935 г.

<sup>4</sup> Бунин И.А. Тень птицы. // В 9 т. Т. 3. Повести и рассказы 1907–1911. М. 1965. С. 486.

<sup>5</sup> Результаты параграфа апробированы: *Щавлинский М.С.* Исчезновение национального и колониального дискурсов: текстология очерка «Тень Птицы» И.А. Бунина // Летняя школа по русской литературе. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 355–375. В том числе, мы опираемся на статьи коллег о текстологии «Храма Солнца»: *Анисимов К.В., Пономарев Е.Р.* Текстология и имагология. Как мелкая правка травелога «Храм Солнца» меняла бунинскую концепцию Ближнего Востока: от описания к представлению // Имагология и компаративистика. 2023. № 20. С. 315–350.; *Анисимов К.В., Пономарев Е.Р.* Книга очерков И.А. Бунина «Храм Солнца»: История текста // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 218–253.

показано как различия между дореволюционными (1915, 1917) и эмигрантскими (1931, 1936) изданиями на примере очерка «Тень Птицы» концептуально изменяют текст<sup>1</sup>.

Обратим внимание на формальную статистику. Для всех изданий подсчет велся в современной орфографии. Издание 1915 г.<sup>2</sup> содержит 253.6 тысяч знаков с пробелами. В этом издании: «Тень птицы» — 62.5 т. зн. с пр., «Море богов» — 33.7 т. зн. с пр., «Зодиакальный свет» — 43.8 т. зн. с пр., «Иудея» — 53.4 т. зн. с пр., «Пустыня дьявола» — 20.6 т. зн. с пр., «Мертвое море» — 9.8 т. зн. с пр., «Храм солнца» — 20.1 т. зн. с пр. и «Геннисарет» — 9.7 т. зн. с пр.

Издание 1917 г.<sup>3</sup> (без учета стихотворений) содержит 250.8 тысяч знаков с пробелами. В этом издании: «Тень птицы» — 62 т. зн. с пр., «Море богов» — 33.5 т. зн. с пр., «Зодиакальный свет» — 43.3 т. зн. с пр., «Иудея» — 52.5 т. зн. с пр., «Пустыня дьявола» — 20 т. зн. с пр., «Мертвое море» — 9.8 т. зн. с пр., «Храм солнца» — 20 т. зн. с пр. и «Геннисарет» — 9.7 т. зн. с пр.

Издание 1931 г.<sup>4</sup> (без учета «Города Царя Царей») содержит 174.8 тысяч знаков с пробелами. В этом издании: «Тень птицы» — 42 т. зн. с пр., «Море богов» — 14.2 т. зн. с пр., «Свет зодиака» — 21.4 т. зн. с пр., «Иудея» — 20.2 т. зн. с пр., «Камень» — 16.2 т. зн. с пр., «Шеол» — 6.3 т. зн. с пр., «Пустыня дьявола» — 18.1 т. зн. с пр., «Страна содомская» — 9.3 т. зн. с пр., «Храм солнца» — 19 т. зн. с пр. и «Геннисарет» — 8.1 т. зн. с пр.

Издание 1936 г.<sup>5</sup> содержит 178.2 тысяч знаков с пробелами. В этом издании: «Тень птицы» — 38.9 т. зн. с пр., «Море богов» — 13.5 т. зн. с пр., «Дельта» — 10.2 т. зн. с пр., «Свет зодиака» — 20.8 т. зн. с пр., «Иудея» — 17.9 т. зн. с пр., «Камень» — 16.1 т. зн. с пр., «Шеол» — 6.3 т. зн. с пр., «Пустыня дьявола» — 18.1 т. зн. с пр., «Страна содомская» — 9.3 т. зн. с пр., «Храм солнца» — 19 т. зн. с пр. и «Геннисарет» — 8.1 т. зн. с пр.

<sup>1</sup> Несмотря на то, что подробный текстологический анализ представлен только в этом параграфе, далее, во 2 и 3 главах, мы продолжаем использовать издание 1915 г. и, когда это уместно, указываем на судьбу процитированного фрагмента в переизданиях.

<sup>2</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 100–220.

<sup>3</sup> Бунин И.А. Храм солнца. Пг., 1917. 174 с.

<sup>4</sup> Бунин И.А. Тень птицы. Париж. 1931. С. 5–189.

<sup>5</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 1. Берлин: Петрополис, 1936. С. 169–308.

Таким образом, даже не вдаваясь в текстологические подробности и детальное сравнение текстов, — можем сказать, что тексты 1915 и 1917 гг. по объему можно назвать почти равными (разница в 2.8 т. зн. с пр.), — так же, как и тексты 1931 и 1936 гг. примерно равны по объему (разница в 3.4 т. зн. с пр.). Но вот между изданиями 1917 и 1931 гг. — разница в 76 т. зн. с пр. выглядит колоссальной! Текст сократился чуть больше чем на 1/3. Е.Р. Пономарев в своих статьях выделяет три редакции: 1915–1917, 1931, 1936, мы разделяем аргументы исследователя<sup>1</sup>, но в диссертации выделяем две редакции: дореволюционную (1915, 1917) и эмигрантскую (1931, 1936).

Почти все исследователи при изучении книги ограничиваются текстом редакции 1936 г. Таким образом, важно отметить, что в исследованиях (кроме исследований Бунинской группы ИМЛИ РАН и коллектива проекта «И.А. Бунин и Палестина») игнорируется динамика текста и та огромная разница, которая есть между дореволюционными и эмигрантскими редакциями.

Первые текстологические разыскания и первый комментарий к тексту книги были сделаны в 3 томе (СС в 9 т., 1965–1967)<sup>2</sup>, затем в 3 томе (СС в 6 т., 1987–1988)<sup>3</sup> и 4 томе (СС в 8 т., 1993–2000)<sup>4</sup> собраний сочинений Бунина<sup>5</sup>. Во всех советских и постсоветских изданиях книга получила название «Тень Птицы». Публикаторы после А.К. Бабореко воспроизводили заглавие от издания к изданию<sup>6</sup>, а также перепечатывали текст 1936 г., следуя просьбе Бунина, изложенной в предисловии к первому тому собраний сочинений «Петрополиса»: «я очень прошу читателей, критиков и переводчиков пользоваться этим текстом»<sup>7</sup>.

В 3-м томе собрания сочинений 1965 г. есть раздел «Из ранних редакций», где представлены исключенные в разных редакциях фрагменты текста<sup>8</sup>. Однако

<sup>1</sup> Подробнее см: *Пономарев Е.Р.* Книга очерков «Храм Солнца»: проблема заглавия и основного текста // И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / отв. ред.-сост. Т.М. Двнятина, С.Н. Морозов; ред. А.В. Бакунцев, Е.Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 881–889.

<sup>2</sup> *Бунин И.А.* Тень птицы; Примечания // *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 3. Повести и рассказы 1907–1911. М., 1965. С. 313–411, 483–501.

<sup>3</sup> *Бунин И.А.* Тень птицы // *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 6 т. М., 1987. Т. 3. С. 499–590.

<sup>4</sup> *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. Произведения 1907–1924. М., 1995. С. 15–106, 406–414.

<sup>5</sup> Указаны основные собрания сочинений, по которым осуществлялась перепечатка текстов и комментария.

<sup>6</sup> Все переиздания указаны в Приложении 3.

<sup>7</sup> *Бунин И.А.* Храм солнца // *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 11 т. Т. 1. Берлин: Петрополис, 1936. С. 7.

<sup>8</sup> *Бунин И.А.* Тень птицы // *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 3. М., 1965. С. 428–444.

данные текстологические разыскания весьма избирательны, и не полны, т.к. демонстрируют примеры только крупных текстологических изменений. Например, в разных публикациях по-разному начинается 2 глава очерка «Тень Птицы». В первом издании 1908 г. так: «В четвертом часу над спардеком появился белый китель грузного старика-командира, и против солнца блеснули круглые глаза бинокля»<sup>1</sup>, а в последнем прижизненном издании 1936 г. так: «Перед вечером над спардеком появился белый китель грузного старика-командира, против солнца блеснули круглые глаза бинокля...»<sup>2</sup>, далее на протяжении всей главы, встречается множество и других разночтений. Или, например, в 4 главе «Тени Птицы» в первой публикации (1908) есть такая занимательная деталь<sup>3</sup>: «Переулки между этими высокими домами возле набережной похожи на переулки в Старом Городе Ниццы, в порту Генуи, Марселя»<sup>4</sup>. В редакции 1936 г.: «Переулки между этими высокими домами возле набережной похожи на переулки в порту Генуи, Марселя»<sup>5</sup>.

Исследование правки бунинского текста: от публикации к публикации или между полными изданиями (1915, 1917, 1931, 1936) — никогда не проводилось. Советские исследователи иногда использовали те фрагменты, что были представлены в издании 1965 г., но не более. Лишь недавно исследователи всерьез занялись этим вопросом. Первая попытка была сделана в статье Е.Р. Пономарева<sup>6</sup>. Исследователь дает объемное представление о движении текста «Тени Птицы» («Храма Солнца»), ставит важный для будущего научного (и академического) изданий вопрос основного текста и вопрос заглавия.<sup>7</sup> В другой статье<sup>8</sup> Е.Р. Пономарев сосредоточился на связи заглавий: «Храм Солнца» и «Тень Птицы», расположив их как два композиционных центра «путевой поэмы». Идея

<sup>1</sup> Бунин И.А. Тень птицы. М., 1908. С. 237.

<sup>2</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 1. Берлин: Петрополис, 1936. С. 175.

<sup>3</sup> Занимательна эта деталь тем, что она демонстрирует расхождение реального путешествия Бунина и художественного текста. В очерке, описывая Стамбул, Бунин «использует» свои воспоминания о двух посещениях города: в 1903 и 1907 гг. В Ницце Бунин впервые побывал в 1903 г. (в конце декабря, то есть, после первого путешествия в Стамбул, состоявшегося в апреле), в Генуе — 1904 г., в Марселе — только в 1910 г.

<sup>4</sup> Бунин И.А. Тень птицы. М., 1908. С. 252–253.

<sup>5</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 1. Берлин: Петрополис, 1936. С. 187.

<sup>6</sup> Пономарев Е.Р. Книга очерков «Храм Солнца». Проблема заглавия и основного текста // И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества. М., 2021. С. 881–889.

<sup>7</sup> См. подр. в разделе 1.2. и Введении.

<sup>8</sup> Пономарев Е.Р. «Храм Солнца» или «Тень Птицы»? Поэтика «путевых поэм» И.А. Бунина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 298–320.

состояла в том, чтобы продемонстрировать, как разные редакции книги «Храм Солнца» перекликаются с разными заглавиями и как, в связи с этим, меняется поэтика произведения.

Следующим и, на данный момент, наиболее основательным исследованием текстологии «Храма Солнца» стали две объемные статьи, написанные в соавторстве Е.Р. Пономаревым и К.В. Анисимовым. Важно отметить, что авторы прослеживают и фиксируют все изменения в тексте от первых журнальных и газетных публикаций 1900-х гг. до последнего издания 1936 г. Первая статья посвящена анализу «восточных» локусов и концептуальной правке. Вторая статья<sup>1</sup>, как следует уже из заглавия, сосредоточена на мелкой (стилистической и технической) правке. Исследователи сравнивают редакции 1915 и 1936 гг. между собой, чтобы «наглядно показать семантические сдвиги, которые были привнесены изменениями лексики, грамматики и синтаксиса»<sup>2</sup>.

В первой статье<sup>3</sup> исследователи называют текст «Храма Солнца» «живым и постоянно меняющимся», а потому «для удобства» выделяют несколько частей, которые соответствуют «локусам описываемого путешествия»<sup>4</sup>. 1. Черное море, Константинополь и Турция; 2. Средиземное море и Греция; 3. Египет; 4. Палестина; 5. Баальбек и возвращение в Палестину. Появившийся в редакции 1931 г. очерк «Город Царя Царей» и новый локус 6. Цейлон —обсуждается отдельно.

Исследователи выделяют несколько видов «концептуальной правки». Первая из них: это контекст дореволюционной эпохи и «политический» контекст эмигрантских изданий. Бунин-эмигрант уже не может себе позволить при переиздании оставить политически некорректные высказывания о России и русских, в связи с чем подобные моменты сняты в эмигрантских переизданиях. Второй «концептуальной правкой», по мнению К.В. Анисимова и Е.Р. Пономарева,

<sup>1</sup> Анисимов К.В., Пономарев Е.Р. Текстология и имагология. Как мелкая правка травелога «Храм Солнца» меняла бунинскую концепцию Ближнего Востока: от описания к представлению // Имагология и компаративистика. 2023. № 20. С. 315–350.

<sup>2</sup> Там же. С. 319.

<sup>3</sup> Анисимов К.В., Пономарев Е.Р. Книга очерков И.А. Бунина «Храм Солнца»: История текста // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 218–253.

<sup>4</sup> Там же. С. 222–223.

является мифопоэтический нарратив о выходе за пределы истории в пространство мифа, популярный в поэтике Серебряного века и усвоенный Буниным от коллег по цеху: Д.С. Мережковского, К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова. Третья «концептуальная правка» связана с отказом от космополитической идеи «гражданина Вселенной», этот нарратив, ярко представленный в доэмигрантском тексте, полностью уходит из текста эмигрантских редакций. В качестве четвертого вида «концептуальной правки» выделено намеренное редуцирование цитат и вымарывание указаний на любые книжные источники, предшествующие или сопровождающие путешественника-писателя. Далее авторы на основе предложенной исследовательской оптики разбирают все указанные выше локусы и анализируют правку вариантов и редакций текста. Основной вывод исследователей звучит так: «В ходе последовательного разбора концептуальной правки (в основном существенных сокращений и крайне редко — вставок нового текста) мы выделили четыре типа исправлений, в результате которых мифопоэтика дореволюционной книги “Храм Солнца” преобразилась в метафорику историко-культурного повествования»<sup>1</sup>.

Мы согласны с предложенной исследовательской оптикой, однако несколько смещаем акценты «концептуальной правки» и смотрим на все предложенные типы правки как на двуединый национальный и колониальный дискурс. При сравнении дореволюционных (1915, 1917) и эмигрантских (1931, 1936) изданий книги, становится очевидно, что современники Бунина читали разные тексты, что отчетливее всего видно на примере первого очерка «Тень Птицы»; рассмотрим его как программный текст для демонстрации основных тенденций правки. Полученные выводы можно применить к другим очеркам книги «Храма Солнца».

Начнем с классического ориенталистского целеполагания — «подлинное описание». Это стремление Бунин открыто декларирует на первых страницах очерка: «Не сразу и заметишь среди вилл, дворцов и садов подлинную Турцию<sup>2</sup> —

---

<sup>1</sup> Анисимов К.В., Пономарев Е.Р. Книга очерков И.А. Бунина «Храм Солнца»: История текста // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 251.

<sup>2</sup> Здесь и далее выделено мной — М.Щ.

эти узкие и высокие деревянные домики с черепично-оранжевыми крышами под зелеными тополями и синими кипарисами, домики, столь потемневшие от времени»<sup>1</sup>.

В эмигрантских изданиях этот пассаж снят, однако пафос писателя-европейца, желающего показать ту самую «подлинность», безусловно, остается. Единственный эпизод, который выносится на обсуждение исследователями с отрицательным и антинациональным знаками, это так не понравившийся еще современникам<sup>2</sup> пассаж Бунина про Россию: «...с радостью вспоминаешь, что Россия за триста миль от тебя. Ах, никогда-то я не чувствовал любви к ней и, верно, так и не пойму, что такое любовь к родине, которая будто бы присуща всякому человеческому сердцу! Я хорошо знаю, что можно любить тот или иной уклад жизни, что можно отдать все силы на созидание его... Но при чем тут родина? Если русская революция волнует меня все-таки более, чем персидская<sup>3</sup>, я могу только сожалеть об этом. И воистину благословенно каждое мгновение, когда мы чувствуем себя гражданами вселенной! И трижды благословенно море, в котором чувствуешь только одну власть — власть Нептуна»<sup>4</sup>.

Этого пассажа нет в эмигрантских изданиях. Более того, это пример редкой цитаты, вошедшей в раздел «Из ранних редакций», который А.К. Бабореко включил в 9-ти томное издание (1965–1967). Исследователи, как правило, всегда указывали на последующее исключение этого фрагмента. Это связывали с тем, что Бунин-эмигрант просто не мог позволить себе такие некорректные высказывания, будучи первым русским писателем эмиграции. Мы согласны с этой точкой зрения. Однако, кажется, что исследователи упустили то, как «изъятые» фрагменты вписывались в общую поэтику текста и с какими иными его фрагментами вступали

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 108.

<sup>2</sup> «Почему лучшие русские поэты отвернулись от России? Пускай в бегах вся корпорация символистов с Бальмонтом во главе — у этих господ прогрессивный паралич чувства родины. Но почему кажет спину Иван Бунин, доморощенный поэт по преимуществу? Какая злая муха укусила простодушного деревенского мечтателя, что заметался он по белу свету, что променял родное очарование Орловской губернии на чуждые красоты специфического Востока?» Бурнакин А.А. Литературные заметки. Начало конца // Новое время. 1910. 27 авг. (№ 12377). С. 4. Не понравилось это и другим критикам, см: параграф 3.1.

<sup>3</sup> Речь о русской революции 1905–1907 гг. и о персидской конституционной революции 1905–1911 гг.

<sup>4</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 102.

в диалог. Следовательно, упущено и то, как видоизменившийся текст реинтерпретируется.

Интересен анализ мотива отплытия и прибытия в «Другое» пространство. Так, например, К.В. Анисимов, анализируя мотив отплытия из России у Бунина (приводит цитаты по изданию 1915 г., в эмигрантских изданиях они исключены автором), пишет: «Читатель открывающего цикл очерка “Тень птицы” помнит, что его герой, оказавшись уже “за триста миль” от России<sup>1</sup>, на самом подходе к Стамбулу, наблюдает странное присутствие совершенно “русских” деталей на борту парохода, порвавшего, казалось бы, уже “всякую связь с землею”<sup>2</sup>. Наставленные друг на друга клетки с “мирно переговаривающимися курами”, виднеющиеся из трюма “крупы лошадей и дымчатых быков”, “по-деревенски” пахнувшие “стойлом, прелым сеном”»<sup>3</sup>. По мнению исследователя: «исходная посылка путешественника, вдруг решившего заговорить о своем равнодушии к России, диссонирует с общим контекстом не только идеологически, но в первую очередь художественно»<sup>4</sup>.

И если мотив отплытия встраивается в антинациональный дискурс, то мотив прибытия как раз сразу указывает на колониальный дискурс. Бунин описывает Константинополь как знакомое место, где «проводник мне не нужен»<sup>5</sup>, но начинает с не очень лестной орнитологической метафоры: «А возле парохода яростно дерутся из-за сора розовые от заката чайки, качают красные круги баканов и сотни лодок, наполненных грязными фесками и узорчатыми чалмами, полосатыми фуфайками и черными пиджаками, рясами католическими и православными... Все глаза и головы подняты на нас, кверху, — и вдруг сотни рук кидаются к опустившемуся трапу, и начинается нечто еще более яростное, чем драка чаек...»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 173.

<sup>2</sup> Там же. С. 172.

<sup>3</sup> Там же. С. 174. См. Анисимов К.В. «Литературность» травелога: границы родины и границы жанра (мотив отплытия из России у Бунина, Гумилева и других) // Филологический вестник сургутского государственного педагогического университета. 2021. №. 4. С. 86.

<sup>4</sup> Анисимов К.В. «Литературность» травелога: границы родины и границы жанра (мотив отплытия из России у Бунина, Гумилева и других) // Филологический вестник сургутского государственного педагогического университета. 2021. №. 4. С. 88.

<sup>5</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 110.

<sup>6</sup> Там же. С. 109.

Дерущиеся из-за сора чайки кажутся Бунину менее дикими, чем встречающие корабль люди. И это не единственный случай своеобразного «зооморфизма»: «целый базар четок, которыми, сидя на коврах, торгуют старые-престарые обезьяны в тюрбанах»<sup>1</sup>. Эти цитаты не исключены и присутствуют во всех изданиях, но исследователи обходят их стороной и назвать их «антиколониальными» никак нельзя. Однако прочитываются они совсем по-разному. Если по изданию 1936 г. это действительно можно расценить как обвинение турок в «дикарстве», то в издании 1917 г. это нивелируется общим отвращением как к русским, так и к туркам.

Русские паломники и путешественники для Бунина тоже невежественны: «неуклюжей толпой проходят лохматые русские, наступающие всем на ноги»<sup>2</sup>, в подворье, где «молодой монах» говорит на «том противном русском языке, который почти сплошь состоит из уменьшительных и ласкательных имен»<sup>3</sup>, «охватывает знакомый русский запах — плесени и сырости»<sup>4</sup>. Бунин занимает позицию космополита, для которого что турок, что русский — все едино (ср.: «Если русская революция волнует меня все-таки более, чем персидская, я могу только сожалеть об этом»<sup>5</sup>). Такое отчуждение своего национального подчеркивается не только негативной оценкой всего русского, что встречает рассказчик, но и акцентируемым отчуждением от русского языка («на том противном русском языке»). Русский язык становится в ряд других национальных языков, которые слышит рассказчик (французский, английский, греческий, арабский) и на которых говорит сам: «радостно кричу ему по-русски, по-гречески, по-арабски

— Герасиме! Добрый вечер! Калиспера! Меса бель хайр!»<sup>6</sup>.

Бунин идет дальше и размывает строгость культурной идентификации. Писатель описывает архитектурные формы изначально христианского храма, который на момент путешествия уже давно является мусульманским, через

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 125.

<sup>2</sup> Там же. С. 116.

<sup>3</sup> Там же. С. 115.

<sup>4</sup> Там же. С. 114.

<sup>5</sup> Там же. С. 102.

<sup>6</sup> Там же. С. 110.

сравнение с синагогой<sup>1</sup>. Кроме того, Айя-София — визитная карточка ислама и архитектурный образец будущих мусульманских мечетей — «затерялась среди новых мечетей»<sup>2</sup>. При этом, Айя-София и дворец Константина считаются как рудимент Константинополя и представляются инородными «даже <...> в старом Стамбуле»<sup>3</sup>. Для Бунина это авраамический символ, и такой «синкретизм» религий вписывается в его космополитическую логику. В таком же ключе Бунин снимает традиционную критику со стороны христианских паломников в адрес ислама: «Не знаю путешественника, не укорившего турок за то, что они оголили храм, лишили его изваяний, картин, мозаик. И особенно грубы в своих укорах путешественники русские. <...> Но, во имя Бога милостивого и милосердного, зачем же приводить тогда слова летописцев, изображавших свирепое нашествие на Софию “христовых воинов” четвертого крестового похода, — воинов, разбивавших раки угодников и гробницы императоров, сдиравших одежды с трупов и мантии с мощей, топтавших в азарте грабежа образы, разливавших из потиров Кровь Христову, вводивших в алтари лошадей и мулов, “кои, пугаясь блестящего пола, падали и оскверняли его калом”! Зачем вспоминать христиан варварски-пышной, содомски-развратной и люто-жестокой в убийствах и вероломстве Византии!»<sup>4</sup>.

Жестокость и варварство христиан и мусульман для Бунина уравнивается, что, опять же, ведет к синкретизму (в эмигрантских изданиях все примеры христианского варварства отсутствуют). Бунин полностью переиначивает традиционное для русского путешественника (и читателя) восприятие Айя-Софии. Внешне это инородное тело даже для старого Стамбула, след христианского Константинополя, а не классический исламский храм; внутренне же Бунин предлагает увидеть прекрасное в отрицании христианской природы собора, — в замазывании фресок, в наготы Софии — когда как русские (шире — христианские) путешественники отрицают исламское в ней: «Турецкая простота, нагота Софии

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 109.

<sup>2</sup> Там же. С. 110.

<sup>3</sup> Там же. С. 110. На это противоречие бунинского восприятия также указывала В.Н. Бунина в очерке «Путь до Святой земли»: «Да, здесь смесь Византии и Востока, Турции. Ян восхищается всем турецким, а византийское его раздражает. <...> Византийский купол Айя-Софии так прекрасен, что я не понимаю Яна: ведь он от него в восторге» (Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 339).

<sup>4</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 121.

возвращает меня к началу ислама, рожденного в пустыне и уже потом изукрашенного мавританской роскошью. Я знаю цену кружевному мавританскому зодчеству, арабескам и письму, узорчатая вязь которого зачастую не только письма, а и произведение великого мастерства. Но, к счастью, ничего этого нет в Софии»<sup>1</sup>.

Значимость и важность Востока и его культурного наследия, по Бунину, не понимает почти никто, начиная жителями и правителями Востока и заканчивая французскими колонистами и русскими губернаторами: «Константин перетащил <Змеиную> колонну на Ипподром, а Магомет сбил палицей головы змеям... совсем как тот французский генерал, который приказал выпалить из пушки по профилю сфинкса возле Великой пирамиды, или смоленский губернатор, отдавший мраморный саркофаг великого князя Давида на ясли в пожарную команду!»<sup>2</sup>.

Среди исследователей сложился консенсус относительно понимания хронотопа и философского пафоса текста. Исследователи указывают, что хронотоп может быть рассмотрен через мифопоэтические, исторические и вневременные концепты, которые позволяют указывать на сильную связь пространства Востока с определенной эпохой. Задача нарратора, в таком случае, сводится к посредничеству в диалоге разных эпох; он физически достигает того пространства, где творилась история, а время, разделяющее его и Великую эпоху, преодолевается интуитивными усилиями художника, наделенного «двойным зрением», позволяющим ему буквально видеть сквозь время и как бы выходить за пределы истории<sup>3</sup>. Такое понимание пространственно-временной структуры и определении «философской» сверхзадачи текста кажется нам правильным, однако мы полагаем, что обращение к дореволюционным изданиям позволяют не только нагляднее артикулировать высказанные точки зрения, но и предложить принципиально иную, ранее игнорируемую категорию времени — будущее. Именно в этой бинарности (прошлое vs будущее) изначально описывался образ Востока.

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 122.

<sup>2</sup> Там же. С. 124.

<sup>3</sup> См. Пращерук Н.В. Художественный мир прозы И.А. Бунина: язык пространства. Екатеринбург, 1999. 253 с.; Латухина А.Л. Цикл «путевых поэм» И.А. Бунина «Тень птицы»: проблема жанра: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Н. Новгород, 2004. 22 с.

Для начала обратимся к тому, как представляет рассказчик цель своего путешествия на Восток:

**1915**

Через несколько часов я опять увижу святую Софию. Через несколько дней я буду в Греции; потом на Ниле, близ Сфинкса, видевшего лицо Моисея, — и пойду через страну Авраама и Сарры — к Баальбеку, к руинам капища, воздвигнутого самим Каином «в гордости и безумии»... Всякий дальний путь — таинство: он приобщает душу бесконечности времени и пространства. А там — колыбель человечества. И я пойду к выходу из капища истории, — из руин, древнейших в мире, загляну в туманно-голубую бездну Мифа.<sup>1</sup>

**1936**

Через несколько дней я буду в Греции. Потом на Ниле, близ Сфинкса... И пойду к Баальбеку, к руинам капища, «воздвигнутого самим Каином в гордости и безумии»...<sup>2</sup>

Рассказчик действительно видит в Востоке колыбель человечества и направляется к «выходу из капища истории». Это желание занять внеисторическую позицию воспринимается нами в том же ключе, как и желание занять позицию наднациональную. Повествователь стремится преодолеть все известные ему условности: идеологию, историю, язык. Особенно четко эти задачи подчеркиваются в дореволюционных изданиях, а в эмигрантских цель путешествия начинает звучать иначе — отбрасываются промежуточные пункты пути, за счет их сокращения Каиново капище выходит на передний план.

На протяжении всей книги Бунин эксплуатирует метафору «Восток — могила». В очерке «Тень Птицы»: «в этой стране руин и кладбищ». В очерке «Море богов»: «Египет — могила в пустыне...». В очерке «Иудея»: «На Сионе за гробницей Давида видел я провалившуюся могилу, густо заросшую маком. Вся Иудея — как эта могила»<sup>3</sup>. Эта метафора присутствует в каждом очерке и во всех

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 105.

<sup>2</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 1. Берлин: Петрополис, 1936. С. 175.

<sup>3</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 106, 136, 173. Подробнее об этой метафоре в поэтике Бунина см. параграф 3.4.

вариантах текста. Но такому пониманию Турции и Востока как чего-то мертвого, могильного и ветхозаветного противостоит исключенный в последующих редакциях фрагмент описания Галаты (район Стамбула).

**Издание 1915:** «Но жизнь не терпит покоя. <...> Галату, сердце этой лаборатории, часто называют помойной ямой Европы, Галату сравнивают с Содомом. Но Галата не погибнет: сброд, населяющий ее, кипит в работе. Он нищ и бешено жаждет жизни. Сам того не сознавая, он созидает новую вавилонскую башню — и не боится смешения языков: в Галате уже нарождается новый язык — язык труда, нарождается беспримерная терпимость ко всем языкам, ко всем обычаям, ко всем верам.

Грудами пчелиных сотов — уступами многоэтажных узких домов покрывают Галата <...> Эти соты сверху до низу набиты семьями армян, евреев, греков, франков, всю жизнь проводящих в порту или на улицах, в работе и торговле. И только в домах Галаты существует то, чего нет нигде в мире: бывает, что четверть дома принадлежит армянину, четверть — греку, четверть румыну, четверть — человеку совершенно неизвестного происхождения. В кофейнях, в парикмахерских, в конторах, в магазинах зачастую висят рядом портреты властителей всех стран земли — и ни к одному-то из этих властителей Галата и Пера не чувствуют ни даже малейшего почтения! Можно быть монархистом, анархистом, республиканцем — до этого в Галате нет никому никакого дела... Можно быть язычником, христианином, поклонником дьявола или Пророка — это тоже никого не касается... И дружно, чуть не на всех языках и наречиях Европы и Азии пишет свои вывески Галата! По ее покатым, узким улицам и переулкам, по каменным уступам, отшлифованным мириадами ног, среди ослов, собак, аргамаков и вагонов конки, движется единственный во вселенной маскарад. <...>

Но какое дело до изана Галате!<sup>1</sup>».

**Издание 1936:** «Не то Галата. Недаром Галату называют помойной ямой Европы, сравнивают с Вавилоном, Содомом.

---

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 112–113.

Среди несметных каиков, стоящих возле потемневших от воды и времени деревянных свай, я выхожу вслед за Герасимом на Галатскую набережную, отдаю паспорт турецкому чиновнику, сидящему в сарае таможи, и вступаю в Галату в тот час, когда замирают призывы муэззинов, день по закону ислама кончается и лавки должны запираются.

Но какое дело до изана Галате!»<sup>1</sup>.

Галата сравнивается с пчелиным ульем, где кипит жизнь, кипит работа. Она понимается как прогрессивное место (подходящее космополиту-рассказчику), где не только стираются все культурно-политические маркеры, но и создается новый язык. В дореволюционных изданиях прогрессивность Галаты подчеркивается также наличием скрытого сравнения: в Константинополе «Тень Аллаха, как и всякая тень, так боится света, что не допускает в Константинополе электричества»<sup>2</sup>, тогда как в Галате: «лучи электрических солнц <...> легко и таинственно скользят по Галате, по Пере, по набережной и по рейду»<sup>3</sup>. Здесь же в Галате ощущается полная свобода: «И когда в этот зной врывается свежее дыхание ночи и моря, я пьянею от сладкого сознания, что и я в этом новом Содоме и свободен так, как может быть свободен только человек в Галате»<sup>4</sup>. Постулирование свободы и «электрическое» сравнение исключены в последующих редакциях.

Галата воспринимается как прогрессивное место, устремленное в будущее, общество труда, тотальной терпимости и новой этики (безразличия к инаковости). В своих оценках повествователь идет еще дальше и строит настоящий футурологический прогноз (эпизод очень редкий и не свойственный для художественной прозы Бунина): «Я думаю о нем <о Востоке>, как о великом космополитическом царстве будущего. <...> Восток — царство солнца. Востоку принадлежит будущее»<sup>5</sup>.

В эмигрантских изданиях понимание Востока как будущего исключается Буниным, остается только Восток как прошлое и вечное. В связи с этим,

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 1. Берлин: Петрополис, 1936. С. 182–183.

<sup>2</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 110.

<sup>3</sup> Там же. С. 114.

<sup>4</sup> Там же. С. 114.

<sup>5</sup> Там же. С. 126–127.

интерпретация, где Восток в травелоге Бунина прочитывался бы из суперпозиции (одновременно и могила, и царство будущего), почти не представлена в буниноведческих исследованиях<sup>1</sup>.

Здесь же, в Стамбуле, демонстрируя читателю «подлинную Турцию», Бунин описывает ритуалы дервишей, их экстатические танцы. Сектантский экстаз здесь воспринимается Буниным как непрерывная традиция вихря: «От древнейших хороводов, знаменовавших сперва вихрь планеты вокруг солнца, а потом вихрь миров вокруг Творца, идут и вихри дервишей. От экстаза “отрешения” суфи идет экстаз, которому предаются Ревущие и Кружащиеся дервиши и доныне»<sup>2</sup>.

«Подлинность» подчеркивается и знанием рассказчика о том, что в «Константинополе большинство из них <дервишей> — плуты и актеры, холодно доводящие себя до головокружения... как современные поэты»<sup>3</sup>. Достается и современным русским поэтам-символистам, по мнению Бунина, явно «неправильно» понимающими дело дервишей. Однако, «подлинные» дервиши — носители той древней традиции, которую они смогли, оберегая, пронести сквозь века, именно к таким поэтам хочет причислить себя рассказчик<sup>4</sup> и именно с такими готов строить проект будущего: «Но когда-то были иные дервиши. Они по праву носили имена поэтов, святых, созерцателей. И были они вне узаконенных религий, вне государств, вне обществ. <...> Братья-дервиши, я не ищущу отрешения от видимого мира. Может быть, искажая ваше слово, я говорю, что ищущу “опьянения” в созерцании земли, в любви к ней и в свободе, к которой призываю и вас пред лицом этого бессмертного, великого, в будущем — общечеловеческого города. Будем служить людям земли и Богу вселенной, — Богу, которого я называю Красотою, Разумом, Любовью, Жизнью и который проникает все сущее. И пребудем в любви к жизни и в веселии»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> См.: Пономарев Е.Р. «Храм Солнца» или «Тень Птицы»? Поэтика «путевых поэм» И.А. Бунина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 298–320.; Пономарев Е.Р. И.А. Бунин и Палестина: К постановке проблемы // Новый филологический вестник. 2020. № 3 (54). С. 131–140.

<sup>2</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 128.

<sup>3</sup> Там же. С. 128.

<sup>4</sup> Это, но в негативном ключе, подмечает современник Бунина А.А. Бурнакин: «с некоторых пор, он, Бунин — восхищенный дервиш, чалмоносный богоискатель, минаретная сомнамбула! Странное превращение, неожиданный удел» (Бурнакин А.А. Литературные заметки. Начало конца // Новое время. 1910. 27 авг. (№ 12377). С. 4).

<sup>5</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 128–129.

Эти фрагменты, опять же, исключены в эмигрантских изданиях. Таким образом, дервиши, интересовавшие Бунина в дореволюционный период, в эмиграции абсолютно утрачивают свое значение и воспринимаются Буниным как рудимент времени, который он исключает из текста. На этом очерк завершается.

Мы стремились показать, насколько сильно отличаются тексты дореволюционных изданий (1915, 1917) и эмигрантских (1931 и 1936) изданий, сравнив два из них: 1915 и 1936. Эта разность сильно отразилась на поэтике: пропал почти весь национальный дискурс; снято понимание Востока через метафору будущего; значительно сокращены описания дервишей как носителей традиции и представителя того типа поэта будущего, которому сам рассказчик хочет принадлежать; сняты описания Галаты как нового городского центра, несущего в себе современное и прогрессивное начала — все это было исключено и закрепило прочтение текста преимущественно через метафору прошлого «Восток — могила». Сознательное стирание бытовых деталей и актуального для времени путешествия контекста (идей, образов, мыслей) изменяет восприятие травелога, уводит его от сиюминутного впечатления в сторону поэтики памяти<sup>1</sup>. Бунинский дневник путешественника становится мемуаром о когда-то случившейся поездке. Такой «рефрейминг» восприятия травелога достигается правкой, задача которой, в первую очередь, сокращать текст, буквально стирать его с годами — как память. На наш взгляд, это ключевое отличие между дореволюционной редакцией и эмигрантской проявляется во всех очерках «Храма Солнца» и предложенный анализ очерка «Тени Птицы» кажется нам подходящим для создания оптики, через которую можно читать другие очерки из «Храма Солнца».

---

<sup>1</sup> Схожий вывод озвучивают К.В. Анисимов и Е.Р. Пономарев: «Книга «Храм Солнца» в дореволюционных редакциях осмыслялась как откровение писателя-паломника, прорывающееся сквозь художественную ткань привычных путевых записок. В эмигрантских редакциях книги исчезли многие признаки путевых записок («путешествие здесь и сейчас» превратилось в «путешествие вне времени») и ощущение откровения — оно сменилось художественным восприятием древности <...> мифопоэтика дореволюционной книги «Храм Солнца» преобразилась в метафорику историко-культурного повествования» (Анисимов К.В., Пономарев Е.Р. Книга очерков И.А. Бунина «Храм Солнца»: История текста // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 251).

## Выводы 1 главы

Книга очерков «Храм Солнца» И.А. Бунина обладает сложной жанровой структурой, в связи с чем обычные мерки жанрового определения не подходят к этому травелогу. Для восприятия всей сложности этого текста его стоит рассматривать как метатекст, что позволит соединить, с одной стороны, опыт реального бунинского путешествия с текстом травелога, а с другой, соотнести бунинский текст с иными травелогами эпохи.

История текста и изучение текстологии «Храма Солнца» позволяет продемонстрировать разницу между дореволюционными (1915, 1917) и эмигрантскими (1931, 1936) изданиями книги и отчетливо заявить, что это разные редакции текста. Эмигрантский травелог представляется воспоминанием о «путешествии», тогда как дореволюционный текст, сотворенный по свежим следам путешествия, позволяет увидеть реалии поездки, разобрать актуальные и символические матрицы восприятия Бунина-путешественника и разложить на структурные элементы бунинский травелог.

Советские и постсоветские исследователи анализировали издание 1936 г., дореволюционное издание 1915 г. (и 1917 г.) никогда не становилось объектом подробного исследования. Между тем, объемы дореволюционной и эмигрантской редакций существенно отличаются. Дореволюционная редакция содержит большое количество неизученных и непроанализированных фрагментов бунинского текста. Анализ издания 1915 г. позволил поместить книгу «Храм Солнца» в контекст современных травелогов бунинской эпохи.

## Глава 2. Биографическое и книжное путешествия на Восток

Травелог Бунина имеет длительную историю создания. Текст множество раз редактировался, композиционно менялся и дополнялся новыми очерками или стихами. Так или иначе, к 1915 г. был представлен (пусть и неокончательный) итог длительной работы над текстом. Травелог, по определению, данному Е.Р. Пономаревым, это такой текст о путешествии, в котором «мы можем четко разграничить путешествие-поездку и текст о ней»<sup>1</sup>. То есть травелог всегда состоит из двух составляющих: реального путешествия и написанного текста об этом путешествии. И чтобы лучше понять написанный текст, необходимо поместить его в контекст биографического (реального) путешествия писателя. В случае с Буниным эта перспектива сразу подсвечивает некоторые структурные различия между путешествием и текстом. Так, например, Бунин-путешественник едет одним маршрутом, а Бунин-писатель — другим. Бунин-путешественник не упоминает (в письмах или в мемуарах) о тех местах, которые не посетил, тогда как Бунин-писатель мысленно посещает и эти топосы (Архипелаг, Крит<sup>2</sup> — в «Море богов»; Финикийский берег — в «Иудее»). Наконец, Бунин-путешественник фиксирует современную реальность путешествия, а Бунин-писатель способен переноситься сквозь время в эпохи древних царств и наблюдать за ними, общаться с ними посредством воображения. По этой причине важно обозначить реальные обстоятельства бунинских путешествий. Этому посвящен первый параграф данной главы.

Немаловажным и интересным кажется нам проект бунинской «заветной мечты» — путешествие по всему Востоку от Турции до Японии (или, если воспринимать эту задачу сквозь призму путеводаителя: от Одессы до Владивостока). Вероятным итогом такой поездки Бунина-путешественника должен был стать художественный путеводаитель, созданный Буниным-писателем. Да и некоторые очерки «Храма Солнца» написаны после того, как Бунин успел

<sup>1</sup> Пономарев Е.Р. Типология советского путешествия: «Путешествие на Запад» в литературе межвоенного периода. СПб., 2013. С. 9. Там же: «Понимание путешествия как равноуровневого текста дает, как кажется, верную точку зрения на жанровую природу травелогов» (С. 11).

<sup>2</sup> Отметим, что позднее в 1909 г. Бунин побывал на островах Архипелага и Крите.

побывать в новых путешествиях, что может указывать на «обновление» впечатлений от Востока. В контексте такой «сверхзадачи» путешествие 1907 г. и написанный по результатам поездки травелог «Храм Солнца» — могут быть восприняты как первый этап большого проекта по описанию Востока. На наш взгляд, пафос этой «сверхзадачи» моделирует будущие поездки по Востоку Бунина-путешественника и отголосками пронесется по «Храму Солнца». В такой перспективе очерк «Город Царя Царей», где описан Цейлон (Шри-Ланка), может быть представлен и как идейное продолжение «Храма Солнца» — попытка такого «перезаформатирования» была сделана Буниным при публикации книги «Тень Птицы» 1931 г.

Важнейшим источником для создания бунинского травелога являются книги. Бунинский Восток — это книжный восток, хотя бы по количеству встречаемых в тексте цитат. Во втором параграфе, основываясь на сведениях из биографии Бунина, а также на известных исследованиях и собственных предположениях, описан круг чтения Бунина о Востоке. Круг чтения не только формулирует для Бунина представление о Востоке, предшествовавшее путешествию, но создает инструмент, посредством которого в травелоге формируется историческая глубина. Книги о Востоке являются призмой, через которую Бунин смотрит на Восток, они неотъемлемая часть его восприятия. Можно предположить источники вдохновения «заветнейшей мечты» Бунина. Во-первых, это общий литературный и исторический флер Востока и его экзотики, характерный для русской культуры второй половины XIX – первой половины XX вв. (в частности, для литературы Серебряного века). Во-вторых, это «громкие» путешествия той исторической эпохи, например, путешествие цесаревича Николая Александровича, путешествие А.П. Чехова — такие путешествия обычно широко обсуждаются в обществе и литературе, создают свой собственный миф и побуждают других к похожим поездкам. В-третьих, это сама возможность путешествий по Востоку — в конце XIX века путешествие на Восток становится массовым и общедоступным, даже для обычных крестьян (в том числе для переселенцев на Дальний Восток). Паломничество в Святую землю и вовсе

становится частью государственной программы по формированию идентичности и национального характера. Для поездок на Восток формируется целая инфраструктура: создаются морские и железнодорожные маршруты, строятся подворья, гостиницы и столовые, придумываются экскурсионные программы и пишутся путеводители, где содержится вся необходимая информация для любого путешественника. Таким же образом выглядит и светское путешествие на Восток, но, разумеется, его отличает значительно бóльший комфорт.

Путеводители могут быть более-менее подробными историко-географическими описаниями региона, художественными травелогами, а могут быть кратким справочником с самой необходимой информацией, но все они содержат важную общую информацию для путешественника и имеют одинаковую структуру, по которой воспроизводится маршрут (и текст). Путеводители формируют новую реальность в восприятии путешественника. Они создают четкое понимание ключевых мест путешествия: где путешественник должен побывать и в какой последовательности, что должен увидеть и попробовать, в каком месте ему остановиться, как разговаривать с местными жителями и т.д. По сути, это набор действий, практик, маршрутов для каждого путешественника. В свою очередь, историко-культурный экскурс путеводителя служит обязательным комментарием к каждому топосу и фиксирует общую культурную информацию об объекте «культурного паломничества». В итоге, формируется общая структура и нарратив путеводителя. Массовость и воспроизводимость поездок на Восток приводит к тому, что почти все путешественники (и писатели) видят (и описывают) один и тот же Восток. Путеводитель как завершённое путешествие становится предметом личной и коллективной памяти. Так, например, для бедных людей путеводитель становится заменой реального паломничества — паломничеством воображаемым. Читатели как бы совершают путешествие вместе с автором текста (или вместо него, на его месте), присваивая его субъективные переживания. Некоторые путеводители, особенно часто переиздаваемые (путеводители ИППО, РОПиТ, Добровольного флота и пр.) проносят одни и те же эмоциональные переживания и

состояния через несколько десятилетий, закрепляя таким образом в общественном сознании читателей, что и как должен чувствовать путешественник.

Писатель-путешественник оказывается в плену нарратива, его травелог априори претендует на место путеводителя, становится копией путеводителя в той или иной степени. Субъективно Восток писателя может отличаться в деталях, но структурно он почти всегда воспроизводит путеводитель. Многие путешественники стремятся буквально «пройти» весь путеводитель, соотнеся написанное с увиденным — переписывают путеводитель своими словами. Некоторые пытаются размыть нарратив уникальностью реалий собственной поездки или нетривиальностью используемых исторических сведений и культурных образов.

Именно в таком ключе написан третий параграф главы. Мы воспринимаем «Храм Солнца» сквозь призму нарратива путеводителя. Наша задача состоит в том, чтобы представить процесс создания Буниным текста с путеводителем в руках. И на это есть несколько оснований. Во-первых, Бунин действительно использовал путеводители во время путешествия (этому посвящен параграф 2.3.1); во-вторых, сложно представить, чтобы такой объем имен, топонимов и иногда дат (почти без ошибок и к месту), который использован в «Храме Солнца», Бунин помнил наизусть и нигде не уточнял в моменты создания текста; в-третьих, в «Храме Солнца» содержатся цитаты и аллюзии, указывающие на путеводители, а значит Бунин пользовался этими источниками в момент создания травелогов<sup>1</sup>.

Таким образом, в третьем параграфе мы показываем, в каких случаях Бунин следует за общим нарративом путеводителя, а в каких отступает от него, представляет свой собственный взгляд на Восток (и, возможно, нарушает

---

<sup>1</sup> Вряд ли можно предположить, что Бунин записал все в записную книжку во время путешествия. См. характерное свидетельство В.Н. Буниной на этот счет из воспоминания о путешествии: «Затем он вынул записную книжечку и что-то записал в ней.

— Ты много записываешь? — спросила я.

— Нет, очень мало.

В ранней молодости пробовал, старался, по совету Гоголя, все запомнить, записать, но ничего не выходило. У меня аппарат быстрый, что запомню, то крепко, а если сразу не войдет в меня, то, значит, душа моя этого не принимает и не примет, что бы я ни делал» (*Муромцева-Булнина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 370–371*). См. также несколько листов с краткими записями (наброски) о восточных поездках (*Литературное наследство. Т. 110: И. А. Бунин. Кн. 1. М., 2019. С. 154–157*).

читательские ожидания); в каких случаях Бунин полемизирует с путеводителем, а в каких соглашается; в каких случаях буквально пересказывает чужой текст, а в каких интересно и оригинально компилирует источники. Последняя проблема решается на основе круга чтения Бунина. Важно заметить, что с одной стороны как раз личный опыт путешествия (1 параграф настоящей главы), а с другой — круг чтения Бунина (2 параграф настоящей главы) позволяют писателю сопротивляться общему нарративу путеводителей и предлагать оригинальные повествовательные ходы в зависимости от того топоса, с которым он работает.

Предложенное деление топосов для текста Бунина следующее: Константинополь и Афины; Египет; Святая земля; Баальбек; Анурадхапура. Топосы мы приводим в соответствии с тем, как они представлены в «Храме Солнца», а не в той последовательности, как они описаны в путеводителе (и не в последовательности реального бунинского путешествия, исключение делаем для «Геннисарета» — это объясняется в тексте соответствующего параграфа). Объединение одних топосов (Константинополь и Афины), соединение других топосов (например, Александрия и Каир) в один общий (Египет), а также одиночное (Баальбек) использование топосов — объясняется бунинским текстом (его символическими матрицами), а также «объединяющим» претекстом, который стоит за очерками Бунина. Такой способ расположения материала иногда является прямым следованием за путеводителем, а иногда способом (приемом), которым Бунин борется с нарративом путеводителя (иные приемы бунинской поэтики отмечены по ходу анализа).

В параграфе 2.3.2. отдельно фиксируется образ европейца-путешественника, с которым, на наш взгляд, Бунин себя соотносит. Этот образ навязан путеводителем. Во время анализа того или иного топоса через призму путеводителей мы используем книги из бунинского круга чтения в соответствии с возникающей необходимостью. Такое решение позволяет показать, как использовался источник непосредственно в момент создания текста. Некоторые книги круга чтения или путеводители используются под конкретный топос,

некоторые литературно-символическими «вспышками» возникают в тексте Бунина, а некоторые подспудно присутствуют на протяжении всей книги.

Цитаты из бунинского текста мы продолжаем приводить по изданию 1915 г. (исключение — «Город Царя Царей», оно оговорено в соответствующем параграфе). Кроме того, мы продолжаем фиксировать текстологические изменения между дореволюционным (1915, 1917) и эмигрантскими изданиями (1931, 1936): какие цитаты остались на своих местах, какие изменились, а какие были исключены. Такой подход к анализу позволяет нам частично ответить на вопрос, зачем в эмигрантские годы была произведена существенная правка текста. На наш взгляд, все эти изменения текста книги в эмигрантских изданиях вызваны, в том числе, продолжающейся борьбой автора с элементами нарратива путеводителей.

В тексте главы при цитировании источников возникают разночтения топонимов и имен собственных. Мы приводим их так, как они представлены в источниках цитаты. Когда мы используем их в собственном тексте, то даем их в соответствии с современными нормами русского языка. Выводы, представленные в данной главе, были апробированы в наших статьях<sup>1</sup>.

## 2.1. Путешествия Бунина на Восток

Свое первое «восточное» путешествие Бунин планировал в 1897 г. — на Алтай в компании с писателем А.М. Федоровым (1868–1949). Однако поездка не состоялась<sup>2</sup>. Позднее Бунин стал ориентироваться на Ближний Восток и планировал путешествие в Константинополь. «Думаю все-таки хоть в 3-м классе съездить в Константинополь»<sup>3</sup>. Начиная с 1899 г., он звал с собой брата Юлия: «Наводил справки относительно поездки в Константинополь. Всеми силами убеждаю тебя — поедем туда, когда приедешь к нам <в Одессу>»<sup>4</sup>. В том же году

---

<sup>1</sup> *Щавлинский М.С.* «Храм Солнца» И.А. Бунина — неоконченный проект освоения востока // И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества. М.: Литфакт, 2021. С. 934–952.; *Щавлинский М.С.* «Тень Птицы» И.А. Бунина: маршруты путешествий, текстология, круг чтения. Исследования к будущему научному изданию // Творчество И. Бунина, А. Куприна, А. Чехова в контексте развития русской литературы конца XIX – начала XX века. Материалы всероссийской межвузовской научно-практической конференции. М., 2020. С. 213–230.

<sup>2</sup> Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. М., 2003. С. 237–238.

<sup>3</sup> Там же. С. 256–257.

<sup>4</sup> Там же. С. 281.

Бунин задумался о длительной поездке на восток и писал в письме В.Я. Брюсову: «Надежды на Тихий океан все более уходят от меня — до следующего года, д<олжно> б<ыть>, — так что я хоть Крымом себя утешаю. Поеду еще в Константинополь»<sup>1</sup>. Маршрутов до берегов материковой Америки из России тогда еще не было<sup>2</sup> и существовал только один маршрут — к берегам Японии и Владивостока через Индийский океан. Видимо, в эти годы Тихий океан стал мечтой и целью Бунина.

О поездке Бунин размышлял и в 1900 г.: «Относительно поездки в Константинополь <...> думаю, что это было бы для меня спасением»<sup>3</sup>. Эту поездку он осуществил в 1903 г., но Юлий Бунин с ним не поехал. Бунин из Одессы отправляется в Константинополь 9 апреля 1903 г.<sup>4</sup> «в 16 часов на пароходе “Нахимов”»<sup>5</sup>, 11 апреля в 10 утра прибывает в Константинополь<sup>6</sup>, 16 апреля садится на обратный рейс и 18 апреля возвращается в Одессу<sup>7</sup>. В общей сложности, Бунин провел в Константинополе неполных 6 дней, однако поездка увлекла его и наполнила эмоциями. Впечатления от этой поездки подробно описала В.Н. Бунина в «Жизни Бунина»: «Пребывание в Константинополе я считаю самым поэтическим из всех путешествий Ивана Алексеевича: весна, полное одиночество, новый, захвативший его мир»<sup>8</sup>. Следующее путешествие произошло через 4 года.

В 1907 г. И.А. Бунин и В.Н. Бунина (1881–1961) отправляются в «свадебное»<sup>9</sup> путешествие по Ближнему Востоку и его святыням. Вечером 10 апреля, попрощавшись с родными и друзьями, Бунин и Муромцева отправились

<sup>1</sup> Там же. С. 282.

<sup>2</sup> Хотя в 1913 г. А.М. Федоров предлагал Бунину поездку в Южную Америку. Поездка не состоялась и сам Федоров тоже не отправился в путешествие.

<sup>3</sup> Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. М., 2003. С. 311.

<sup>4</sup> Здесь и далее все даты приводятся по старому стилю.

<sup>5</sup> Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 502.

<sup>6</sup> Там же. С. 503.

<sup>7</sup> Там же. С. 505.

<sup>8</sup> Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. М., 2019. С. 247. Ср. с краткой записью из набросков Бунина: «Незабвенная весна (апрель 1903 г.), первый раз в Константинополе...» (Литературное наследство. Т. 110: И.А. Бунин. Кн. 1. М., 2019. С. 156). Подробнее о предшествующих первому «восточному» путешествию планам и об обстоятельствах поездки см.: Движанина Т.М., Морозов С.Н. И.А. Бунин на пути в Палестину (1889–1903 гг.) // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 54–63.

<sup>9</sup> Бунин и Муромцева состояли в гражданском браке из-за того, что первая жена Бунина — Анна Цакни (1879–1963), не давала Бунину развод, несмотря на фактический разрыв отношений с 7 октября 1900 г. Обвенчаются Бунин и Муромцева только в эмиграции в 1922 г.

из Москвы в Киев, куда прибыли 11 апреля. 12 апреля они уже были в Одессе, где несколько дней провели в компании друзей: А.М. Федорова, П.А. Нилуса, В.П. Куровского, Т.Я. Дворникова. Отплыли они из Одессы 14 апреля<sup>1</sup> — вернулись в Одессу 21 мая<sup>2</sup>. Изначально никакого конкретного плана поездки не было. На путешествии в Святую землю настояла В.Н. Муромцева<sup>3</sup>, а сам маршрут был выстроен ситуативно, в Одессе, накануне поездки, Бунин говорил: «Зачем строить широкие планы? Доплывем до Константинополя, понравится — пойдем дальше, не понравится — сядем в экспресс и через двое суток в Вене»<sup>4</sup>. Остановка в Пирее и посещение Афин — по всей видимости — удачное стечение обстоятельств и хорошая возможность посетить Акрополь, а весь дальнейший путь от Александрии в Палестину и выбранный маршрут путешествия по Святой земле и поездка в Баальбек<sup>5</sup> напрямую связан с семейством Шоров, которые стали попутчиками Буниных. Налицо первое несоответствие будущего текста и реального путешествия — повествователь «Храма Солнца» позиционирует себя знающим и понимающим Восток поэтом и опытным путешественником, которому гид не нужен и который способен не только силой мысли и слова рисовать огромные географические проспекты, но и перемещаться по историческому времени с предельной легкостью. Едва ли такой образ повествователя можно соотнести с путешественником, который не принимает участие в выборе маршрута пути.

15–16 апреля Бунины проводят в Константинополе, в компании гида Герасима, с которым Бунин познакомился еще в 1903 г. Бунин и Муромцева остановились на афонском подворье (район Галата, европейский берег Босфора). В первый день они самостоятельно гуляют по городу вдоль залива Золотой Рог, по мосту Валиде (Галатскому мосту) переходят на другой берег, бродят «вокруг мечетей по темным улочкам, мимо деревянных домов с выступами и решетчатыми окнами... Потом попадаем на ухабистую площадь с тремя памятниками: это

<sup>1</sup> Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 651.

<sup>2</sup> Там же. С. 672.

<sup>3</sup> *Муромцева-Бунина В.Н.* Беседы с памятью. М., 2019. С. 323.

<sup>4</sup> Там же. С. 330.

<sup>5</sup> Возможно, до Баальбека Бунин захотел доехать после чтения «Галилеи» П. Лоти. См. параграфы: 2.2, 2.3.6 и 3.3.

знаменитый Византийский ипподром. Белеет сквозь сумрак султанская мечеть Ахмедие со своими минаретами»<sup>1</sup>. На второй день они с Герасимом гуляют по городу, подходят к Сералю, посещают мечеть Айя-София, Большой Базар, поднимаются на Галатскую Башню и последние часы проводят в богатом районе на азиатской стороне Босфора — Сладких Водах: «наняли ялик с бархатными подушками и медленно поплыли»<sup>2</sup>. Впечатления от этого посещения Константинополя (и от поездки 1903 г.) Бунин воплотил в очерке «Тень Птицы».

17 апреля Бунин и Муромцева пересекают Мраморное и Эгейское моря, 18 апреля утром высаживаются в греческом порту Пирей, отсюда на поезде едут в Афины, посещают Акрополь и возвращаются обратно на корабль к шести часам вечера. 19 апреля проводят в море, проплывают мимо острова Крит и следуют далее в Африку. Этому отрезку пути посвящен очерк «Море богов». 20 апреля утром сходят в Александрии, где проводят весь день, гуляя по городу, также пишут письма, шлют открытки родным и друзьям. Александрия описана в очерке «Зодиакальный свет», но описана вместе с Каиром, при том, что Каир Бунины посетят только на обратном пути. Таким образом, вновь фиксируем расхождение реального путешествия и травелога.

Вечером 21 апреля на корабле они отправляются из Александрии в Порт-Саид (короткая остановка) и далее в Яффу (Тель-Авив), куда прибывают днем 22 апреля. На корабле они встречаются с пианистом Давидом Соломоновичем Шором (1867–1942) и его отцом Соломоном Моисеевичем (1836–1921), которые тоже плывут в Палестину: Д.С. Шор будет давать в Палестине музыкальные концерты, посещать еврейские поселения (его деятельность, в том числе, носила политический оттенок, т.к. он был связан с сионизмом), а его отец едет чтобы осуществить давнюю мечту — побывать на Святой земле. Бунины останавливаются в том же отеле, что и Шоры, проводят вместе вечер и решают вместе ехать в Иерусалим на следующий день. 23 апреля Бунины с Шорами на поезде через Саронскую долину прибывают в Иерусалим, селятся в «еврейском

---

<sup>1</sup> Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 339–340.

<sup>2</sup> Там же. С. 343.

пансионе»<sup>1</sup> в Новом Иерусалиме на несколько дней, отсюда они совершают все поездки в Старый город и окрестности Иерусалима. 24 апреля утром Бунины отправляются осматривать Старый город: проходят через Западные (Яффские) ворота мимо Цитадели (Башни) Давида к Храму Гроба Господня. Во второй половине дня путешественники нанимают фаэтон, объезжают Иерусалим с севера, подъезжают к Елеонской (Масличной) горе, едут вдоль Дамасских (Шхемских) ворот, по Иосафатовой долине (также называется долиной Кедрона)<sup>2</sup>. «На Елеонской горе посещают “православный храм” (видимо, Спасо-Вознесенский монастырь), поднимаются на его колокольню (ее высота 64 м, это самое высокое здание в городе). <...> На обратном пути думали остановиться у Гефсиманского сада и Гробницы Богородицы — вероятно, так оно и было, но Муромцева-Бунина пропускает их в своем описании и рассказывает дальше: “У Дамасских ворот мы отпускаем извозчика и идем в Иерусалим тем же путем, каким шел Христос на Голгофу, то есть по Виа Долороза. Все время этого крестного пути мы находились в каком-то напряженном состоянии, и сейчас, когда я пишу, я еще испытываю жуткое чувство...”»<sup>3</sup>.

25 апреля по предложению Шора-старшего путешественники отправились в Иудейские горы, Вифлеем и Хеврон. Проехав Гигонскую (Енномову) долину и долину Рефаимов, они прибыли в Вифлеем. Там они посетили храм Рождества Христова<sup>4</sup>. Перед Хевроном они осмотрели водоемы Соломона и «остатки крепости Саладина» (руины турецкого форта, построенного в XVII в.). В Хевроне побывали в пещере Патриархов, где похоронены Авраам, Исаак и Иаков и их жены Сарра, Ревекка и Лия. На обратном пути заезжают поклониться гробнице Рахили (ротонда под куполом на северной окраине Вифлеема) и вечером возвращаются в Иерусалим.

<sup>1</sup> Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 355.

<sup>2</sup> Там же. С. 358.

<sup>3</sup> Движатица Т.М., Морозов С.Н. Палестинское путешествие И.А. Бунина 1907 года: хроника и контекст. С. 73. См. также: Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 358–359.

<sup>4</sup> Интересно, что, описывая Вифлеем, Бунин почти не рассказывает ничего о храме Рождества Христова, он упомянут только в первом абзаце «Геннисарета».

На следующий день утром (26 апреля) побывали у Стены Плача, переселились в «Central Hotel» у Яффских ворот и отправились с Шорами в Вифанию (30 км. от Иерусалима). Там осмотрели могилу Лазаря и оттуда, посетив также гору Искушения, добрались до Иерихона. 27 апреля встретили рассвет в Моаве, через пустыню доехали до Иордана и Мертвого моря (об этом рассказано в очерке «Мертвое море»), затем вернулись обратно в Иерусалим. 28 апреля вместе с Шорами посетили могилу царя Давида, побывали в Куполе Скалы на Храмовой горе<sup>1</sup>. Затем Бунины вдвоем посетили храм Гроба Господня, гору Сион и Сионскую горницу (место, где проходила Тайная Вечеря). Вечером простились с Д.С. Шором (он уехал давать концерты в Яффу и еврейские колонии). Впечатления от Иерусалима и окрестностей, а также от Палестины встречаем во всех бунинских текстах о Святой земле: «Иудея», «Пустыня дьявола», «Мертвое море», «Геннисарет». Однако реальное путешествие и травелог, хоть и находятся в одной географической плоскости (в одном топосе), но разворачиваются по-разному.

29 апреля Бунины проводят в Иерусалиме, Бунин объезжает «верхом вокруг стен Иерусалима» (с этого вступления начинается II глава «Иудеи», когда рассказчик только прибыл в Иерусалим; то есть вновь в этой детали травелог и реальное путешествие — расходятся), после они вместе идут в храм Гроба Господня, гуляют по городу до вечера, проходят по Виа Долороза. Бунины получают предложение от Д.С. Шора поехать в Бейрут, поэтому днем 30 апреля едут в Яффу. В Яффе Шоры и Бунины пробыли до вечера 3 мая. 4 мая прибыли в Бейрут, где попрощались с Шором-старшим и на следующее утро (5 мая) в компании Д.С. Шора отправились дальше — на поезде в Баальбек, по дороге через Ливан путешественники созерцают гору Гермон. Весь день путешественники осматривают Храм Солнца в древнем городе Ваала. 6 мая на поезде через пересадочный городок Райяк отправляются в Дамаск. Там, остановившись в «Hôtel Orient», на извозчике едут загород, с холмов осматривают город, окрестности и Гермон. 7 мая весь день проводят в Дамаске, гуляют по городу и посещают

---

<sup>1</sup> Т.М. Двинятина и С.Н. Морозов отмечают, что в своих записях В.Н. Муромцева-Бунина совершает распространенную ошибку и называет данную достопримечательность Мечетью Омара (*Двинятина Т.М., Морозов С.Н. Палестинское путешествие И.А. Бунина 1907 года: хроника и контекст. С. 75*).

достопримечательности. 8 апреля ранним утром отправляются в Тивериаду на Геннисаретское озеро. 9 мая путешественники плывут по озеру в Капернаум, оттуда в Табху. Из Табхи Шор на время уезжает, и Бунины остаются ждать его в отеле. На следующий день (10 мая) вернулся Шор, и они поехали в Назарет, посетив по дороге Кану Галилейскую. Геннисаретскому озеру посвящен очерк «Геннисарет», также в этих географических пределах происходит действие очерка «Пустыня дьявола». В финальной части книги «Храм Солнца» последовательность бунинского путешествия сохраняется: «Храм Солнца», а только затем «Геннисарет».

11 мая «До завтрака — беглый осмотр Назарета, милого, простого города с очень красивыми детьми и грациозными женщинами»<sup>1</sup>. Затем путешественники поехали в окрестности горы Самарии, посетили Кайфу (Хайфу<sup>2</sup>), Кармель (где осмотрели монастырь). 12 мая из Кайфы на корабле они отправились в Яффу, оттуда в Порт-Саид. (Отплытие из Яффы становится заключительной точкой в «Иудее»). 13 мая на экспрессе поехали в Александрию, там посетили озеро Мензалех и дальше вновь на поезде отправились в Каир, где остановились в европейском отеле «Метрополь». Вечером пошли гулять по городу, дошли до Нила и любовались закатом. 14 мая проснулись в пять утра и отправились к пирамидам, на обратном пути посетили зоологический сад (эти впечатления отражены в «Зодиакальном свете»). Видимо, в этот же день или утром следующего Бунины расстались с Шором, т.к. решили вернуться в Одессу<sup>3</sup>.

15 мая Бунины уехали из Каира на поезде обратно в Александрию, там сели на корабль до Пирея, весь следующий день (16 мая) провели в море. 17 мая была

---

<sup>1</sup> Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 387. В качестве заметки на полях скажем, что при параллельном чтении «Храма Солнца» И.А. Бунина и очерков о путешествии 1907 г. из «Бесед с памятью», часто обнаруживали поразительное детальное сходство в описании и повествовательном нарративе. Вероятно, это указывает на то, что, создавая свои воспоминания в эмиграции В.Н. Бунина ориентировалась на текст «Храма Солнца» как на источник, по которому она «вспоминала» некоторые моменты путешествия. При этом, разумеется, текст содержит множество деталей, которые дополняют бунинский травелог. Эта гипотеза требует внимательного и подробного изучения в будущих исследованиях.

<sup>2</sup> Хайфа — современное написание. Федоров использует устаревшее название Кайфа. В диссертации мы пишем Хайфа, при цитировании оставляем вариант первоисточника — Кайфа.

<sup>3</sup> Интересно, что позднее, в 30-е гг. Шор будет весьма нелицеприятно вспоминать совместную поездку с Буниными (Шор Д.С. Воспоминания. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2001). Поведение Бунина во время совместного путешествия раздражало его. Музыкант обвинил писателя в антисемитизме (С. 268) и привел несколько эпизодов совместного путешествия, где Бунин представлен в негативном свете (С. 271–273).

короткая остановка в Пирее, во время которой Бунины совершили небольшую прогулку на лодке и пешком по набережной, посетили кафе, а после вернулись на корабль. 18 мая прибывают в Константинополь. 18–19 мая провели в Константинополе, ночуя в каюте корабля. Плавали на парходике по Босфору и доплыли до Скутари, прогуливались по городу и побывали на кладбище. 20 мая до отплытия успели вновь осмотреть Айя-Софию, Галату и вернуться на пароход. Днем 21 мая приплыли в Одессу<sup>1</sup>. 21–23 мая провели в компании Нилуса, Куровского и Федорова. Вечером 23 мая уехали в Киев, где пробыли следующий день (24 мая), гуляли по городу, посетили Владимирский собор и полюбовались на Днепр. 25 мая приехали в Москву.

Таким образом, реальное путешествие и травелог часто расходятся и не следуют друг за другом. Маршрут реального путешествия был следующим: Москва — Киев — Одесса — Константинополь — Пирей — Афины — Александрия — Порт-Саид — Яффа — Иерусалим — Вифлеем — Хеврон — Иерусалим — Вифания — Иерихон — Иерусалим — Яффа — Бейрут — Баальбек — Дамаск — Тивериада — Капернаум — Табха — Тивериада — Назарет — Кайфа — Яффа — Порт-Саид — Александрия — Каир — Александрия — Пирей — Константинополь — Одесса — Киев — Москва.

Маршрут травелога можно реконструировать таким образом: Константинополь (в «Тени Птицы») — Пирей и Афины (в «Море богов») — Александрия и Каир (в «Зодиакальном свете») — Святая земля: Иерусалим и окрестности (Вифлеем), пустыня, Иерихон, Мертвое море (в «Иудее», «Пустыне дьявола», «Мертвом море») — Баальбек (в «Храме Солнца») — Геннисаретское озеро и окрестности (в «Геннисарете»). Впечатления обратного пути либо инкрустированы в очерки как часть первого впечатления или его естественное продолжение, либо отброшены, чтобы избежать повтора.

<sup>1</sup> Отметим, что на корабле по пути в Одессу Бунины были поражены сценой умирающей паломницы. Об этом потом в 1930-м г. написал очерк И.А. Бунин (*Бунин И.А. Паломница // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Произведения 1914–1931. М.: Худ. лит., 1988. С. 599; газ. Последние новости. 1930. 21 сент. (№ 3469)*) и вспоминала В.Н. Бунина (*Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 404–405*).

Воспоминания о поездке 1907 г. будут греть душу Буниных и в эмиграции. В 1920–1930-е гг. И.А. Бунин «вспомнит» путешествие, работая над переизданиями очерков и книги «Храм Солнца» и над другими самостоятельными произведениями (укажем лишь некоторые из них): «Роза Иерихона»<sup>1</sup>, «Плач о Сионе», «Благовестие»<sup>2</sup> и т.д.<sup>3</sup>. Так, пожалуй, ярче всего это отразится в «Розе Иерихона», опубликованной в 1924 г.: «Так утешаюсь и я, воскрешая в себе те светоносные древние страны, где некогда ступала и моя нога, те благословенные дни, когда на полудне стояло солнце моей жизни, когда, в цвете сил и надежд, рука об руку с той, кому бог судил быть моей спутницей до гроба, совершал я свое первое дальнее странствие, брачное путешествие, бывшее вместе с тем и паломничеством во святую землю господина нашего Иисуса Христа»<sup>4</sup>.

А «спутница» Бунина «до гроба» — В.Н. Бунина, вспомнит путешествие 1907 г., работая над очерками: «Новая жизнь»<sup>5</sup>, «Путь до Святой земли», «В Палестине»<sup>6</sup>, «Сирия, Галилея, Египет»<sup>7</sup>.

В 1910–1911 гг. Бунины отправились в новое путешествие на Восток и планировали доехать до берегов Японии. Давняя «надежда на Тихий океан»<sup>8</sup>, о которой Бунин сообщал В.Я. Брюсову еще в 1899 г. наконец-то должна была осуществиться. Именно так писал Бунин во время путешествия Горькому (письмо от 7 января 1911 г.): «Я прямо-таки мучился, истинно разорваться хотелось — и на Капри попасть, и **заветнейшую свою мечту осуществить**<sup>9</sup>; решался даже отложить это плавание до осени, но, увы, и Инд<ийский> океан, и Китайские моря выносимы только зимою <...> Плыдем мы теперь на Бейрут <...> в Порт-Саид <...> поедем в Каир, Луксор, Ассуан — аж до Хартума в Нубии <...> двинемся на

<sup>1</sup> Бунин И.А. Роза Иерихона // Наш мир. 1924. 15 июня (№ 13). С. 2.

<sup>2</sup> Бунин И.А. Плач о Сионе; Благовестие // Возрождение. 1925. 26 сент. (№ 116). С. 2.

<sup>3</sup> Воспоминания об Иудее проявятся в творчестве Бунина даже в 40-е гг. См.: Бунин И.А. Весной в Иудее // Русские новости. 1946. 19 апр. (№ 49). С. 5.

<sup>4</sup> Бунин И.А. Роза Иерихона // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Произведения 1914–1931. М.: Худ. лит., 1988. С. 166.

<sup>5</sup> Муромцева В.Н. Беседы с памятью: Новая жизнь // Новый журнал. 1960. № 60 (июнь). С. 166–178.

<sup>6</sup> Муромцева В.Н. Беседы с памятью: Путь до Святой земли; В Палестине // Новый журнал. 1960. № 62 (дек.). С. 147–175.

<sup>7</sup> Муромцева В.Н. Сирия, Галилея, Египет // Грани. 1960. № 47. С. 85–101; № 48. С. 125–135.

<sup>8</sup> Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. М., 2003. С. 282.

<sup>9</sup> Выделено мной — М.Щ. Ср. также воспоминание В.Н. Буниной из Дамаска во время путешествия 1907 г., описав красоты Ливана она замечает: «Ян выскакивает из экипажа и с большой горечью восклицает: // — Почему я не видел всего этого пятнадцать лет тому назад?» (Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 379).

Цейлон, Японию»<sup>1</sup>. В свои планы он посвятил и Ф.И. Благова (письмо от 11 января 1911 г.): «направляемся на Судан <...> в феврале надеюсь пуститься далее — на Цейлон, Сингапур, Японию»<sup>2</sup>. В феврале Бунин все так же был полон решимости, о чем писал И.А. Белоусову (письмо от 31 января 1911 г.): «Мы <...> вернулись <...> из Ассуана <...> ждем пароход на Коломбо, Сингапур, Японию»<sup>3</sup>.

В 1909 г. Бунина избрали почетным академиком по разряду изящной словесности. Такой статус давал некоторые привилегии, одной из которых Бунин поспешил воспользоваться: «Я говорил с Дмитрием Георгиевичем Маврокордато (инспектором Добров<овольного> флота). Бумагу от Академии надо адресовать так: “Г. Председателю Комитета Добровольного флота”, а текст ее должен быть приблизительно такой: Академия, в целях литературных и просветительских, просит предоставить в 1910 и 1911 гг. такому-то проезд в отдельной каюте 1-го кл. от Одессы до Владивостока и обратно на пароходах Добровольного флота с уплатою только за продовольствие <...> простите ради великой моей страсти к путешествиям! Буду бесконечно благодарен, если сообщите все это А.А. Шахматову и поможете мне»<sup>4</sup>. Необходимые документы Бунин получил и смог отправиться в путешествие (1910–1911 гг.) на пароходах Добровольного флота с льготой.

Из-за финансовых трудностей, усталости от путешествия и климата, а также из-за развившейся болезни, Бунин так и не доехал до Японии в 1911 г. 12 января, находясь еще только в Хелуане и планируя поездку в Луксор, Бунин (в приводимом выше письме) писал А.М. Горькому: «То, что я чувствовал временами и летом, и осенью, — тупую боль в правой части живота, против почки, — к Бейруту установилось довольно основательно, а вечером в сочельник <...> внезапно усилилось настолько, что, согнувшись в три погибели, заковылял я в каюту и упал там, обливаясь ледяным потом, и заорал благим матом. Боль и в почке и в вышеуказанном месте стала повергать меня порою в обморок и мучила почти всю

<sup>1</sup> Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. М., 2007. С. 160.

<sup>2</sup> Там же. С. 164.

<sup>3</sup> Там же. С. 168.

<sup>4</sup> Там же. С. 156.

ночь <...> еле вытащился я на другой день на палубу и лежал пластом <...> На “Владимире” <название корабля — М.Щ.> <...> нет доктора, и потому из Суэца направились мы в Каир, а затем Helouan. Нет путного доктора и здесь <...> вышеозначенная боль, помучивши своими приступами еще дня два-три после Порт-Саида, теперь оставила меня. А почему она была — черт ее знает. Есть у меня белок в небольшом количестве, есть подагра, есть великолепный геморрой — не ото всего ли этого в совокупности?»<sup>1</sup>. В письме к Ф.И. Благову (которое мы цитировали выше), Бунин сообщил еще несколько деталей своей болезни, в частности, сказал, что «две недели сидел на диете в Helouan’е» и после этого начал чувствовать себя лучше<sup>2</sup>. Позднее — в письме от 13 февраля — Бунин жаловался Е.И. Буковецкому на свое положение дел: «особенно стала чувствительна неуютная, кочевая жизнь — стервозно-нагло-дорогие отели, проклятый табль-д’от<sup>3</sup>, отравивший мои бедные кишки»<sup>4</sup>. Примерно в это время Бунин перестает размышлять о поездке в Японию. В письме к Горькому от 13 февраля Бунин писал: «М.б. дойдем до Сингапура — и назад»<sup>5</sup>. Постепенно от изначальной триады остается только Цейлон, и уже из Нурильи, изнуренный путешествием, Бунин писал брату Юлию (письмо от 6–7 марта): «пароход “Тамбов”, на котором мы возвратимся в Россию, придет в Коломбо (из Сингапура) 28-го марта (нового стиля) <15 марта старого стиля>»<sup>6</sup>.

Однако, по возвращении в Россию, Иван Алексеевич и Вера Николаевна начали планировать новое путешествие в Японию на следующий год. Они звали с собой П.А. Нилуса и собирались в Японию тем же маршрутом из Одессы в феврале–марте 1912 г. — «“Екатеринослав” поедет в конце февраля в Японию. Едем?»<sup>7</sup>. Но в тот год поездка не состоялась, а Бунин так и не побывал в Японии и не увидел Тихого океана.

<sup>1</sup> Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. М., 2007. С. 163.

<sup>2</sup> Там же. С. 164.

<sup>3</sup> от фр. table d’hôte общий обеденный стол в пансионатах — см.: Там же. С. 567.

<sup>4</sup> Там же. С. 169.

<sup>5</sup> Там же. С. 169.

<sup>6</sup> Там же. С. 174–175.

<sup>7</sup> Там же. С. 196. См. также: С. 200, 207, 209.

В этот раз маршрут был следующим: Одесса — Константинополь — Бейрут — Порт-Саид — Суэц — Каир — Хелуан — Каир — Луксор — Асуан — Луксор — Фивы — Хелуан — Каир — Хелуан — Порт-Саид — Исмаилия — Порт-Саид — Джибути — Коломбо — Канди — Нурилья — Анурадхапура — Коломбо — Порт-Саид — Константинополь — Одесса.<sup>1</sup>

Обычно, когда говорят о роли реальных путешествий в «Храме Солнца», упоминают описанные выше маршруты. Однако кроме этих трех поездок было еще несколько. В очерке «Море богов» Бунин описывает Грецию и ее древние руины — окрестности описываемых мест Бунин посещал несколько раз. Остановившись на Капри регулярно с 1909 по 1914 гг., Бунин ездил в Помпеи, Рим, Афины и другие места, что в общем пафосе «Храма Солнца» — текста о путешествии к истокам человеческой цивилизации — вполне понятно. Впечатления об этих поездках, а также общее ощущение от древности — легли в основу очерка «Море богов». Так, например, Бунин и Муромцева ездили по территории Италии и Греции в 1909 г. (с 3 марта по 25 апреля).

Маршрут их поездки был следующим: Вена — Инсбрук — Боцен — Верона — Венеция — Рим — Неаполь — Сорренто — Неаполь — Капри — Палермо — Сиракузы — Мессина — Капри — Неаполь — Рим — Помпеи — Капри — Неаполь — Мессина — Крит — Афины — Салоники — Константинополь — Одесса.<sup>2</sup>

Зимой 1912 г., будучи на Капри, Бунин в компании с В.Н. Муромцевой и Н.А. Пушешниковым (1882–1939) — племянником Бунина — вновь посещает древние места Италии, а позднее Афины и Константинополь. Вот характерное ощущение, переданное Буниным и Муромцевой в одном из писем (совместное письмо В.Н. Муромцевой и И.А. Бунина от 11 января 1912 г. Ю.А. Бунину): «для Коли <Н.А. Пушешникова> ездили в Помпею, я очень рада, что увидела еще раз, кое-что уяснила, почувствовали прежнюю древнюю жизнь!»<sup>3</sup>.

Следующее путешествие в Турцию Бунин предпринял в 1913 г. вместе с братом Юлием (с 2...3 июня по 14 июня). Они путешествовали по маршруту:

<sup>1</sup> Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2. 1910–1919. М., 2017. С. 74–96.

<sup>2</sup> Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2010. С. 790–802.

<sup>3</sup> Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. М., 2007. С. 205.

Одесса — Константинополь — Батум — Трапезунд — Керасунд — Самсун — Инеболи — Константинополь — Констанц — Бухарест — Яссы — Кишинев — Одесса. Однако из-за болезни Ивана Алексеевича поездка закончилась раньше, чем планировалась<sup>1</sup>.

Позднее И.А. Бунин и В.Н. Муромцева побывают в Константинополе еще раз: 14–23 февраля 1920 г., когда на корабле «Спарта» будут вынуждены эмигрировать из России. Однако едва ли такую поездку можно будет назвать туристической.<sup>2</sup>

В путешествиях Бунина можно отметить две тенденции. Первая из них состоит в том, чтобы посетить древние и исторические места Востока (Египет, Турция, Греция, Палестина, Цейлон), чтобы в будущем использовать личные впечатления для описания Востока. Интересно и то, что впечатления от поездок у Бунина, вследствие aberrаций памяти, «накладываются» друг на друга и формируют иное (отличное от первого, подлинного) впечатление о Востоке, отраженное в очерках. В этом состоит единство восточных поездок, у всех них есть цель, они совершаются ради будущего творческого замысла — книги «Храм Солнца». Вторая тенденция — попытка совершить путешествие от Одессы до Владивостока, продвинувшись дальше вглубь Востока и добраться до берегов Тихого океана.

Путешествия Бунина по Востоку необходимо воспринимать как единое целое. Писатель, начиная с 1897 г., планировал множество поездок на Восток, а в 1899 г. выбрал для себя конечную цель — Японию. «Восточные» поездки Бунина можно осмыслить в рамках маршрута, предложенного путеводителями: от Одессы до Владивостока. Впечатления от всех путешествий по Востоку Бунин соединяет в книге «Храм Солнца». Художественный вымысел и реальное путешествие, в некоторых случаях, сильнейшим образом пересекаются и иногда неотличимы друг

<sup>1</sup> Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2. 1910–1919. М., 2017. С. 453–457.

<sup>2</sup> Как потом в эмиграции вспоминал сам Бунин, он был в Константинополе 13 раз (согласно Летописи: 10). См. его предисловие к книге рассказов А. Седых (наст. им. Я.И. Цвибак, 1902–1994) «Звездочеты с Босфора» (также назван открывающий сборник рассказ о Константинополе). Бунин пишет: «Я тринадцать раз был в Константинополе и могу сказать тоже безошибочно, как живо дал мне почувствовать Андрей Седых в своих “Звездочетах” то трудно передаваемое, что присуще Константинополю» (Седых А. Звездочеты с Босфора / предисл. И.А. Бунина. Нью-Йорк: [б.и.], 1948. С. 10). Сам рассказ посвящен эмигрантским будням в Константинополе в 1920 г.

от друга. Таким образом, книга «Храм Солнца» обретает свою «формальную» сверхзадачу — стать новым художественным путеводителем по Востоку<sup>1</sup>. Интересно, что уже в 1908 г., в первый раз публикуя «Зодиакальный свет», Бунин включил в очерк 7-ую главу (в будущих публикациях она снята), где повествователь, заканчивая путешествие по Египту и направляясь на поезде в Порт-Саид и дальше в Святую землю, дает намек на будущее посещение Индийского океана: «Но вот за тростником и песчаными валами встают медленно идущие мачты невидимого океанского парохода... Путь к тропикам, к экватору, в Индийский океан! <...> А к часу в мареве воды и неба начинает означаться призрак Порт-Саида. И в лицо уже веет отрадная свежесть. Близится отдых — простор Средиземного моря»<sup>2</sup>.

«Заветнейшая мечта» Бунина, как мы полагаем, слагалась не только под впечатлением от знакомств с путеводителями. Бунин хорошо знал об известных литературных, политических и научных путешествиях (травелогах) своей эпохи, был знаком с популярным и множество раз переизданным описанием путешествия И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”»<sup>3</sup> (1858). Вероятно, был знаком с историей паломничества Н.В. Гоголя и палестинскими письмами из его путешествия 1848 г.<sup>4</sup>, а также мог знать книгу П.А. Вяземского «Путешествие на Восток (1849–1850 г.)» (1883) и его стихи<sup>5</sup>.

Кроме того, Иван Алексеевич был современником нескольких «громких» путешествий, совершенных в 1890–1891 гг.: поездкой Чехова через Сибирь<sup>6</sup> на

<sup>1</sup> В какой-то степени так и получилось. См., например, коллективную открытку (от 18 марта 1912 г) из Константинополя: «Наслаждались Константинополем, вспоминали “Тень птицы”, жалели, что Вы не с нами. Вера Котляревская, С. Ростовцева, А. Васильев, М. Ростовцева, Ф. Щербатская, С. Протасова, В. Зелинская» (Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 2. М., 2017. С. 174).

<sup>2</sup> Бунин И.А. Зодиакальный свет // Слово: литературно-художественные сборники. Книга первая. М., 1908. С. 39.

<sup>3</sup> Гончаров И.А. Фрегат «Паллада» // Гончаров И.А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. М.: Худ. лит., 1978. 334 с.

<sup>4</sup> О паломничестве Гоголя см., например: Воронаев В.А. Николай Гоголь. Опыт духовной биографии. М., 2014. С. 115–130; Манн Ю.В. Гоголь. Кн. 3. Завершение пути: 1845–1852. М., 2009. С. 123–130.

<sup>5</sup> В.В. Иванов указывает на то, что Бунин в своем стихотворении «Мать» («На пути из Назарета...», 1912), включенном в издание «Храма Солнца» 1917 г. продолжает восточную традицию, предложенную П.А. Вяземским в стихотворении «Палестина» (1850): «в “Палестине” Вяземского начинается то предельно точное воссоздание иного ландшафта, которое уже предвосхищает бунинское “На пути из Назарета”». (См.: Иванов В.В. Темы и стили Востока в поэзии Запада // Восточные мотивы. Стихотворения и поэмы. М., 1985. С. 430. (Об этом см. прим. Т.М. Двигатиной в: Бунин И.А. Стихотворения. Т. 2. СПб., 2013. С. 400).

<sup>6</sup> Планируя в 1911 г. продолжение своей восточной поездки в Японию, Бунин пишет: «Дойдем ли до Японии — не знаю: дозволит ли капитал, да и как возвращаться? По Сибири — это мне не нравится» (Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. М., 2007. С. 163). Если в 1911 г. поездка по Сибири Бунина не прельщает, то в 1912 г., зазывая брата в

Сахалин, а также восточным путешествием вел. кн. Николая Александровича. В 1890 г. Чехов продолжил свое путешествие из Сахалина: Гонконг — Сингапур — Коломбо — Порт-Саид — Одесса. Чехов планировал поехать в Японию, но из-за карантина не смог осуществить поездку.

О путешествии Чехова Бунин мог узнать из личных бесед. 17 мая 1903 г., после возвращения из первой поездки в Константинополь, Бунин в Москве виделся с Чеховым и делился своими впечатлениями от поездки: «В середине мая приехал в Москву Чехов. Иван Алексеевич заходил к нему, делился своими впечатлениями, особенно приятно было вести на эту тему разговор потому, что Антон Павлович из московских знакомых его был единственный, который побывал в Константинополе, хотя Востоком не увлекся»<sup>1</sup>.

Позднее Бунин также мог узнать детали чеховской поездки из писем и рассказов<sup>2</sup>, опубликованных в 1912–1916 гг. Известно, что в 1911 г. Бунин читал в корректуре первый том писем, так как М.П. Чехова обратилась к нему с просьбой написать предисловие<sup>3</sup>. В третьем томе Чехов описывает свое путешествие в письмах к М.П. Чеховой и А.С. Суворину. В частности, последнему он пишет: «Цейлон — место, где был рай»<sup>4</sup>. То же самое о Цейлоне, как о месте, где был рай, Бунин пишет в очерке «Город Царя Царей»: «Создатель одарил Цейлон всем, что только есть на земле ценного и прекрасного. Создатель сделал его раем, местом сотворения человека, и отдал Адаму»<sup>5</sup>. Также, описывая Цейлон в письмах к брату Юлию (письмо от 19, 20 марта 1911 г.), Бунин несколько раз сравнивает это место с раем: «Цейлон так поразил и меня и Веру, что были мы там положительно как в горячем сне. Ни на что не похоже — и хорошо, одуряюще хорошо так, что

---

Японию, Бунин не имеет ничего против: «Пароход отходит 15-го марта. Будем в Японии в начале мая. А ты сел бы на поезд и приехал во Владивосток, потом в Японию. Пожили бы в ней и вернулись вместе в Россию опять-таки поездом» (*Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов*. М., 2007. С. 219). Путешествие поездом из Санкт-Петербурга или Москвы во Владивосток стало доступно с 1903 г. С 1905 г. без использования паромной переправы. Интересно, что в церемонии закладки железнодорожного «Великого Сибирского пути» (совр.: Транссибирская магистраль) в 1891 г. принял участие цесаревич Николай Александрович как раз во время своего путешествия, описанного Э.Э. Ухтомским.

<sup>1</sup> *Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина*. М., 2019. С. 252. См. также: *Летопись жизни и творчества И.А. Бунина*. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 507.

<sup>2</sup> См. например: «Гусев» (1890).

<sup>3</sup> Предисловие Бунин не написал. *Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов*. М., 2007. С. 178.

<sup>4</sup> *Чехов А.П. Письма А.П. Чехова: в 6 т. Т. 3: (1890–1891)*. М., 1913. С. 146.

<sup>5</sup> *Бунин И.А. Тень птицы*. Париж, 1931. С. 191.

начинаешь верить, что здесь был Рай, и всем существом чувствуешь, что перенесен в древность, на землю первобытных богатств и роскоши. Ты знаешь, меня первое время ничто не поражает, но тут я ошалел. Буйство растительности райское и сказочное <...> и дачи <...> тонущие в райских рощах»<sup>1</sup>.

Отчет о путешествии вел. кн. Николая Александровича в 1893 г. опубликовал Э.Э. Ухтомский — трехтомное сочинение «Путешествие на Восток его императорского высочества государя наследника цесаревича»<sup>2</sup>. Наследник престола доехал поездом через Вену в Триест и там поднялся на борт корабля «Память Азова». Цесаревич должен был побывать и в Иерусалиме, но из-за «обострения церковно-политической ситуации в Османской империи»<sup>3</sup> поездка не состоялась. В отличие от Бунина и Чехова, будущий император смог посетить Японию. Побывал на Цейлоне, в Индии, в Египте, в Сингапуре и в Китае, а затем вернулся сухопутным маршрутом из Владивостока в Санкт-Петербург. Среди иных известных путешествий современников Бунина, также побывавших в Японии, можно указать на путешествие К.Д. Бальмонта (1916)<sup>4</sup> и А.М. Федорова (1903, об этом см. параграф 3.2.1).

Так грезы о путешествии, планирование будущих поездок и чтение приводят в движение воображение Бунина и формируют желание посетить и описать Восток. Свершенные поездки наполняют писателя впечатлениями, которые он трансформирует в книгу о Востоке — «Храм Солнца». В итоге, мы видим длинный клубок взаимосвязей, образующих триаду: круг чтения — путешествие — «Храм Солнца». Для реализации замысла «Храма Солнца» Бунин вновь возвращается к первому импульсу — к чтению о Востоке (писатель буквально движется по спирали своего герменевтического «восточного» круга). Новый виток чтения о Востоке уже не бесцелен, он сонаправлен и скорректирован творческим импульсом. Иными словами, в логике герменевтического движения по спирали (погружения) смысловые значения внутри круга начинают задаваться не

<sup>1</sup> Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. М., 2007. С. 172.

<sup>2</sup> Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток его императорского высочества государя наследника цесаревича. 1890–1891: В 3 т. / авт.-изд. кн. Э.Э. Ухтомский; ил. Н.Н. Каразин. Т. 1–3. СПб.; Лейпциг: Ф.А. Брокгауз, 1893–1897.

<sup>3</sup> Бутова Р.Б. Романовский Иерусалим // Русская история. 2011. № 3. С. 40.

<sup>4</sup> См.: Азадовский К.М., Дьяконова Е.М. Бальмонт и Япония. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Нестор-История, 2017. 304 с.

внешними факторами, а внутренними. В свою очередь, новые «восточные чтения» вновь подталкивают к новым путешествиям и к дальнейшей реализации творческого замысла. Кажется, наиболее наглядно синтез этой триады: чтение — путешествие — книга демонстрирует воспоминание В.Н. Буниной: «Опять пришел Ян, сел около меня, и мы заговорили о Египте, с которым мысленно еще не расстались.

— Подумай, — сказал он, — какая прекрасная была страна и на какой высоте она находилась!

— А у тебя в деревне есть книги о Египте? — спросила я.

— Да. Ты непременно прочти хотя бы Масперо. Бог даст, опять побываем в Египте, только, конечно, зимой. Поднимемся непременно тогда до первых порогов Нила.

— Путешествовать — самое приятное, что есть в мире, — сказала я. — Кажется, что мир раздвигается перед тобой, делается глубже и шире, — недаром я раньше мечтала участвовать в экспедициях...

— Да, — ответил он, — всякое путешествие очень меняет человека...»<sup>1</sup>.

Диалог происходит на палубе корабля по пути из Александрии в Константинополь (и дальше в Одессу). Во-первых, на только что запечатленный образ Востока предлагается «наложить» исторический труд Г. Масперо. Во-вторых, после первой поездки уже складываются планы на вторую поездку, которая нужна, чтобы уточнить и закрепить «выводы» первой поездки. (то есть будущая поездка идейно сразу формируется под знаком первой как ее продолжение и углубление). В-третьих, путешествие воспринимается как самая приятная вещь в мире, которая меняет человека, затрагивает струны души и пробуждает творческое начало.

Величие замысла бунинской книги о Востоке, его «обреченное» стремление «познать тоску всех стран и всех времен»<sup>2</sup>, вкупе с энтузиазмом путешественника — вели писателя к его собственному масштабному проекту освоения Востока.

<sup>1</sup> Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 397–398.

<sup>2</sup> Цитата из стихотворения Бунина «Собака» (1909). См.: Бунин И.А. Стихотворения. Т. 2. СПб., 2013. С. 71.

Реализация подобного проекта была бы уникальнейшим явлением русской литературы. Однако до берегов Японии Бунин так и не доехал, а единая книга о Востоке так и не была дописана.

## 2.2. Круг чтения Бунина о Востоке: опыт реконструкции

В настоящем параграфе предпринята попытка реконструировать круг чтения И.А. Бунина о Востоке на основе точных сведений, которые можно обнаружить по следам биографии Бунина или в тексте «Храма Солнца», также учтены интересные и важные гипотезы исследователей по поводу того или иного источника. Высказан и ряд собственных предположений<sup>1</sup>. Некоторые источники исследуются и сравниваются с «Храмом Солнца» в 3 главе. Отдельно в конце параграфа указан перечень неудачных гипотез, которые «не сработали» для «Храма Солнца», но, быть может, будут полезны при ином сравнительном анализе бунинского творчества.

Бунин начинает интересоваться Востоком в 1895 г. Тогда Бунин работал над книгой<sup>2</sup> для издательства «Посредник» и «погрузился в ассирийск<ие>и египетск<ие> древности»<sup>3</sup>, прочел труды Масперо и Беккера<sup>4</sup>. Скорее всего, Бунин читал книгу Гастона Масперо «Древняя история народов Востока» (1895)<sup>5</sup> и «Древнюю историю» (1890–1893)<sup>6</sup> Карла Фридриха Беккера (1777–1806). «Всемирная история для детей и юношества» (в 9 т.) была опубликована в 1801–1805 гг. и сразу же приобрела популярность на родине писателя и в европейских странах. В России книга была популярна среди гимназистов, начиная с первой половины 1840-х гг., когда появился перевод Н.И. Греча. Бунин — особенно в

<sup>1</sup> Первые подступы к теме с попыткой сформулировать критерии для круга чтения и восточный круг чтения были сделаны нами тут: *Щавлинский М.С.* Круг чтения И.А. Бунина (до 1920 г.) // Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология) / Ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М.: Литфакт, 2019. С. 766–774.; *Щавлинский М.С.* «Тень Птицы» И.А. Бунина: маршруты путешествий, текстология, круг чтения. Исследования к будущему научному изданию // Творчество И. Бунина, А. Куприна, А. Чехова в контексте развития русской литературы конца XIX – начала XX века. Материалы всероссийской межвузовской научно-практической конференции. М., 2020. С. 213–230.

<sup>2</sup> Книга не вышла. Видимо Бунин не закончил работу над ней.

<sup>3</sup> *Бунин И.А.* Письма 1885–1904 годов. М., 2003. С. 207.

<sup>4</sup> Там же. С. 203.

<sup>5</sup> *Масперо Г.* Древняя история народов Востока: пер. с 4 фр. изд. / Г. Масперо. М.: К.Т. Солдатенков, 1895. VIII, 715 с.

<sup>6</sup> *Беккер К.Ф.* Древняя история К.Ф. Беккера, вновь обработанная Вильгельмом Мюллером, профессором Тюбингенского университета = (Becker's Geschichte des Alterthums): В 3 т. СПб.: А.С. Суворин, 1890–1893.

гимназические годы — мог быть знаком именно с этим изданием. Возможно, Бунин вновь перечитывал<sup>1</sup> и книги Д.И. Иловайского<sup>2</sup> (1832–1920) «Древний мир»<sup>3</sup>, «Средние века»<sup>4</sup>, которые знал с гимназических лет.

Книгу Масперо «Древняя история народов Востока» Бунин действительно читал<sup>5</sup>, во всяком случае, указание на это есть в «Зодиакальном свете», а также, как отмечала В.Н. Бунина, на корабле из Александрии в Константинополь Бунин говорил ей, что в деревне у него есть книга Масперо.

В 1895 г. Бунин знакомится с А.М. Федоровым — одной из точек их взаимного интереса становится Восток. В 1904 г. Федоров опубликовал свою книгу «На Восток»<sup>6</sup>: учитывая тот факт, что Бунин читал почти все, что публиковал Федоров (иногда по-дружески как редактор еще до публикации), полагаем, что и эта книга не прошла мимо Бунина. В свою очередь, мимо Федорова точно не прошли очерки из «Храма Солнца». В 1909 г. после американского путешествия (осень 1906 г.), Федоров опубликовал травелог «За океан»<sup>7</sup>. В 1908–1909 г. он совершил еще одно крупное путешествие, в том числе, побывал на Святой земле и написал по результатам поездки книгу «Солнце жизни» (1913). Подробнее см. параграф 3.2.

Книги Федорова — не единственные художественные травелоги современников, заинтересовавшие Бунина. В письме от 26 декабря 1900 г. к

<sup>1</sup> В письме к Ю.А. Бунину от 20 ноября 1888 г. он писал: «Повторил логику, выучил катехизис и древнюю и среднюю историю Иловайского, начал повторять географию» (Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. М., 2003. С. 18). Отметим интерес юного Бунина к «Робинзону Крузо» Д. Дефо, житиям святых и многотомнику «Земля и люди» Э. Реклю (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2. 1870–1909. М., 2011. С. 19). Интерес к этим текстам Бунин (как воспоминание) пронес и до зрелых лет, упомянув их в «Жизни Арсеньева». В рамках работы над нашим исследованием мы обращались к книге «Земля и люди» Э. Реклю, однако обнаружить каких-то ощутимых свидетельств того, что Бунин использовал этот текст в работе над «Храмом Солнца» — не удалось.

<sup>2</sup> Иловайского, его книги и «концепции» истории хорошо знала и В.Н. Бунина, см. ее очерк «У Старого Пимена» (1931), написанный в память об Иловайском.

<sup>3</sup> *Иловайский Д.И.* Очерки и рассказы из всеобщей истории. Ч. 1: Древний мир. М.: типо-лит. И.Н. Кушнерева и К<sup>о</sup>, 1883. VIII, 384 с.

<sup>4</sup> *Иловайский Д.И.* Очерки и рассказы из всеобщей истории. Ч. 2: Средние века. М.: типо-лит. И.Н. Кушнерева и К<sup>о</sup>, 1886. VIII, 294 с.

<sup>5</sup> Среди уже упомянутых французских египтологов и археологов, назовем еще имя Ф. Ленормана (1837–1883), его труды также считались классическими к концу XIX в. и переводились на многие европейские языки, в том числе на русский язык. См.: *Ленорман Ф.* Руководство к древней истории Востока до Персидских войн: в 6 т. Киев: Унив. тип., 1876–1879. Возможно, Бунин знал его труды.

<sup>6</sup> *Федоров А.М.* На восток: Очерки. СПб.: Изд. редакции журнала «Родник», 1904. 223 с.

<sup>7</sup> *Федоров А.М.* За океан. СПб.: Прометей, 1909. 211 с.

Н.Д. Телешову Бунин писал: «*Непреренно*<sup>1</sup> исполни мою просьбу: тотчас же напиши С.С. Голоушеву, что я ему кланяюсь, не умею написать его адрес и *требую* (!!)) его книгу о Константинополе»<sup>2</sup>. Речь шла о книге «На юг: Из летней поездки в Константинополь, Афины, Неаполь, Рим и Венецию» (1900)<sup>3</sup>.

Хорошо известно, что Бунин читал Библию<sup>4</sup> и Коран<sup>5</sup>. Священные тексты часто упоминаются и цитируются на страницах «Храма Солнца». Известно, что накануне поездки 1903 г., по свидетельствам В.Н. Буниной, Иван Алексеевич «в первый раз целиком прочел Коран, который очаровал его, и ему хотелось непременно побывать в городе, завоеванном магометанами, полном исторических воспоминаний»<sup>6</sup>, а «Ислам вошел глубоко в его душу»<sup>7</sup>. Видимо, Бунин пользовался изданием «Коран Магомета» в переводе М. Казимирского<sup>8</sup>. Проявление Корана в тексте «Храма Солнца» является скорее имплицитным, чем явным. Коран чаще просто упоминается, пересказывается (в том числе через другие источники), а не цитируется напрямую<sup>9</sup>.

Интереснее обстоит дело с Саади<sup>10</sup>. Бунин в «Тени Птицы» пишет: «В пути со мною <...> “Тезкират” Саади»<sup>11</sup>. Вопреки распространенному

<sup>1</sup> Здесь и далее выделено Буниным.

<sup>2</sup> Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. М., 2003. С. 344, 633.

<sup>3</sup> Глаголь С. На юг: из летней поездки в Константинополь, Афины, Неаполь, Рим и Венецию. М.: И. Кнебель, 1900. 222 с. Глаголь — псевдоним С.С. Голоушева (1855–1920), русского писателя, живописца и революционера.

<sup>4</sup> См.: Андреева С.Л. Библейские реминисценции как фактор текстообразования (на материале произведений И.А. Бунина «Тень птицы», «Окаянные дни», «Миссия русской эмиграции»): дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 242 с.

<sup>5</sup> Данная тема давно интересует исследователей, укажем лишь несколько работ: Чебоженко О.С. Поэзия И.А. Бунина и Коран (Особенности художественной ориенталистики). // Три века русской литературы. Актуальные аспекты изучения: Межвуз. сб. научн. трудов. М.; Иркутск, 2003. Вып. 4. С. 171–179.; Яхьятур М. Иван Бунин и мир Востока. 4-е изд. Тегеран: Изд-во Тегеран. ун-та, 2020. 228 с. (на рус. и фарси.)

<sup>6</sup> Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 244.

<sup>7</sup> Там же. С. 247.

<sup>8</sup> Коран Магомета / Новый пер., сдел. с араб. текста М. Казимирским, переводчиком при фр. посольстве в Персии; пер. с фр. А. Николаева. Новое изд., пересмотр., испр. и доп. новыми примеч. М.: М.В. Клюкин, [1901]. 588, XVI с. Такое же мнение высказывает Т.М. Двинятина (*Двинятина Т.М. Поэзия Бунина*. 2015. С. 93). Отметим также, что Р.М. Сафиулина считает, что Бунин читал иное издание: Коран Магомеда / пер. с араб. на фр. А. Биберштейна-Казимирского. пер. с фр. К. Николаева. М., 1865. 522 с. (См.: *Сафиулина Р.М. Раннее творчество И.А. Бунина и Коран Альбера де Биберштейн-Казимирского* // Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология): сб. ст. М.: Литфакт, 2019. С. 163–171).

<sup>9</sup> См. также: Яхьятур М., Карими-Мотаххар Дж. Иван Бунин и восточная мистика // *Quaestio Rossica*. 2021. Т. 9. № 2. С. 533–546.

<sup>10</sup> Саади́ (между 1200 и 1219—1292 или 1291) — персидский поэт, мыслитель. Тема Бунин и Саади давно и изучается в буниноведении. Укажем лишь несколько работ: Таурова И.А. Восточные традиции в творческом восприятии И.А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 213 с.; Каримириаби Э.М. Мистическое в лирике И.А. Бунина в контексте философской эстетики Востока: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2015. 188 с.; Яхьятур М., Карими-Мотаххар Дж., Пономарев Е.Р. Саади и Бунин под тенью Хумая // *Критика и семиотика*. 2024. № 1. С. 158–180.

<sup>11</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 102.

исследовательскому мнению, о том, что под названием «Тезкират» здесь подразумевается поэмы Саади «Гюлистан»<sup>1</sup> и «Бустан»<sup>2</sup>, мы придерживаемся точки зрения, которая была высказана А.В. Бакунцевым<sup>3</sup>. Исследователь пишет, что это литературная мистификация и на самом деле речь идет о «Тезкират–ошшоара» (Жизнеописание поэтов, 1487), автор которого — историк персидской литературы Девлет-шах ибн Ала-эд-девле Бехтишах (около 1437–1495). Одна из глав этого произведения посвящена Саади и ее «единственный перевод на русский язык был обнародован в составе магистерской диссертации И.Н. Холмогорова»<sup>4</sup>. Сравнение диссертации И.Н. Холмогорова<sup>5</sup> с очерком «Тень Птицы» полностью подтверждает тот факт, что Бунин использовал диссертацию как источник при работе над своим художественным произведением<sup>6</sup>. Отметим также, что Бунин испытывал интерес не только к Саади, но и к другим персидским (а также арабским) поэтам. Он явно читал литературу об особенностях арабской поэзии по рекомендации С.С. Кондурушкина, когда работал над переводом «Муаллака» Имру-уль-Кайса (1882)<sup>7</sup> (см. подробнее Приложение 1)<sup>8</sup>.

Можно сказать, что, читая о Востоке, Бунин ставил перед собой цель — описать (освоить) и передать «подлинный» Восток. Такую содержательную «сверхзадачу» Бунин, по всей вероятности, сформулировал в процессе чтения французского писателя и путешественника Пьера Лоти (1850–1923). Вспоминая

<sup>1</sup> Гюлистан: «Цветник роз»: Творение шейха Саади Ширази / пер. с перс. И.Н. Холмогорова. М.: К.Т. Солдатенков, 1882. 353 с. О том, по какому источнику Бунин читал «Гюлистан» см.: *Бакунцев А.В.* Реминисценции из произведений Саади в публицистике и эпистолярной И.А. Бунина: источниковедческий аспект проблемы // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8, № 3. С. 176–180.

<sup>2</sup> Отметим, что в диссертации И.Н. Холмогорова приводятся выдержки из «Бустана», переведенные И.Н. Холмогоровым, некоторые из них цитирует Бунин в «Тени Птицы» (см. параграф 2.3.3).

<sup>3</sup> *Бакунцев А.В.* Реминисценции из произведений Саади в публицистике и эпистолярной И.А. Бунина: источниковедческий аспект проблемы // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8, № 3. С. 168–193.

<sup>4</sup> Там же. С. 175.

<sup>5</sup> *Холмогоров И.Н.* Шейх Мослихуддин Саади Ширазский и его значение в истории персидской литературы. Казань: Университетская тип., 1865. 151 с.

<sup>6</sup> В упомянутой статье А.В. Бакунцев сообщает, что планирует посвятить этой теме отдельную статью. На момент написания диссертации эта статья еще не опубликована.

<sup>7</sup> *Муаллака Имру-уль-Кайса* / пер. с арабск. подлинника по изд. Фр. Авг. Арнольда, 1850 Г. Муркоса. М.: Унив. тип., 1882. 18 с.

<sup>8</sup> В работе мы сосредоточены на очерках из «Храма Солнца». Разумеется, бунинские стихи являются важнейшей частью восточного круга чтения, также стихи были включены в издание 1917 г., но мы сознательно ограничиваемся только прозой. В Приложении 1. в комментариях к письму подробно установлены все книги, которые Бунин мог прочесть. О поэзии Бунина и о том, что Бунин читал, работая над своими стихами см.: *Движанина Т.М.* Поэзия Бунина. 2015. 437 с.

поездку 1907 г., В.Н. Бунина так передавала слова Ивана Алексеевича: «Как нужно все видеть самому, чтобы правильно все представить себе, а уж если читать, то никак не поэтов, которые все искажают. Редко, кто умеет передать душу страны, дать правильное представление о ней. Вот за что я люблю и ценю, например, Лоти. Он это умеет и всегда все делает по-своему. Я удивлен, как он верно передал, например, пустыню, Иерусалим. Ты обязательно прочти это...»<sup>1</sup>.

Здесь Бунин говорит о трех очерках П. Лоти, которые, хоть и опубликованы отдельно как самостоятельные книги, представляют собой единое целое. Два из них Бунин называет в приведенной цитате: «Пустыня»<sup>2</sup>, «Иерусалим»<sup>3</sup>, а третий — подразумевает: «Галилея»<sup>4</sup>. Отметим также невероятную прижизненную популярность Лоти как во франкоязычной, так и в русскоязычной литературе эпохи. В начале XX в. были опубликованы два собрания сочинений Лоти на русском языке: в 5 т. (СПб: П.Ф. Пантелеев, 1901) и в 12 т. (М.: В.М. Саблин, 1909–1912). Лоти стал законодателем мод литературного травелога, предложил свой оригинальный взгляд на путешествие и часто выбирал малоизвестные топосы. Его описания разнообразных экзотических культур и топосов определяли увлечения европейской читающей публики арабским востоком (Константинополем)<sup>5</sup>, Китаем, Индией, Японией<sup>6</sup>, Балканами, Таити, Исландией и пр. По воспоминаниям В.Н. Буниной, во время поездки из Константинополя в Пирей: «Ян <...> высказывал пожелание уехать на несколько лет из России, совершить кругосветное

<sup>1</sup> Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 399.

<sup>2</sup> Лоти П. Пустыня: очерки // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. СПб: П.Ф. Пантелеев, 1901. С. 123–225.

<sup>3</sup> Лоти П. Иерусалим: Дневник путешествия / Пер. М. Тимофеевой. СПб: Н.Ф. Мертц, 1896. 104 с.

<sup>4</sup> Лоти П. Галилея: Дневник путешествия / Пер. М. Тимофеевой. СПб: Н.Ф. Мертц, 1896. 103 с.

<sup>5</sup> Следует учесть и своеобразную трилогию Пьера Лоти о Константинополе, которая наверняка была известна Бунину. Речь о следующих романах. Первый (и дебютный для Лоти) роман: «Азиаде», опубликован в Париже в 1879. (*Loti P. Aziadé*. Paris: Calmann-Lévy, 1879. 312 p. Русский перевод вышел впервые только в 1997 г. См.: Лоти П. Азиаде // Избранные романы о любви: в 2 т.: Т. 1. М.: Ладомир, 1997. 440 с.). Второй роман «Призрак Востока» («*Fantôme d'Orient*», 1892; первый пер. на рус. Т.А. Лебединской: «Призрак Востока». СС в 5 т. Т. 5. СПб: П.Ф. Пантелеев, 1901). Третий роман: «Разочарованные» (1906). *Loti P. Les desenchantés: roman des harems turcs contemporains*. Paris: Calmann Levy, 1906. 435 p. Книга была переведена на русский язык в 1908 г. Лоти П. Разочарованные: роман из современной жизни турецких гаремов / пер. М. Штромберг. М.: Основа, 1908. VIII, 384 с. См. подробнее параграф 3.3.

<sup>6</sup> Возможно, знакомство с текстами Лоти о Японии “*Madame Chrysanthème*” (1887; первый пер. на рус.: «Мадам Хризантема» представлен в Т. 1. СС: в 5 т., 1901), “*Japoneries d'Automne*” (1889; первый пер. на рус.: «Японские негативы»: (Осенние картинки). СПб: Г.В. Малаховский, 1904. 204 с.) также повлияли на стремление Бунина побывать в стране восходящего солнца.

путешествие, побывать в Африке, южной Америке, на островах Таити...»<sup>1</sup>. Упоминание Таити, на наш взгляд, неслучайно — оно вновь указывает на Лоти — одна из книг, сделавших его популярным (его «визитная карточка»), была книга «Брак Лоти. Рарагю»<sup>2</sup>, действие этого романа происходит на Таити. А тексты о Японии могли напрямую формировать «заветнейшую мечту» Бунина.

Если воспринять тексты Лоти через предложенную нами концепцию сопротивления нарративу путеводителя, то Лоти имеет наивысшую оценку в этом показателе и по праву формирует иной нарративный полюс восточного травелога. Писатель сознательно выбирает самые сложные и самостоятельные маршруты (например, верхом через пустыню, проживая в палатке), презирает всех европейских путешественников, ищет экзотизма в поездках, отвергая все общие места культурного паломничества, а в своих описаниях таких общих мест отказывается от обязательного исторического экскурса и сосредоточен исключительно на видимом и личных ощущениях. Задача Лоти сводится к поиску «подлинного» чувства от топоса, передаче «духа» страны без наносного пафоса истории. Такая установка на экзотизм и подлинное ощущение и привлекала Бунина в травелогах Лоти (см. подробнее параграф 3.3).

Одна из идей книги «Храм Солнца» (для топоса Святой земли) пройти — по следам земной жизни Иисуса Христа. Эта идейная установка наталкивает на сравнение бунинского текста с другой известной книгой, — в целом, утвердившей

<sup>1</sup> Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 345–346. Похоже мечты о Таити и позже, во время путешествий, возникали у Бунина. По свидетельству Н.А. Пушешникова (письмо от 25 февраля Ю.А. Бунину), во время их совместного с И.А. и В.Н. Буниными путешествия, находясь в Афинах, И.А. Бунин рассматривал такую возможность, но передумал: «После бесконечных споров, доводящих до полного изнеможения, о том, куда плыть и куда ехать, возвращаться ли в Россию или, напротив, пуститься в далекое плавание куда-нибудь на Канарские острова или на Таити или плыть в Африку на громадном английском пароходе (“хорош домовый!”) Керрис брук-Кесл, решили, наконец, боясь слишком поспешного решения и неясности финансовой <...>, ехать через Афины и Константинополь в Россию» (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2. 1910–1919. М., 2017. С. 164).

<sup>2</sup> Лоти П. Брак Лоти. Рарагю: Роман [автобиограф. характера]: (Из жизни на острове Таити). М.: тип. Н.Л. Пушкарева, 1882. 301 с. Впрочем, укажем и на другого французского писателя и путешественника — Луи Жаколио (1837–1890). Его романы о путешествиях в Индию, Африку и Океанию (в том числе на Таити) были весьма популярны и известны в России: переводы выходили с 1870-х по 1910-е гг. См., например: «Индийская Библия, или жизнь Иисуса Кришны» (*La Bible dans l'Inde, ou la Vie de Iezeus Christna*; 1869); «Путешествие в страну баядерок» (*Voyage au pays des Bayadères*; 1873); «Путешествие в страну слонов» *Voyage au pays des éléphants* (1876); «Питкернское преступление: из воспоминаний о путешествиях по Океании» (*Taïti, le crime de Pitcairn, souvenirs de voyages en Océanie*; 1878); «Путешествие в страну факиров-очарователей» (*Voyage au pays des fakirs charmeurs* 1880); «Затерянные в океане» (*Perdus sur l'océan*; 1893) и пр. В 1910 г. вышло 18-ти томное собрание сочинений автора на русском языке (СПб.: Кн-во П.П. Сойкина). Отметим также, что в 1870–1880-е гг. отрывки из произведений Л. Жаколио публиковались в журнале «Природа и люди», известный Бунину с юных лет. Однако он нигде не упоминает Л. Жаколио и его книги.

такой пафос в умах европейской интеллигенции, — книгой историка, археолога, писателя Жозефа Эрнеста Ренана (1823–1892) «Жизнь Иисуса» (1863). Книга стала скандальным событием и была очень популярна, выдержала множество переизданий и авторских поправок, была переведена на русский язык в 1864 г., перевод часто переиздавался<sup>1</sup>. Однако, как заметил П.М. Бицилли: «Бунин <...> не впал в ошибку Ренана»<sup>2</sup>. Бунина не интересует социо-политический экскурс эпохи Христа, Бунин не видит в жизни Христа политических смыслов Бунин не разделяет ренановское недовольство мусульманами, Бунин называет местом рождения Иисуса традиционный (мифологический) Вифлеем, а не Назарет, как у Ренана, наконец, Бунин верит в то, что Иисус был Богом.

Другой французский писатель, который оказал влияние на творчество Бунина — Ги де Мопассан<sup>3</sup>, тоже известен травелогом<sup>4</sup> о Востоке: «Бродячая жизнь» («*La vie errante*», 1890)<sup>5</sup>. Эту книгу, в том числе, упоминает П.А. Нилус в письме (Приложение 2). Отметим, что в том же письме Нилус упоминает ряд других книг (см. подробнее параграф 3.2). По всей вероятности, Бунин не перечитывал Мопассана, работая над книгой «Храм Солнца», обнаружить интертекстуальное влияние не удалось. Можно лишь в какой-то степени говорить о сходстве творческого метода и о наличии общих тем (Мопассан упоминает арабов и немного рассуждает об исламе)<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Ренан Э. Жизнь Иисуса / пер. без всяких сокращений с 19-го пересм. и доп. изд. Е.В. Святловского. СПб.: тип. Спб. акц. общ. «Слово», 1906. 208 с.

<sup>2</sup> Бицилли П.М. [Рец. на кн.: Бунин И. А. Тень Птицы. Париж, 1931.] // Современные записки. 1931. № 47 (сент.). С. 494.

<sup>3</sup> О влиянии творчества Ги де Мопассана на Бунина см.: Галай К.Н. Функции художественной детали в прозе И. Бунина и Ги де Мопассана: опыт типологического сравнения дис. ... канд. фил. наук. М., 2013. 215 с.; Галай К.Н. И. Бунин и Ги де Мопассан: к вопросу о типологии творчества // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2011. № 4. С. 43–48.

<sup>4</sup> Отметим, что Бунин хорошо знал творчество Мопассана и был знаком с его травелогам: «На воде» (1888) — дневник, в котором описано 9-ти дневное путешествие на яхте по Средиземному морю (1887) — и с травелогом «На водах (Дневник маркиза де Розевейра)» (1883), в котором описано путешествие по Швейцарии. Переводы этих текстов на русский язык известны с 1890-х гг. («На воде») и с 1900-х («На водах»). (См., например: Мопассан Г. На воде: Сб. рассказов. М.: Посредник, 1894. 166 с.; Мопассан Г. Полное иллюстрированное собрание сочинений: В 4 т. Т. 3: [Повести и рассказы]. Киев: Ф.А. Иогансон, 1906. 952 стб.). См. также: Малишевский И.А. «Воды многие» И.А. Бунина и «На воде» Ги де Мопассана: художественный диалог // Вестник воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 1. С. 70–74.

<sup>5</sup> Перевод книги известен с 1894 г. (см. Мопассан Г. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 6. Бродячая жизнь; Повести и рассказы. СПб.: Вестник иностранной литературы, 1894. 320 с.). Бунин мог быть знаком и с переизданием этого же собр. соч. в 12 т. в 1896 г.

<sup>6</sup> В книге Мопассана можно выделить две части, главы: «Усталость», «Ночь», «Итальянское путешествие» — посвящены тому, как утомленный Парижем и всемирной выставкой рассказчик, покидает город и отправляется в

Вернувшись из путешествия по Святой земле, Бунин сразу же принялся за работу над очерками и начал читать много специальной историко-археологической литературы для сбора фактических сведений. В письмах от 26 и 28 мая 1907 г. к И.А. Бунину В.Н. Бунина писала: «Была и у Дерягина<sup>1</sup>. Но там заявили, что больше, как на 2 недели, книгу не дают. Оттуда зашла к Эльзе<sup>2</sup> в университетскую библиотеку и просила посмотреть, нет ли у них Суворина. К сожалению, этой книги не оказалось<sup>3</sup>. Сейчас пришла Эльза, принесла книги о Палестине. Пока — 4. 2 тома “Святая земля” экстраординарного профессора Киевской Духовной Академии Акима Олесницкого. Затем “Terre-Sainte” par Constantin Tischendorf. Один том. Эту книжку я буду тебе переводить. И четвертая — исключительно картинки, на которых есть и костюмы, и инструменты и т.д.»<sup>4</sup>.

Аким Алексеевич Олесницкий (1842–1907) — русский православный богослов, палеограф и гебраист. Он состоял профессором кафедры библейской археологии в Киевской духовной академии. Олесницкий совершил командировку в Святую землю в 1873–1874 гг., где изучал древние памятники Палестины. Результатом этой поездки стал его двухтомный отчет об археологической командировке «Святая земля»<sup>5</sup>. Бунин часто цитирует этот текст, причем оба тома. Не остается сомнений, что он внимательнейшим образом прочел эту книгу, так как часто и иногда оригинально (контаминируя разные фрагменты) цитирует ее (см. параграфы 2.3.5 и 2.3.6).

Константин фон Тишендорф (1815–1874) — немецкий теолог, исследователь Библии и палеограф. Он известен тем, что впервые обнаружил части

---

Италию; а главы: «Сицилия», «От Алжира до Туниса», «Тунис», «На пути в Кайруан» — образуют вторую часть книги, где описано путешествие и впечатления от него.

<sup>1</sup> «Частная московская библиотека, владельцами которой были Елена Корнильевна и ее сын Анатолий Николаевич Дерягины; библиотека находилась на углу улиц Воздвиженка и Моховая». (Литературное наследство. Т. 110: И. А. Бунин. Кн. 1 М., 2019. С. 398).

<sup>2</sup> «Э.М. Генкина, работавшая в библиотеке Московского университета» (Литературное наследство. Т. 110: И. А. Бунин. Кн. 1 М., 2019. С. 398).

<sup>3</sup> Литературное наследство. Т. 110: И. А. Бунин. Кн. 1 М., 2019. С. 397.

<sup>4</sup> Там же. С. 398.

<sup>5</sup> *Олесницкий А.А.* Святая земля: Отчет по командировке в Палестину и прилегающие к ней страны: 1873–1874. Т. 1–2 / [Соч.] экстраорд. проф. Киев. духовной акад. Акима Олесницкого. Киев: тип. С.Т. Еремеева, 1875–1878. (См. также: *Движнина Т.М.* Поэзия Бунина. 2015. С. 96). Учитывая внимательное чтение Олесницкого, можно предположить, что Бунин прочел и другие его книги позже: «Книга Песнь песней (Шир га-Ширим) и ее новейшие критики» (1882), «Мегалитические памятники Святой земли» (1895).

Синайского кодекса — древнейшего списка Нового Завета. В 1853 г. при поддержке русского правительства он предпринял второе путешествие на Восток, включая Египет и Синай, где пытался приобрести оставшиеся части Синайского кодекса. В итоге он получил разрешение от русского правительства и приобрел почти полный кодекс, содержащий Ветхий и Новый Заветы. В 1859 г. Тишендорф привез рукопись в Петербург, издал в 1862 г. В 1868 г. опубликована его книга «Terre-Sainte»<sup>1</sup>. Явного цитирования из Тишендорфа у Бунина не обнаружено, но иногда некоторые фрагменты кажутся схожими (см. параграф 2.3.5).

Под книжкой Суворина В.Н. Бунина имеет в виду сочинение журналиста, писателя и издателя Алексея Алексеевича Суворина (1862–1937) «Палестина» (1898)<sup>2</sup>. Книга долго готовилась к изданию (с 1889 по 1898 гг.), и славилась большим количеством ярких, цветных иллюстраций. В письме Буниной сказано: «четвертая <книга> — исключительно картинки, на которых есть и костюмы, и инструменты и т.д.»<sup>3</sup>. По этому описанию установить книгу невозможно, но богатая на иллюстрации книга «Палестина» Суворина явно могла быть интересна Бунину. В содержательном плане говорить о влиянии не приходится.

29 июля 1908 г. В.Н. Бунина писала И.А. Бунину из Ефремова: «Почти весь день сижу в саду. Читаю Стэнли<sup>4</sup>, пока скучновато, и Плутарха»<sup>5</sup>. Из книг Г.М. Стэнли В.Н. Бунина, вероятно, могла читать на русском языке «Как я нашел Ливингстона» (1873) или «В царстве черных: Сцены из жизни и природы Средней Африки» (1895)<sup>6</sup>. Г.М. Стэнли упоминает и П.А. Нилус в своем письме

<sup>1</sup> *Tischendorf C. Terre-Sainte. Terre-Sainte. Paris, 1868. 312 p.* Отметим современное издание, где частично содержится перевод книги Тишиндорфа: Великий князь Константин Николаевич на Святой Земле в 1859 г. М., 2009. 191 с. Помимо того, что Тишиндорф сопровождал Великого князя Константина Николаевича в путешествии (что уже само по себе могло заинтересовать Бунина), доступ в Мечеть Омара (Купол Скалы) получили христиане как раз после визита Великого князя. Учитывая интерес Бунина к мечети, желание прочитать Тишиндорфа кажется понятным. (Об этом событии, в том числе, пишет Олесницкий, см.: *Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1873. Т. 1. С. 54.*)

<sup>2</sup> *Суворин А.А. Палестина. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1898. 352 с.*

<sup>3</sup> Литературное наследство. Т. 110: И. А. Бунин. Кн. 1 М., 2019. С. 398.

<sup>4</sup> Генри Мортон Стэнли (имя при рождении: Джон Роуллендс, 1841–1904) — английский журналист, путешественник, исследователь Африки.

<sup>5</sup> Литературное наследство. Т. 110: И. А. Бунин. Кн. 1. М., 2019. С. 428.

<sup>6</sup> *Стэнли Г.М. Как я нашел Ливингстона: (Путешествие, приключения и открытия в Центральной Африке): в 2 т. СПб.: Маг. иностр. литературы, 1873.* (первое издание на английском опубликовано в 1872 г.). Отрывки из книг: «Through the Dark Continent» (1878), «The Congo and the founding of its free state» (1885), «In darkest Africa» (1890), «My dark companions and their strange stones» (1893) были представлены в русском переводном издании: *Стэнли Г.М. В царстве черных: Сцены из жизни и природы Средней Африки. СПб.: тип. В. Балашева и К°, 1895. 248 с.* Книга

И.А. Бунину в конце ноября 1908 г. (см. Приложение 2 и параграф 3.2). Вероятно, что Бунин тоже читал (или знал в пересказе) книги Г.М. Стэнли. Однако следов влияния этих книг на бунинский травелог обнаружить не удалось. Среди жизнеописаний Плутарха наиболее подходящим кажется труд про Александра Великого, т.к. в «Море богов» и «Зодиакальном свете» Бунин упоминает Александра<sup>1</sup>. Однако при сравнении не удалось обнаружить связь между текстами.

Можно сказать, что в начале 1909 г. Иван Алексеевич, написавший уже несколько очерков из книги «Храм Солнца» и явно прочитавший много литературы о Востоке, позиционирует себя как *homo consciens* и пишет Нилусу: «Не устроишь ли *мне*<sup>2</sup> лекцию? Я могу прочитать (приехать в Одессу или Киев за хорошую цену) “Храм солнца в Баальбеке”. *Серьезно говорю*. И лекция будет чудесная»<sup>3</sup>. Об этом храме Бунин читал книгу М.М. Alouf «History of Baalbek Beyrouth»<sup>4</sup>. Намек на это есть в очерке «Тень Птицы»: «бейрутское издание истории Баальбека, — Храм Солнца»<sup>5</sup>. Бунин использовал эту книгу, когда создавал очерк «Храм Солнца». Это подтверждается сохранившимися архивными документами<sup>6</sup>. (Подробнее см. параграф 2.3.5. Баальбек). Другим источником, который Бунин использует в работе над очерком «Храм Солнца» был уже упомянутый отчет Олесницкого (второй том).

---

выдержала 4 переиздания до 1912 г. См. также: *Стэнли Г.М.* В джунглях Африки: История поисков, освобождения и отступления Эмина Паши правителя Экватории: в 2 т. СПб.: тип. Пантелеевых, 1892.

<sup>1</sup> См. например: *Плутарх.* Александр Великий. М.: «Нар. б-ка» В.Н. Маракуева, 1893. 182 с.; *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания: в 8 т. Т. 6: Александр Великий. М., 1893. С. 6–182.

<sup>2</sup> Здесь и далее курсив Бунина.

<sup>3</sup> *Бунин И.А.* Письма 1905–1919 годов. М., 2007. С. 102. Лекция не состоялась.

<sup>4</sup> Книга историка и археолога Мишеля Алоуфа (Alouf, Mikhail Musa al-Ba'labakki, 1850–1946) выдержала множество переизданий, впервые была опубликована в 1890 г. в Париже на французском языке. Накануне бунинского путешествия вышло очередное переиздание: *Alouf M.M.* History of Baalbek. 7<sup>th</sup> ed. Beyrouth: Impr. catholique, 1905. V, 146 p. И на французском языке: *Alouf M.M.* Histoire de Baalbek / par un de ses habitants Michel M. Alouf. 2-e éd. rev. et compl. Beyrouth: Impr. catholique, 1905. VIII, 163 p.

<sup>5</sup> *Бунин И.А.* Храм солнца // *Бунин И.А.* Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 102. На использование этой книги также указывает Т.М. Двинягина (*Двинягина Т.М.* Поэзия Бунина. 2015. С. 96).

<sup>6</sup> Как пишут авторы обзора «Бунинские материалы в архивах Советского Союза»: «К этим материалам примыкают пометы Бунина на полях рукописи Н.А. Пушешникова “История Баальбека” — перевод книги “History of Baalbek by Michel Alouf”. Beyrouth, 1905 (№ 3362, 108 л.); в ГМТ <ныне ОГЛМТ> хранится эта книга с автографом: “Ив. Бунин. Баальбек. 5 мая 1907” — № 3764). Вероятно, Бунин обращался к переводу Пушешникова в 1907 г., работая над очерком “Храм Солнца”, — об этом свидетельствуют пометы на полях: “НВ”, “Прочитано и взято”, “Взято” и др.» (Бунинские материалы в архивах Советского Союза // ЛН. Т. 84. Кн. 2. С. 471). См. также: И.А. Бунин. Список музейных предметов основного и научно-вспомогательного фондов Редкая книга, Рукописно-документальный фонд, Изобразительные источники, Вещественные памятники (ОГЛМТ. Фонд 14. Опись 1) / сост. Н.В. Уракова. Орел: ОГЛМТ. 2018. С. 4, 182. К сожалению, в рамках работы над диссертацией поработать с этими архивными документами не удалось. Мы выстраиваем анализ на основе работы с английским изданием книги 1905 г.

Известно, что Бунина интересовало «Собрание сочинений и писем Святогорца к друзьям своим о горе Афонской, Палестине и русских святых местах»<sup>1</sup>. Найти это произведение Бунин просил своего племянника Пушешникова, который занимался розыском и покупкой книг. Так, в письме от 29 сентября 1909 г. В.Н. Бунина пишет Ивану Алексеевичу: «Коля <Пушешников> купил для тебя две книги о Палестине. “Собрание сочинений и писем Святогорца о Св. горе Афонской, Палестине и т.д.”»<sup>2</sup>. Правда следом В.Н. Бунина пишет: «Может переслать их тебе? Хотя я думаю не стоит, ибо относительно Палестины там не очень много»<sup>3</sup>. Книги (травелоги и стихи) Серафима пользовались большой популярностью во второй половине XIX века, особенно среди русских паломников. Непонятно, прочел Бунин эти письма или нет, следы этого источника в «Храме Солнца» обнаружить не удалось.

Похожий случай, — чтение книг Авраама Сергеевича Норова (1795–1869) — полковника русской армии, государственного деятеля, ученого, путешественника. А.С. Норов много путешествовал, написал травелоги о путешествиях в Сицилию, Египет и Нубию, а также книгу «Путешествие по святой земле»<sup>4</sup>. Бунин в «Храме Солнца» один раз приводит краткую цитату, вероятно, взятую из А.С. Норова, однако это единственное использование книги.

Другой интересный случай: книги прозаика и журналиста Степана Семеновича Кондурушкина (1875–1919) «Сирийские рассказы» (Т. 1. СПб., 1908) и «Рассказы» (Т. 2. СПб., 1910). Известно, что Бунин читал первый том до выпуска своего пятого тома собрания сочинений и просил издательство «Знание» печатать

<sup>1</sup> Святогорец (Веснин Семен Авдиевич), в монашестве Серафим, Сергей (1814–1853) — поэт, религиозный публицист, автор путевых заметок. В 1843–1845 г. совершил паломничество в Афон и Палестину, по результатам которого была опубликована в двух частях книга «Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской» (1850). Книга выдержала множество переизданий, расширялась и дополнялась. В 1849–1851 гг. познакомился и поддерживал общение с Н.В. Гоголем. Последний лестно отзывался о «Письмах Святогорца» Под таким заглавием, как у В.Н. Буниной в письме, книга известна с 1865 г.: *Серафим. Собрание сочинений и писем Святогорца к друзьям своим о горе Афонской, Палестине и русских святых местах: С прил. Полного жизнеописания Святогорца: в 4 т. / Серафим СПб: печ. В. Головина, 1865.*

<sup>2</sup> Литературное наследство. Т. 110: И. А. Бунин. Кн. 1 М., 2019. С. 447.

<sup>3</sup> Там же. С. 447.

<sup>4</sup> *Норов А.С. Путешествие по Святой земле в 1835 году: в 2-х ч. СПб.: в типографии Александра Смирдина, 1838. В диссертации книгу цитируем по 3 переизд. 1854 г. См. также: Норов А.С. Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 г. Авраама Норова, служащее дополнением к Путешествию по Святой земле: в 2 т. СПб.: в типогр. III. Отдел. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1840. — упоминание или аллюзии на эту книгу в «Храме Солнца» не обнаружены.*

весь том, как у Кондурушкина: Бунину понравилось оформление, верстка и качество бумаги. 30 октября 1908 г. он писал К.П. Пятницкому: «Посылаю <...> материал пятого тома. Так как он будет напечатан точно, как рассказы Кондурушкина»<sup>1</sup>. Книга Кондурушкина попадает к Бунину в руки в момент активной работы над очерками, в том числе над «Иудеей». Прямого цитирования мы не обнаружили, но продуктивным кажется идейное сравнение книг: оба автора эксплуатируют схожий набор образов и метафор. Истории взаимоотношений Кондурушкина и Бунина, а также сравнению их текстов посвящен параграф 3.4.

М.А. Кузмин<sup>2</sup>, рецензируя сборник «Друкаръ», в котором напечатана «Иудея» Бунина, писал: «очерки Иудеи И. Бунина не достигают описаний не только Лоти, но даже Евг. Маркова и подходят скорее к стилю Мордовцева или даже Немировича-Данченко»<sup>3</sup>. (Об этом и других отзывах современников см. параграф 3.1)<sup>4</sup>. Отметим, во-первых, весьма прозорливую догадку о П. Лоти. Иные упомянутые авторы тоже достойны внимания и предположения Кузмина кажутся весьма продуктивными для сравнения.

Евгений Львович Марков (1835–1903), в первую очередь известный как автор многотомных трудов про Крым, написал ряд очерков о путешествии по

<sup>1</sup> Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. М., 2007. С. 169.

<sup>2</sup> Михаил Алексеевич Кузмин (1872–1936) тоже в своем творчестве обращался к Востоку (был там в 1895 г.) — писал стихотворения и прозу. Наиболее известные его произведения 1900-х гг.: «Подвиги Великого Александра» (1906), «Повесть об Елевсиппе, рассказанная им самим» (1906), «Путешествие сэра Джона Фирфакса по Турции и другим замечательным странам» (1909); «Разказ о Ксанфе, поваре царя Александра, и жене его Калле» (1910). Однако вряд ли Бунин использовал эти тексты во время работы над «Храмом Солнца», следов влияния не обнаружено.

<sup>3</sup> Кузмин М.А. Заметки о русской беллетристике // Аполлон. 1910. № 5. С. 55. Далее критик добавил, что «в стихах И. Бунина стремится к очень умеренному парнализму Фр. Коппэ» (С. 55). Вероятно, Кузмин указывает на книгу: Коппэ Ф. «Рассказы и элегии» (Les Récits et les Élégies). В книге содержатся следующие стихи: «Фараон», «Две гробницы», «Голова султанши», «Мадьяр» и др. Переводы с французского на русский известны с 1880-х гг. Как пишет Т.М. Двинятина: «Первый — стих. “Смерть птиц”, перевод стих. Франсуа Коппе “Le soir, au coin du feu, j'ai pense bien des fois...” из сборника “Les Humbles” (“Смирненные”, 1872). Впервые напечатанное в 1910 г. (“Наш журнал”, № 7) <...> с датой “1898”» (Двинятина Т.М. Поэзия Бунина. 2015. С. 389). Таким образом, и в этом случае догадка (или знание) Кузмина весьма точная. Однако, как и оговаривалось раньше, исследовать стихи в рамках нашей работы мы не будем. По мнению Л.Г. Пановой, исследовавшей тему «Русского Египта» в поэзии Серебряного века и творчество М.А. Кузмина, в частности, — Бунин и Кузмин оказали сильное влияние на формирование египетского топоса. «Заслугой Бунина <...> было обновление сюжетного фонда за счет разработки сюжетов древнеегипетской словесности и европейской прозы. Погружение Бунина в древнеегипетскую цивилизацию было столь основательным, что читатели и рецензенты не всегда за ним поспевали» (Панова Л.Г. Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина. Кн. I. М.: Водолей Publishers; Прогресс-Плеяда, 2006. С. 245). Стоит отметить, что известный круг чтения М.А. Кузмина о Востоке художественной и научной (современной и классической) литературы указывает на его глубокое знание темы и хорошее понимание современного ему литературного процесса, поэтому его мнение является важным (См.: Панова Л.Г. Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина. Кн. I. М., 2006. С. 345–347, 438–441, 457–458).

<sup>4</sup> А.А. Бурнакин почти буквально повторил отзыв Кузмина, закрепив такую точку зрения.

Востоку, представленные в двух томах книги «Путешествие на Восток» (1890–1891). Т. 1. «Путешествие на Восток»: Ч. 1: Царьград и Архипелаг. Ч. 2. В стране фараонов<sup>1</sup>; Т. 2. «Путешествие по Святой земле»: Ч. 1: Иерусалим и Палестина. Ч. 2. Самария, Галилея и берега Малой Азии<sup>2</sup>. Указывая на общее между Буниным и Марковым, Кузмин, вероятно, отмечает схожую описательность происходящего с корабля или поезда, заострение внимания на бытовых деталях и постоянную апелляцию к тексту Библии. Говоря о «стилистике Мордовцева», Кузмин, видимо, указывает на симпатию обоих авторов обильно цитировать исторические, религиозные и художественные тексты, пытаясь за счет подобных приемов, передать и усилить впечатление от увиденного. Также всех троих писателей объединяет единый нарратив путеводителя (см. параграфы 2.3 и 3.5)<sup>3</sup>.

Даниил Лукич Мордовцев (1830–1905) известен как автор исторических романов и повестей<sup>4</sup>, а также травелогов, среди которых: «Поездка к пирамидам»<sup>5</sup> (1881), «Поездка в Иерусалим»<sup>6</sup> (1881) и др. Сравнение с В.И. Немировичем-Данченко (1858–1943), из той же области, хотя писатель не описывал Египет, Турцию, Сирию и Палестину, а известен как автор очерков об Урале (1877–1884), Кавказе (1902), Испании (1888) и других европейских странах, тем не менее, набор художественных приемов, по мнению Кузмина, у писателей схож.<sup>7</sup>

В качестве догадки хотим предположить, что Бунин читал книгу писателя-народника С.Я. Елпатьевского (1854–1933) «Египет» (1911)<sup>8</sup>. Елпатьевский писал очерки: «Очерки Сибири», «Египет», «Крымские очерки» и др. Бунин и Елпатьевский были знакомы с конца XIX века и вращались в одних литературных

<sup>1</sup> Марков Е.Л. Путешествие на Восток. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1890. XIV, 414 с.

<sup>2</sup> Марков Е.Л. Путешествие по Святой земле: в 2 ч. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1891. 523 с.

<sup>3</sup> В рамках диссертации и для удобства анализ книг Маркова отнесен к параграфу 2.3 (к путеводителям) — этот момент оговаривается в параграфе 2.3.1., а книги Мордовцева анализируются в параграфе 3.5. (в числе других травелогов — это оговорено в соответствующем параграфе).

<sup>4</sup> Отметим, что «восточные» исторические романы и повести писателя: «Замурованная царица» (1891), «Ирод» (1895), «Последние дни Иерусалим» (1898) — известны нам, но сознательно не включены в анализ, т.к. мы отдаем предпочтение травелогам Мордовцева, а не художественным произведениям. (В том числе, нет сведений о том, читал ли вообще Бунин Мордовцева). Такой анализ может стать темой отдельного исследования.

<sup>5</sup> Мордовцев Д.Л. Поездка к пирамидам. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1881. VIII, 192 с.

<sup>6</sup> Мордовцев Д.Л. Поездка в Иерусалим. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1881. 196 с.

<sup>7</sup> Поскольку нас интересуют, в первую очередь, «восточные» травелоги, в рамках диссертации произведения В.И. Немировичем-Данченко не анализировались; эта тема может стать отдельным исследованием.

<sup>8</sup> Елпатьевский С.Я. Египет: со многими ил. и рис. в тексте. СПб.: Обществ. польза, 1911. 213 с.

кругах. Едва ли эта книга повлияла на очерки Бунина про Египет, т.к. книга вышла в 1911 г. Книги, на наш взгляд, интересно сравнивать между собой только как тексты одной эпохи и маршрута. (см. подробнее параграф 3.5).

Укажем и на несколько поздних книг, которые входят в «восточный» круг чтения Бунина. Т.М. Двинятина, анализируя стихотворение «Иаков» (1914) указывает на «Агаду»<sup>1</sup> как претекст, она пишет: «стихотворение является поэтическим переложением притчи, рассказанной в “Агаде” [Агада, с. 33]. Очевидно, на Капри Бунину попала в руки первая часть этого сборника сказаний, притч, изречений Талмуда и мидрашей, выпущенного в 4 частях в Одессе в 1910 году: не только “Иаков”, но и следующее написанное Буниным стихотворение “Господь скорбящий” является переложением изложенной в “Агаде” притчи (она так и называется “Господь скорбящий”) <...> и содержит прямую цитату из нее <...> [Агада. с. 203]»<sup>2</sup>.

Известно, что внимание Бунина привлекли и «Жития святых» Дмитрия Ростовского<sup>3</sup>. 1 июля 1915 г. «В дневнике писатель отмечает: “Собрать бы все людские жестокости из всей истории. Читал о персидских мучениках Даде, Гаваддае и Таргала. Страшное описание мощей Дмитрия Ростовского”»<sup>4</sup>. В книге 1, от 29 сентября содержится текст под заглавием «Память святых мучеников Дады, Гаведдая и Каздой», а одним из главных героев жития является Гаргал (Таргал).

Еще один текст, кажущийся интересным, но пока не обнаруженным на страницах «Храма Солнца», это книга «Великие посвященные: Очерк эзотеризма религий Эдуарда Шюре»<sup>5</sup>. В письме Бунину от 1 октября 1908 г. Николай Ефимович Поярков (1877–1918) — поэт, прозаик, критик и переводчик — писал: «Перевод <книги Шюрэ о восточных религиях> я привез и был бы очень рад, если бы Вы его пристроили в своем книгоиздательстве»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Агада: Сказания, притчи, изречения Талмуда и мидрашей: В 4 ч. / пер. с введ. С. Г. Фруга; По «Сефер-Гаагада», сост. И. Х. Равницким и Х. Н. Бяликом. Ч. 1–2. Одесса: Мория, 1910–1914.

<sup>2</sup> Двинятина Т.М. Поэзия Бунина. 2015. С. 118–119.

<sup>3</sup> Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Дмитрия Ростовского с дополнением из Пролога: С изобр. святых и объяснит. примеч. [Кн. 1–12]. М.: изд. Моск. синод. тип., 1902–1916. 12 т. Кн. 1: [Месяц сентябрь]. 1902. XXXI, 677 с.

<sup>4</sup> Литературное наследство. Т. 110: И. А. Бунин. Кн. 2. М., 2022. С. 55.

<sup>5</sup> Шюре Э. Великие посвященные: Очерк эзотеризма религий Эдуарда Шюре. СПб.: Гор. тип., 1908. 331 с.

<sup>6</sup> Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 758.

В круг чтения И.А. Бунина явно попадал и Р. Тагор. Его книга «Гитанджали. Жертвенные песнопения» была издана в 1914 г., переводчиком был Н.А. Пушешников, а редактором — И.А. Бунин<sup>1</sup>. Эту книгу Бунин обсуждал в переписке с Н.Г. Шкляр, так, в письме от 10 февраля 1914 г. Шкляр писал: «Думаю о Тагоре Рабиндранате, что хотя это кажется иногда мне, нам, риторикой, но это неверно. <...> Местами чудесно!»<sup>2</sup>. В 1918 г. в переводе Н.А. Пушешникова и под редакцией И.А. Бунина вышла книга Р. Тагора «Садовник»<sup>3</sup>.

Таким образом, мы видим, что Бунин переживал серьезное увлечение Востоком. Писатель много читал, изучал исторические, археологические труды о Востоке, интересовался травелогами современных русских и зарубежных писателей и внимательно изучил религиозные тексты Востока (в том числе и позднее, в эмиграции). Однако представленный нами список далеко не полон, так как специально сфокусирован на очерки из книги «Храм Солнца». В этот перечень также не включены книги, которые относятся (или могли бы относиться) к «Городу Царя Царей». Претексты к этому очерку указываются в параграфе 2.3.7.

Назовем также и неиспользованные Буниным книги. Несмотря на давнее (с 1896 г.) знакомство Бунина с историком античности и археологом Михаилом Ивановичем Ростовцевым (1870–1952), Бунин почти наверняка не читал его сочинение «Поездка в Египет»<sup>4</sup> (1908). С учителем Ростовцева академиком Никодимом Павловичем Кондаковым (1844–1925) Бунин, по нашим предположениям, познакомился не раньше 1910 г.<sup>5</sup> В 1904 г. у Н.П. Кондакова вышла книга «Археологическое путешествие по Сирии и Палестине»<sup>6</sup>, где, во-

<sup>1</sup> Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2. 1910–1919. М., 2017. С. 547. См.: Тагор Р. Гитанджали. Жертвенные песнопения / пер. с англ. Н.А. Пешешникова, под ред. И.А. Бунина. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. 56 с.

<sup>2</sup> Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 2. 1910–1919. М., 2017. С. 541.

<sup>3</sup> Там же. С. 912. См.: Тагор Р. Садовник / пер. с англ. Н.А. Пешешникова, под ред. И.А. Бунина. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. 63 с.

<sup>4</sup> Ростовцев М.И. Поездка в Египет. М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К<sup>о</sup>, 1908. 23 с. А также ряд книг о Востоке, археологии и истории, которые по ассоциации могли бы быть интересны И.А. Бунину: «О новейших раскопках в Помпеях» (1894) и «Помпеи за 1893–1895 гг.» (1896), также книга «Надписи из Македонии» (1899), «Лекции по истории Рима» (1902–1903) и т.д.

<sup>5</sup> См.: Щавлинский М.С. Н.П. Кондаков и Бунины: история первой встречи // Профессорский журнал. Русский язык и литература. 2022. № 2. С. 43–49.

<sup>6</sup> Кондаков Н.П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб.: Имп. Акад. наук, 1904. 308 с. Отметим и другое исследование ученого: «Греческое искусство» (1893).

первых, повторены некоторые маршруты А.А. Олесницкого, а во-вторых, как следует из этой книги, сам Олесницкий принимал участие в этой экспедиции 1891 г. под руководством Н.П. Кондакова<sup>1</sup>. Об этой книге Кондакова Бунин мог узнать позднее от самого Кондакова: например, в 1919–1920 гг., когда жил по соседству с ним в Одессе и работал с ним в газете «Южное слово», или во время совместного бегства из Одессы в Болгарию через Стамбул<sup>2</sup>.

Еще одна эпохальная книга, не повлиявшая на «Храм Солнца», но известная Бунину, — многотомные сочинения Жака Элизе Реклю (1830–1905). Книжную серию «Земля и люди» (19 т., 1873–1893) и (или), вероятнее, «Человек и Земля» (6 т., 1876–1894) Бунин знал с детства (с 1879 г.)<sup>3</sup>. Допускаем, что, когда Бунин писал некоторые очерки будущей книги «Храм Солнца», он теоретически мог пользоваться этим многотомным сочинением как справочником.

Анализу путеводителей, историко-археологической и религиозной литературы, которую использовал Бунин во время работы над «Храмом Солнца» или во время самого путешествия посвящен параграф 2.3. Анализу художественных тревелогов, которые, вступают в творческий диалог с «Храмом Солнца», посвящена третья глава.

### 2.3. «Храм Солнца» Бунина в контексте путеводителей

Путеводитель, как сказано выше, содержит в себе общий нарратив «правильного» понимания, восприятия и описания Востока<sup>4</sup>. Писатель, пытающийся описать Восток, неизменно попадает в ловушку этого нарратива. «Храм Солнца» анализируется сквозь призму нарратива путеводителя в

<sup>1</sup> Кондаков Н.П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904. С. 47.

<sup>2</sup> См.: Щавлинский М.С. Н.П. Кондаков и Бунины в Одессе // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Сборник научных трудов VI Международной научно-практической конференции (20–21 октября 2022 г., г. Орел, ОГУ имени И.С. Тургенева). Орел, ОГУ имени И.С. Тургенева, издательство «Картуш», 2022. С. 235–243.; Щавлинский М.С. Н.П. Кондаков и Бунины в эмиграции // Новый филологический вестник. 2022. № 4 (63). С. 144–157.

<sup>3</sup> Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 19.

<sup>4</sup> Путеводители пользовались большой популярностью у путешественников, писателей и простых читателей. См. также перечень разных русских путеводителей (в частности, по Востоку): Русский тревелог XVIII – начала XX веков: аннотированный указатель / под ред. Т.И. Печерской; сост. А.А. Богодерова, Н.А. Ермакова, А.Е. Козлов, Н.В. Константинова, В.В. Мароши, Т.И. Печерская, А.А. Пономарева, О.С. Рощина, О.А. Фарафонова. Новосибирск: ООО «Немо Пресс», 2018. С. 630–660.

концептуальном понимании борьбы личного и субъективного опыта путешественника с готовой символической и структурной матрицами Путеводителя<sup>1</sup>. Борьба Бунина с нарративом Путеводителя начинается с первых же страниц, причем это сознательный ход. В первом же очерке Бунин начинает подвергать сомнению устоявшиеся мнения, которые транслирует общий нарратив Путеводителя, типичные «восприятия» и структуры воспроизведения текста.

Отдельно оговорим набор бунинских приемов, частотность которых позволяет выделить и описать их как инструменты работы с текстом. Заметим также, что не все приемы направлены на борьбу с Путеводителем, есть и такие, которые «подыгрывают» ему.

Жанр травелога сформировался в творчестве Бунина уже в 1890-е гг.: в очерках «На Донце» (1895), «Казацким ходом» (1898), «На Женевском озере» (1901). Бунин создает параллелизм социально-бытовой и историко-поэтической реальности. В очерке «Казацким ходом» географическое пространство Днепра воспринимается Буниным сквозь призму «Слова о Полку Игореве», гребцы на корабле выглядят сошедшими со страниц гоголевского «Тараса Бульбы»<sup>2</sup>. Задачей травелога, по Бунину, становится не столько передача реального опыта путешественника, а практика воссоздания определенного духа путешествия и подлинного ощущения от определенного пространства. По Бунину, книги хранят память мест, запечатлевают в себе их неповторимый «чекан души», который истинный поэт может рассмотреть силой поэтического прозрения. На наш взгляд, мастерство этого приема Бунин и демонстрирует в книге «Храм Солнца». Так, например, второй «реальностью» «Тени Птицы» становятся ислам (Коран), жизнь и поэзия полулегендарного поэта Саади. В «Море богов» пространство вокруг понимается через мифы Древней Греции, а все очерки Святой земли «прочитываются» через библейский хронотоп и книги А.А. Олесницкого. Также

---

<sup>1</sup> Здесь и далее Путеводитель понимается как обобщенный (в структуралистском значении) текст, объединяющий всю традицию современного Бунину путеводителя по Востоку. Оговоримся, что Бунин был знаком с разными путеводителями той эпохи.

<sup>2</sup> См. подробнее: *Щавлинский М.С.* Эволюция травелога в раннем творчестве И.А. Бунина: от «Казацкого хода» до «Храма Солнца» // Eurasiascience. Сборник статей XLIX международной научно-практической конференции (15 ноября 2022 г., Москва). М.: «Научно-издательский центр «Актуальность. РФ», 2022. С. 292–295.

труды Олесницкого и М. Алоуфа оказывают сильное влияние на очерк Бунина «Храм Солнца».

Прием, используемый для описания параллельных реальностей, — неймдропинг (термин Й. Кюста): «когда в поэтическом тексте упоминается имя, это упоминание может иметь две принципиально различные функции. С одной стороны, оно может быть знаковым: имя можно рассмотреть семиотически как икону, как символ определенного понятия или как репрезентацию определенного нарратива, связанного с этим именем. С другой же стороны, сам факт упоминания имени может служить риторической или поведенческой цели: называя культурно весомое имя, мы указываем на факт нашего знания об этой культурной весомости и, тем самым, на нашу принадлежность к той социальной группе, для которой это знание важно в качестве отличительной черты групповой идентичности. В таком случае речь идет о том, что можно называть *name-dropping*. Как следствие, в поэтическом тексте элемент поведения может играть существенную роль»<sup>1</sup>.

Когда Бунин в «Тени Птицы» пишет: «А имена этих долин и вилл, идущих справа и слева, по ломаным гористым берегам, вплоть до Мраморного моря! — Источник Платанов, Долина Роз, Долина Повелителя, Небесный Ручей, Звездный Дворец, Сладкие Воды...»<sup>2</sup> — или в большом количестве в пределах одной страницы «раскидывает» имена, топонимы, исторические факты и т.д. — за этим словоупотреблением ничего не стоит, это пустое множество, прием, чтобы создать флер недосказанности, указать на объем собственной эрудиции и сообщить читателю о своей приобщенности к определенной «знающей» группе людей.

Следующие важные приемы — это способы борьбы с нарративом путеводителя. Во-первых, это слом читательского ожидания. Путешественник на Восток или опытный читатель травелогов заранее предугадывают, куда пошел или поехал лирической герой. Определенная последовательность действий известна ему из путеводителей или из личного опыта путешествия. По этой причине Бунин

<sup>1</sup> Кюст Й. Name-dropping: об одном поэтико-риторическом приеме в творчестве Иосифа Бродского (на материале «Школьной антологии») // НЛО. 2004. №3. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/3/name-dropping-ob-odnom-poetiko-ritoricheskom-prieme-v-tvorchestve-iosifa-brodskogo.html>

<sup>2</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 108.

сознательно «играет» с читательскими ожиданиями и там, где читатель ждет одного, намеренно предлагает ему что-то иное. Такой прием позволяет обновить монотонность повествования и создать интригу внутри знакомой повествовательной ситуации. Во-вторых, это рекомпозиция. Бунин намеренно делает свое литературное путешествие не совсем похожим на настоящее. Так, он описывает те топосы, которые не посещал, а только видел издали, умалчивает о тех, где был, переставляет местами некоторые топосы или объединяет две части путешествия в одну. Этот прием также призван обновить тривиальность повествовательных ходов. В-третьих, это намеренное использование историко-культурного экскурса из-за пределов путеводителя, таким образом, повествователь подчеркивает уровень своей экспертизы в отношении поездки, показывает свою осведомленность и авторитетность. В случае Бунина это достигается цитированием историко-археологических (Олесницкий) или филологических (Холмогоров) трудов. При этом, часто это не прямое цитирование, а скрытое, сложная контаминация цитат или переписанные наново части чужого текста. Здесь перечислены основные и наиболее частотные приемы. Остальные важные приемы будут названы ниже.

### **2.3.1. Бунин и путеводители конца XIX – начала XX вв.**

Интерес к «восточным» путешествиям в России имеет длительную историю, начиная с паломнических хождений в Святую землю в XI–XII вв.<sup>1</sup> и завершая современными паломничествами<sup>2</sup>. Долгое время поездки на Восток и травелоги были результатом частных поездок, паломничеств или частью военно-дипломатических миссий. Расцвет общедоступных «восточных» путешествий из

<sup>1</sup> См.: *Гуминский В.М.* «Хожение» Игумена Даниила в контексте развития паломнической литературы // Православный палестинский сборник. 2014. №. 119. С. 119–172.; *Гуминский В.М.* Русская паломническая литература между востоком и западом // Литературоведческий журнал. 2017. № 42. С. 168–244.; *Топорова А.В.* Святая Земля глазами средневековых западноевропейских и русских паломников (итальянские дневники паломничества и русские «хожения») // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 1. С. 110–125.; Хождение игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в / Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом), Императорское православное палестинское общество; изд. подг.: О.А. Белоброва [и др.] отв. ред.: Г.М. Прохоров. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. 407 с.

<sup>2</sup> См.: *Малютина И.А.* Травелог в современной паломнической литературе // Святая земля в славяно-русской традиции: сб. ст. по материалам VII международного круглого стола (Москва, 22 мая 2017 г.) / ред.-сост. А.К. Коненкова, С.И. Михайлова. 2018. Вып. 2. С. 123–133.

России приходится на 1840–1850-е гг., а по-настоящему массовым паломничество стало к 1870–1880-м гг. (с этим связаны и визиты представителей императорской семьи Романовых в Иерусалим во второй половине XIX в.)<sup>1</sup>. Вехой можно назвать 1883 г.<sup>2</sup>, когда Императорское православное палестинское общество (ИППО, основано в 1882 г.<sup>3</sup>) утвердило специальные паломнические книжки, призванные удешевить поездки паломников в Святую землю. Как отмечают исследователи, это было связано с «идеологическим и культурным поворотом в России в 1880-х гг. в сторону актуализации традиционной русской идентичности»<sup>4</sup>. Паломническую книжку можно было приобрести у представителей ИППО в разных губерниях России. ИППО в своих региональных отделениях также постоянно проводило просветительскую деятельность: лекции, показ изображений (картин, литографий, фотографий) Иерусалима, Храма Гроба Господня и пр., тем самым формируя образ (в том числе визуальный) Святой земли и побуждая крестьян к паломничеству.

По талонам, содержащимся в книжке ИППО, можно было добраться на поездах в вагонах III класса до Одессы, а оттуда на пароходе (на палубе III класса) до Яффы и на поезде до Иерусалима. Для морского путешествия ИППО заключило

<sup>1</sup> См. подробнее: *Бутова Р.Б.* Романовский Иерусалим // *Русская история*. 2011. № 3. С. 36–41.

<sup>2</sup> О том, как во второй половине XIX века создавалась инфраструктура для паломничества из России в Святую землю см.: *Вах К.А.* Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю: к 150-летию основания Русской палестины 1860–1864. М., 2011. 62 с.; Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность (1882–1907 гг.). XXV историческая записка, сост. по поручению Совета О-ва проф. А.А. Дмитриевским / сост. по поручению Совета О-ва проф. А.А. Дмитриевским. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1907. [6], VIII, 332 с.

<sup>3</sup> Прежде с 1847 г. была Русская духовная миссия, затем, с 1856 по 1864 гг. Палестинский комитет, с 1864 г. он преобразован в Палестинскую комиссию, в 1889 г. большая часть полномочий передана ИППО. Наибольший расцвет деятельности Русской духовной миссии связан с ее начальником в 1869–1894 гг., Архимандритом Антонином (Капустином) (1817–1894). Это был весьма образованный церковный деятель, дипломат, ученый-византист, археолог, много сделавший для укрепления русской православной церкви в Палестине. При нем приобретены значительные земельные участки в Святой земле, что позволило строить больше подворий для паломников.

<sup>4</sup> *Шаповалов М.С., Бокатов А.Ю., Валитов А.А.* Воображая Палестину: Святая земля и русская идентичность в XIX – начале XXI в. СПб: Нестор-История, 2021. С. 46. (См. также: *Лисовой Н.Н.* Россия и Святая Земля в первой половине XIX века. Церковная политика на Православном Востоке / Н.Н. Лисовой, И.Ю. Смирнова. М.: [б. и.]; СПб.: Нестор-История, 2015. 775 с.; *Якушев М.И.* Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи: 1830-е – начало XX века. М.: Индрик, 2013 536 с.). Интерес крестьян к паломничеству в Святую землю был распространен и раньше. Отчетливо это видно на изданиях народной литературы о паломниках для крестьян. (См., например: *Ширяев Г.И.* Вечерние рассказы странника на родине о том, каким путем и как добраться до святого града Иерусалима. СПб.: тип. П.А. Кулиша, 1859. 136 с.). Отметим, что Григорий Иванович Ширяев (1817–1875) — происходил из зажиточной крестьянской семьи, был известным паломником и издателем. В возрасте 9 лет он лишился зрения, но слепота не помешала ему в будущем осуществить несколько путешествий на Афон и в Святую землю. Он принял деятельное участие в публикации «Писем Святогорца» афонского иеромонаха Серафима, с которым познакомился и близко сошелся в Палестине. Своим личным примером, издательской деятельностью и книгами Г.И. Ширяев популяризировал паломничество и вдохновил многих крестьян на путешествие в Святую землю, в том числе повлиял на решение Н.В. Гоголя посетить Святую землю.

специальное соглашение с «Русским обществом пароходства и торговли» (РОПиТ, основано в 1856 г.).

Для нужд паломников создается необходимая инфраструктура: подворья для ночлега и столовые; необходимое юридическое сопровождение; а также подробные путеводители со всей необходимой информацией. РОПиТ также принимал в этом активное участие и ежегодно (с 1897 по 1914 гг.) издавал «Иллюстрированный путеводитель по Крыму, Кавказу и Ближнему Востоку»<sup>1</sup>. В путеводителях приводится расписание кораблей, время путешествия, стоимость кают I–III классов, справочные сведения о городах, в которых останавливается корабль, карта Ближнего Востока, городов и окрестностей, перечень необходимых документов и сведения о юридических процедурах, а также экскурсионные маршруты и стоимость проживания в разных гостиницах. Похожую структуру имеют все путеводители тех лет. Также многие путеводители по Святой земле содержали отдельную большую карту Иерусалима<sup>2</sup>.

Паломнические путеводители РОПиТ — не единственные. Известны, также «Путеводитель по Святой Земле» (переизд. 1886, 1890, 1894), «Русские богомольцы в Святой земле» (переизд. 1885, 1889, 1894, 1902, 1913), «Путеводитель по Святым местам Востока» (изд. ИППО, переизд. 1862, 1864, 1896, 1897, 1900, 1902, 1903, 1908, 1910, 1915), «Иллюстрированный путеводитель по Святым местам Востока»

<sup>1</sup> Иллюстрированный путеводитель по Крыму, Кавказу и Ближнему Востоку / Рус. о-во пароходства и торговли. Одесса: тип. Акц. Юж.-Рус. о-ва печ. дела, 1897–1914. Здесь и далее в качестве примера мы использовали издания: *Путник* [Лендер Н.Н.]. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку (Константинополь — Каир). Одесса, 1903. 201 с.; и переиздание 1906 г.: *Путник* [Лендер Н.Н.]. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку (Константинополь — Каир). Одесса, 1906. 215 с. Путеводитель 1907 г. был напечатан в укороченной версии и ориентирован только на Одессу, Крым и Кавказ. См.: *Путник* [Лендер Н.Н.]. Путеводитель по Одессе, Крыму и Кавказу. Одесса, 1907. 180 с. Текст в изданиях 1903 и 1906 гг. — отличается, но незначительно. Далее, говоря о Константинополе при цитировании мы отдаем предпочтение изданию 1903 г. как более раннему, однако в случае необходимости цитируем и издание 1906 г. Мы исходим из предположения, если мы говорим об очерке «Тень Птицы», что путеводитель мог быть известен Бунину уже в 1903 г., — в год его первого путешествия — и также из того, что впечатления 1903 и 1907 гг. совмещены в очерке. Говоря об Афинах, Александрии и Каире, мы будем цитировать переиздание 1906 г. как хронологически более близкое. Под псевдонимами: Путник и Лендер Н.Н., согласно словарю Масанова, писал журналист, путешественник, этнограф Николай Николаевич Рейхельт (1864 – [не ранее] 1924). (См.: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов. М., 1957. Т. 2. С. 385). В путеводителях РОПиТ Путник также ссылается на свою более раннюю книгу, переработка которой легла в основу текста путеводителя: *Путник. Босфор и Константинополь; Анатолийское побережье; По Русскому югу: очерки и картинки / с карт. Черного моря.* СПб.: тип. А.С. Суворина, 1892. VIII, 244 с. Данное издание, в котором более подробно и объемно представлен текст из путеводителя, также учтено нами.

<sup>2</sup> См., например: *Михайловский В.Я.* Святы́й град Иерусалим: с 15 рис. и планом. СПб.: С.В. Богданович, 1882. 92 с. Карта вложена на последней странице. Представленное издание книги примерно соответствует современному формату А5, содержащаяся внутри карта примерно соответствует формату А2.

(1903) и др. В разработке таких путеводителей (в сотрудничестве с РОПиТ) принимало активное участие ИППО: «Теперь съездить поклониться святым местам и вернуться обратно можно месяца в два, а прежде употребляли на это дело около года. Сама дорога стала легче и безопаснее: <...> От Москвы <...> до Одессы <...> а затем <...> до Яффы <...> и обратно опять до Москвы, билет за всю дорогу стоит 51 рубль 50 копеек; такой же билет от Киева стоит 38 рублей 50 копеек. <...> <ИППО> старается всячески облегчить трудности пути для русских богомольцев в Святую Землю. <ИППО> выпустило особые паломнические книжки, по которым можно проехать до самой Святой Земли и обратно. Они стоят дешевле <...> и имеют силу в продолжении целого года»<sup>1</sup>.

В свое первое путешествие (1903 г.) Бунин отправился «на пароходе “Нахимов”, идущем Македонским рейсом через Афон»<sup>2</sup>, пароход принадлежал РОПиТ. В 1907 г. Бунин вечером отплывает на корабле РОПиТ из Александрии, о чем свидетельствует запись в его дневнике: «Александрия. “Император Николай Второй”. Все загружено русскими богомольцами из Палестины. Та же каюта»<sup>3</sup>. Путешествие в 1910–1911 г. Бунин осуществлял на пароходах Добровольного флота: «Владимир», «Тамбов». А также на французском корабле «Юнан»: «все ждали пар<охода> Добр<овольного>флота, скитаясь по Египту, не дождались — и на франц<узском> пароходе уехали»<sup>4</sup>.

Добровольный флот был основан в 1878 г., 8 мая 1879 г. установлена главная восточная линия Одесса — Владивосток. Добровольный флот специализировался на перевозке ссыльных заключенных на Сахалин, на доставке грузов в восточную часть России (особенно для строительства Великого Сибирского пути). Часто услугами Добровольного флота пользовались переселенцы<sup>5</sup>. В 1907 г. (год бунинского путешествия на Восток) Добровольный

<sup>1</sup> Русские богомольцы в Святой земле. СПб., 1902. С. 4–5. См. также: «Вообще, для безбедного, так сказать, просуществования поклонника в Св. Земле, включая сюда переезд туда и обратно, необходима сумма, по меньшей мере, от 200 до 300 рублей» (Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 62).

<sup>2</sup> Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. М., 2003. С. 423.

<sup>3</sup> Литературное наследство Т. 110. Кн. 2: И.А. Бунин. 2022. С. 25.

<sup>4</sup> Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. М., 2007. С. 169.

<sup>5</sup> Об этом часто свидетельствуют авторы травелогов. См., например: Гребенщиков М.Г. Путевые записки и воспоминания по Дальнему Востоку. СПб: тип. Я.И. Либермана, 1887. 271 с. Первая глава названа «На переселенческом пароходе» (С. 1–64).

флот начал осуществлять паломнические перевозки по линии Одесса — Бейрут. С 1880 по 1925 гг. кампания ежегодно издает книгу «Правила и тариф на перевозку». С 1899 г. Добровольный флот начинает издавать путеводители, в том числе: «На Дальний Восток из Одессы: Плавание Добровольного флота»<sup>1</sup>. Маршрут был таков: Одесса — Константинополь — Порт-Саид — Суэцкий канал — Аден — Перим — Коломбо — Пенанг — Сингапур — Порт-Артур — Нагасаки — Владивосток — Шанхай — Сахалин — Великий Сибирский железнодорожный путь. В путеводителях Добровольного флота (с подзаголовком: «На Дальний Восток из Одессы») главы имели названия, одноименные остановкам, перечисленным выше. В путеводителях присутствовали все структурные элементы из путеводителя РОПиТ: таблицы с расчетами стоимости, карты, иллюстрации, статьи о каждой из остановок, маршруты экскурсий и пр.

Путеводители (особенно по Святой земле), ставили перед собой задачу облегчить дорогу путешественника (паломника) и послужить ему полезным спутником<sup>2</sup>.

Схожий паломнический пафос встречаем и у Бунина на первых страницах открывающего книгу очерка «Тень Птицы»: «Храм Солнца, к которому я совершаю паломничество»<sup>3</sup>. Паломничество к «Храму Солнца» совершается в предпоследнем одноименном очерке, но сама книга завершается очерком «Геннисарет», повествующем о молодости Христа на берегах Геннисаретского озера. Автор делится личным духовным просветлением и заканчивает очерк чтением Евангелия. Таким образом, изначальное паломничество по древним капищам Востока в глубины истории оканчивается традиционным (для паломнической литературы) обретением Христа.

Несмотря на доступность путешествий для обычных крестьян в конце XIX — начале XX вв. многие не могли себе этого позволить, но охотно читали

<sup>1</sup> Карант Г.Н. На Дальний Восток из Одессы: Плавание Добровольного флота. Одесса: Г. Н. Карант, 1902. 72 с.

<sup>2</sup> Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. I–II.

<sup>3</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 102.

путеводители и совершали «воображаемое» путешествие.<sup>1</sup> Это осознавали и авторы путеводителей<sup>2</sup>.

По всей видимости, Бунину еще в конце XIX в. были хорошо известны РОПиТ и Добровольный флот<sup>3</sup>, а также их маршруты по Ближнему Востоку, Святой земле и маршрут от Одессы до Владивостока. В уже упомянутом письме к брату Юлию (от 17, 18 апреля 1899 г.) с предложением о совместной поездке в Константинополь перечисляются две мореходные компании, предлагавшие свои услуги тогда: «Побывал в порту, в конторе Р<усского> о-ва пароходства, разговаривал с моряками <...> качки быть не может никакой — в особенности на таких гигантских пароходах <...> Пароход прямо-таки гигант, не меньше пароходов “Добров<ольного> флота” — настоящий океанийский»<sup>4</sup>. Важно также заметить, что путеводитель Бунин упоминал и в «Геннисарете»: «Блохи же Тивериады упоминаются даже в путеводителях»<sup>5</sup> — это упоминание осталось во всех редакциях и изданиях. А В.Н. Бунина, будучи в Тивериаде, — «срывает и прячет в путеводитель цветок»<sup>6</sup>.

Знакомство Бунина с текстом путеводителя во время путешествия подтверждает В.Н. Бунина, она пишет: «— Вот где надо было бы остановиться! — воскликнул Ян. — В путеводителе указаны гостиницы внутри города и, кажется,

<sup>1</sup> Рожественская М.В. «Священный хронотоп» в паломнической прозе (Яффа глазами русских богомольцев XIX в.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 3. С. 10–14.

<sup>2</sup> Арсений (иеромонах). Путеводитель во святыи град Иерусалим ко Гробу Господню, и прочим святым местам Востока и на Синай: С воспоминанием страстей Христовых и прочих знаменательных событий, совершившихся на святых местах. М.: Афонск. Рус. Пантелеймонов монастырь, 1904. С. 3.

<sup>3</sup> О повышенном интересе Бунина к пароходам, пароходным агентствам и путеводителям писали путешествовавшие с ним. В.Н. Бунина в «Новой жизни», так вспоминала один из эпизодов в Одессе перед отплытием в Константинополь: «Стали рассматривать пароходы в порту. Ян был очень возбужден Одессой, свежим весенним утром, предстоящим путешествием и с какой-то необыкновенной радостью стал поименно называть мне пароходы, объяснять, какому обществу принадлежит тот или другой, жалел, что нет времени до завтрака сбежать в гавань, “побродить среди всевозможных тюков с товарами”, “подышать сложными портовыми запахами — смолы, копры, рыбы, ванили, рогож...”. Я слушала об этой неведомой для меня жизни с каким-то упоением» (Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 327–328). Или, например, Н.А. Пушешников, во время совместного с И.А. и В.Н. Буниными путешествия, из Афин (письмо от 25 февраля 1912 г.) писал Ю.А. Бунину: «В первый день мы с ним <с И.А. Буниным> до самого вечера ходили по пароходным агентствам и были два раза в порту, где осматривали океанские пароходы, отходящие в дальнее плавание. (Это ведь его пункт помешательства)» (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2. 1910–1919. М., 2017. С. 164). См. также стихотворение Бунина «В порту» («Огромный, красный, старый пароход...»), 1906 г.

<sup>4</sup> Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. М., 2003. С. 281–282.

<sup>5</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 219.

<sup>6</sup> Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 383.

именно в этой улице. На обратном пути найдем и узнаем, если будут свободные номера, непременно переедем»<sup>1</sup>.

Рецензируя «восточные» тексты Бунина, И. Анненский<sup>2</sup> указывал на несколько иностранных популярных путеводителей, о существовании которых, по всей видимости, Бунин тоже хорошо знал: «Все эти путешествия с их историческими и литературными экскурсами в пределах книг Бэдекера и Грельфеса в общем до того наскучили, что и талант Ив. Бунина в этой области уже отнюдь не выигрывает»<sup>3</sup>. Скорее всего, упоминая книги Грельфеса, Анненский имеет в виду путеводители (сейчас бы сказали историко-географические труды) по Италии<sup>4</sup> и Швейцарии<sup>5</sup> Иоганна Теодора Гзелл Фельса (Johann Theodor Gsell Fels, 1818–1898) — швейцарского писателя, историка искусств и врача.

Весьма популярным был и путеводитель «бедекер»<sup>6</sup>, издаваемый с 1839 г. немецким издателем Карлом Бедекером (1801–1859), позднее его дети значительно расширили семейное дело: бедекеры продавались по всей Европе и были переведены на все европейские языки. Перевод на русский язык (или так называемый «Русский Бедекер») издавался с 1899 г.<sup>7</sup>

Путеводители из бедекеровской серии и путеводитель Гзелл Фельса могли быть также известны Бунину во время его совместного путешествия с В.П. Куровским (1869–1915) по Германии, Франции и Швейцарии осенью 1900 г. Друзья выехали 11 октября 1900 г. из Одессы, в Варшаву, 14 октября — в Берлин, 17 октября — в Кёльн, 18 октября — в Париж, отправились далее — в Женеву, 28 октября. Посетили многие города Швейцарии: Лозанну, Веве, Монтрё, Берн,

<sup>1</sup> Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 356.

<sup>2</sup> А вслед за ним и А.А. Бурнакин (см. параграф 3.1).

<sup>3</sup> Анненский И. Отзывы о книгах. 1910. С. 237.

<sup>4</sup> *Gsell-Fels Th.* Bd. 1. Rom und Mittel-Italien. Hildburghausen: Bibliogr. Inst., 1871.; Bd. 2. Rom und Mittel-Italien. 1871.

<sup>5</sup> *Gsell-Fels Th.* Die Schweiz. Bd. 1: Vom Genfer See über den St. Gotthard und Vierwaldstätter See in's Berner Oberland. 1877.; Bd. 2: Von Bern über Basel nach dem Osten, der romanischen Schweiz und Zürich. 1877. Это очень объемные книги большого формата, которые едва ли можно взять с собой как путеводитель на туристическую прогулку.

<sup>6</sup> Известность «бедекеров» была настолько высока, что часто это слово употребляли как синоним слову «путеводитель» или «гид». См., например: Соколов И.В. Бедекер по экспрессионизму. М., 1920. Далее пишем без кавычек.

<sup>7</sup> *Бедекер К., Жоан А.Л.* Путеводитель по Ривьере от Марселя до Генуи. Санкт-Петербург: тип. Левенштейна, 1899. 133 с. Любопытно, что именно с этими двумя локусами: Марселем и Генуей Бунин сравнивает Константинополь в дореволюционных изданиях. См.: Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 133.

Интерлакен, Гринденвальд, Мюррен, Бриенц, Брюниг, Люцерн. 7 ноября Бунин и Куровский отправились в Мюнхен, 12 ноября — в Вену, на следующий день они уехали в Прагу, 14 ноября — в Дрезден. 17 ноября Бунин приехал в Санкт-Петербург<sup>1</sup>.

По результатам этой поездки Бунин опубликовал очерк «На Женевском озере»<sup>2</sup> в 1901 г., в последующих переизданиях<sup>3</sup> произведение называлось «Тишина». В первом издании оно было посвящено В.П. Куровскому. В очерке главные герои перед тем, как отправляться на озеро, «зашли в отель за путеводителем»<sup>4</sup>. Плавая по озеру, герои рассуждают о тех великих людях, которые также когда-то побывали здесь: Байрон, Вольтер, Руссо, Мопассан, Мюссе и др. Похожее перечисление имен писателей (своеобразная достопримечательность), в разное время посещавших озеро, можно встретить в путеводителе Бедекера: «Озеро на протяжении веков было излюбленной темой писателей всех стран — Байрона, Вольтера, Руссо, Александра Дюма и многих других»<sup>5</sup>. Этот факт позволяет предполагать, что и в будущих своих путешествиях, и при работе с текстом, Бунин использовал бедекер или путеводители вообще для работы с текстом.

Путеводитель Бедекера был весьма распространенным атрибутом русских путешественников 2-ой половины XIX – начала XX вв. Его упоминание встречаем в романе А.Ф. Писемского «Взбаламученное море» (1863); в дневниках и письмах П.И. Чайковского (1877–1880); в книгах М.Е. Салтыкова-Щедрина: «За рубежом» (1881), «Недоконченные беседы» (1885); в серии книг Н.А. Лейкина «Наши за границей» о путешествиях супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны

<sup>1</sup> Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 373–380.

<sup>2</sup> Бунин И.А. На Женевском озере // Мир Божий. 1901. № 7. С. 34–38.

<sup>3</sup> Было 6 переизданий: 1902, 1903, 1904, 1912, 1913, 1915 гг.

<sup>4</sup> Бунин И.А. На Женевском озере. 1901. С. 34. В последующих переизданиях этот фрагмент изъят. Вероятно, Бунин и Куровский могли пользоваться очень популярным в то время путеводителем Бедекера, его французским, английским или немецким изданием: (пер. Швейцария: и прилегающие части Италии, Савойя и Тироль: справочник для путешественников). Путеводитель Бедекера по Швейцарии (1844) стал одним из самых известных и регулярно переиздавался. Хотя русскоязычные путеводители по Швейцарии тоже известны с 1860–70-х гг. Например, путеводители Н. Майского (СПб., 1860; переизд. 1865, 1867), П. Якубовича (СПб., 1874) или современные для бунинского путешествия (1890–1900-е) путеводители Л. Брейтфуса (Берлин, 1897), А.П. Ненашева (М., 1901).

<sup>5</sup> Baedeker K. Switzerland: and the adjacent portions of Italy, Savoy, and the Tyrol: handbook for travellers. London: Dulau and Co., 1891. p. 223. (перевод выполнен мной — М.Щ.). «Русский Бедекер» по Швейцарии впервые был издан в 1909 г. (Киев: изд. П. Копельмана).

Ивановых; этот путеводитель упоминается Андреем Белым, П.Д. Боборыкиным, М.А. Кузминым, Л.Н. Андреевым, К.Д. Бальмонтом, О.Э. Мандельштамом, А.И. Куприным и др.

Бедекеровский путеводитель упоминала В.Н. Муромцева-Бунина во время пребывания в Стамбуле в 1907 г. В очерке «Путь до Святой земли» из книги «Беседы с памятью», перечисляя людей на улице Стамбула, она писала: «...и туристы с бедекером»<sup>1</sup>. В «Иудее», отплывая из Яффы, Бунин писал: «Опять замелькали вокруг меня <...> красные путеводители...»<sup>2</sup>. Красная обложка — характерная и узнаваемая деталь бедекера. Но, похоже, самым очевидным обращением к бедекеру является следующая цитата из «Зодиакального света». Посещая арабское кладбище и разглядывая колонну Помпея, Бунин пишет: «И надо всеми этими братскими могилами высилась колонна. Но оказалась она гораздо менее заманчива, чем ее название в гидах: “Монолит розового<sup>3</sup> ассуанского мрамора”»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 341. На момент путешествия Буниных существовали разные переиздания «бедекеров» по Палестине и Сирии на разных европейских языках, приведем два из них на английском и французском: *Baedeker K. Palestine and Syria with the chief routes through Mesopotamia and Babylonia: a handbook for travellers*. 4th ed. Leipzig: K. Baedeker Publ., 1906. 436 p.; *Baedeker K. Palestine et Syrie: avec les routes principales a travers la Mésopotamie et la Babylonie: manuel du voyageur*. 3 ed. Leipzig: K. Baedeker Publ.; Paris: P. Ollendorff Édité., 1906. 629 p. Переводов бедекера по Сирии и Палестине не существовало. Было краткое переложение 1916 г. на основе доклада по бедекеру: *Башилов П.П. О Палестине и Святой земле: (По Бедекеру)* / [Сост. г. уфим. губернатор П.П. Башилов и прочел 20 дек. 1915 г. в здании Реал. уч-ща на палест. вечере]. Уфа: Электр. губ. тип., 1916. 18 с. В русскоязычном бедекере по Палестине не было надобности, так как это было весьма популярное направление для путешественников и паломников, о котором существовало множество путеводителей на русском языке, как мы уже указывали ранее. Исключение, пожалуй, составляет как раз Сирия по ней, на момент путешествия, не было русскоязычного полного и соответствующего бедекеру путеводителя, были только травелоги. Поэтому, анализируя очерк «Храм Солнца» мы использовали бедекер.

<sup>2</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 187. Отметим, что под красным путеводителем мог предполагаться и английский путеводитель серии «Murray's Handbooks for Travellers». Путеводитель издавался John Murray Publisher с 1836 г. Основателем издательства был шотландец, морской офицер — Джон Мюррей (John Murray, 1737–1793). Путеводители Мюррея, в первую очередь, были ориентированы на путешествия по внутренней Англии, Европе и колониям. Путеводитель был распространен среди англичан, особенно до появления англоязычных бедекеров. В сравнении с бедекерами путеводители Мюррея не так часто переиздавались, по этой причине современный путешественник, ищущий актуальную информацию, мог скорее предпочесть путеводитель Бедекера, чем Мюррея. Так, например, ближайший к бунинскому путешествию путеводитель по Турции и Греции издан в 1900 г., ближайший путеводитель о Египте — в 1907 г., ближайший путеводитель по Палестине и Сирии — в 1903 г. Возможно, это объясняется тем, что издательство ориентировалась на разные типы литературы и издавало много художественной литературы, путеводители не были основным видом заработка, тогда как издательство бедекеров специализировалось именно на них.. Однако мы также учитывали путеводители этой серии в нашей работе. В том числе, о путеводителе из этой серии, который мог читать Бунин, находясь на Цейлоне см. параграф 2.3.7.

<sup>3</sup> Во всех изученных нами путеводителях на русском, английском и французском языках сказано, что цвет — красный. По какой причине Бунин определяет цвет как розовый — неясно. Возможно, это результат неточного цитирования, перевода или личного субъективного (и художественного) восприятия самой колонны.

<sup>4</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 149. Почти все упоминания путеводителей отсутствуют в эмигрантских переизданиях.

Наиболее точное воспроизведение этой фразы нам удалось найти только в бедекерах по Египту. Нельзя с точностью сказать, с какого языка Бунин в данном случае переводит: английском или французском<sup>1</sup>. Отметим, однако, что слово «гид» скорее указывает в пользу французской серии «Guides Baedeker», нежели английской «Handbook for Travels by Karl Baedeker»<sup>2</sup>:

<b>Guides Baedeker</b>	<b>Handbook for Travels by Karl Baedeker</b>
La colonne, en granit rouge d'Assouan <sup>3</sup>	The monument is composed of red granite from Assuan <sup>4</sup>

Уже упомянутое замечание: «Блохи же Тивериады упоминаются даже в путеводителях»<sup>5</sup>, — видимо, тоже взято со страниц бедекера по Палестине и Сирии:

<b>Guides Baedeker</b>	<b>Handbook for Travels by Karl Baedeker</b>
Tibériade est décriée dans toute la Syrie pour ses puces; les Arabes disent que c'est la résidence du roi de ces insectes. <sup>6</sup>	Tiberias is notorious throughout Syria for its fleas; the Arabs say the king of the fleas resides here. <sup>7</sup>

<sup>1</sup> В начале XX века переиздания «бедекеров» или новые путеводители выходили, как правило, одновременно на английском и французском языках. Мы использовали издания 1908 г., т.к. «Зодиакальный свет» написан в 1908 г. Предыдущие издания бедекеров 1903 г. нами изучены и учтены.

<sup>2</sup> А.В. Амфитеатров в 1912 г. «изучая экзотическую поэзию И.А. Бунина» иронично отмечал: «Какой Бедекер пропадает в этом академике!» (*Амфитеатров А.В. Ау! Сатиры, рифмы, шутки, фельетоны и статьи.* СПб., 1912. С. 208.; См. также: *Двинятина Т.М. Иван Бунин: Биографический пунктир: в 2 т.* СПб.: Вита Нова, 2020. Т. 1. 1870–1919. С. 185). Автор благодарит Татьяну Михайловну Двинятину за это ценное указание.

<sup>3</sup> *Baedeker K. Basse-Egypte. Alexandrie. Egypte et Soudan: Manuel du voyageur. Guides Baedeker.* 3 ed. Leipzig, K. Baedeker Publ.; London, Dulau and Co. Publ.; New York, C. Scribner's Sons Publ., 1908. P. 15.

<sup>4</sup> *Baedeker K. Lower Egypt. Alexandria. Egypt and the Sudân: handbook for travelers by Karl Baedeker.* 6th ed. Leipzig, K. Baedeker Publ.; London, Dulau and Co. Publ.; New York, C. Scribner's Sons Publ., 1908. P. 14.

<sup>5</sup> *Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т.* Пг., 1915. Т. 4. С. 219.

<sup>6</sup> *Baedeker K. Palestine et Syrie: avec les routes principales a travers la Mésopotamie et la Babylonie: manuel du voyageur.* 3 ed. Leipzig: K. Baedeker Publ.; Paris: P. Ollendorff Édit., 1906. P. 241. Пер. с фр.: «По всей Сирии Тверию презирают из-за ее блох; арабы говорят, что это резиденция короля этих насекомых». (Перевод выполнен мной — М.Щ.).

<sup>7</sup> *Baedeker K. Palestine and Syria with the chief routes through Mesopotamia and Babylonia: a handbook for travellers.* 4th ed. Leipzig: K. Baedeker Publ., 1906. P. 247. Пер. с англ.: «Тверия печально известна по всей Сирии своими блохами; арабы говорят, что здесь обитает король блох». (Перевод выполнен мной — М.Щ.).

Таким образом, Бунин уже в 90-е гг. XIX века был хорошо знаком с разными путеводителями и мог использовать их, создавая свои тексты — пример тому очерк «Тишина». Впоследствии, начиная путешествовать по Востоку и описывая его, Бунин также (в жизни и творчестве) обращался к путеводителям как к источнику информации<sup>1</sup>. Утилитарное использование путеводителей во время реального путешествия кажется очевидным — так путешествовали все, и в них была собрана важнейшая практическая информация, без которой поездка становилась затруднительной. Но вот использование путеводителя как претекста, по лекалам которого пишется художественный текст или художественный путеводитель, — ход необычный.

### 2.3.2. Образ путешественника-европейца

В тексте Бунина существенное место отведено созданию образов путешественников и местных жителей. Вообще, надо сказать, описание встреченных людей, их привычки, внешний вид — так же сильно занимали Бунина, как и описание достопримечательностей. На фоне всех представленных типов, на наш взгляд, сильно выделяется и объемно показан образ путешественника-европейца (как правило, англичанина). Для Бунина это был если не образец того, как должен выглядеть и вести себя путешественник, то, как минимум, тот образ, которому он на протяжении всех очерков отдает явное предпочтение. На интерес Бунина к англичанам, в том числе, указывал П.А. Нилус в письме от 4-го или 5-го декабря 1908 г. (см. Приложение 2): «Не срами себя блохами, страхом перед гигиеной, настоящий путешественник должен быть вооружен с головы до ног, вклеить хоть одну пулю в пасть крокодилу и пр. и пр., а то выходит какой-то “компанейский Египет” — англичане тебя ни за что не переведут»<sup>2</sup>. Англичане, по логике Нилуса, осуществили экспансию самого жанра травелога (на Восток) — они задают описательную модель и образ «настоящего путешественника», и они же

<sup>1</sup> Отметим также существующие в архиве ОГЛМТ путевые заметки Буниных о «восточных» путешествиях, а также несколько путеводителей. Этот материал заслуживает отдельного подробного исследования и на данный момент не будет включен в диссертацию. См.: И.А. Бунин. Список музейных предметов основного и научно-вспомогательного фондов Редкая книга, Рукописно-документальный фонд, Изобразительные источники, Вещественные памятники (ОГЛМТ. Фонд 14. Опись 1) / сост. Н.В. Уракова. Орел: ОГЛМТ. 2018. 441 с.

<sup>2</sup> Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 771.

оценивают качество («англичане тебя не переведут») произведений. Вероятно, по мнению Нилуса, такой аргумент должен был показаться Бунину важным.

В Александрии (в «Зодиакальном свете») Бунин сразу обращает внимание на «английских солдат в тропической форме, верхом на великолепных гнедых лошадях»<sup>1</sup> и также указывает на европейскость города: сначала улица Шериф-Паши «по которой я поехал к каналу <...> казалась бы совсем европейской», а затем, «когда же мы выехали на широкую и чистую набережную канала, соединяющего море с Нилом, город снова поразил меня своим экзотически-европейским характером. Виллы и сады тянулись вдоль всего правого берега»<sup>2</sup>. Буквально в следующем предложении Бунин выстраивает оппозицию (европейского vs африканского; бедного vs богатого; правого берега vs левого берега), таким образом вновь подчеркивая колониальный дискурс: «по-африкански желтели среди пальмовых и тамариндовых роц глиняные хижинки по левому берегу. По-африкански бедно было в кварталах, прилегающих к Старому порту <...>. По-африкански горели против опускавшегося солнца стекла в желтых домах разноплеменной александрийской бедноты»<sup>3</sup>.

Путеводитель также указывает на европейскость Александрии: «Александрия — в настоящее время нарядный европейский город<sup>4</sup>, немного на английский манер<sup>5</sup>, с прекрасной главной улицей <...> со стройными высокими зданиями, с большими красивыми магазинами <...> только обилие смуглых лиц арабов напоминает вам, что вы в Африке»<sup>6</sup>. Желая добавить знакомой перспективы для сравнения, подчеркнуть моду и статус, путеводитель о загородной местности Александрии сообщает: «туда предпринимают прогулки в экипажах вроде того, как

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 146.

<sup>2</sup> Там же. С. 148.

<sup>3</sup> Там же. С. 148.

<sup>4</sup> В путеводителе также сообщают, что «по переписи 1897 г., в ней <в Александрии> насчитывалось свыше 319 тысяч жителей, из которых 50.000 европейцев, главным образом греков и итальянцев» (*Путник*. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1906. С. 175). «Александрию посещают свыше 2000 судов, большей частью английских» (Там же. С. 176).

<sup>5</sup> Ниже в путеводителе этот аспект освещается подробнее: «Современная Александрия имеет международную физиономию и, как выше сказано, с английским оттенком. Об этом с первого взгляда говорят вам многочисленные вывески на английском языке, не только близ набережной, но и в центре города», далее уже как достопримечательности перечисляются памятник английскому генералу Уильяму Эрлу (Will Earle), английская церковь и другие «учреждения английской колонии». (Там же. С. 176).

<sup>6</sup> Там же. С. 175.

петербуржцы ездят на острова»<sup>1</sup>. Отдельное внимание путеводитель также уделяет англичанам, избирая их своеобразным мерилom путешественника-европейца: «В Афинах, в Смирне и в других знаменитых древностью уголках Архипелага и Средиземного моря — всегда большой наплыв англичан и американцев. Они давно облюбовали Восток и совершают, можно сказать, самые сложные, большие путешествия, иногда целыми обществами. Такие компании вы постоянно можете видеть на пути в Александрию, Каир и далее. <...> Двадцать лет тому назад<sup>2</sup> наша публика не могла мечтать об особенных удобствах на морских судах, но теперь, даже взыскательные и чопорные англичане успели облюбовать благоустроенные, полные комфорта русские пароходы Александрийской линии»<sup>3</sup>.

На фоне англичан рекламируются удобства РОПит. Англичане действительно были своеобразным мерилom путешественника на Востоке, особенно в Египте.<sup>4</sup> Бунин в дореволюционных изданиях 8 раз упоминает англичан, английские отели, английских офицеров в очерках «Тень Птицы» и «Зодиакальном свете». «Английское» воспринимается Буниным таким же экзотическим<sup>5</sup>, как и все другое на Востоке. В «Тени Птицы» встреченная англичанка на корабле сравнивается с императрицей: «Под навесом спардека императрицей стоит англичанка, за ней — александрийский брюнет»<sup>6</sup>.

В эмигрантских изданиях этот микросюжет с англичанкой на пароходе от Одессы до Константинополя — снят. Как сняты вообще любые упоминания «английского» в тексте. Характерная историко-литературная актуальность этого упоминания для 1900-х гг. снизилась, и в 1920–30 е гг. интерес к англичанину на Востоке был минимален. По этой причине Бунин оставил в эмигрантских переизданиях лишь одно упоминание: «Опять маскарад, но еще более пестрый и праздничный, чем вчера — маскарад на воздухе, в жаркое весеннее утро! И дружно

<sup>1</sup> *Путник*. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1906. С. 175.

<sup>2</sup> В издании 1903 г. представлен тот же текст, таким образом, хронологическая перспектива для сравнения еще больше.

<sup>3</sup> *Путник*. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1906. С. 174.

<sup>4</sup> Об образе англичанина в путеводителях современников Бунина смотри Главу 3.

<sup>5</sup> Сравни с удивлением В.Н. Буниной от общения с англичанином за завтраком на борту парохода, идущего в Бейрут (*Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью*. М., 2019. С. 373–374).

<sup>6</sup> *Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 105. Подробное описание англичанки было представлено раньше (С. 103).*

мешает этот маскарад венские сюртуки с рыжими верблюжьими куртками, панамы с бараньими папахами, бирюзовоголазого англичанина с бедуинами, гиганта черногорца в белом шерстяном наряде, шитом золотом и обремененном оружием, с худосочным польским евреем, коричневую рясу францисканца с негром, сестру кармелитку с китайцем с неподвижной головой, с черной косой до пят и в лиловой кофте... И как просто и легко льется эта толпа, униженная мундирами и маком фесок, от Султан-Валидэ к самому людному месту Галаты»<sup>1</sup>.

Теперь англичанин намеренно затерян в маскараде, льющемся к самому людному месту Галаты, в обилии вещей: сюртуков, курток, панам, папах и среди людей всех рас, национальностей и религий: черногорцев, китайцев, негров, францисканцев, польских евреев. Этот эпизод сохранен с минимальными изменениями во всех публикациях очерка.

Похожее описание площадного маскарада встречаем и в «Зодиакальном свете»: «И пошли шумные людные коридоры, в которых все смешалось: и ослы, и английские полицейские, и коляски, и верблюды, и маленькие греки в соломенных шляпах, и рослые негры, одетые изысканно модно, и пегие бедуинские плащи, и несметные голубые рубахи, и восточные лавочки с зеленью, бараниной и рисом, и зеркальные витрины банкиров...»<sup>2</sup>.

В эмигрантских переизданиях этот фрагмент отсутствует. Возможно, чтобы вновь не повторяться, учитывая сходство этих фрагментов в разных очерках. В очерке «Зодиакальный свет», помимо «английских солдат» и «английских полицейских»<sup>3</sup>, Бунин также упоминает «казармы английского гарнизона»<sup>4</sup> и

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 117.

<sup>2</sup> Там же. С. 146–147. Схожее описание, но в Каире, приводит В.Н. Бунина: «На обратном пути мы попали в бесконечную вереницу экипажей с очень нарядной публикой. Я то смотрела на лица женщин, мягко оттененные полями воздушных, из тюля, или соломенных, со страусовыми перьями, ниспадающими до плеч, шляп, то на мужчин в белоснежных костюмах, то на обгоняющие нас кавалькады английских офицеров с каменными лицами и гибких амазонок, ехавших рысью или галопирующих на кровных лошадях» (*Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 389.*)

<sup>3</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 146. См. также: *Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 390.*

<sup>4</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 155. На казармы Бунин обращает внимание в Каире.

«английский отель»<sup>1</sup> недалеко от пирамид<sup>2</sup>. Вероятно, Бунин и внешне хотел походить на англичан-путешественников, поэтому купил пробковый шлем. О нем он упоминает и в тексте, описывая путешествие к пирамидам: «белый шлем, который я держал в руках», «пробковый шлем внутри весь мокрый», во время пребывания в Иерусалиме: «снимаю пробковый шлем» и в окрестностях Иерихона: «больно смотреть из-под шлема на дорогу», «на тропические шлемы мы накидываем бедуинские платки»<sup>3</sup>.

В.Н. Бунина по этому поводу писала: «В Вифлееме мы завтракали, и Ян, наконец, купил себе пробковый шлем»<sup>4</sup>. Далее, по пути к горе Искушения она также замечает, как эстетически преобразился И.А. Бунин: «изящный силуэт в шлеме отчетливо выделяется <...> с восхищением слежу за Яном, — до чего он сейчас красив, легок, весь подобран...»<sup>5</sup>. Вера Николаевна, по всей видимости, тоже испытывала интерес к англичанам и английскому. В самом начале путешествия, отправляясь из Москвы в Одессу, она писала: «мне нравится все: и вагон с его дешевой роскошью, и то, что я одета в английском стиле, и то, что я еду в “неведомые” края...»<sup>6</sup>. Вероятно, у В.Н. Буниной образ путешественника по Востоку тоже, в первую очередь, ассоциируется с англичанином. Именно поэтому она отправляется в «неведомые» края в английском костюме<sup>7</sup>.

Интересно, что в «Храме Солнца» появляется благородный образ пастора-американца, подчеркивающий благосклонное отношение Бунина к путешественнику из США: «В качалке сидит американец, пастор, с которым мы, — я и еще один русский, стоящий теперь возле перил, лицом к морю, — сошлись

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 155. Речь об «обширном здании Мена House Hotel» (*Путник*. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1906. С. 194).

<sup>2</sup> Видимо, отель действительно понравился Бунину: «Идем мимо английского отеля. // — Вот где пожить бы зимой! — роняет он как бы про себя» (*Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью*. М., 2019. С. 391).

<sup>3</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 156, 162, 171, 203, 204.

<sup>4</sup> *Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью*. М., 2019. С. 360. Прежде, В.Н. Бунина также указывала, что в Иудее «опять вызывало в нас страх, что у Яна нет пробкового шлема» (С. 359).

<sup>5</sup> Там же. С. 364.

<sup>6</sup> Там же. С. 324.

<sup>7</sup> Далее в тексте случайная англичанка становится предметом интереса и воображения В.Н. Буниной: «В салоне какая-то англичанка записывала что-то в кожаную тетрадь, — вероятно, свои впечатления. Кто она? Может быть, писательница? Как странно — встречаешь людей, видишь, что они делают, и не знаешь, кто они!» (*Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью*. М., 2019. С. 379). А чуть раньше схожая реакция на французов: «За завтраком на вокзале мое внимание привлекают два француза. Один — очень красивый блондин. Оба отлично одеты. Кто они? Куда едут?» (*Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью*. М., 2019. С. 378).

на переходе от Порт-Саида. Золотистый свет солнца уже склоняется к северу, за Саронскую долину. Огромная полоса густо-синего моря — прямо за крышами, спускающимися к побережью. Зной спадает, и американец сидит с открытой головой, читая Библию. Кто бы узнал в этом спокойном и веселом человеке пастора? Стройный, с аккуратно причесанными на прямой ряд черными волосами и бритый, он скорее похож на актера»<sup>1</sup>.

Микросюжет с американцем сохранился в редакциях «Храма Солнца» дольше, чем англичане и английское. Еще в 1931 г. этот абзац остался без изменений, но в публикации 1936 г. абзац был снят. Чем вызвано такое решение — сказать трудно, но это определенно повлияло на поэтику текста. Помимо эталонного образца путешественника 1900-х гг. из текста исчезает диалог Бунина и американца, в котором содержалось пасторское наставление (установка на рефлексивное чувствование библейского пространства), данное перед посещением Святой земли: «Но чувствуете ли вы, — говорит он, подумав, — что завтра мы увидим Голгофу?»<sup>2</sup> (Подробнее этот диалог мы разберем в параграфе 2.3.5). Там же, в «Иудее» Бунин на бытовом уровне сравнивает европейских путешественников с русскими мужиками и польскими евреями (сравнение явно не в пользу последних): «Стук копыт — это приводят лошадей для туристов и паломников-европейцев. Европейцы живут по отелям, католическим и протестантским миссиям, осматривают святыни почтительно и спокойно. А говор — это говор русских мужиков и польских евреев, идущих плакать. <...> Русские живут в скучных казенных корпусах Православного Общества за Западными воротами, убивая время едой, перебранками, хождением ко Гробу, в Вифлеем, на Иордан — и просто по базарам <...>. А евреи ютятся в трущобах южного квартала, бегают по родным и знакомым»<sup>3</sup>.

На фоне «почтительных и спокойных» европейцев, живущих «по отелям», едва ли презентабельно выглядят «льющие слезы», «убивающие время едой, перебранками, хождением <...> по базарам» и «приторговывающиеся» русские

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 167.

<sup>2</sup> Там же. С. 167. На месте Голгофы находится Храм Гроба Господня — главная христианская святыня.

<sup>3</sup> Там же. С. 177–178.

паломники, которые к тому же и «живут в скучных бараках». Но, пожалуй, самый характерный портрет современного европейца-путешественника (вероятно, англичанина или американца), представлен в конце очерка «Иудея». Сев на пароход, отплывающий из Яффы, Бунин описывает пассажиров через предметы: «Пароход пришел и отошел нынче с европейской точностью. Опять замелькали вокруг меня тропические шлемы, кодаки и бинокли, пледы и красные путеводители...»<sup>1</sup>. Главный головной убор европейского путешественника; фотоаппарат фирмы Kodak (вероятно, Kodak Brownie — дешевый и весьма популярный фотоаппарат начала XX в., который можно было без труда взять с собой в путешествие); пледы для комфортного пребывания на палубе и в каюте (уже упоминавшиеся в таком же ключе)<sup>2</sup> и бедекеры с характерной ярко-красной обложкой.

Таким образом, мы можем видеть, что Бунин на протяжении всей книги создает благородный образ современного путешественника-европейца. Образ, которому явно симпатизирует и с которым сам себя соотносит. Англичане и английское становятся отдельным предметом его внимания. В том числе, благородный образ европейца по ходу текста подчеркивается малоприятными образами богомольцев.

### 2.3.3. Константинополь и Афины

Как уже было сказано, изначально Бунин отправился из Одессы в Константинополь. Мотив отплытия с Родины и прибытия в Другое пространство (как и некоторые другие характерные детали) мы уже частично анализировали в параграфе 1.3. Поэтому, избегая повтора, начнем с Босфора и проанализируем как в очерке «Тень Птицы» откликается Путеводитель: «Пароход левиафаном потянулся по извилам Босфора — и пошли в круглых иллюминаторах кают-компаний зеленые холмистые побережья в цветущих садах и могильных

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 187. Этот фрагмент также отсутствует в эмигрантских переизданиях.

<sup>2</sup> См. начало очерка «Море богов»: «Когда подняли якорь, в толпу на спардеке вошли молодые французы. И, заглядевшись на них и на чемоданы, пледы, которые таскал в их каюту лакей, я не заметил, как поплыли кровли и купола Стамбула» (Там же. С. 130).

кипарисовых рощах, в виноградниках и парках, в мраморных дворцах и виллах, в развалинах крепостей и деревянных турецких домишках, тесными уступами нагроможденных среди развалин и зелени...»<sup>1</sup>.

А вот весьма схожее описание, составленное автором путеводителя с палубы корабля в главке «Константинополь»: «Величественная панорама Босфора и Константинополя считается единственной в мире. Босфор с его зелеными берегами, скалами, селениями, крепостями, дачами и дворцами, окутанными темной зеленью кипарисов — великолепен»<sup>2</sup>.

Прежде всего, интерес вызывает не совпадение отдельно взятых деталей, а сама позиция наблюдателя, описывающего то, что замечает его взор. Нарратор путеводителя и нарратор «Храма Солнца» буквально смотрят с одной и той же точки: с палубы корабля. Однако нарратор путеводителя ограничивается эпитетами и фразами «величественная», «единственная в мире», «великолепен», как бы заманивания читателя съездить и посмотреть, тогда как нарратор «Храма Солнца» предельно конкретен и старается передать всю полноту и палитру цветотени — нарисовать картинку в деталях для читателя.

В контексте «Путеводителя по Крыму, Кавказу и Востоку» неслучайным кажутся и бунинские сравнения турецких берегов из очерка «Море богов» с Крымом, в том числе из уст моряка: «Было похоже на хребты Крыма <...> — Да, это правда, — сказал мне сосед, моряк с нагло открытым лицом, — на Крым похоже. Похоже и на Архипелаг. Только тут этих Крымов видимо-невидимо»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 107.

<sup>2</sup> Путник. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1903. С. 107. Параллельно с путеводителями мы будем сравнивать травелог Бунина с травелогом Е.Л. Маркова «Путешествие на Восток». Во-первых, сам этот травелог буквально вторит путеводителям (или, хронологически вернее сказать: путеводители вторят травелогу Е.Л. Маркова). Во-вторых, в этом травелог (путеводителе) можно встретить уникальные детали и факты, которые, с одной стороны, встречаются в тексте Бунина, а с другой, не встречаются нигде больше. Поэтому, в случае необходимости, мы будем обращаться к этому источнику. Данный травелог уникален и тем, что буквально покрывает всю географию бунинского путешествия. Е.Л. Марков был очень дотошным путешественником и стремился пройти все, даже самые труднодоступные маршруты (а после также подробно их описать). В какой-то степени это можно назвать особенностью его творческого метода. Исключение составляет Баальбек, хотя план доехать до Храма Солнца был у Маркова, он не успел его реализовать по практическим соображениям (об этом ниже).

<sup>3</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 131–132. Ср.: «Мы уже идем по Архипелагу, опять мимо “ковриг” и “Крымов”» (Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 398).

Бунин часто обращается к общеизвестным историческим фактам, которые мы также находим в путеводителе: «Ветхость, запустение — как странны эти слова для вступающего в Турцию по Босфору! Ветхость — и чудовищные руины Румели-Гисар, ее зубчатых твердынь и допотопной башни, глядящей из Европы в Азию, на красноватые развалины Анатоли-Гисар, от которой когда-то наводил мосты в Европу сам Дарий»<sup>1</sup>.

А вот те же сведения из путеводителя: «Местность Румелли Гиссара историческая: здесь перешел пролив Дарий, шедший войной на скифов»<sup>2</sup>. Подобное совпадение фактографии весьма часто. Это лишь первый попавшийся случай, который можно легко обнаружить на страницах «Храма Солнца» и путеводителя<sup>3</sup>. Почти все памятники архитектуры, топонимы, которые упоминает Бунин, можно обнаружить на первых страницах путеводителей<sup>4</sup>, а также в соответствующих главах, где приведена более подробная информация<sup>5</sup>.

Например, Бунин упоминает о «тысяче голубей» во дворе «Голубиной Мечети Баязета»<sup>6</sup>, вот что на этот счет сообщает путеводитель: «Мечеть Баязета построена четыреста лет тому назад — в 1498 г. <...> Эту мечеть часто называют «Голубиной мечетью», благодаря большому количеству голубей, обитающих под

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 107.

<sup>2</sup> Путник. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1903. С. 111.

<sup>3</sup> Бедекеры по Турции были опубликованы только на немецком языке: *Baedeker K. Konstantinopel und das westliche Kleinasien: handbuch für reisende von Karl Baedeker. Leipzig: Verlag von Karl Baedeker, 1905. XXIV, 275 S.* В 1914 г. вышло дополненное переиздание, снова на немецком языке: *Baedeker K. Konstantinopel, Balkanstaaten, Kleinasien, Archipel, Cypern: Handbuch für Reisende: handbuch für reisende von Karl Baedeker. 2 ed. Leipzig, Verlag von Karl Baedeker, 1905. LXXIV, 484 S.* В 2015 г. исследователь М. Вайлд впервые перевел путеводитель на английский язык: *Wild M. Baedeker's Constantinople and Asia Minor. 1914. Morrisville: Lulu.com, 2015. 689 p.* В бедекере по Средиземному морю (на английском языке) есть глава о Турции и Константинополе, но путеводитель был издан только в 1911 г.: *Baedeker K. The Mediterranean; seaports and sea routes, including Madeira, the Canary Islands, the coast of Morocco, Algeria, and Tunisia; handbook for travellers. Leipzig, Verlag von Karl Baedeker, 1911. XXXVI, 607 p.* Известен также путеводитель на английском языке: *Murray J. A Handbook for Travelers in Asia Minor, Transcaucasus, Persia, etc. 5th ed. London: John Murray Publ., 1895. 420 p.* Вряд ли Бунин читал путеводитель на немецком языке и вряд ли пользовался устаревшим путеводителем 1895 г., по этой причине мы отдаем предпочтение путеводителям РОПиТ и Добровольного флота на русском языке.

<sup>4</sup> Ср. бунинскую топонимику в очерке «Тень Птицы» и топонимику в вводной главе путеводителя «Константинополь». (*Путник. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1903. С. 106-109.*)

<sup>5</sup> «Босфор» (С. 109–114), «Галата» (С. 115–116), «Стамбул» (С. 116–129), «Скутари» (С. 129–130), «Пера и сады» (С. 130–131), «Принцессы острова» (С. 131–135).

<sup>6</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 125. В «Храме Солнца» Бунин часто обращает внимание на птиц и символику, связанную с ними. Об этом см. подробнее: *Анисимов К.В. Порывая «всякую связь с землею». Орнитология бунинского травелога «Тень птицы»: поэтика и смысл // Вестник Томского государственного университета 2020. № 454. С. 5–11.*

ее кровлей и по карнизам. На содержание этих птиц из казны ежегодно отпускается известная сумма»<sup>1</sup>.

Вероятно, по этой причине современники: Анненский, Кузмин, Бурнакин — отмечали (см. параграф 3.1.), что бунинский травелог часто не выходит за пределы путеводителей<sup>2</sup>. Писатель повторяет описания маршрута путешествий, часто совпадают и описания видов города.

Другой интересный пример, в котором Бунин как бы полемизирует с путеводителями<sup>3</sup>, транслирующими устоявшиеся взгляды путешественников на Айя-Софию: «Но вот и Айя-София, знаменитое создание Юстиниана, обезображенное турецкими пристройками и художниками. Мозаика и фрески почти уничтожены, но внутри храм сохранил все свое величие»<sup>4</sup>; «Айя-София — чудное детище Юстиниана — сильно обезображено мусульманскими пристройками. Мозаика и фрески, покрывавшие стены, частью уничтожены, частью закрашены: исламизм не мог допустить чуждых ему изображений»<sup>5</sup>; «Внутренние стены покрыты мрамором и офитом, потолки же выложены мозаикой с разными изображениями, которые невежественность турецкая замазывает время от времени известью»<sup>6</sup>.

На это Бунин отвечает: «Не знаю путешественника, не укорившего турок за то, что они оголили храм, лишили его изваяний, картин, мозаик. И особенно грубы в своих укорах путешественники русские.

<sup>1</sup> *Путник*. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1903. С. 124.

<sup>2</sup> В отношении очерка «Тень Птицы» и описания Константинополя Ср.: *Карант Г.Н.* На Дальний Восток из Одессы. Одесса, 1902. С. 27–32; *Путник*. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1903. С. 106–135.

<sup>3</sup> Отметим, что все использованные полемические высказывания, против которых выступает ниже Бунин представлены в ином порядке в одном путеводителе в главе «Святая София»: Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 13–17. Цитаты для сравнения приведены ниже (в том числе в примечаниях). Вероятно, в данном случае, Бунин мог работать именно с этим источником.

<sup>4</sup> *Карант Г.Н.* На Дальний Восток из Одессы. Одесса, 1902. С. 29.

<sup>5</sup> *Путник*. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1903. С. 116. Интересную позицию, скорее подчеркивая красоту Айя-Софии, очевидную даже для мусульман, транслирует паломнический путеводитель: «Когда <...> турки <...> взяли Константинополь, то храм св. Софии так понравился им, что они пощадили его от разорения и сделали из него свою главную мечеть. И теперь еще заметно, что это был ранее православный храм: на главах уцелели кресты, только над ними приделан мусульманский полумесяц, и кроме того внутри еще до сих пор виднеются по стенам, под краской, христианские изображения: кресты и даже изображения ангелов и Спасителя» (Русские богомольцы в Святой земле. СПб., 1902. С. 16). См. также: «Храм Св. Софии обращен в мечеть Магометом II тотчас же по взятии Константинополя. Завоеватель <...> направился прежде всего в храм Св. Софии и пораженные его великолепием, тут же приказал “мулле” (священнику) провозгласить поклонение исламу» (Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 16).

<sup>6</sup> Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 15–16.

— Я победил тебя, Соломон! — с восторгом вспоминает один слова тщеславного Юстиниана, этого варвара, загромоздившего дивное создание зодчего золотом и серебром<sup>1</sup>.

— Нет таковой красоты и славы нигде на земле! — повторяет другой слова киевских мужиков, послов Владимира»<sup>2</sup>; «И все в один голос клянут турок, осквернивших великую и несравненную святыню христиан»<sup>3</sup>; «Турецкая простота Софии возвращает меня к началу ислама, рожденного в пустыне и уже потом изукрашенного мавританской роскошью»<sup>4</sup>.

Любопытно, что еще одним «источником» («говорящим» путеводителем) для Бунина становится гид<sup>5</sup>. Это отчетливо видно в «Тени Птицы», где автор вводит в текст персонажа — гида грека Герасима<sup>6</sup>. Герасим — реальный

<sup>1</sup> Ср.: «Храм Св. Софии построен в блестящее царствование Императора Юстиниана, прославившегося строительной деятельностью на всем обширном пространстве Римско-Византийской Империи. <...> Император Юстиниан задумал построение нового храма, которым хотел он затмить славу храма Соломонова <...> Юстиниан произнес следующие, приводимые византийскими писателями слова: “О, Соломон, я превзошел тебя”» (Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 14–15).

<sup>2</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 121. Ср. «Это колыбель Русской веры: из этого храма воссиял на Руси спасительный свет православия христианского: в нем, в этом храме, послы Владимира, внимая Божественной литургии, слышали лики Ангелов, вторивших Трисвятой песне, и, озарившись светом истинной веры, перенесли ее потом в Россию» (Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 14).

<sup>3</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 121.

<sup>4</sup> Там же. С. 122. Интересно, что в издании 1931 и 1936 гг. эти цитаты с тем же посылом сокращены и объединены в одну: «Не знаю путешественника, не укорившего турок за то, что они оголили храм, лишили его изваяний, картин, мозаик. Но турецкая простота, нагота Софии возвращает меня к началу ислама, рожденного в пустыне» (Бунин И.А. Тень птицы. Париж. 1931. С. 37; Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 1. Берлин, 1936. С. 192–193). Ср.: «Бесценная мозаиковая иконопись древней Софии наглухо замазана густым слоем золотой краски, и только четыре громадный мозаиковые фигуры апокалипсических шестикрылатых серафимов, изображенный на парусах четырех главных пилястров, поддерживающих купол, почему-то оставлены нетронутыми, хотя лица их уничтожены варварскою рукою...» (Марков Е.Л. Путешествие на Восток. СПб., 1890. С. 32).

<sup>5</sup> Сразу же оговоримся: в бытовом русском языке конца XIX – начала XX века слова «гид» и «путеводитель» одинакового использовались как для обозначения человека, сопровождавшего путника, так и для книг, в которых содержалась необходимая информация для путешествия. Исключение составляло слово «проводник», оно использовалось, как правило, по отношению к человеку. См., например: «богомольцы собираются в одну большую партию. Партия эта отправляется на поклонение святым местам под предводительством вожака, или “путеводителя”, особо назначаемого для этой цели монаха из русской Палестинской миссии. Обязанность этого путеводителя — руководить богомольцами во время хождения по святыням Иерусалима и при этом разъяснять им значение того или другого святого места» (Русские богомольцы в Святой земле. СПб., 1902. С. 35–36).

<sup>6</sup> Как сообщает путеводитель, к началу XX в. в Константинополе проживало более 1 млн. человек, большинство из них турки, второе место делили армяне и греки. Греки часто работали гидами, преимущественно на Афоне и в Константинополе, многие из них хорошо знали русский язык, по этой причине греческие гиды пользовались большим спросом у русских путешественников — Герасим не исключение. Обычная принятая плата за день работы — 10 франков, за полдня — 6–7 франков. Также путеводители предостерегают: «многие из проводников достаточно-таки плутоватый народ, и напасть на добросовестного человека дело удачи» (См.: Путник. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1906. С. 127, 129). Вероятно, этим также объясняется радость Бунина от того, что он вновь встретил Герасима, в порядочности которого он уверен.

проводник, с которым Бунин познакомился во время своего первого путешествия в 1903 г., а затем вновь встретился в 1907 г.<sup>1</sup> (это подтверждает В.Н. Бунина<sup>2</sup>).

Афонские монахи, высматривающие паломников и подворья Галаты становятся обыденными, бытовыми деталями текста, которые описывают повседневный опыт любого русского путешественника не-паломника, с одной стороны, а также вновь подчеркивают паломнические пафос бунинского текста, с другой стороны.<sup>3</sup> На наш взгляд, Бунин намеренно соединяет в тексте комплекс черт светского и паломнического путеводителей, создавая на основе такого сочетания свой собственный текст.

Далее в тексте можно заметить, как бунинское путешествие 1903 г. «накладывается» на путешествие 1907 г. Это можно обнаружить при сравнении «Тени Птицы» и очерка В.Н. Буниной «Путь до Святой земли»<sup>4</sup>. Именно Герасим отводил Бунина в 1903 г. посмотреть на дервишей, об этом писатель весьма подробно упоминает в очерке: «И в честь солнца, даже и доныне, в двух шагах от меня, возле Галатской башни, совершаются мучительно-сладостные мистерии Кружащихся Дервишей. Их монастырь затерялся среди высоких европейских домов. Несколько лет назад <...> Герасим привел меня к его старой каменной ограде, и мы вошли, вместе с другими франками, в небольшой каменный двор. <...> Мы отдали несколько мелких монет и нас впустили в восьмигранный высокий зал <...>. Когда наступила тишина, вошел шейх-настоятель, а за ним десятка два дервишей — все босые, в коричневых мантиях, в войлочных черепенниках, с опущенными ресницами, с руками, смиренно сложенными на груди»<sup>5</sup>.

Далее следует длинное описание всех нюансов этого «ритуального» представления: танец дервишей, экстаз, в который они впадают, и бунинское восторженное впечатление от этого процесса. Но даже это «откровение», по сути,

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 110.

<sup>2</sup> Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 338–339.

<sup>3</sup> Обо всех подворьях по пути в Святую землю подробно сообщается в путеводителях (светских и паломнических). О подворьях Стамбула см.: Путеводитель по святым местам Востока: Руководство для рус. паломников, отправляющихся в Иерусалим, на Афон, Синай, в Бар-град и Рим, с прил. карты Палестины. СПб: Православ. палест. о-во, 1910. С. 24–25.; Арсений (иеромонах). Путеводитель во святой град Иерусалим ко Гробу Господню. М., 1904. С. 10.

<sup>4</sup> Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 338–352.

<sup>5</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 127.

не выходит за пределы развлекательной программы путеводителя. О представлении дервишей как о развлечении для туристов сообщается в путеводителе: «Следует упомянуть о константинопольских дервишах; их две разновидности<sup>1</sup>: дервиши вертящиеся и дервиши-ревуны»<sup>2</sup>; «Немного выше Галатской башни узенький переулок, выходящий в конец Большой улицы Перы (как раз против площади тоннеля), ведет в *текие вертящихся дервишей*. Текие — мусульманский монастырь. Он привлекает массу туристов, благодаря зрелищу религиозного экстаза, которое можно наблюдать каждую пятницу; при пении священных стихов, дервиши начинают тихо покачиваться; плавные, размеренные движения их постепенно становятся быстрее, пока, наконец, молящийся не приходит в исступление, считающееся состоянием высшего просветления. Вход сюда свободный, но, по обычаю, посетители приносят милостыню, от 5 до 10 пиастров каждый...»<sup>3</sup>.

В сопровождении Герасима и в разговоре с ним Бунин рассказывает про Магомета Второго (который «сбил палицей головы змеям...»<sup>4</sup>), Константина VII Багрянородного (Порфирородного), Византийский Ипподром, Цистерну тысячи и одной колонны, мечеть Ахмедиев, а также упоминает про «три памятника почти доисторической древности: обелиск розового гранита, когда-то стороживший вход в храм Солнца в Гелиополе, грубая каменная колонна Константина Багрянородного и бронзовая, позеленевшая от времени Змеиная колонна <...> слава Дельфийского капища»<sup>5</sup>. Все эти факты и детали подробно представлены на страницах путеводителя<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Обе разновидности дервишей, причем с прописных букв, Бунин упоминает. (Там же. С. 126–127)

<sup>2</sup> *Путник*. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1903. С. 109. В путеводителе также упоминается, что популярностью у иностранцев пользуется «монастырь ревущих дервишей», расположенный на Принцевых островах. В путеводителе также есть интересное упоминание, связанное с культом Солнца, о котором также упоминает Бунин в приведенной цитате: «Теке ревущих дервишей занимает скромный деревянный дом, отличающийся от прочих лишь изображением сияющего солнца над главным входом» (Там же. С. 130).

<sup>3</sup> *Путник*. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1903. С. 115–116. См. также отдельный параграф «Вертящиеся дервиши» в книге Е.Л. Маркова (*Марков Е.Л.* Путешествие на Восток. СПб., 1890. С. 110–115).

<sup>4</sup> *Бунин И.А.* Храм солнца // *Бунин И.А.* Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 124. Ср.: «Теперь эти змеи без голов, как и оракул без голоса... // Уверяют, будто Магомет Второй сбил победоносной палицей эти головы, украшенные драгоценными камнями, опасаясь скрытого в них колдовства» (*Марков Е.Л.* Путешествие на Восток. СПб., 1890. С. 40).

<sup>5</sup> *Бунин И.А.* Храм солнца // *Бунин И.А.* Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 124.

<sup>6</sup> *Путник*. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1903. С. 118–119. Отметим, что Бунин, по отношению к императору Константину использует эпитет «Багрянородный»: «грубая каменная колонна Константина

Интересно, что на общеизвестность многих фактов Бунин как бы и сам указывает, прерывая Герасима: «— Магомет Второй... — начинает, не выдержав молчания, Герасим. // Но я уже давно знаю, что и Змеиная Колонна не избежала рук доблестных завоевателей»<sup>1</sup>. Таким образом, гид Герасим, становится еще одним «источником» (наряду с путеводителями) очерка «Тень Птицы» — своеобразным «говорящим путеводителем». Но даже при наличии гида описание Константинополя в очерке «Тень Птицы», с точки зрения исторического экскурса, не выходит за пределы путеводителя, а часто и просто вторит ему.

Как мы уже отмечали раньше, бунинский текст можно воспринять через сопротивление нарративу путеводителя. Один из способов сопротивления, которые использует Бунин — введение в текст дополнительных источников, которые демонстрируют эрудицию автора за пределами путеводителя<sup>2</sup> или создают отдельный повествовательный троп. Именно для такой цели в «Тень Птицы» Бунин вплетает текст о Саади. Если быть точным, Бунин обращается, как установлено А.В. Бакунцевым<sup>3</sup>, к диссертации И.Н. Холмогорова<sup>4</sup>. Проанализируем некоторые случаи. В очерке цитаты «из Саади» дают историческую и художественную глубину. С Саади, по сути, и начинается путешествие<sup>5</sup>, он впервые упомянут на

---

Багрянородного» (Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 124). В путеводителе «Порфиородный». Интересно, что у Е.Л. Маркова тоже «Багрянородный» (дважды): «каменный «столб Константина Багрянородного»; «описание <...> оставленное Константином Багрянородным» (Марков Е.Л. Путешествие на Восток. СПб., 1890. С. 39, 43).

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 124. Любопытно также, что в путеводителе Добровольного флота буквально рекомендуют расспросить гида об этих достопримечательностях: «Неподалеку <...> расположен Ат-Мейдан, — ипподром Византии. Посреди его — обелиски Феодосия, <...> Змеиная колонна и пирамида Колос. От проводника можно узнать интересные сведения о происхождении этих пирамид». (Карант Г.Н. На Дальний Восток из Одессы. Одесса, 1902. С. 30–31).

<sup>2</sup> Отметим, в первую очередь, цитирование, например из Корана: «Во имя Бога милостивого, милосердного» (начало 113 суры) или (неточная) цитата из «Скорбных элегий» (Tristia; книга 1, элегия 2, стих 13) Овидия: Quocumque adspicias nihil est nisi pontus et aer (правильно: Quocumque aspicio, nihil est nisi pontus et aer).

<sup>3</sup> Бакунцев А.В. Реминисценции из произведений Саади в публицистике и эпистолярной И.А. Бунина: источниковедческий аспект проблемы // Studia Litterarum. 2023. Т. 8., № 3. С. 168–193.

<sup>4</sup> Холмогоров И.Н. Шейх Мослихуддин Саади Ширазский и его значение в истории персидской литературы. Казань: Университетская тип., 1865. 151 с.

<sup>5</sup> Отметим, что Саади упоминает и В.Н. Бунина несколько раз, по отношению к поездкам 1903 и 1907гг. Говоря о поездке 1903 г., она упоминает, что Бунин взял «с собой книгу персидского поэта Саади “Тезкират”, он всегда, когда отправлялся на Восток, возил ее с собой» (Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. М., 2019. С. 248). И относительно поездки 1907 г. имя Саади звучит по пути на Восток: «Ян вынимает несколько книг, между ними Саади. Он рассказывает мне об этом “усладительнейшем из писателей и лучшем из последующих, шейхе Саади Ширазском”. Жизнь его восхищает Яна. Он не говорит, но я чувствую, что и ему хотелось бы совершить подобный жизненный путь» (С. 336); и на обратном пути в Россию: «Ян то читал Саади и все восхищался им, то спускался к паломникам» (С. 399). Таким образом, фигура Саади лишней раз подчеркивает связь биографических путешествий 1903 г. и 1907 г. между собой, а также их наложение на текст очерка «Тень Птицы».

пароходе из Одессы в Константинополь: «В пути со мною <...> “Тезкират” Саади, “усладительнейшего из писателей предшествовавших и лучшего из последующих, шейха Саади Ширазского, да будет священна память его!”<sup>1</sup> В утренней свежести я сижу на юте и упиваюсь жизнью поэта, мудреца, путешественника.

— Рождение шейха, читаю я, последовало во дни Атабека Саади, сына Зенги.

— Родившись, употребил он тридцать лет на приобретение познаний, тридцать — на странствования и тридцать — на размышления, созерцание и творчество»<sup>2</sup>.

Видимо, действительно «взволнованный прелестью этой поэмы», повествователь, который от этого волнения «ничего не видит вокруг себя»<sup>3</sup>, в Константинополе начинает смотреть на происходящее вокруг глазами Саади и вторить ему: «и я убеждаюсь, что прав Саади: — Не всякая раковина беременна жемчугом»<sup>4</sup>. Так нарратор задает историко-поэтическую перспективу: когда-то так видел и чувствовал Саади, теперь вижу и чувствую я. Дополнительно усиливается это впечатление тем, что для цитирования выбран сюжет из притчи о птицах, то есть Бунин, вслед за Саади, угадывает черту, сокрытую в человеке.

Проговорим еще один важный нюанс. Саади — был дервишем, в XIII в. это значило быть аскетичным монахом (суфием), ищущим мистического (духовно-религиозного) откровения, в том числе посредством экстатических практик.

<sup>1</sup> Бунин цитирует первое предложение, открывающее биографический очерк Холмогорова о Саади: «Биография усладнейшего из писателей предшествовавших и лучшего из последующих, шейха Мослихуддина Саади Ширазского (да будет священна его могила!)» (*Холмогоров И.Н. Шейх Мослихуддин Саади Ширазский. Казань, 1865. С. 12*).

<sup>2</sup> *Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 102.* См. Холмогорова: «Он жил 102 года: тридцать лет употребил на приобретение познаний, тридцать на странствование, обозрев все четыре части обитаемого света, а тридцать лет остальных, севши на ковре богопочтения, избрал для себя путь “людей божьей дороги”. Как прекрасна жизнь, проведенная таким образом!.. Рождение шейха последовало во дни Атабека Саади, сына Зенги» (*Холмогоров И.Н. Шейх Мослихуддин Саади Ширазский. Казань, 1865. С. 12*). Далее Бунин приводит еще 8 цитат «из Саади» (*Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 102–103*), все они в разной последовательности встречаются у Холмогорова на следующих страницах: С. 13–15, 17, 31, 35, 37. Некоторые из них процитированы Буниным точно, некоторые — нет; некоторые являются пересказом или контаминацией нескольких фраз. Некоторые похожие цитаты можно обнаружить и в предисловии Саади к «Гюлистану» (См.: Гюлистан: «Цветник роз»: Творение шейха Саади Ширази / пер. с перс. И.Н. Холмогорова. М.: К.Т. Солдатенков, 1882. С. 5–8).

<sup>3</sup> *Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 102.*

<sup>4</sup> Там же. С. 116. Эту же фразу находим у И.Н. Холмогорова (Саади) в притче о ястребе и коршуне («Ридза» — 5 главы «Бустана»): «Не всякая раковина беременна жемчугом, не всегда ловкий стрелок ударит в цель» (*Холмогоров И.Н. Шейх Мослихуддин Саади Ширазский. Казань, 1865. С. 122*).

Дервишем Саади именуется себя часто в своих произведениях, дервишем его называет Холмогоров, даже некоторые главы поэм названы с указанием имени дервишей. В «Тени Птицы» представлена весьма подробная сцена обряда дервишей и их экстатический танец. На первых страницах диссертации Холмогоров пишет: «...мысли нашего шейха, его “низание”, говоря словами “Гюлистана”, уцелели на долгие годы вместе с его именем. Вот подлинные слова этого прорицания: “На многие годы останется это низание, это творение, когда и атомы нашего праха развеются по разным местам. Цель моя — оставить по себе памятник (собственный чекан, рисунок), потому что существование человека невечно: может статься, какой-нибудь добрый человек хоть однажды, по своему состраданию, произнесет молитву за (нас) дервишей”!»<sup>1</sup>.

Эту цитату следует сравнить с бунинской: «— Как прекрасна жизнь, потраченная на то, чтобы оставить по себе чекан души своей и обозреть красоту мира!»<sup>2</sup>. Здесь Бунин резюмирует свои впечатления от прочитанного и соединяет (с некоторыми изменениями) сразу три фрагмента «из Саади» (Холмогорова)<sup>3</sup>: «**Как прекрасна жизнь, проведенная**<sup>4</sup> таким образом!» (С. 12); «**оставить по себе памятник (собственный чекан, рисунок)**» (С. 3); «тридцать <лет> посвятил на странствование, **обозрев все четыре части обитаемого света**» (С. 12). Можно добавить, что «невечному» «существованию человека» в цитате имплицитно противопоставлена *вечная душа Саади*, которой он просит помолиться. Очерк так и заканчивается — своеобразной молитвой и танцем дервишей, а также цитатами из Саади (всего их 6, укажем 3 последних), характерно, что все они взяты из «Речи о том, что такое симаа (танец) людей сердца (созерцателей)»<sup>5</sup>:

«— Целый мир полон этим веселием, танцем — ужели одни мы не чувствуем его вина?

<sup>1</sup> Холмогоров И.Н. Шейх Мослихуддин Саади Ширазский. Казань, 1865. С. 3.

<sup>2</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 102.

<sup>3</sup> Холмогоров И.Н. Шейх Мослихуддин Саади Ширазский. Казань, 1865. С. 3, 12.

<sup>4</sup> Здесь и далее в абзаце все выделено мной — М.Щ.

<sup>5</sup> Холмогоров И.Н. Шейх Мослихуддин Саади Ширазский. Казань, 1865. С. 102–105.

— Хмельной верблюд легче несет свой выюк. Он, при звуках арабской песни, приходит в восторг. Как же назвать человека, не чувствующего этого восторга?

— Он осел, сухое полено»<sup>1</sup>.

Таким образом, очерк «Тень Птицы» от начала и до конца выстроен как поэтико-паломнический текст к духовной родине Саади, — к храму дервишей — куда Бунин отправляется помолиться за поэта, по просьбе, указанной в его «Гюлистане». Саади становится для Бунина духовным проводником в мир мистического, в танце дервишей повествователь преображается (проходит обряд инициации) в Поэта мистической традиции. Именно с этой позиции «подлинного» Поэта Бунин порицает современных поэтов: «большинство из них <дервишей> — плуты и актеры, холодно доводящие себя до головокружения... как современные поэты. Но когда-то были иные дервиши»<sup>2</sup> (намек на Саади).

Поиски «подлинной» Турции приводят Бунина к подлинному духу мистического ислама и Востока<sup>3</sup>. Однако едва ли этот глубокий символический код, построенный на явных и скрытых цитатах «из Саади» (Холмогорова) воспринимался современниками с должным пафосом. Похоже, что И.Н. Холмогорову (Саади) Бунин обязан и заглавием очерка «Тень Птицы» и соответствующей цитатой в тексте: «страна, на которую пала “тень Птицы Хумай”». Кто знает, что такое птица Хумай? О ней говорит Саади:

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 129. «Целый мир наполнен этим танцем, упоением и страстью, но что может видеть слепой в зеркале? Не видишь ли, как восторг заставляет плясать верблюда, которого погоняет вожак — араб? Когда уже в голове верблюда рождается эта страсть и эти восторги, то если человек не ощущает их в себе, он — осел! <...> <Подстрочный комментарий:> ту же мысль находим у Саади и в его Гюлистане: “Верблюд сбросил с себя нечувствительного к песне меккского поклонника, заплясал <...> и бежал в пустыню”. Знаешь ли, “продолжает поэт”, что сказал мне утром соловей? (Вот что): “Ты сам что за человек, если не ведаешь любви. Верблюд при звуках арабской песни приходит в ‘халет’ (восторг) и в веселье, и если у тебя нет вкуса, то ты одарен природой животного. Когда на кочевье дуют ветра, то под ними гнутся ветви бана, а не твердые камни”» (Холмогоров И.Н. Шейх Мослихутдин Саади Ширазский. Казань, 1865. С. 104–105).

<sup>2</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 128. Об интересе Бунина и модернистов к дервишам см: Ельцова Е.Н., Ел Хадж Салем С.А. Образ дервиша в поэтике Ивана Бунина и Андрея Белого // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2022. № 1 (19). С. 83–101.

<sup>3</sup> Вначале своей диссертации Холмогоров, как и полагается, излагает историю вопроса и приводит устоявшиеся тезисы, на которых, в том числе, строит свою собственную работу. Один из тезисов Н.К. Ханыкова, Холмогоров цитирует: «Таким образом, чтобы понять характер и дух различных народов Востока, надобно обращаться к их поэзии» (Холмогоров И.Н. Шейх Мослихутдин Саади Ширазский. Казань, 1865. С. 3). Вероятно, эту точку зрения разделял и Бунин, Саади для него мог быть воплощением духа поэзии, ключом к пониманию Востока.

— «Нет жаждущих приюта под тенью совы, хотя бы птица Хумай и не существовала на свете!»

И комментаторы Саади поясняют, что это — легендарная птица и что тень ее приносит всему, на что она падает, царственность и бессмертие»<sup>1</sup>.

А вот что пишет И.Н. Холмогоров, приводящий цитаты из «Гюлистана»<sup>2</sup>: «Никто не захочет приютиться под тень совы, хотя бы птица Хумай и не существовала на свете. <...> <подстрочный комментарий:> Тень птицы Хумай приносит тому, на кого упадет, достоинство падишаха»<sup>3</sup>.

После Константинополя Бунин отправляется на корабле в Пирей, оттуда на поезде доезжает до Афин и, вернувшись на корабль, плывет дальше в Александрию. Это путешествие описано в «Море богов». В путеводителе РОПиТ после главы «Константинополь» следует глава «Смирна»<sup>4</sup>. В 1907 г. Бунин не посещал этот древний город. Только в 1910 г. останавливался в нем, о чем сообщил М. Горькому в письме от 12 мая 1910 г.: «В Афинах на берег не сходили — пришли очень поздно, в Смирне стояли два часа ранним утром»<sup>5</sup>.

По пути в Грецию Бунин проплывает мимо островов Архипелага, которые отчетливо напоминают ему уже знакомые образы Крыма, Балаклавы<sup>6</sup>. Похожее напоминание можно встретить позднее в «Иудее», когда мирный вечер в Иудее «с нежно синеющими далями» напомнил писателю «летний вечер на юге России»<sup>7</sup>. В

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 126.

<sup>2</sup> По всей видимости, Бунин цитирует «Гюлистан» по диссертации, а не по полному переводу «Гюлистана», который опубликовал И.Н. Холмогоров в 1882. Для сравнения: (Глава 1, рассказ 15-й.; Примечания): «От того-то птица Хумай (феникс) и превосходит других птиц, что питается костями и не оскорбляет прочих животных» (Гюлистан: «Цветник роз»: Творение шейха Саади Ширази / пер. с перс. И.Н. Холмогорова. М.: К.Т. Солдатенков, 1882. С. 48); «Птица Хумай, откуда Хумаюн (августейший — прозвище государей), соответствует баснословному фениксу» С. 346).

<sup>3</sup> Холмогоров И.Н. Шейх Мослихуддин Саади Ширазский. Казань, 1865. С. 72.

<sup>4</sup> В путеводителе Добровольного флота после главы «Константинополь» следует глава «Порт-Саид», в этой главе на половине первой странице лишь упомянут Архипелаг (Карант Г.Н. На Дальний Восток из Одессы. Одесса, 1902. С. 33).

<sup>5</sup> Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. М., 2007. С. 143.

<sup>6</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 131–133. (См. также: Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 346). Вообще похожее мнение было весьма распространенным, видимо поэтому в тексте оно звучит не только от Бунина, но и от матроса. Смотри, например, записи И.Н. Клингена, сделанные об Архипелаге: «Геологический ландшафт очень близко напоминает серые утесы Ай-Петри в Крыму» (Клиген И.Н. Среди патриархов Ч.1. СПб., 1898. С. 93).

<sup>7</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 175. Ср.: воспоминания Д.С. Шора из этой поездки по Палестине: «все было мне дорого и близко. Потому ли, что я южанин, уроженец Крыма, климат и красота которого родственны Палестине, или еще по другим внутренним причинам, но я был там дома» (Шор Д.С. Воспоминания. М., 2001. С. 273). Отметим, что это чуть ли не единственное сравнение с Россией, «пережившее» все редакции книги «Храм Солнца» Сравнения Греции с Крымом (Балаклава, Аю-Даг) — в

следующей главе «Афины — Александрия — Каир» путеводитель и очерк пересекаются только в ключевых моментах, не более: морской маршрут (мимо островов Архипелага); общеизвестные факты о греческой культуре; сведения о поездке из Пирея в Афины: «Около таможни станция трамвая, ведущего к железной дороге в Афины (проезд на трамвае 15 лепт<sup>1</sup>), и экипажи. Из Пирея в Афины движение поездов каждые полчаса, езды в Афины — двадцать минут. По линии дороги — прекрасная дачная местность Фалер»<sup>2</sup>; самые яркие достопримечательности Афин: Акрополь, Пропилеи, развалины храма Юпитера, ворота Адриана, Храм Тезея и Храм Победы<sup>3</sup>. От Пирея в Афины Бунина также сопровождает очередной «говорящий» путеводитель — проводник. Проводники будут упомянуты в тексте и далее во время путешествия по Египту, Иудее и Палестине<sup>4</sup>. Интересно, что после Герасима, с одной стороны, Бунин считал важным описывать и других проводников<sup>5</sup>, но никого больше не называл в тексте по имени<sup>6</sup>.

---

эмигрантских изданиях исчезли. Отметим также, что А.А. Олесницкий, находясь по пути в Тир, писал: «потому ли, что шум водяных мельниц Рас-ель-аин <общее название для встречающихся на Ближнем Востоке прудов Соломона>, неслыханный в Палестине, напоминал Россию и ее богатые воды, — только в своем привале при Рас-ель-аин мы почувствовали себя как-то особенно уютно и спокойно» (*Олесницкий А.А.* Святая земля. Киев, 1874. Т. 2. С. 507). Книги Елпатьевского, Маркова, Мордовцева, Федорова и др. полны сравнений Востока с Россией.

<sup>1</sup> 1/100 драхмы — денежной единицы Греции (1832–2000).

<sup>2</sup> Путник. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1906. С. 170.

<sup>3</sup> В издании «Храма Солнца» 1917 г. представлено 18 иллюстраций, среди них в очерке «Море богов»: Храм Юпитера (С. 72), развалины Акрополя (С. 75), Пропилеи (С. 79), Храм Победы (С. 81). После стихотворения «В Архипелаге» (С. 17) на следующей странице также представлено изображение развалин Храма Юпитера (С. 18).

<sup>4</sup> Отметим также, что в Палестине роль путеводителя, в том числе, была отведена Шорам. Так, например, В.Н. Бунина вспоминала: «Наши спутники передают нам легенду: каждую весну кровь убитых на этой земле выступает и окрашивает эти цветы» (*Муромцева-Бунина В.Н.* Беседы с памятью. М., 2019. С. 360). И далее в тексте о Святой земле Бунин весьма часто упоминает мак с оттенком этой легенды. В том числе, в тексте о маке говорит один из эпизодических героев, образ которого отчетливо напоминает С.М. Шора: «— Но, Боже, какая дикая земля, сколько на ней маку! — говорит мой спутник, южно-русский еврей, старик с большой серо-сизой бородой, в черной шляпе» (*Бунин И.А.* Храм солнца // *Бунин И.А.* Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 169). В.Н. Бунина также отмечала, что Д.С. Шор все знает и везде имеет полезные знакомства, С.М. Шор, по ее воспоминаниям, создавал «ощущение древней Иудеи», о поездке в Вифанию она вспоминала: «Д.С. Шор очень смущенно спросил нас, не будем ли мы иметь что-либо против, если с нами поедет его знакомый: <...> он там все знает, будет у нас за гида... <...>. <Согласившись,> мы только пожалели, что вместо милого старика Шора, который как-то хорошо сливался с этой страной и своей религиозной напряженностью давал нам ощущение древней Иудеи, с нами едет какой-то неизвестный человек» (*Муромцева-Бунина В.Н.* Беседы с памятью. М., 2019. С. 363). Отметим, что Д.С. Шор в своих воспоминаниях говорил, что во время поездок по окрестностям Иерусалима он — Д.С. Шор — всегда садился рядом с кучерами и расспрашивал их о местных преданиях и легендах. (*Шор Д.С.* Воспоминания. М., 2001. С. 269, 271). Вероятно, услышанным он делился со своими спутниками.

<sup>5</sup> По этой причине появляется описание проводника в Пирее (*Бунин И.А.* Храм солнца // *Бунин И.А.* Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 133–134), этого проводника вспоминала и В.Н. Бунина (*Муромцева-Бунина В.Н.* Беседы с памятью. М., 2019. С. 346).

<sup>6</sup> В воспоминаниях Буниных о Палестине несколько раз фигурирует имя Хаим. «Наш пансион, Хаим, Шоры» (*Муромцева-Бунина В.Н.* Беседы с памятью. М., 2019. С. 372); см. Дневники Буниных: «В три часа снова Яффа. Опять

Начатое противопоставление Востока и Европы в «Тени Птицы» продолжается и здесь, на страницах «Моря богов». Пирей (Греция) в целом воспринимается как самый европейский город по пути на Восток. Улицы ничем не отличаются от Одессы, Генуи и Марселя, плакаты Ривьеры и Оберланда «уже и совсем переносят в Европу»<sup>1</sup>, а лодочники напоминают лодочников из Неаполя и Венеции. Здесь даже проводники, по Бунину, хотят казаться европейцами и ведут себя подчеркнуто вежливо. Любопытно также, что все «места» бунинского путешествия, кроме Греции (Афин и Пирея), включая Константинополь, Александрию, Каир<sup>2</sup> и топосы Святой земли, встречаются и описаны в паломнических путеводителях. Однако светские путешественники в своих травелогах часто описывают Афины и Пирей. Таким образом, вновь подчеркнем то, как бунинский текст сочетает в себе черты светского и паломнического путеводителей.

### 2.3.4. Египет

Вернувшись в Пирей после посещения Афин, Бунин держит путь дальше — в Александрию. Путеводитель и «Зодиакальный свет» (глава I) в описании Александрии совпадают в общих топонимических и культурных упоминаниях: площадь Консулов, конная статуя Магомета Али, набережные Александрии, улица Шериф-Паши, храм Птолемея, Серапеум, колонна Помпея и пр. Но Александрия, по большей части, описана как европейский (точнее даже английский) город (см. параграф 2.3.2) — как подготовка к посещению настоящего Египта — Каира. В Каир Бунин отправляется из Александрии на поезде-экспрессе: «Экспресс уносил меня к югу <...> всю дорогу чувствовал я, что нигде так быстро не попадаешь в глубь времен, как здесь»<sup>3</sup>, дорога занимает примерно 3 часа 30 минут<sup>4</sup>. В поезде

Хаим и кривой» (Литературное наследство. Т. 110: И. А. Бунин. Кн. 2. М., 2022. С. 25). Вслед за комментаторами тома ЛН (С. 26) предполагаем, что это местный проводник по Палестине.

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 133.

<sup>2</sup> См. главы «Константинополь» (С. 8–12), «Александрия» (С. 229–230), «Каир» (230–231).

<sup>3</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 149. В ходу также был поезд-омнибус, который «пробегает эти 208 кил<ометров> <...> в 6 часов 15 минут» (*Путник*. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1906. С. 181).

<sup>4</sup> *Путник*. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1906. С. 181. Путеводитель также отмечает, что «Каирская железная дорога была первой, построенной на Востоке. Она обставлена почти на европейский лад. На главных станциях — буфеты, где можно найти холодное мясо, вина, фрукты и ликеры. По вагонам разносчики

Бунин описывает встреченных им феллахов и коптов, а также их деревушки, увиденные во время поездки (экзотизм феллахов является общим местом и для путеводителей и травелогов): «И опять против меня — копт и феллах. Копт — толстый, в черном халате, в черной и туго завернутой чалме, с темно-оливковым круглым лицом, карими глазами и раздувающимися ноздрями. Феллах — в белой чалме и грубом балахоне, расстегнутом на груди. Это совершенный бык, по своему нечеловеческому сложению и спокойствию, с бронзовой шеей изумительной мощи. Но еще изумительней то, что ему, кажется, совсем не жарко!»<sup>1</sup>.

От Александрии до Каира в путеводителе дается справка о географических объектах: Абукирское озеро, Мариотенское озеро (также разные рукава Нила); справка о деревнях и городах (об их достопримечательностях и интересных традициях), которые можно наблюдать из окна поезда: Кафр эд-Даур, Даманхур, Тех-эль Бароуд, Кафр-эз-Зайят, Танта (упомянута ярмарка)<sup>2</sup>, Бенга, Тукс — на некоторых из них экспресс совершал остановки (всего 5 остановок)<sup>3</sup>. Бунин по пути упоминает: «Мареотис: водная сияющая гладь, острова камышей, необозримая зеркальность, на отмелях которой розовыми лилиями блистали тысячи длинноногих фламинго, ибисов и цапель. <...> Был Даманхур, — древний Тим, город Гора... Был Кафр-Зайят... Теперь вижу сквозь пыль, что под колесами с грохотом мелькает сквозной мост и горячим стеклом блещет внизу река в илистых берегах. Это Нил. Мимо поезда начинают мелькать белые яркие стены и высокие

---

предлагают апельсины, <...> а также воду» (Там же. С. 181). Бунин упоминает буфет на станции в Танте: «едва успел схватить в буфете апельсин и пачку папирос» (Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 150).

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 150. Такой зооморфизм (человек-бык) в контексте повествования о божествах Древнего Египта кажется использованным нарочно, чтобы лишний раз подчеркнуть природу верований древних египтян в зооморфных божеств с телом человека и головой животного. Анализ того, как Бунин в сравнении с другими писателя-современниками описывает феллахов см.: Анисимов К.В., Щавлинский М.С. Историко-литературный контекст бунинского травелога «Храм Солнца». На фоне кого Бунин «вышел в гении»? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 188–195. Отметим, что путеводители тоже уделяют большое внимание народам Египта, феллахам и коптам, им посвящены отдельные главки в бедекере: «The Fellahin», «Copts» (См.: Baedeker K. Egypt and the Sudân: handbook for travelers by Karl Baedeker. 6th ed. Leipzig, K. Baedeker Publ.; London, Dulau and Co. Publ.; New York, C. Scribner's Sons Publ., 1908. pp. XXXII–XXXVIII).

<sup>2</sup> «Трижды в год: в январе, апреле и августе в Танте собирается ярмарка, самая важная во всем Египте. Наиболее многолюдная та, что открывается в августе <...> здесь собирается до полумиллиона магометан с берегов Средиземного моря и из глубины Африки и Азии» (Путник. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1906. С. 182). Бунин упоминает Танту и позднее в Каире (Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 158).

<sup>3</sup> Путник. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1906. С. 182–183.

пальмы: Танта, город, славный своей ярмаркой. Но и в Танте, как всюду, остановка — мгновенье»<sup>1</sup>.

Этой поездке посвящена вся II глава очерка «Зодиакальный свет», в путеводителе «Каирская железная дорога» также выделена в отдельную главку<sup>2</sup>. Интересно, что здесь же, по пути, Бунин все больше погружается в мифологический дискурс. Отметим, что в тексте, в том числе, начинают проглядывать цитаты из текста Г. Масперо. Рассуждая о египетском народе, Бунин пишет: «Жизнь его текла во тьме и рабстве, стала подобна “палке, изъеденной червями”...»<sup>3</sup>. Таким образом, на структурном уровне бунинский текст вновь соотносится с путеводителем. Поезд для Бунина, в том числе, выступает метафорой путешествия во времени, способом перемещения в глубь времен, от современной европейской Александрии в древность Востока. А свет зодиака, по Бунину, как рентген-луч, буквально освещает древние времена: «зодиакальный свет первобытной веры встает передо мною во всем своем страшном величии»<sup>4</sup>.

Описание Каира построено на тех же бинарных оппозициях. Каир в целом представлен у Бунина поделенным на две части: европейскую и восточную (мусульманскую). Интересную двойственную природу имеет противопоставление бедности и богатства не только в материальном, но и в историко-культурном смыслах. Бунин сначала сравнивает Каир с Александрией, выгодно выделяя первый город, затем сравнивает Новый Каир (европейский) со Старым Каиром (восточным), а после того и вовсе вводит в сравнение третий тоpos — «древнее царство фараонов», на фоне которого перечисленные «Каиры» меркнут: «Каир шумен, богат, многолюден. Вспомнилась Александрия — и показалась простой, бедной, прохладной.<sup>5</sup> <...> А его <Каира> восточные кварталы и сравнивать нельзя

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 150.

<sup>2</sup> Путник. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1906. С. 181–183.

<sup>3</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 151. Масперо цитирует папирус эпохи Рамзеса III, где обсуждается тяжелая жизнь пехотинца, так описывается его состояние по возвращении из похода: «Возвращается ли он, наконец, в Египет, — он похож на палку, изъеденную червями» (Масперо Г.К. Древняя история народов Востока. М., 1895. С. 271).

<sup>4</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 163.

<sup>5</sup> Разницу между Александрией и Каиром также подчеркивает путеводитель, указывая на размеры города и количество населения: «Каир — бесспорно самый большой город в Африке и, в частности, — самый большой арабский город в мире: по переписи 1897 года в нем насчитывалось свыше 576 000 жителей» (Путник. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1906. С. 183).

с восточными кварталами Александрии: старый Каир<sup>1</sup> воспет самую Дочь Луны — Шахеризадой<sup>2</sup>. <...> Еще более восхищения и удивления вызывает у людей Востока Старый Каир, сарацинский, окруживший европейский со стороны желтоватого Мокатамского кряжа. О, какой это богатый, людный, шумный, ученый и старый город! Ему уже тысяча триста лет. <...> И вся старина сарацинского Каира тонет в аравийской древности <...>. И тогда и от европейского Каира и от Каира мусульманского мысль уносится к древнему царству фараонов. И становится жутко и радостно, когда увидишь вдали каменные мощи этого царства — пирамиды Гизы и Саккара, или вспомнишь бедуинов, потомков Агари»<sup>3</sup>.

Обсуждая достопримечательности Каира, Бунин не забывает подчеркнуть, что «восточные» архитектурные сооружения в Каире напрямую связаны с «царством фараонов». Так, например, Бунин, описывая, как он «смотрел со стен цитадели Каира, утвержденной на выступе скал Мокаттама <...> на город», — добавляет: «камни цитадели старше — они строились из малых пирамид Гизы»<sup>4</sup>. Буквально эти же слова находим в путеводителе: «Если верить некоторым показаниям арабов, на постройку ее пошли камни с малой пирамиды Гизы»<sup>5</sup>. Немаловажно и то, что последние сведения о цитадели в «Зодиакальном свете» приводятся после того, как в тексте появляется временный персонаж — гид: «у ворот цитадели мне предложил свои услуги милый, простой и деликатный человек

<sup>1</sup> Согласно разным исследовательским трактовкам в сказках, «Тысяча и одной ночи» представлены комплексы деталей, относящихся к разным восточным городам, среди них Самарканд, Багдад и Каир занимают первостепенные места.

<sup>2</sup> Бунин испытывал интерес к сказкам «Тысяча и одной ночи». В 1901 г. он опубликовал короткий рассказ под названием «Три просьбы». В этом рассказе представлена «восточная сказка <...> о женщинах» (Бунин И.А. Три просьбы // Курьер. 1901. 24 июня. № 172. С. 2). Бунин интересовался сказками и позднее, так, например, П.А. Нилус в письме И.А. Бунину в начале 1905 г. писал: «читаю восточные (1001 ночь) сказки, далее пересказав сюжет одной из сказок, предлагает: “Если эта сказка подходит ‘Правде’, то я сходно ее переведу”» (Цит. по: Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 583). См. также: Щавлинский М.С. «Три просьбы» И.А. Бунина — инвариант восточной сказки // Advances in Science and Technology: сборник статей LXIII международной научно-практической конференции (15 сентября 2024 г., Москва). М.: Научно-издательский центр «Актуальность РФ», 2024. С. 109–112.

<sup>3</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 153–154. Ср. с первыми впечатлениями В.Н. Буниной от Каира (Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 388).

<sup>4</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 155.

<sup>5</sup> Приведем описание цитадели из путеводителя для сравнения: «Цитадель Эль-Кала построена по приказу Села-Эдина (Саладина) в 1166 г. Если верить некоторым показаниям арабов, на постройку ее пошли камни с малой пирамиды Гизы. Крепость эта решительно господствует над городом, хотя, в свою очередь, высота Мокаттама господствует над ней <...>. Вход в цитадель — через ворота Баб эль Джедиде (Новые); на террасе перед ними — мечеть Магомет-Али» (Путник. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1906. С. 186).

в темном балахоне и белой чалме, — один из проживающих при мечети Али»<sup>1</sup>. Этот же гид «прежде всего показал <...> колодец Иосифа — халифа Юсуфа<sup>2</sup>. Но что же это за старина? Колодец глубок, как преисподняя, — и только»<sup>3</sup>. В путеводителе вновь подчеркнута, что «проводники не упускают случая повторять это туристам»<sup>4</sup>. Также вопрошание Бунина «но что же это за старина?», вновь напоминает спор с путеводителем и как бы является контрвопросом на утверждение путеводителя: «сооружение настоящего колодца принадлежит глубокой древности».

Дальше проводник именуется просто арабом: «араб повел меня к западной стене и указал куда-то в пыль над долиною Нила»<sup>5</sup>. Проводник со стен цитадели показывает Бунину город и его мечети (Эль-Азхар и Гассан)<sup>6</sup>.

Таким образом, как и в прошлых очерках, мы вновь фиксируем, что проводник выполняет для Бунина роль своеобразного «говорящего» путеводителя, сведения из которого записаны на страницах книжного путеводителя.

Среди иных достопримечательностей Бунин сначала обобщенно упоминает мечети Каира: «в Каире — полтысячи мечетей и сотни тысяч могил в тишине пустынь, окружающих его. Мечети и минареты царят над всем»<sup>7</sup>. Упоминает мечети Али, называет ее «подражанием Софии»<sup>8</sup>, лишний раз связывая топосы Каира и Константинополя внутри книги.

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 155.

<sup>2</sup> В путеводителе на этот счет следующее: «Позади мечети — “колодец Иосифа” (Бир-Юсуф). Это квадратная шахта со спиральным спуском вокруг, по которому, при помощи особых приспособлений спускаются до половины глубины <...>. Сооружение настоящего колодца принадлежит глубокой древности. В XII ст. Салла-эдин Юсуф (Саладин) приказал возобновить его и дал ему свое имя. По легенде, особенно распространенной у евреев, колодец этот служил тюрьмой для Иосифа. Проводники не упускают случая повторять это туристам» (*Путник*. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1906. С. 186–187). Также колодец Иосифа упомянут в двух аятах 12 суры Корана «Иосиф» (12:10 и 12:15).

<sup>3</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 155. Как раз в следующем предложении Бунин говорит о камнях Гизы, использованных для строительства цитадели. Таким образом, Бунин вновь, на этот раз, посредством сравнения колодца Иосифа с пирамидами Гизы, показывает, насколько последние древнее.

<sup>4</sup> *Путник*. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1906. С. 186.

<sup>5</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 155.

<sup>6</sup> Там же. С. 156. Мечеть Эль-Азхар (X в.) и мечеть Гассана (XIV в.) также упомянуты в путеводителе. (*Путник*. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1906. С. 183–185).

<sup>7</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 154. Подробно мечети Каира перечисляются и описываются в путеводителе на протяжении всей главки «Каир» (*Путник*. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1906. С. 183–193).

<sup>8</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 155. В путеводителе на этот счет читаем: «мечеть Магомет-Али <...> начата основателем ныне царствующей египетской династии в 1824 г. <...> окончена в 1857 г. в царствование Сеида. Строителем ее был грек Юсуф Бошна из Константинополя <...>

Далее Бунин описывает путешествие по окрестностям Египта, посещает пирамиды Гизы. Рассказывает о Гелиополисе: «следы Она-Гелиополя, Бет-Шемеса, по-еврейски, — “Дома Солнца”. Это было средоточие культа Гора и высшей жреческой мудрости. Усиртесен I пять тысяч лет тому назад воздвиг перед онийским храмом Солнца, самым чтимым в древнем мире, свои обелиски из розовых гранитов и украсил их золотыми наконечниками»<sup>1</sup>.

Похожее описание встречаем и в путеводителе, в том числе, указание на то, что Гелиополис — храм Солнца: «В расстоянии 2 километров отсюда находятся развалины Гелиополиса, имя которого встречается в Библии<sup>2</sup>. От местного храма Солнца остались теперь лишь незначительные развалины. <...>. Обелиск из красного<sup>3</sup> гранита, четырехгранный; на всех его гранях вычеканены одни и те же иероглифы, они гласят: “Царь Верхнего и Нижнего Египта, властитель диадем, сын Солнца, Узертесен I воздвиг этот обелиск в годовщину своего первого съезда” (род юбилея дня восшествия на престол)»<sup>4</sup>.

Бунин на символическом уровне вновь связывает очерки между собой. Похожее упоминание: «обелиск розового гранита, когда-то стороживший вход в храм Солнца в Гелиополе»<sup>5</sup> мы уже встречали в Константинополе на страницах «Тени Птицы». И это не единственный случай: в «Тени Птицы» Айя-София сравнивается с храмом Соломона, а в «Иудее» подчеркивается, что мечеть Омара стоит на месте храма Соломона<sup>6</sup>. По всей видимости, этот архитектурно-исторический параллелизм — отчетливый прием бунинской поэтики.

---

построена мечеть по образцу стамбульской мечети Нури Османие» (*Путник*. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1906. С. 186).

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 156–157.

<sup>2</sup> Упомянутые Буниным в приведенной выше цитате наименования города как раз взяты из Библии.

<sup>3</sup> Это не первый случай, когда цветовое восприятие И.А. Бунина и Н.Н. Рейхельта (автора путеводителя) — расходятся в определении цвета египетских обелисков.

<sup>4</sup> *Путник*. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1906. С. 192–193.

<sup>5</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 124. Вспомним также, что в Александрии Бунин наблюдал колонну Помпея, описание которой также похоже на приведенное выше: «И надо всеми этими братскими могилами высилась колонна. Но оказалась она гораздо менее заманчива, чем ее название в гидах: “Монолит розового асуанского мрамора”» (Там же. С. 149).

<sup>6</sup> Сразу оговоримся: мечеть Омара находится рядом с Храмом Гроба Господня. На Храмовой горе, там, где раньше был храм Соломона, находятся две мечети: Аль-Акса и Купол Скалы. Купол Скалы часто путают с мечетью Омара. Далее, когда мы будем цитировать текст Бунина или тексты путеводителей, эта ошибка будет возникать, но мы намеренно оставляем эту ошибку, чтобы подчеркнуть популярность распространенного для конца XIX – начала XX вв. заблуждения и показать, как это заблуждение появилось в тексте Бунина. В путеводителе мечетям посвящена

Кроме того, Бунин перечисляет библейских и исторических персонажей, нахождение которых в Гелиополе-Оне множило славу этого города, в том числе упоминает: «наконец в Оне жила сама Богоматерь с Младенцем... Вот это слава!»<sup>1</sup>. Этот сюжет упоминают светские<sup>2</sup> и паломнические<sup>3</sup> путеводители, что опять позволят Бунину расположить свой текст между историко-культурным травелогом к древности Востока и паломническим путеводителем по следам Библии. Далее Бунин упоминает пирамиду Саккара<sup>4</sup>, она входит в пирамидальный комплекс Завиет-эль-Эриана<sup>5</sup>, и позднее описывает вечернее посещение арабского театра<sup>6</sup>.

Описание сумбурности театрального представления, особенно если сравнить его с воспоминаниями В.Н. Буниной, лишней раз подчеркивает бинарность между восточным и европейским — пародийность местного восточного «балаганчика» не идет ни в какое сравнение с образчиками европейского театрального искусства, поэтому Бунины «удовольствия не получили, до конца не досидели», а желание «понять их <египтян-арабов> душу» — не осуществилось<sup>7</sup>.

На следующее утро Бунин отправляется к пирамидам: «всходило солнце, у ворот ждала коляска, с вечера нанятая к пирамидам»<sup>8</sup>. Подробно описывает живописный маршрут по пути к пирамидам, сами пирамиды: Хуфу (Хеопса) и Хафри (Хефрена) и статую Сфинкса. В этом смысле описания, представленные у Бунина едва ли схожи с теми, что даны в путеводителе, где внимание уделено практическим моментам, вроде стоимости услуг бедуинов-проводников, рекомендаций к одежде путешественников, правил восхождения на пирамиды и

---

отдельная глава «Площадь бывшего Храма Соломонова, ныне “Харамус-Шериф”» (Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 156–166). При необходимости мы оговариваем эту ошибку в примечаниях.

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 157.

<sup>2</sup> Путник. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1906. С. 192–193.

<sup>3</sup> Арсений (иеромонах). Путеводитель во святыи град Иерусалим ко Гробу Господню. М., 1904. С. 229–230.

<sup>4</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 154–155.

<sup>5</sup> Путник. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1906. С. 195.

<sup>6</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 159.

<sup>7</sup> Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 389–390.

<sup>8</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 159. В Путеводителе уточняем, что «экскурсия к ним потребует 6–7 часов <...> экипажем (50 пиастров один конец или 13 фр., т.е. 5 р.; 77 пиастров туда и обратно, около 20 фр. или 8 р. плюс бакшиш в 10–15%, смотря по числу пассажиров) <или> электрическим трамваем <...> или же почтовой каретой mail-coach гостиницы Шипперд» (Путник. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1906. С. 194).

посещения внутренних помещений, а также подробных указаний на размеры той или иной пирамиды.<sup>1</sup> Следующие главки путеводителя: «Гелуанские минеральные воды» и «Для путешествия по Нилу» никак не соотносятся с книгой «Храмом Солнца» и, в частности, с очерком «Зодиакальный свет».

После кульминационного описания главной достопримечательности Египта — пирамид очерк продолжается рассуждениями и цитатами о величии Египта и его культуры. Пунктирным послесловием выглядит посещение зоологического заповедника, на обратном пути в Каир: «И тогда сад казался Эдемом, заповедным приютом блаженства и “незнания”. <...> Свившись в палевую спираль<sup>2</sup>, отливавшую голубым пеплом, неподвижно смотрела в пространство круглоглазая, с яйцевидной головкой Гайя, неотразимо-смертоносная покровительница всего древнего Египта, — символ величия и власти, уреус на царских митрах, жгут, обвивающий крылатую эмблему Гора, “ара”, стократ изображенная над входами храмов...»<sup>3</sup>. Образ египетской кобры, по Бунину, представляет собой символическое воплощение величия и власти Египта. А встреча автора с нею в «Эдемском» саду как бы перекидывает символический мост к следующему топосу бунинской книги — Святой земле, где пространство воспринимается как библейское.

Отдельного внимания заслуживает последняя глава очерка. Как мы отмечали, в 1908 г. при первой публикации «Зодиакального света» очерк был больше и содержал небольшую переходную главу, в дальнейших публикациях, начиная с 1909 г., она отсутствует. В этой главе рассказчик едет на поезде из Каира через Исмаилию, вдоль Суэцкого канала, наблюдает из окна озеро Манзала, Синай,

<sup>1</sup> *Путник*. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. Одесса, 1906. С. 193–197.

<sup>2</sup> Спираль или круг в символической решетке Бунина означают движение истории. Об этом подробнее смотри в анализе очерка «Иудея» (2.3.5. Святая земля).

<sup>3</sup> *Бунин И.А.* Храм солнца // *Бунин И.А.* Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 165. Эту деталь Бунин мог почерпнуть из бедекера. В путеводителе графически изображены разные символы, на которые «путешественнику следует обратить внимание», среди них два изображения змеи и солнечные символы со змеями по краям и к ним памятка: «Урей или царский змей, представленный на диадемах <...>. Его функция заключалась в том, чтобы отвращать враждебные влияния, так же как змей Урей однажды уничтожил своим ядом врагов бога солнца. Крылатый солнечный диск, <...> эмблема Гора из Эдфу, часто помещался над дверями храмов, чтобы отвлечь все зло» (перевод выполнен мной — М.Щ.; См.: *Baedeker K.* Egypt and the Sudân: handbook for travelers by Karl Baedeker. 6th ed. Leipzig, K. Baedeker Publ.; London, Dulau and Co. Publ.; New York, C. Scribner's Sons Publ., 1908. p. CL).

грезит об Индийском океане и прибывает в Порт-Саид<sup>1</sup>. В действительности Бунин инвертировал свое путешествие. Прибыв на пароходе из Яффы, Бунины, в компании Шора и его знакомых, сели на поезд из Порт-Саида в Каир. Писатель начинает главу так: «Вздохнул я свободно только тогда, когда опять почувствовал себя в пути, на дороге в Галилею»<sup>2</sup>. Сразу как бы указывая нам на следующую «остановку» в его травелоге. Затем следует описание из окна поезда. Оно явно восстановлено по личным воспоминаниям и по сведениям из путеводителя. Однако здесь Бунин все же не так подробно пользуется путеводителем, как, например, в аналогичном путешествии в поезде из Бейрута в Баальбек в двух первых главах очерка «Храм Солнца» (см. параграф 2.3.6). В этом описании преобладают личные впечатления<sup>3</sup>.

Как бы подводя итог пережитому путешествию в Египте, рассказчик уже прозревает Синай и грядущий путь в Галилею, успевает захватить в свой объектив еще некоторые важные объекты современного Египта: Исмаилию, Суэц и «землечерпательные машины»<sup>4</sup>. Здесь прослеживается скрытое сравнение: исполинская и поражающая воображение постройка пирамид сравнивается с современным масштабным и глобальным проектом Суэцкого канала. Заметим, что такое сравнение активно навязывается и на страницах путеводителей (и травелогов), где гению Лессепса<sup>5</sup> и истории постройки Суэцкого канала посвящено значительное внимание.

Интересно, как вновь символическим рефреном используется мотив огромного (океанского) парохода: «Но вот за тростником и песчаными валами встают медленно идущие мачты невидимого океанского парохода... Путь к тропикам, к экватору, в Индийский океан! <...> А к часу в мареве воды и неба

<sup>1</sup> Как раз это описание Египта из окна поезда критиковал П.А. Нилус. Вероятно, что исключение этой главы связано с критикой (см. 3.2.2 и Приложение 2).

<sup>2</sup> Бунин И.А. Зодиакальный свет // Слово: литературно-художественные сборники. Книга первая. М., 1908. С. 38.

<sup>3</sup> Там же. С. 38–39.

<sup>4</sup> Там же. С. 38.

<sup>5</sup> Фердинанд де Лессепс (1805–1894) — французский дипломат, предприниматель, руководитель строительства Суэцкого канала. Проект Суэцкого канала был главным международным торгово-политическим событием, изменившим все дальнейшее морское судоходство на Восток. Лессепс начал работу над проектом канала в 1855 г., но из-за политических обстоятельств смог приступить к строительству только в 1859 г. Торжественное открытие канала произошло 17 ноября 1869 г. Особое внимание уделял Лессепсу в своих травелогах А.М. Федоров (см. параграф 3.2).

начинает означаться призрак Порт-Саида. И в лицо уже веет отрадная свежесть. Близится отдых — простор Средиземного моря»<sup>1</sup>.

На пути в Египет (в 5 главе «Море богов») огромный иностранный пароход, идущий в Порт-Саид<sup>2</sup> предвкушает путешествие в Египет и заканчивает его посещение. Примечательно, что при этом сам город не описывается. Важно отметить, что именно из Порт-Саида, согласно путеводителям, отправляются многие пароходы дальше на Восток, к берегам Индийского океана. Повествовать обозначает Порт-Саид как развилку, ведущую и в Галилею, и в Индийский океан. Второй путь оставлен на будущее.

### 2.3.5. Святая земля

При переходе повествования к Святой земле меняются опорные путеводители. Точнее, светские путеводители просто исчезают: любой путеводитель, говоря о Святой земле, должен апеллировать к священным текстам авраамических религий, что автоматически делает его паломническим. В таких путеводителях, помимо необходимых путешественнику сведений практического характера, упор сделан на экскурс в библейский текст. Путеводитель помогает паломнику (или поклоннику<sup>3</sup>) понять, где, в каких местах и каким образом творился библейский миф, «разглядеть» библейскую историю вокруг себя, пройти по стопам Иисуса Христа и правильным образом соблюсти положенные христианские ритуалы. (см. параграф 2.3.1).

Начинаются паломнические путеводители по-разному. Некоторые ведут паломника от Одессы через Константинополь, Архипелаг, Египет без остановок, напрямиком в Яффу, сообщая только самые важные сведения и едва упоминая о достопримечательностях по пути. Некоторые, наоборот, «подсвечивают» библейскую или христианскую историю (то есть историю региона с христианской

<sup>1</sup> Бунин И.А. Зодиакальный свет // Слово: литературно-художественные сборники. Книга первая. М., 1908. С. 39.

<sup>2</sup> «Прошел слева, в Порт-Саид, огромный, тупоносый и весь черный пароход. И я увидел на нем белые буквы: Menzaleh» (Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 143).

<sup>3</sup> Тот, кто идет поклониться Храму Гроба Господня и другим христианским святыням. Такой синоним слову паломник часто встречаем на страницах паломнических путеводителей. См., например: Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. Самый яркий пример: Архимандрит Антонин (Капустин Андрей Иванович, 1817–1894) — начальник Русской духовной миссии на Святой земле — в своей книге-брошюре «Из Иерусалима». (Одесса, 1869) использует слово «поклонник», в том числе как свой псевдоним.

точки зрения) по пути, обязательно «заезжают» на Афон<sup>1</sup> и только потом ведут читателя в Яффу. А есть и такие путеводители, которые сразу начинаются в Яффе. Прибытие в Яффу<sup>2</sup> и высадка с корабля становятся точкой отсчета для паломнического путеводителя (и путешествия). Бунин тоже начинает с этого: «Штиль, зной, утро. Кинули якорь на рейде перед палевой Яффой. На палубе — гам и давка. Босые лодочники в фуфайках и шароварах юбкой, с буро-сизыми, облитыми потом лицами, с выкаченными кровавыми белками, в фесках на затылок орут и мечут в барки все, что попадает под руку. Градом летят туда чемоданы, срываются с трапов люди. Срываюсь и я. Барка полным-полна кричащими арабами, евреями и русскими»<sup>3</sup>.

Схожее описание находим в путеводителе: «Пристань в Яффе очень неудобна; корабли не могут подойти близко к берегу и останавливаются, в виду города, на расстоянии версты от берега. Пассажиры перевозятся на берег в лодках. Как только пароход бросит якорь, его со всех сторон окружают лодочники арабы и, вскарабкавшись через борт на палубу, всеми силами стараются навязать свои услуги прибывшим пассажирам. Суতোлка при высадке обыкновенно происходит страшная. <...> Для встречи паломников на пароходе приезжает посланный от русского подворья проводник»<sup>4</sup>.

Прибытие в Яффу начинается с уже хорошо знакомой по прошлым очеркам (и оттого рутинной) сценой высадки с корабля на берег. Здесь Бунин вновь трансформирует сравнительную оптику (как это было в случае описания Каира

<sup>1</sup> Путешествие на Афон или из Одессы в Константинополь, потом Афон и далее в Яффу — тоже было очень популярным паломническим маршрутом.

<sup>2</sup> Отметим, что этому значимому моменту посвящают внимание абсолютно все путешественники. См., например, первую главу «Яффа» у Суворина (*Суворин А.А.* Палестина. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1898. С. 1–11). См. также: *Рождественская М.В.* «Священный хронотоп» в паломнической прозе (Яффа глазами русских богомольцев XIX в.) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 3. С. 10–14.

<sup>3</sup> *Бунин И.А.* Храм солнца // *Бунин И.А.* Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 166. Ср. «О здешней высадке с парохода обыкновенно рассказывают разные ужасы, будто арабы прямо схватывают паломников за ворот и сбрасывают их в лодки, как мешки с зерном. Испуганному воображению уже рисуется дождь живых тел, в отчаянных, но беспомощных позах, свергаемых арабами частью в лодки, часть в волны. В действительности все это не так страшно. Надо вполне довериться арабам, ибо без них обойтись нельзя: они хоть и помнут немного нежные члены европейца своими жестокими руками, но пересадят в лодку без всяких повреждений. Одному же без их помощи почти невозможно попасть в лодку. Она танцует и бьется около парохода <...>. Арабы, уловив минуту, спускают пассажира в лодку, где другие ловят его за руки, поддерживают и подтягивают его на себя». (*Суворин А.А.* Палестина. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1898. С. 2).

<sup>4</sup> Русские богомольцы в Святой земле. СПб., 1902. С. 20–21. См. также: *Путеводитель по Святой земле.* Одесса, 1894. С. 38.

через уже созданный образ Александрии) и теперь предпочитает начать рассказ о Яффе, оттолкнувшись от образа Стамбула: «О Стамбуле напоминает в первую минуту запах гниющих апельсинов и укропа, смешанный с чадом восточной кухни. Но нет, даже в самых глухих закоулках Стамбула нет плит, столь выбитых и отшлифованных копытами и туфлями, и такой толпы — таких грубых одежд, такого жесткого загара и таких гортанных криков! <...> Да, тут все проще, старее, восточнее. И небо над базаром ярче, и блеску больше, и зной не тот»<sup>1</sup>.

На фоне Стамбула Яффа провозглашается более простой, старой, восточной, где и небо ярче и блеску больше. В такой перспективе «восток» Стамбула воспринимается Буниным как декорация и репетиция Яффы.

Перед началом паломнического путешествия по Святой земле, Бунин воспроизводит идейно важный диалог с пастором-американцем:

«— Ну, что же? — говорит он, поднимая голову от книги, когда я вхожу на крышу. — Довольны ли вы Яффой? Ужасно! — прибавляет он с насмешливым огоньком в глазах. — Ужасно!

Но огонек этот быстро исчезает. Рука пастора ложится на Библию.

— Но чувствуете ли вы, — говорит он, подумав, — что завтра мы увидим Голгофу?»<sup>2</sup>.

Серьезность тона последней фразы, рука, положенная на Библию, — призваны настроить путешественника на внимательное и обдуманное пребывание в Святой земле. Пастор выполняет роль медиатора между реальным и библейским пространством. В противовес обычному восприятию путешественника, он намеренно задает идейную установку на рефлексивное чувствование Святой земли. Таким образом, светский травелог преобразуется в паломнический. В следующих предложениях реальное пространство преобразуется в библейское — сады выглядят райскими<sup>3</sup>, скрип колес волнует ветхозаветно-палестинским звучанием<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 166–167.

<sup>2</sup> Там же. С. 167. Диалог присутствует только в доэмигрантских изданиях «Храма Солнца». Заметим, также, что на месте Голгофы находится Храм Гроба Господня — главная христианская святыня.

<sup>3</sup> См. также: Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 38–39).

<sup>4</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 167–168.

Тут же в тексте выстраивается классическая дихотомия — Бунин слышит атеистические сомнения, призванные сбить его паломнический настрой:

«— Правоверный вопрос! — неприязненно усмехаясь, говорит русский. И быстро прибавляет:

— Я ничего не ощущаю, кроме пустоты в душе. Весь день есть во мне только какая-то враждебность к вам, правоверным. Чему-то не живому молитесь вы...

Да, ничего похожего на чувства правоверных не испытал и я, увидев Яффу нынче утром»<sup>1</sup>.

Диалог пастора-американца и русского атеиста, меж которых находится рассказчик, задает тон очерку и воспроизводит классический богоискательский сюжет в Святой земле. Диалог становится осевой ветвью паломнического текста и отголоски его видны дальше, на протяжении всех очерков о Святой земле. В эмигрантских изданиях диалог снят. Не выбирая сразу сторону, повествователь настроен на поиск не символического Христа, а Христа реального (очеловеченного), жившего когда-то здесь: «Только минутами, только забывая об их<sup>2</sup> Христе, мое сердце содрогалось от близости к Тому, чье имя ожило, очеловечилось для меня при виде берегов Его родины»<sup>3</sup>.

В Иерусалим Бунин отправляется на поезде, как и иные паломники. Дорога занимает 3–4 часа<sup>4</sup>. По пути Бунин описывает увиденное из окна поезда, в том

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 168.

<sup>2</sup> Курсив Бунина. Здесь подразумеваются богомольцы, которые, по мнению Бунина, не осознают и не чувствуют Христа, воспринимают его как догму Священного текста. Эти сомнения Бунина в вере паломников стали отдельной темой критики. Так, например, А.Б. Дерман привел длинную цитату из «Иудеи» и прокомментировал ее следующим образом: «Замечательное признание! Тут все характерно для Бунина. Прежде всего — этот дух и тон отчужденности: образ Христа оживает в нем в результате разрыва с христианским человеческим миром, в результате забвения людей, а не в процессе слияния с подобными себе. Далее, это сомнение в том, чувствовали ли простые пилигримы живого Христа? Конечно, они чувствовали Христа с наибольшей мыслимой ясностью и живостью, нетронутыми разрушительной работой отвлеченной критической мысли. Ведь стигматы наблюдаются не у писателей, а у простых людей. Но Бунин сомневается. Почему же? Да потому, что живой Иисус — это непременно тот, который на несколько минут явился именно его воображению, тот, с “темно-лиловыми” руками, а не иной. И живость Иисуса он почувствовал только тогда, когда воочию увидел “подлинную жизнь”, природу, пейзажи, окружавшие Христа: только в этой осязательной, доступной глазу панораме религиозным трепетом содрогнулось его сердце. И это понятно: Бунина может тронуть лишь “зрительная” религия и никакая другая...» (Дерман А.Б. И.А. Бунин // Русская мысль. 1914. № 6. С. 73).

<sup>3</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 168.

<sup>4</sup> Железная дорога была открыта в 1892 г. Прежний проезд на экипаже занимал 12 часов, а путь пешком занимал 2 дня. В путеводителе «по Святой земле» указывают, что «переезд в удобных вагонах всего в течение трех часов!» (Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 41), тогда как в путеводителе «Русские богомольцы в Святой

числе упоминает Саронскую долину: Лид и Рамле — оба города и прочие деревушки Саронской долины описаны в путеводителях<sup>1</sup>. Бунинские описания в общем соответствуют представленным в путеводителях, но не совпадают в деталях. Иудейские горы, которые, согласно библейским текстам, должны поражать своими исполинскими размерами — разочаровывают Бунина и его попутчика. Через их диалог вновь передается религиозное сомнение: «Но, увы, нужна пламенная вера и детская наивность, чтобы смотреть глазами древних пилигримов, до конца жизни содрогавшихся при воспоминании о высотах Иудейских!»<sup>2</sup>. Старик, сопровождающий Бунина в поезде, по всей видимости, Соломон Моисеевич Шор, во всяком случае, описанное поведение старика в тексте Бунина совпадает с текстом В.Н. Буниной:

Иудея	В Палестине
<p>Тут старик поднимается с места, становится лицом к окну, закрывает глаза и быстро-быстро начинает бормотать молитвы. Но голос его звучит так устало, так равнодушно! А ведь он как ребенок радовался в Яффе, что сбылась его заветная мечта — побывать на закате дней в святой стране...<sup>3</sup></p>	<p>Отец-Шор сильно волнуется – исполняется его заветная мечта, мечта каждого верующего еврея побывать перед смертью в Иерусалиме, вознести молитвы у Стены Плача. Как всегда в горных местностях, на закате резкое понижение температуры. Мы быстро проходим вокзал, останавливаемся на подъезде его, нас окружают извозчики и наперебой предлагают свои довольно потертые «фаэтоны». Пока укладывают в экипаж вещи, старик Шор закрывает ладонью глаза, и я вижу, как по щекам его катятся слезы.<sup>4</sup></p>

земле» пишут: «переезд в Иерусалим совершается всего в четыре часа. От Яффы до Иерусалима считается всего 60 верст» (Русские богомольцы в Святой земле. СПб., 1902. С. 21). «Путеводитель по святым местам Востока» сообщает наиболее точные сведения: «К 12 ½ паломники <...> должны собраться на вокзале железной дороги, чтобы заблаговременно занять места в вагонах. <...> Несмотря на незначительность расстояния, — всего 52 версты — поезд находится в пути 3 ½ часа, делая в час не более 15 верст» (Путеводитель по святым местам Востока. СПб., 1910. С. 43–44).

<sup>1</sup> См., например, «Путеводитель по Святой земле», в нем этим городам посвящены отдельные главы (Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 42–55).

<sup>2</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 170.

<sup>3</sup> Там же. С. 170.

<sup>4</sup> Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 354–355.

Вторая глава «Иудеи» посвящена Иерусалиму: «Вчера весь день я бродил по Иерусалиму, нынче объехал верхом вокруг его стен и на закате возвратился к Западным воротам»<sup>1</sup>. Осматривать Иерусалим Бунин, как и полагается в путеводителях, начинает постепенно, — не отправляется сразу к Храму Гроба Господня, а описывает сначала стены Старого города и Западные (Яффские) ворота<sup>2</sup>. Бунин намеренно создает такую экспозицию, при которой начинает описание за пределами городских стен и постепенно, входя в город, мысленно движется к его главной святыне. По пути он упоминает разные городские объекты по обе стороны от него: цитадель Давида, турецкий гарнизон, европейские магазины, улицу Давида. Поднявшись на крышу отеля<sup>3</sup>, повествователь продолжает обозревать город на закате, перечисляя то, что попадает его взору с севера на юг и с востока на запад: католические приюты, масленичные роши, виллы, гору Самуила, гору Соблазна, Элеонскую гору и т.д., постепенно уносясь взором дальше — в долину Иордана к Мертвому морю и пустыне Иудейской. Задав необходимую перспективу<sup>4</sup>, Бунин начинает воспринимать Иерусалим (неточно цитируя Библию [Пс 121:3]: «устроенный, как одно здание!»<sup>5</sup>) как бы сверху и вновь уделяет внимание его стенам и башням. Наконец, сказав о «мечети Омара, занявшей место храма Соломона»<sup>6</sup>, — Бунин замечает «купол Гроба», до которого «просто хочется дотронуться»<sup>7</sup> и делится своими переживаниями: «Но, Боже мой!

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 170.

<sup>2</sup> Вероятно, выбор ворот неслучаен. Традиционно именно через них проходили паломники в Иерусалим. (См.: Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 74).

<sup>3</sup> Описание отеля, видимо, в позднем творчестве вернется в рассказе «Весной в Иудее». (Бунин И.А. Весной в Иудее // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М., 1988. С. 476).

<sup>4</sup> Отметим, что Бунин также задает археологическую перспективу: «Глубоко подо мной — древний водоем Иезекии, купальня Вирсавии, пленившей красотой Давида» (Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 172.; Сюжет купания Вирсавии рассказан в 11 главе 2 книги Царств). Интерес Бунина к археологии, причем такой специализированной как исследование водоемов, может быть напрямую связан с уже упомянутой книгой А.А. Олесницкого, археологический пафос которой мог увлечь Бунина. Ученый посвятил отдельную главу «Иерусалимские источники, цистерны и пруды» этой теме (См.: Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1873. Т. 1. С. 201–219) в разделе «Подземный Иерусалим».

<sup>5</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 172.

<sup>6</sup> Там же. С. 172. Как и у Бунина, в путеводителе храм Соломона упоминается весьма часто. См., например: «Мория <...> занимает восточную часть Иерусалима <...>. На этом холме был воздвигнут храм Соломонов, составлявший чудо своего времени <...>. Ныне <...> здесь находится Омарова мечеть»; «площадь “Хараус-Шериф”, где в древности был храм Соломонов, а ныне Омарова мечеть» (Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 72–73). См. также отдельную главу «Площадь Храма Соломона» (С. 156–165). Путеводитель и Бунин называют мечеть Омара Купол Скалы.

<sup>7</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 172.

— неужели это правда, что вот именно здесь был распят Иисус? И неужели это над Его гробом блещет теперь в полумраке византийских сводов и подземелий языческое великолепие несметных лампад, огромных погребальных свечей, золота и драгоценных камней, стоит бальзамический дым ладана, запах воска, кипариса, розовой воды — и надгробное рыдание, длящееся уже две тысячи лет? Это рыдание над Христом каменно-золотых, большеглазых мозаик Византии, над Христом коронованных и окровавленных распятий Рима!»<sup>1</sup>.

После внимание Бунина переключается на иные объекты, которые он наблюдает в городе. Вряд ли такое краткое описание храма призвано удовлетворить читателя, очевидно ожидающего подробного впечатления от Храма Гроба Господня. На самом деле, это лишь анонс будущего описания, своеобразный трейлер (пролегомены) полноценного текста о Храме, Стене Плача и Мечети Омара, который будет представлен в IV–V главах «Иудеи». Этот анонс призван подготовить читателя к будущему сакральному опыту посещения главной христианской святыни. Идеинная установка на рефлексивное чувствование, заданная пастором: «Но чувствуете ли вы, <...> что завтра мы увидим Голгофу?»<sup>2</sup> — продолжается.

Путеводители ставили перед собой такую же задачу, да и само пребывание в Иерусалиме ИППО выстраивало таким образом, чтобы прежде всего подготовить паломника к правильному восприятию святыни. В путеводителях сначала приводят историко-географические сведения, III глава «Святый град Иерусалим»<sup>3</sup> содержит параграфы: «Названия Иерусалима», «Холмы Иерусалима», «Кварталы и улицы Иерусалима», «Ворота Иерусалима». IV глава «Краткий очерк истории Иерусалима»<sup>4</sup> призвана обогатить паломника необходимыми сведениями, дать ему возможность прочувствовать историчность и сакральность момента. И только V глава «Храм Святого Гроба или Воскресения Господня»<sup>5</sup> посвящена главной

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 172–173.

<sup>2</sup> Там же. С. 167.

<sup>3</sup> Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 68–77. В других путеводителях фиксируем то же самое, данный выбран как самый наглядный пример с удобным делением на главы и параграфы.

<sup>4</sup> Там же. С. 77–99.

<sup>5</sup> Там же. С. 100–125.

святыне, «этот Храм, по своему историческому значению составляющий первую и конечную цель посещения христианами Палестины, известен всему христианскому миру»<sup>1</sup>.

Монахи ИППО не спешили сразу отводить паломников в главные святыни Иерусалима, их готовили к посещению. Сначала паломники обживались в стенах подворий, на следующий день проходили «умилительный обряд умовения ног», «испрашивали у Патриарха благословение на посещение Св. мест Палестины»<sup>2</sup>, посещали молебен в церкви Русской духовной миссии, далее для них организовывали «народную трапезную <...> в Сергиевом подворье»<sup>3</sup>, а вечером они слушали «чтения с туманными картинами, посвященные событиям священной истории или описанию Святой земли»<sup>4</sup>. Только на второй–третий день<sup>5</sup> паломники отправлялись в Храм Гроба Господня.

К концу II главы, когда солнце закатилось над Иерусалимом и Бунин закончил осмотр города с крыши отеля<sup>6</sup>, он вновь испытал религиозные сомнения<sup>7</sup>. Такое волнообразное ощущение религиозного присутствия и отсутствия Бога (особенно символично, что сомнения возникают с заходом солнца) продолжает диалог, приведенный в I главе.

В III главе Бунин отправляется в Вифлеем и Хеврон, анонсированное посещение Храма Гроба Господня остается для IV главы. Здесь, на наш взгляд, вновь можно обнаружить полемику Бунина с путеводителем, но на этот раз на

<sup>1</sup> Там же. С. 100.

<sup>2</sup> Об этих ритуальных нюансах см. главу «Обряд умовения ног поклонников» (Там же. С. 61–62). Отметим также, что о перечисленном ритуальном порядке сообщают и другие паломнические путеводители.

<sup>3</sup> Путеводитель по святым местам Востока. СПб., 1910. С. 45.

<sup>4</sup> Русские богомольцы в Святой земле. СПб., 1902. С. 35.

<sup>5</sup> Были, конечно и те, кто в день приезда или на следующее утро отправлялись в храмы, но это скорее исключение, путеводители (и православные подворья), как правило, готовят паломников к поэтапному и ритуально-«правильному» посещению святынь. Однако, для такого исключительного случая тоже содержатся инструкции (См.: Русские богомольцы в Святой земле. СПб., 1902. С. 35–36). Также изменения в расписании посещений тех или иных святынь могли быть связаны с проходящими церковными службами.

<sup>6</sup> Отметим, что этот повествовательный прием: осмотр города с возвышенности — был использован и ранее в очерке «Зодиакальный свет», когда Бунин осматривал город со стен цитадели, также перечисляя мечети и здания города. Такая деталь лишней раз подчеркивает композиционную связь между очерками внутри книги «Храм Солнца». Интересно, что подобную биографическую особенность Бунина-путешественника отмечала В.Н. Бунина, рассказывая о том, как во время первого путешествия писателя в Константинополь он сразу же отправился на Галатскую башню: «Как это типично для Бунина! Он всегда, приезжая в новый город, прежде всего поднимался на самое высокое место, чтобы сверху осмотреть все, понять в целом, а потом уже начинал знакомиться по частям» (*Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. М., 2019. С. 247.*)

<sup>7</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 173.

структурном уровне. Путеводитель и монахи ИППО специально подготавливали паломника к посещению главной святыни. Но все же на третий день паломники отправлялись в Храм Гроба Господня и только потом — в другие священные и исторические места Палестины<sup>1</sup>.

Бунин, таким образом, намеренно отступает от предложенного классического повествования с традиционной и понятной для паломника последовательностью и сразу, толком не описав читателю Иерусалим, отправляется в Вифлеем и Хеврон. С другой стороны, такое развертывание текста должно в большей степени расположить и подготовить читателя к кульминации очерка — Храму Гроба Господня, Стене Плача и мечети Омара. Бунин как бы предлагает иное движение: от Вифлеема и Базилики Рождества Христова — к Иерусалиму и Храму Гроба Господня (от рождения к смерти).

Описание пути в Вифлеем Бунин начинает с упоминания географических наименований, схожее описание встречаем в первой главке о Вифлееме «Дороги из Иерусалима в Вифлеем»<sup>2</sup>:

#### Храм Солнца

Путь до Вифлеема самый живой из всех Иудейских путей. Спустясь в долину Гигонскую, он направляется к югу и начинает подниматься сперва мимо горы Злого Совещания, потом по широкой и волнистой равнине Рефаимов. На скатах горы были в древности сплошные сады царей и царедворцев; сады, каналы и цистерны были и на равнине.<sup>3</sup>

#### Путеводитель по Святой земле

Выехавши из Яффских ворот и повернувши несколько влево, мы спускаемся в ущелье *Гион*. <...> Отсюда дорога начинает возвышаться и идет мимо горы «*Злого Совещания*» в пространную и плодоносную равнину *Рафаим* или *Юдоль Гигантов* (1 кн. Паралип. XI, 5).<sup>4</sup> <...> Посреди дороги —

<sup>1</sup> Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 100.

<sup>2</sup> Отметим также, что в этой главке рассказано про гробницу Рахили, о чем Бунин написал одноименное стихотворение (Там же. С. 217–218).

<sup>3</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 173–174.

<sup>4</sup> Отметим также, что одно из названий долины — Гигонская. См., например: «С западной стороны Иерусалима прилегает к нему довольно широкая долина Рафаим, или “долина великанов” <...> эту местность называют также

цистерна, называемая «цистерною Волхвов» (Бир-кадди).<sup>1</sup>

Заметим, что путь в Вифлеем и Хеврон подробно описан в путеводителях, в том числе учтены стоянки и ночлег (расстояние от Иерусалима до Вифлеема — 8 верст, от Вифлеема до Хеврона — 28 верст), также перечислен список разных достопримечательностей, которые может по дороге увидеть паломник: пешком экскурсия совершалась за 2–3 дня, в зависимости от скорости группы, путешествие в экипаже или верхом можно было осуществить за световой день. По сути, для паломников ИППО специально разработало и инфраструктурно отладило экскурсионные маршруты.

Во время поездки Бунин насыщает текст картинами из Священного писания и апокрифов, упоминает истории, связанные с детством Иисуса и жизнью Богородицы, рассказывает о днях Соломона, Давида и Руфи. Часть главы состоит из пересказов и упоминаний разных библейских сюжетов, которые в бунинском тексте легко восстановить по Библии. То же самое мы наблюдаем в паломнических путеводителях — набор сюжетов, использованных Буниным и набор сюжетов, приводимых в путеводителях в главах, связанных с Вифлеемом и Хевроном — по большей части совпадают. Общим местом является обращение к Библии и к апокрифической (житийной) литературе, к чему также обязывает топоним Вифлеема — место рождения и младенчества Иисуса (и бегство Богородицы с Младенцем в Египет)<sup>2</sup>. Сведения об упомянутой Буниным «кроткой праматери Давида, Руфь», которая некогда пришла от Моавитских гор<sup>3</sup>, также находим в путеводителе: «Вифлеем — отечество Пророка и Царя Давида, и некоторые предания говорят, что на том самом месте, где родился Спаситель, был дом Иессия, отца Давидова, и что

долиной Гигонскою, по имени сохранившихся тут с древних времен двух водохранилищ» (*Арсений (иеромонах)*. Путеводитель во святой град Иерусалим ко Гробу Господню. М., 1904. С. 165).

<sup>1</sup> Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 215–216.

<sup>2</sup> Бунин пересказывает XX главу «Евангелие от псевдо-Матфея» (одна из сцен бегства в Египет), а путеводители, рассказывая о Богородице, цитируют Четьи-Минеи Дмитрия Ростовцева (*Арсений (иеромонах)*. Путеводитель во святой град Иерусалим ко Гробу Господню. М., 1904. С. 146). См. также Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 224, 228–229.

<sup>3</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 174.

в нем родился Давид. Трогательные сцены Руфи, Моавитянки родом, на которой впоследствии женился Вооз, праотец Иессия, происходили на полях Вифлеемских»<sup>1</sup>.

По пути к Вифлеему и далее, по пути к Хеврону, Бунина особенно занимает фигура Соломона и места, связанные с ним — это то, что он «вспоминает» чаще всего. На наш взгляд, это также связано с путеводителем. Бунин прибегает к классическому для его поэтики приему воспоминания или припоминания: образы преподносятся неточно, форсированно, детали возникают перед глазами стремительно, накладываясь друг на друга. Взору читателя представлен нарочитый импрессионистический шарж с флером недосказанности. Сначала «вспоминались сады и виноградники Соломона» — после этого вступления Бунин подробно пересказывает своими словами легенду из «Песни Песней» о любви Соломона и Суламифи, затем следует точная<sup>2</sup>, но немного сокращенная цитата (Песн. 2:12–13)<sup>3</sup>. Глава путеводителя: «Исторические места в окрестностях Вифлеема» — содержит подробную информацию о местах Соломона: в главке о «Затворенном саде Соломоновом» рассказано о «роскошной долине <...>, покрытой виноградниками, масличными, фиговыми и гранатовыми деревьями <...> сюда часто приезжал Соломон для прогулки и развлечения»<sup>4</sup>. Отъехав от Вифлеема в сторону Хеврона, Бунин детально описывает «Водоемы Соломона! <...> <которые он> ждал <...> с волнением»<sup>5</sup>. Как раз в следующей главке путеводителя «Пруды Соломоновы (Эль-Бурак)» приведено весьма схожее описание<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 227. Жизнь Руфь подробно описана в «Книге Руфь» (Ветхий завет). «Книга Руфь» также цитируется далее при описании окрестностей Вифлеема (См.: Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 231).

<sup>2</sup> Мы предполагаем, что в данном случае путеводитель, в котором указывается как окрестности Вифлеема связаны с Соломоном, его садами и виноградниками, в котором даются цитаты и ссылки на «Песнь Песней», послужил для Бунина причиной, по который писатель напрямую обратился к «Песни Песней» и точно процитировал текст.

<sup>3</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 174.

<sup>4</sup> Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 232. В главке вновь цитируется «Песнь Песней» с указанием источника.

<sup>5</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 175. Возможно такое «волнение» от водоемов Соломона связано с чтением книги А.А. Олесницкого, который подробно рассказывает об этих водоемах, подчеркивая их красоту и историческую инженерную уникальность (См.: Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1873. Т. 1. С. 221–227).

<sup>6</sup> Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 232–234.

Путеводитель отлично проясняет все нюансы бунинского текста и как бы указывает на то, какие детали Бунин «вспомнил» посредством путеводителя, какие опустил или заменил, а какие передают его личное впечатление, схваченное в тот самый момент — например, встреченные арабы-охранники, окружающая писателя цветовая палитра, особенности погоды или встреча с шакалом у пещеры Иеремии<sup>1</sup>.

Хеврон Бунин называет «диким мусульманским гнездом <...> в узкой Долине Возлюбленного»<sup>2</sup>. Основная достопримечательность города, которой Бунин уделил внимание — «Святынище <...> где почивают Авраам и Сарра»<sup>3</sup>. Бунин также отметил, что несмотря на то, что это священное место для основных авраамических религий (ислама, иудаизма и христианства), властвующие здесь мусульмане не дают иноверцам посетить это место, а местные «мальчишки швыряют камнями в подходящих к нему поклонников, травят их собаками»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> «...проводник указал мне <...> на “пещеру Иеремии”. Я свернул к ней. <...> Возле пещеры цвел куст дикого шиповника. Стрелой вылетел из нее шакал, мелькнул лисьим хвостом и, вскочив на пригорок, сел и наострил уши. На земле, при входе в пещеру, закопченной дымом, валялись пестренькие крылышки съеденной совки...» (Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 175). Во-первых, отметим, что опять роль «путеводителя» выполняет проводник, сопровождающий Бунина. Во-вторых, сам эпизод встречи с шакалом у «пещеры Иеремии» нарушает повествование и создает определенные сложности. В окрестностях Вифлеема или Хеврона нет пещер(ы) Иеремии. Согласно главке «Так называемые пещеры Варуха» (Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 193–194) из путеводителя, читаем, что: «пещеры эти лежат на 300 почти шагов к юго-востоку от Дамасских ворот. Греки называют их пещерою Варуха, а европейские ученые — пещерами Иеремии» (С. 193). Таким образом, возможны следующие варианты: 1) автор ошибся и, в том числе, вложил свою ошибку в уста проводника (интересно, что таким образом Бунин сохраняет репутацию путеводителя); 2) автор осмотрел данную пещеру на обратном пути в Иерусалим или вовсе в другой день, но решил указать на эту деталь здесь (вероятно, сознательно размывая стройность и нарратив путеводителя); 3) автор подразумевал иную пещеру, например «Пещеру Аввы Харитона» (С. 238–239) в окрестностях Вифлеема.

<sup>2</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 176. В путеводителе сказано, что «Хеврон у арабов называется “Эль-Халиль”; это прозвание Авраама, значащее “любимец Божий”. Хеврон стоит на ряду с четырьмя главными местами поклонения мусульман, которые суть: Мекка, Медина, Эль-Кудуш (Иерусалим <...>) и Эль-Халиль (Хеврон)» (Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 241).

<sup>3</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 176. В путеводителе читаем: «самое главное, что в Хевроне привлекает внимание, это мечеть, в которой находятся гробы Патриархов Авраама, Исаака и Иакова с их семействами. Зодчество мечети Хевронской величественно: оно походит на замок» (Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 241–242). Отметим также, что в следующей главке путеводителя «Долина Мамврийская» рассказана история жизни Авраама и Сарры с цитатами из Библии и указанием источников (С. 243–245).

<sup>4</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 176. В Путеводителе читаем: «но жители <...> магометане из самых фанатичных в Палестине, крайне негостеприимны и неприветливы»; «Посреди <крепости Авраама> <...>, над погребальною пещерою Праотцев, высилась великолепная церковь, построенная Св. Еленой. Церковь преобразована в мечеть и вход туда воспрещен христианам <...>. В мечети глубокий и темный сход в пещеру <...> которая в Св. Писании названа “сугубою пещерою” — “Махпела”, не допускают даже самих мусульман; внутренность ее известна только имамам. В пещере помещаются все гробы Патриархов: гробницы Авраама и его семейства помещаются в особом отделении по правую сторону под сводами, утвержденными на двух колоннах; а гробница Исаака налево под тем же сводами. Гробницы Патриархов покрыты зеленой, шитой золотом материей, а гробницы женщин такой же материей красного цвета». (Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 241–242). А.А. Олесницкий тоже и намного подробнее описывает Хеврон и храм (Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1874. Т. 2. С.68–69, 109–124), который он, к слову, ссылаясь на Библию, называет храмом Авраама и Сарры (С. 122). Д.С. Шор, путешествовавший с Буниными, вспоминал совместное

На оставшихся страницах III главы Бунин сосредоточен на общих рассуждениях об исторической судьбе Иудеи: «В мире нет страны с более сложным и кровавым прошлым, как нет книг ужаснее воплей пророков»<sup>1</sup>. Иудею Бунин выделяет на фоне Греции, Рима и Египта,<sup>2</sup> где «историческая жизнь почти не прерывалась»<sup>3</sup>. Бунин подкрепляет свои рассуждения цитатами из Библии, а также кратко, за счет «неймдроппинга» (Адриан, Ирод, Тит, Навуходоносор, Давид, Иегова, Соломон — это имена, упомянутые только в одном абзаце)<sup>4</sup> создает историческое полотно повествования. Отметим, что при этом историко-импрессионистическом размахе, все эти сведения также находим на страницах путеводителя в главе «Краткий очерк истории Иерусалима»<sup>5</sup>. Приведем лишь один яркий пример. Бунин, описывая злодеяния Тита, пишет: «Тучи сгустились, спустились над храмом Соломона, и, в гробовом молчании, сами собой распахнулись бронзовые двери его, выпуская воинство Иеговы. “Мы уходим!” — сказал Иудее неведомый голос»<sup>6</sup>. А вот схожее описание со страниц путеводителя, где пересказана сцена из «Иудейской войны» (Кн. 6., гл. 5) Иосифа Флавия: «В праздник Пятидесятницы священники, войдя по обычаю в Храм, услышали какое-то “движение и шум”, а потом голос как бы нескольких людей: “уйдем отсюда!” Это был голос Ангелов, невидимо обитавших в святилище и оставлявших его!»<sup>7</sup>.

---

посещение гробницы Рахили: «В Хевроне местные магометане нас очень недружелюбно встретили градом камней, когда мы близко подошли к могилам, которые они считают своей святыней» (*Шор Д.С.* Воспоминания. М., 2001. С. 271). См. также стихотворение Бунина «Гробница Рахилли» (1907 г. или 08.1908 г. — датировка по: *Бунин И.А.* Стихотворения. Т. 2. СПб., 2013. С. 55).

<sup>1</sup> *Бунин И.А.* Храм солнца // *Бунин И.А.* Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 176.

<sup>2</sup> Упоминание уже «пройденных» в травелоге остановок в очередной раз связывает очерки между собой.

<sup>3</sup> Там же. С. 176. Здесь Бунин начинает развивать (и делает это до конца главы) свою историософскую концепцию, представляя движение истории как движение по кругу или спирали. Такой взгляд на историю был популярен в России конца XIX – XX вв. и распространен среди многих писателей Серебряного века. По Бунину, для Греции, Рима и Египта характерно непрерывное движение времени, тогда как «не то было в Иудее» (С. 176) — в Иудее время прерывается и происходит как бы этапами: во времена патриархов было «тысячелетнее забвение» (С. 178), затем исторический калейдоскоп «легендарных бедствий» (С. 176) и сейчас Иудея «возвратилась» «ко дням патриархов» (С. 178) на историческую передышку. «Жизнь совершила огромный круг, создала на этой земле великие царства и, разрушив, истребив их, вернулась к первобытной нищете и простоте...» (С. 175). Указание на такую же судьбу Иерусалима находим еще во II главе: «Он, воспетый Давидом и Соломоном, некогда блиставший золотом и мрамором, окруженный садами Песни Песней, ныне возвратился к аравийской патриархальной нищете» (С. 172); такой же пафос поддерживается и в VI главе: «да, совершила жизнь огромный круг! Всем существом пережил я за эти месяцы долгую и страшную летопись Востока...» (С. 187).

<sup>4</sup> *Бунин И.А.* Храм солнца // *Бунин И.А.* Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 177. Схожий фрагмент см.: *Марков Е.Л.* Путешествие по Святой земле. СПб., 1891. С. 82.

<sup>5</sup> Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 77–99.

<sup>6</sup> *Бунин И.А.* Храм солнца // *Бунин И.А.* Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 177.

<sup>7</sup> Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 90–91.

IV главу Бунин начинает в Иерусалиме. Буквально там же, где оставил читателя во II главе — в отеле. Через несколько предложений после пробуждения, писатель вновь оказывается на крыше отеля. Перед нами предстает панорама ясного утра в Иерусалиме: улицы наполнены звуками, запахами, движением — город дышит полной грудью, а на глаза писателя вновь попадают купола мечети Омара и Храма Гроба Господня (на этот раз в лучах утреннего, а не вечернего солнца). Перечисляя путешественников и паломников всех мастей, которые на пути к святыням Иерусалима «непрерывно должны пройти по улице Давида»<sup>1</sup>, Бунин мысленно начинает движение с ними и «течение непрерывной реки — ослов, патеров, имамов, верблюдов, женщин, турецких солдат, бедуинов и паломников всех исповеданий»<sup>2</sup> приносит его к «Юдоли Мертвых» — к Храму Гроба Господня: «И этот двор, храм — это-то и есть “Юдоль Мертвых, плача и предградия”. Некогда она лежала вне городских стен, была пустошью, служила для свалки нечистот и мусора, для позорнейшей казни и сжигания казненных. Потом стала величайшей святыней мира <...> И владели ею то Рим, поставивший над могилой Распятого храм Венеры, то Византия, то Хозрой, то Омар, то Готфрид, то султаны Стамбула»<sup>3</sup>.

Схожее описание было и в путеводителе<sup>4</sup>, откуда Бунин заимствует цитату из Библии. Далее, на наш взгляд, следует очередной неймдроппинг, который Бунин начинает с факта, указанного в приведенной цитате из путеводителя, а затем, как и предлагает путеводитель, «смотрит выше» — то есть в главу «Краткий очерк истории Иерусалима» (С. 77–99)<sup>5</sup>. О римском императоре Андриане написано в главке «Баркохвас. Император Адриан. “Элия Капитолина”» (С. 91–92); «византийский» период описан в главках «Епископы Иерусалима» (С. 93) и «Иерусалимская патриархия» (С. 94–95) и «Патриарх Модест и император Ираклий» (С. 96); Хозрою посвящена главка, расположенная среди уже перечисленных: «Пленение Иерусалима при Хозрое» (С. 95); об Омаре и конце «византийского» периода рассказано в главке «Омар и патриарх Софроний» (С. 96); про Готфрида сказано в

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 179.

<sup>2</sup> Там же. С. 179.

<sup>3</sup> Там же. С. 179.

<sup>4</sup> Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 102.

<sup>5</sup> Там же. С. 77–99.

идушей следом главке «Крестоносцы. Королевство Иерусалимское» (С. 97–99); и о султанах Стамбула рассказано в заключительной главке «Иерусалим окончательно во власти магометан» (С. 99). Таким образом, Бунин кратко проходит всю историю Иерусалима.

Бунин начинает описывать храм. Перечисляет фасады, решетчатые окна, Камень Помазания, ротонды, порталы, «жуткий погребальный Вертеп», в котором «не сразу разглядишь у стены направо низкую лежаночку из мрамора!»<sup>1</sup>. Бунин также уделяет внимание прихожанам, турецким солдатам, птицам, запахам, цвету. В целом, на этом и заканчивается описание храма.<sup>2</sup> Далее Бунин отправляется к «Стене Плача, у останков святилища Иеговы»<sup>3</sup>: «Храм Иеговы» — храм Соломона. Бунин намеренно в этой главе именуется храм таким образом. На самом деле, это прямое указание на источник, который Бунин будет использовать дальше вплоть до конца очерка. Здесь, по сути, путеводитель уступает место «отчету» А.А. Олесницкого. Глава «отчета», в рамках которой разворачивается оставшийся бунинский текст (часть IV и V глав «Иудеи») называется «Харам-ес-шериф и остатки храма Иеговы» (С. 43–159)<sup>4</sup>. VI глава «Иудеи» тоже написана с опорой на Олесницкого, но об этом позже. Вернемся к Стене Плача. На наш взгляд, текст Олесницкого, (при параллельном чтении) буквально «проглядывает» сквозь бунинский текст, как на палимпсесте.

### Иудея

Если не свернешь с улицы Давида к Голгофе и пройдешь немного ниже, невольно свернешь вправо, в узенькие и жаркие трущобные ходы, что уступами приводят в глухой длинный закоулок. С трех сторон замыкают его

### Святая земля

Если идти от Яффских ворот по улице Давида к храму, то, не доходя последнего за крытым базаром, поворачивают к стене плача направо через небольшой грязный переулок; отсюда две других таких же грязных,

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 180.

<sup>2</sup> Отметим, что в путеводителе храму посвящена отдельная и весьма подробная глава «Храм Святого Гроба или Воскресения Господня» (Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 100–125).

<sup>3</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 181.

<sup>4</sup> См., например, начало случайного абзаца: «Остатки храма Иеговы на площади храма...» (Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1873. Т. 1. С. 60).

стены каменных домов и домишек. С четвертой, — если стать лицом к востоку, — громадная крепостная стена: Стена Плача, остаток укреплений вокруг храма Соломона, а теперь часть стен вокруг мечети Омара.<sup>1</sup>

кривых и узких улицы <...> приведут к подножию стены плача.<sup>2</sup>

У Стены Плача Бунина (как и Олесницкого) больше всего интересуют люди, их одежды, позы, взгляды, выражения лиц и процесс поклонения Богу. Завершается глава объемной цитатой из Библии (Лк 4:17–19) и молитвой. Текст молитвы, Бунин, немного изменив и сократив, заимствует у Олесницкого. Сравним:

#### Иудея

Но еще страшнее, когда они, на вечерних литаниях в пятницу, соединяют свои дрожащие голоса в один мучительный вопль, отвечая предстоящему.

— Ради чертогов покинутых! — скорбным тенором восклицает предстоящий.

— Одинокие, сидим мы и плачем! — жалобно, фальцетами вскрикивают старики.

— Ради чертогов разрушенных...

— Одинокие, сидим мы и плачем!

— Ради стен ниспровергнутых...

#### Святая земля

В пятницу, кроме обыкновенных молитв, здесь читается особенная литания. Предстоятель говорит:

— Ради чертогов, которые разрушены...

— Ради храма, который разорен...

— Ради стен, которые разбиты...

— Ради величия нашего погибшего...

— Ради великих мужей наших павших здесь...

— Ради драгоценных предметов наших сожженных здесь...

— Ради священников наших согрешивших здесь...

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 181.

<sup>2</sup> Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1873. Т. 1. С. 60–61.

— Одинокие, сидим мы и плачем!  
 — Молим Тебя, умилосердись над Сионом, — запекает предстоящий.  
 — Собери часть Иерусалима! — подхватывают старцы.  
 — Поспеши, поспеши, Искупитель!  
 — Да воцарится на Сионе мир и радость!  
 — И опять расцветает жезл Иессея!<sup>1</sup>

— Ради царей наших, пренебрегших этим святилищем...  
 И на каждый стих получается ответ народа: «мы сидим здесь и плачем». Затем предстоятель поднимает голос выше и читает: Молим Тебя, умилосердись над Сионом.  
 Народ: Собери чад Израиля.  
 Предстоятель: Поспеши, поспеши Искупитель Сиона.  
 Народ: Скажи отрадное Иерусалиму.  
 Предстоятель: Пусть слава и величие увенчают Сион.  
 Народ: О, будь милостив к Иерусалиму.  
 Предстоятель: Пусть снова явится царство на Сион.  
 Народ: Утешь плачущих об Иерусалиме.  
 Предстоятель: Пусть мир и счастье войдут на Сион.  
 Народ: И жезл Иессея зацветет на Сионе.<sup>2</sup>

Бунин на протяжении всего очерка сознательно нарушает читательские ожидания. Увлекая читателя Храмом Гроба Господня, Бунин обязательно упоминает и мечеть Омара, в обоих описаниях (II и IV главы) мечеть всегда ожидает где-то рядом, за углом (по совокупности даже Стене Плача автор уделит

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 182.

<sup>2</sup> Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1873. Т. 1. С. 64.

больше внимания, чем Храму Гроба Господня). Читатель паломнического текста (особенно православный) ожидает подробной передачи сакрального опыта от главных святынь, но Бунин осознанно лишает его этого, подменяя храм на мечеть. Выходит так, что Храм Гроба Господня едва описан, а Базилика Рождества Христова в Вифлееме (III глава), — также важнейшая из святынь — даже не упомянута!<sup>1</sup> А впечатление от святилища Авраама и Сарры — еще одной авраамической (на тот момент, преимущественно исламской) святыни — описано весьма подробно. При этом текст Олесницкого, за которым Бунин начинает следовать с этого момента очень внимательно, — разнообразен и предлагает святыни на любой религиозный вкус<sup>2</sup>. Большое внимание уделено Храму Гроба Господня, Храму Иеговы (Соломона) и пр., но среди всего перечня Бунин останавливает свой выбор на мечети Омара<sup>3</sup>.

С одной стороны, Бунин верен себе и продолжает исследование ислама, которое он начал еще в первом очерке книги (в «Тени Птицы»)<sup>4</sup>, тем самым снова на символическом уровне связывая очерки, а с другой стороны, Бунин противопоставляет свой нарратив классическому нарративу паломнического путеводителя и, в том числе, реализует идейную установку, озвученную еще в I главе «Иудеи»<sup>5</sup>. Отказ от описания храмов, опошленных паломниками (и путеводителями) — это и есть процесс бунинского «забывания об *их* Христе» и движения в сторону «очеловеченного» (реального) Христа, который когда-то жил здесь. Именно поэтому, на наш взгляд, главным текстом об Иисусе становится «Геннисарет». При этом, в процессе смены паломнического нарратива, навязанного путеводителем, Бунин избавляется и от путеводителя (меняет один на другой). Такая смена кардинально обновляет текст и вносит неожиданный творческий ракурс и нетривиальный экскурс (особенно если не знать источник

<sup>1</sup> Заметим, что это тоже своеобразный композиционный ход. Вифлеем и Базилику Рождества Христова Бунин приберег на «Геннисарет», правда и там святыне уделен один абзац.

<sup>2</sup> См., в том числе, главу «Монументальные и христианские памятники Иерусалима» (*Олесницкий А.А.* Святая земля. Киев, 1873. Т. 1. С. 513–550).

<sup>3</sup> Отметим, что Олесницкий везде называет Купол Скалы Мечетью Омара и Бунин, по всей видимости, повторяет ошибку именно за ним.

<sup>4</sup> Вспомним также, что еще с путешествия 1903 г. «Ислам вошел глубоко в его душу» (*Муромцева-Бунина В.Н.* Беседы с памятью. М., 2019. С. 247).

<sup>5</sup> *Бунин И.А.* Храм солнца // *Бунин И.А.* Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 168.

заимствования). Но у такого решения есть и обратная сторона: бунинский текст становится слишком зависимым от одного-единственного источника.

Описание мечети Омара начинается Бунин издали — от берегов Мертвого моря, откуда «стекаются к стенам и святыням» поклонники «всех стран и народов»<sup>1</sup>. Бунин описывает стражников, охраняющих вход на территорию святыни ислама: «еще очень недавно великих трудов стоило не только войти, но даже заглянуть во двор Святылища, а сто лет тому назад за это платили жизнью. Теперь часовой только покосил своими голубоватыми белками, только блеснул огненно-черным зрачком»<sup>2</sup>. Это весьма общее замечание сообщают все путеводители, Бунин, в данном случае, подчеркивает степень сакральности, присущую мусульманам — на это он уже обращал внимание в окрестностях Хеврона<sup>3</sup> и даже кратко в Стамбуле, говоря о дворце Сераль<sup>4</sup>. Далее Бунин перечисляет разных молящихся, которых он замечает по пути и дает общее впечатление от приближающейся громады: «мечеть еще ослепительнее предстала перед нами своей громадой в чистом, жарком воздухе»<sup>5</sup>. Наконец «вступили мы в прохладу и сумрак, слабо озаренный голубым и розовым светом драгоценных разноцветных стекол»<sup>6</sup>. Описание мечети в путеводителе и у Бунина (точнее, у Олесницкого) совпадают в общих чертах, но начинают расходиться в деталях. Так, например, Бунин пишет, что в мечети: «простора нет потому, что стоит в ней восьмиугольная колоннада: восемь широких столпов и шестнадцать колонн, соединенных архитравом»<sup>7</sup>, тогда как путеводитель говорит, что «крышу <здания> поддерживают 17 колонн»<sup>8</sup>. Далее Бунин начинает описывать историю мечети и камня Мориа — центрального артефакта святыни (и бунинского повествования).

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 183.

<sup>2</sup> Там же. С. 183.

<sup>3</sup> Там же. С. 176. О том как непросто было попасть христианину в мечеть Омара см.: Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1873. Т. 1. С. 54.

<sup>4</sup> См.: «за внутренними стенами Сералья, охраняющими покои, недоступные для европейца» (Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 118).

<sup>5</sup> Там же. С. 184.

<sup>6</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 184. Сумрачность мечети подчеркивает и путеводитель: «внутри мечеть темновата, что придает ей характер таинственности» (Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 158).

<sup>7</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 184–185.

<sup>8</sup> Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 158.

Все эти сведения, часто взятые в кавычки, находим у Олесницкого. Приведем лишь несколько примеров.

У Бунина: «Кабалистические книги говорят: “Адонай-Господь воздвиг в Бездне камень и начертал на камне Имя Святое. Когда поднимаются воды Бездны до камня, они отбегают вспять в ужасе. Когда произносится ложное слово, камень погружается в воды — и смываются буквы Святого Имени. Но ангел Азариэла, имеющий семьдесят ключей к таинству Святого Имени, снова пишет его на камне, и оно снова гонит прочь воды”»<sup>1</sup>.

У Олесницкого: «В каббалистической книге “Yalkut chadasch”<sup>2</sup> (35, 2) это сказание передается так: “когда Адонай творил мир, Он поставил среди бездны камень, на котором начертал свящ<енное> имя. Всякий раз, когда бурные волны преисподней поднимутся до камня, они убегают назад от страха св<ятого> имени. Этот камень лежит до нынешнего дня над пропастью и держит мир в его нынешнем виде. Когда кто-либо делает ложную клятву, камень погружается в воду и бездна готова поглотить мир. Тогда Бог посылает ангела, по имени Азариэла, имеющего 70 ключей к таинству свящ<енного> имени. Ангел пишет снова св<ятое> имя и камень занимает прежнее место”»<sup>3</sup>.

У Бунина: «Древние книги и легенды Иудеи и Аравии говорят: “В Иерусалиме Бог сказал Скале: ты — основание, от коего начал я создание мира... *От тебя воскреснут сыны человеческие из мертвых*”. “Сойдя в пещеру под Скалой, Медшир-ед-Дан видел чудо чудес: колеблющаяся глыба камня, ничем и никем не поддерживаемая, висела в высоте, подобно парящему орлу». Магомет — в ночь своего путешествия из Медины в Иерусалим — стал своей священной стопюю на Скалу Мориа, раскачивающуюся между небом и землею. Был взмах, почти достигший врат рая, — и Скала издала крик радости. Но Пророк повелел ей молчать — и вошел во врата Рая. А Скала вновь пала к земле — и вновь вознеслась

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 186.

<sup>2</sup> Yalkut Hadash — антология еврейских мидрашей (изложение Священного писания). Данная книга опубликована в первой половине XVI в. и является самой популярной и обширной.

<sup>3</sup> Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1873. Т. 1. С. 134.

— и в движении своем пребывает и доныне: “не мешаясь с прахом и не смея преступить неба”»<sup>1</sup>.

У Олесницкого: «“В Иерусалиме <...> Бог говорил скале: ты мое основание, от которого я начал создание мира <...>”. Но главным образом арабские сказания о скале храма обращаются около идеи движения и колебания. “Сойдя в пещеру скалы, говорит Медшир-ед-Дин, я видел чудо из чудес: трепещущая скала висела надо мной в воздухе, подобно орлу, ничем не поддерживаемая”. Если в талмудической мифологии камень колебался только как веретено, то здесь размах его качаний равен всему пространству между небом и землей. Магомет, возносясь на небо, стал ногою на скале храма и воспользовался ее восходящим вверх движением. Уже Магомет и скала были близки к воротам рая и земная персть, при виде красоты небесного жилища, издала крики радости <...>. Магомет повелел скале замолчать и вошел в рай один, оставив ее возвратиться на землю. Скала возвратилась, но не упала на землю, а продолжает колебаться между небом и землей, слишком гордая сознанием совершенного ею пути к небу, чтобы снова смешаться с прахом и слишком еще слабая, чтобы переступить небесную границу»<sup>2</sup>.

Интересно, что похожие сведения сообщает К. Тишендорф в «Святой земле», книгу которого в «домашнем» переводе читал Бунин: «Если бы мы сейчас добавили все версии преданий, нам пришлось бы использовать многие иудейские, христианские и магометанские источники. Так, согласно Талмуду, именно этот камень послужил для сотворения мира, поэтому его скромная роль заключалась в том, чтобы хранить Ковчег Завета. В основе мусульманской традиции лежит предание о том, что Пророк, молясь, вознесся на небо на этом камне. Но когда камень начал кричать от радости, приближаясь к раю, Мухаммед приказал ему замолчать и вернуться назад. После этого камень не до конца упал на землю и остался висеть в воздухе на высоте нескольких футов над землей. Следы ног

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 185.

<sup>2</sup> Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1873. Т. 1. С. 139–140.

Мухаммеда и пальцев ангела, державшего камень, свидетельствуют о чуде этого подъема, совершенного вместе с Пророком»<sup>1</sup>.

Однако едва ли Тишендорф объясняет весь бунинский текст<sup>2</sup>. Заметим, также, что будущее<sup>3</sup> выделение V главы в самостоятельный очерк «Камень» — выглядит теперь оправданным и понятным. Глава полностью написана по мотивам Олесницкого<sup>4</sup>, кроме некоторых художественных впечатлений при описании мечети в начале главы.

В VI главе (или отдельном очерке «Шеол») продолжается заданная в предыдущей главе тенденция — она снова написана с опорой на Олесницкого. Только в этот раз субъективной художественной обработке подвергается сразу несколько глав источника: «Кесария Палестинская и область крокодилов. Атлит» и «Финикийский берег»<sup>5</sup> из второго тома «Святой земли». Вторая глава разделена на параграфы, для наглядности перечислим: Тирская лестница; Источники Соломона; Тир и его древности; Гробница Хирама; Грот Астарты; Адлюн-Орнитополис; Сидонский некрополь и саркофаг царя Езмунацара; Некрополь Хальды. Некоторые параграфы отвергнуты Буниным целиком, из некоторых взяты колоритные детали, а какие-то становятся основным «топливом» бунинского текста<sup>6</sup>.

Названия городов, стран, народов, которые калейдоскопом бунинского неймдропинга проносятся по тексту (на одной странице) — являются результатом объединения сведений первой главы и части параграфов из второй: про Крокодилополис (этот египетский след) и Кесарию (эпоху Ирода) — читаем в первой главе, про Астарту, ее культ и надгробие Эзмунацара — читаем в

<sup>1</sup> *Tischendorf C. Terre-Sainte avec les souvenirs du pèlerinage de S.A. le Grand-Duc Constantin. Paris: C. Reinwald, libraire-éditeur, 1868. pp. 214–215. (Перевод с фр. выполнен мной — М.Щ.). См. также пер. с нем. Г.А. Шпэта (Великий князь Константин Николаевич на Святой Земле в 1859 году. М., 2009. С. 137).*

<sup>2</sup> Отметим, что у Бедекера тоже есть упоминание об этих легендах, но еще более краткое, чем у Тишиндорфа. (См.: *Baedeker K. Palestine and Syria with the chief routes through Mesopotamia and Babylonia: a handbook for travellers. 4<sup>th</sup> ed. Leipzig: K. Baedeker Publ., 1906. P. 56*). Дополнительно не в их пользу говорит и бунинская ошибка в наименовании мечети. Бунин продолжает говорить «мечеть Омара», тогда как Тишиндорф и Бедекер используют верное название — Купол Скалы.

<sup>3</sup> По всей вероятности, как мы и указывали в параграфе 1.2. на примере писем Бунина и сопоставляя сравнительные выводы этого параграфа, мы считаем, что «Камень» изначально задумывался и был написан как отдельный очерк.

<sup>4</sup> См.: *Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1873. Т. 1. С. 133–145.*

<sup>5</sup> *Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1874. Т. 2. С. 266–293; 495–569.*

<sup>6</sup> *Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 188.*

соответствующих параграфах второй главы. Хотя и в первой есть некоторые сведения об этом. Так, например, в первой главе, перечислив объемную историческую хронологию региона, Олесницкий заключает: «Таким образом, на месте египетского города крокодилов и хананейской башни Астарты явился третий город, опять не еврейский, а римский»<sup>1</sup>.

Обращение Бунина с текстом Олесницкого в этой главе можно назвать оригинальным и, по сравнению с предыдущей главой, более сложным. Контаминация цитат<sup>2</sup>, фраз, мнений и фактов, разбросанных в двух разных концах книги, указывает на очень внимательное чтение и скрупулезное выстраивание собственного текста. Как и в случае с V главой, ставшей отдельным очерком «Камень», будущее превращение VI главы в отдельный очерк — «Шеол» — кажется весьма понятным, учитывая генезис текста<sup>3</sup>. Видимо, поначалу основной мыслью «Иудеи» было замкнуть круг паломнического путешествия. Именно поэтому глава начинается с отплытия из Яффы (в противовес прибытию в Яффу в I главе), а также подведением реальных и символических итогов путешествия: «да, совершила жизнь огромный круг! Всем существом пережил я за эти месяцы долгую и страшную летопись Востока...»<sup>4</sup>. Движение на корабле по морю (сквозь пространство), побуждает творческое воображение к движению и сквозь время. Этот прием Бунин применял и раньше: пересекая море в «Море богов» — отправлялся в эон греческих божеств или, пересекая «пустынное море» в «Зодиакальном свете» — оказывался во временах Александра Македонского, Платона и фараонов. И если в Египте зодиакальный свет делал видимым древние времена гробниц фараонов, то здесь такую функцию выполняет «серб Астарты»<sup>5</sup>, освещающий попавшие под его свет царства мертвых (шеол).

<sup>1</sup> Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1874. Т. 2. С. 273.

<sup>2</sup> Интересно, что Бунин в этой главе таким же образом поступает с цитатами из Библии — разнообразно соединяет цитаты из 26 главы Книга Пророка Иезекиля.

<sup>3</sup> Как и в случае с «Камнем», предположим, что и «Шеол» изначально понимался Буниным как отдельный и самостоятельный очерк.

<sup>4</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 187.

<sup>5</sup> Там же. С. 187. Так Бунин называет луну, используя описание памятника Астарте: «некоторая часть сидонских древностей, открытых при последних раскопках в Сидоне, собраны во дворе дома французского консульства, хан-эль-Эфрандж <...>. Как более выдающиеся можно указать здесь следующие древности: <...> 3) Камень с головою Астарты круглой как луна; сверху серп луны; по сторонам две других стертых головы» (Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1874. Т. 2. С. 541).

Двигаясь от Яффы в Бейрут по морю, Бунин, различив «во мгле <...> два мутных маячных огня», «подумал: это Тир или Сидон. И мне стало жутко»<sup>1</sup>. Этот неймдроппинг не случаен, он буквально скрывает в себе одну из задач (первое предложение) Олесницкого в работе над главой «Финикийский берег»: «Обзорение древних памятников финикийской области представляет существенную главу в системе исследования древностей библейского Востока не только потому, что область Тира и Сидона, в распределении земли обетованной по плану Иисуса Навина, составляет часть наследия евреев (колена Ассира) и что эта область освящена пребыванием в ней Христа Спасителя и подвигами многих библейских деятелей»<sup>2</sup>; «Тир напоминает собою Иерусалим. Подобно Иерусалиму, он был религиозным центром, к которому тяготела своими религиозными стремлениями вся Финикия вместе со всеми своими колониями. Но подобно тому, как Иерусалим нашел для себя соперничество в северной Самарии, и Тир нашел для себя религиозное и политическое соперничество в северном Сидоне, следствием чего было религиозное и политическое распадение нации»<sup>3</sup>.

В научном пафосе Олесницкого Тир и Сидон — два полюса, под влиянием которых создается культура и история Финикии. Поэтому разговор о Финикии для Бунина так же важен, как разговор об окрестностях Иерусалима — это естественное продолжение Иудеи. При этом труд Олесницкого содержит весьма нетривиальные и подробные сведения об этих топосах (особенно если сравнивать текст археолога с информацией, представленной в путеводителях<sup>4</sup>). В этом вновь прослеживается желание Бунина выйти из тисков паломнического нарратива. Также это решение позволяет навести культурно-символические мосты между этим очерком и «Храмом Солнца».

В этой главе Бунин располагает текст среди двух полюсов: Жизни и Смерти (Истории и Забвения): «тиро-сидонский берег, столь щедро оплодотворяемый

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 188.

<sup>2</sup> Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1874. Т. 2. С. 495.

<sup>3</sup> Там же. С. 508.

<sup>4</sup> Так, например, в «Путеводителе по Святой земле» есть только 2 кратких главки: «Сидон» (С. 29–30) и «Тир» (С. 31). (Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 29–31). Травелог Бунина, в этом смысле, намного богаче на сведения об этих топосах.

Богиней Жизни, дал начало образу Шеола — преисподней»<sup>1</sup>. История региона рассказывается как борьба между жизнью и смертью, как поток перевоплощения людей, городов, верований, культур. Однако вывод Бунина неутешителен. Он заканчивает текст «заклятием <с надгробия> царя Эзмунацара» — «мольбой его скорби и незащитности»<sup>2</sup>: «В месяц дождей, в год четырнадцатый царствования... Поражен, пленен я, наследник дней героев, сошел в ад, *сын бога смерти*... Заклятие мое перед всем царством и всем человечеством: да не вскрывает никто входа моего, не сдвигает саркофага гробницы моей, не оскорбляет меня внесением другого гроба!»<sup>3</sup>.

У Олесницкого: «В месяц Бул<sup>4</sup>, в год четырнадцатый царствования его, царя Эзмунацара, царя Сидонского, сына царя Табнита, царя Сидонского, сказал Эзмунацар, царь Сидонский, говоря: поражен, пленен я, наследник дней героев; сошел во ад сын бога смерти. И теперь я лежу в саркофаге этом и в гробе этом, на месте, которое я построил. Заклятие мое пред всем царством и всем человечеством. Никто да не вскрывает гробницы этой, да не ищет в ней сынов мамоны, потому что нет там сынов мамоны, да не поднимает с места саркофага, в котором я лежу, и да не оскорбляет гробницы этой внесением другого гроба»<sup>5</sup>. Эта цитата — перевод с подлинника, выполненный Олесницким. Бунин своевольно, в угоду поэтическому слуху пересказывает цитату, но интересно другое. Олесницкий предваряет перевод следующим замечанием: «Вот перевод надписи Эзмунацара, в составлении которого мы во многих пунктах принуждены были отступать от всех существующих переводов по их неудовлетворительности. Вопреки этим переводам, делающим из надписи элегию, вызывающую сожаление о “беспомощности царя”, о его “сиротстве”, мы видим в надписи твердое и строгое слово царя, нечуждого самоуважения и угрожающего из самой гробницы»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 190.

<sup>2</sup> Там же. С. 190.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Про «месяц Бул» Олесницкий оставляет комментарий: «месяц Бул или месяц дождей, восьмой месяц года <...> от новолуния нашего ноября до новолуния декабря» (Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1874. Т. 2. С. 553).

<sup>5</sup> Там же. С. 553–554.

<sup>6</sup> Там же. С. 553.

Бунин, вступает в полемику с Олесницким и все же придерживается иного мнения о надписи на гробнице фараона, так как предваряет цитату фразой: «мольба его скорби и беззащитности»<sup>1</sup>. На этом очерк заканчивается, но топоним Святой земли описан далее в следующих очерках: «Пустыня дьявола», «Мертвое море» и «Геннисарет».

«Пустыню дьявола» Бунин начинает цитатой из Библии: «Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему»...<sup>2</sup> (Библия Ис. 40:3), сразу задавая тон для всего очерка. На наших глазах будет разворачиваться библейский миф, связанный с пустыней.

Точкой обзора (отсчета) для повествователя уже традиционно становится крыша отеля, с которой начинается путешествие в пустыню Иудейскую (место действия). После озвученного «пролога величайшей из земных трагедий»<sup>3</sup>, нам представляют ее главного антагониста — дьявола Азазела.

На фоне Азазела, в конфликте и диалоге с ним будет продемонстрирован главный герой — очеловеченный Иисус Христос. Обращение к Олесницкому вновь позволяет прояснить («раскодировать») бунинский текст.<sup>4</sup> Второй том «Святой земли» открывается главой: «На восток от Иерусалима». Эта глава содержит главки: «Ерихо-иерусалимская дорога и путь Азазела»; «Русские Галгалы» (эта глава об ИППО Бунина не интересует); «Иерихон»; «Иордан»; «Мертвое море». Пунктирно перед нами прочерчивается весь очерк «Пустыни дьявола» и даже следующий за ним очерк «Мертвое море» уже находится в пределах видимости. Олесницкого по пути на восток от Иерусалима занимает загадка имени местной пустынной долины. Этимологии местных названий, сличению цитат из Библии и Талмуда посвящает Олесницкий существенную часть своих рассуждений. Это,

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 190.

<sup>2</sup> Там же. С. 191.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Отметим, что путешествие на страницах «Храма Солнца» в Иерихон, к Иордану и Мертвому морю, а затем и в Тивериаду — восстанавливает в бунинском тексте (пусть и с пропусками Самарии и Назарета) ту последовательность, которая заложена в паломническом нарративе. В «Путеводителе по Святой земле» это 3 часть книги, 3 глава: «Иерихонская равнина. Иордан. Мертвое море» (Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 253–265). Однако, хоть вектор движения и восстановлен, «Святая земля» Олесницкого с точки зрения историко-культурного экскурса содержит куда больше материала для сравнения. Таким образом, Бунин вновь намеренно использует Олесницкого, чтобы противостоять нарративу путеводителя.

надо полагать, объясняет загадочность и таинственность образа Азазеля в бунинском повествовании: «Справимся однако ж, какую кличку получила эта средняя точка между Иерусалимом и Иерихоном. Хан-Гадрур <...>. Известен богослужебный обряд ветхозаветной церкви в день очищения — десятое число седьмого месяца — изгонять в пустыню одного из двух козлов, принесенных от лица всего народа израильского в жертву греха. По объяснению Талмуда (Йота 6, 8), этот козел очищения или козел Азазела выводится из Иерусалима в пустыню до горы Бет-Гадур, состоящей в трех милях от Иерусалима. Что под пустыней, в которую изгоняется козел Азазела, нужно разуметь именно пустыню, в которой мы находимся — это бесспорно. Пустыня — было собственное имя для местности, разделявшей Иерусалим и Иерихон. Книга Левит прибавляет, что пустыня Азазела должна была быть пустыней в строгом смысле, “местностью, в которой не жили люди”. Этому предписанию закона вполне удовлетворяла местность, в которой мы находимся, нигде не представляющая следов древних селений <...>. Таким образом, сделанное нами открытие места Азазела, кажется, устанавливается твердо <...> место Азазела, злого духа, принимавшего козла отпущения»<sup>1</sup>.

Из этой длинной цитаты становится ясно то, что подразумевает Бунин, говоря о пустыне дьявола. Становится также понятно какой источник и почему цитируется. По сути, вокруг этой цитаты дальше выстраивается весь текст очерка. Причем это работает в обе стороны. Бунин не только строит свой собственный текст как художественный комментарий к этому фрагменту, он и текст Олесницкого переосмысляет в свете этой цитаты. Иными словами, логика художественного приема, в рамках которой Бунин, немного забегая вперед, показывает читателю фрагмент из середины собственного произведения, — эта логика оказывает сильнейшее влияние на расположение материала цитат из Олесницкого и других источников. Затем, контаминируя библейские цитаты (Третью Книгу Царств, Евангелие от Матфея, Левит), повествователь излагает историю искушения Христа в пустыне во время сорокадневного поста<sup>2</sup>. Причем

<sup>1</sup> Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1874. Т. 2. С. 12–14.

<sup>2</sup> Заметим, что вопреки бунинской установке на «забывание их Христа», поход по стопам Христа к горе Искушения — один из самых частых и распространенных в паломническом путеводителе маршрутов. См., например: главку

делает это обрывисто, как бы предполагая, что уж евангельский текст все должны знать. Цитаты из Библии (в пределах указанных книг) будут возникать то тут, то там на протяжении всего очерка «Пустыня дьявола». Дальше будем указывать на них только по необходимости. Здесь у Бунина вновь возникает мотив поиска очеловеченного Христа: «в тишине зеленых долин, в мирных людных селениях протекла молодость Иисуса»<sup>1</sup>. Поиск следов молодости Христа и той части незаписанной евангелистами истории его жизни — лейтмотив, который мы уже встречали в «Иудее» и встретим далее, в «Мертвом море» и «Геннисарете». В художественной логике Бунина страшный и ужасающий топос пустыни хранит в себе отзвуки (обрывки) величайшей трагедии о Христе. Пройти по пустыне, значит буквально прикоснуться к тексту Библии и увидеть то, что никогда не прочтешь.

То и дело возвращается рассказчик к своей точке обзора: «пустыня видна с крыш Иерусалима», бросает взор на «мутно-синие темнеющие купола Гроба Господня и мечети Омара»<sup>2</sup>. Осмотр мечети и храма с крыши отеля явно напоминает и указывает на «Иудею», где ровно с этого же места начиналось повествование<sup>3</sup>. Это напоминание как бы располагает весь очерк «Пустыни дьявола» (а на самом деле и все оставшиеся тексты о Святой земле) между главами «Иудеи». Локус отеля воспринимается как оазис в пустыне — путешествие через пустыню проходит от отеля к отелю (от оазиса к оазису), в такой логике будущее упоминание в пути «хана или гостиницы Благого Самарянина»<sup>4</sup> — не кажется случайным. Отель как точка отсчета пути становится и точкой ее завершения — конец главы также рассказан из стен этого локуса. Во II главе, сменив направление взора, Бунин устремляется в Иосафатову долину: «За иссохшим руслом Кедрона дорога поднимается — мимо погребальной пещеры Богоматери, Гефсиманского сада и гробниц Авесалома и Иосафата, по каменистым склонам Элеона, среди

---

«Поездка на Иордан и к Мертвому морю» (Путеводитель по святым местам Востока. СПб., 1910. С. 70–72), где весьма кратко, но структурно так же воспроизведен тот же бунинский маршрут.

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 191.

<sup>2</sup> Там же. С. 192.

<sup>3</sup> Модель повествования (не из отеля, а шире — из Иерусалима) характерна для паломнических путеводителей. Иерусалим — точка в середине окружности, от нее и выстраиваются все маршруты. По этой причине в путеводителях встречаем постоянно главы: «От Иерусалима в Вифлеем», «От Иерусалима в Иерихон», «От Иерусалима в Самарию» и т.д. В этом смысле бунинский травелог совпадает с паломническим путеводителем.

<sup>4</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 196.

несметных плит еврейского некрополя, стоящих как раскрытые книги, испещренные крупными письменами»<sup>1</sup>.

Каждой из перечисленных достопримечательностей уделяется по абзацу. Бунин как бы выхватывает со страниц главы путеводителя «Иосафатова долина и в ней исторические места»<sup>2</sup> нужные ему факты для беглого наброска. Так о «погребальной пещере Богоматери» узнаем, что называется она также «Гроб Мариам» и находится «в ложе кремнистой долины, под сводами древнего полуподземного храма»<sup>3</sup> (схожие сведения находим в путеводителе<sup>4</sup>).

Затем взор рассказчика устремляется за Элеон — в Вифанию: «это уже преддверье пустыни»<sup>5</sup>. Преддверье пустыни предваряет и очередную часть «очеловеченной» биографии Христа: «и живым кажется образ Иисуса. Сколько раз подходил Он сюда, похудевший, побледневший за дорогу в пустыне, но всегда прекрасный, счастливый, приветливый! Здесь жили друзья Его»<sup>6</sup>. В следующих предложениях повествователь возвращается в пустыню к Азазелу и вновь сквозь бунинский текст начинает проглядывать текст Олесницкого<sup>7</sup>.

До конца II главы Бунин полностью повторяет в своем описании Олесницкого. Укажем только последнюю деталь, кажущуюся интересной. Бунин пишет: «Недаром бедуины еще и до сих пор складывают вдоль Вади-эль-Хот пирамидки из щебня, в знак заклятия темных сил пустыни»<sup>8</sup>. Олесницкий замечает: «Проходя долиной Хот или Хет, вы встретите в нескольких пунктах группы небольших пирамидок, сложенных из поднятых на дороге камней; эти пирамидки, по верованию арабов, имеют заклинательную силу против злых духов»<sup>9</sup>. Именно эта деталь окончательно убеждает Бунина в том ветхозаветном ужасе, который охватывает всю пустыню Азазеля. Этот весьма точный историко-археологический

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 192–193.

<sup>2</sup> Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 175–189.

<sup>3</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 193.

<sup>4</sup> Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 177, 182–185

<sup>5</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 193.

<sup>6</sup> Там же. С. 193–194.

<sup>7</sup> Ср. Там же. С. 194. и Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1874. Т. 2. С. 6, 9–10. См. также воспоминание В.Н. Буниной: Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 363–364.

<sup>8</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 195.

<sup>9</sup> Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1874. Т. 2. С. 15.

экскурс Олесницкого, по сути, нужен Бунину только для того, чтобы добавить вес к последнему заключению главы и нарисовать нашему воображению очередную сцену из «очеловеченной» жизни Христа: «и что должно было испытывать сердце Иисуса, обреченного провести здесь столько ночей»<sup>1</sup>.

В III главе повествователь продолжает говорить, что уже упомянутый источник Апостолов, это место «где не раз отдыхал Иисус»<sup>2</sup>. Что, судя по труду Олесницкого и по Путеводителю, действительно так, ибо это единственный источник воды на многие мили вокруг. Во время остановки внимание Бунина привлекают бедуины, у которых он купил «медный латинский образок»<sup>3</sup>. Далее Бунин замечает: «в скалах вдоль извилистого дна Вади-эль-Хот. “Отсюда начинается дебрь самая дикая, — говорит один старинный паломник. — Эта дорога есть древняя, проложенная самою природою. Иосиф Флавий упоминает о дикости ее. Невступно через два часа от Иерусалима мы поднимались на гору, на вершине которой видны остатки хана или гостиницы Благого Самаритянина. Это место называлось издревле Адомим, или Кровавое, по причине частых разбоев, здесь происходивших...” <...>. Вот она, эта “середина” пути, Бет-Гадрур, где бросали на произвол судьбы жертву Азазелу, — известковый перевал, поразивший некогда воображение самого Иисуса и создавший такую трогательную притчу!»<sup>4</sup>. Самым подходящим для сравнения кажется текст из путеводителя, хотя влияние Олесницкого на текст Бунина тоже прослеживается<sup>5</sup>.

Сцена общения с бедуинами как бы разбивает единство используемых источников, спрятанных за бунинским текстом. Но и дальше текст пишется с опорой на Путеводитель и Олесницкого. Бунин вновь интересным образом

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 195.

<sup>2</sup> Там же. С. 195.

<sup>3</sup> Там же. С. 196. См. также: Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 364.

<sup>4</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 196–197. Отметим, что здесь проглядывает какой-то третий текст. К.В. Анисимов, комментируя этот фрагмент, указал следующее: «Бунин цитирует книгу А.С. Норова “Путешествие по Святой Земле в 1835 году”. “Отсюда начинается дебрь самая дикая; дорога следует направлению лощины по отлогости скал. Эта дорога есть древняя, проложенная самою природою. Невступно через два часа от Иерусалима подымались мы на гору, на вершине которой видны остатки здания, называемого ханом или гостиницею Благого Самаритянина; это место называлось издревле *Адомим* или *кровавое*, по причине частых разбоев, здесь происходивших”. См.: Норов. А.С. С. 145–146». (См.: Норов А.С. Путешествие по Святой земле в 1835 году: в 2-х ч. Изд. 3-е, доп. СПб.: в типогр. III Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1854). Вероятно, Бунин цитировал иной путеводитель, где приведены оба высказывания.

<sup>5</sup> Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 253–254; Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1874. Т. 2. С. 15–16.

контаминирует цитаты, демонстрируя хорошее знание источников и свободное перемещение по их страницам. Он описывает свой путь в Иерихон, встречающихся по дороге путников, IV глава начинается поэтическим описанием вечера и восторгом от «сказочно-прекрасной» ночи<sup>1</sup>. По дороге Бунин упоминает ущелье Кельта<sup>2</sup>, «кряж горы Сорокодневной»<sup>3</sup>, «далекие Моавитские горы, — край таинственной могилы Моисея»<sup>4</sup>. Проходя по долине Иордана, по ее садам, Бунин все четче ощущает, что пространство вокруг содержит в себе память жизни Христа: «сады Иерихона дышали в дни его славы благовониями бальзамических растений, индийских цветов и трав»<sup>5</sup>. Представленные вокруг топосы: Риха, гора Моисея, гора Искушения — все это отображено на страницах путеводителя и у Олесницкого. В финале очерка основной упор сделан на ощущение Христа. Грань между реальным и библейским пространствами размыкается и наделенный остротой слуха, зрения, обоняния повествователь подлинно чувствует и буквально слышит Христа<sup>6</sup>.

Очерк «Мертвое море» опять начинается от стен отеля: «деревья во дворе отеля казались сказочно-высоки и ветвисты»<sup>7</sup>. По пути к Мертвому морю Бунин вспоминает дамасскую легенду<sup>8</sup>, которую, видимо, прочел у Олесницкого<sup>9</sup>.

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 197–198. Отметим, что описание этой ночи приводит и В.Н. Бунина, см.: *Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью*. М., 2019. С. 365–366.

<sup>2</sup> О нем см.: *Олесницкий А.А. Святая земля*. Киев, 1874. Т. 2. С. 20.

<sup>3</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 198.

<sup>4</sup> О горе Небо (Наби Муса) — месте смерти Моисея и об арабской легенде про смерть Моисея см.: *Олесницкий А.А. Святая земля*. Киев, 1874. Т. 2. С. 45–47. Эта легенда нашла свое отражение в рассказе Бунина «Смерть Моисея». См.: Бунин И.А. Смерть Моисея // *Русское слово*. 1911. 28 дек. (№ 298). С. 3. В тексте также упомянут Саади.

<sup>5</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 198.

<sup>6</sup> Подробнее библейский хронотоп финала этого очерка мы анализируем в параграфе 3.4.

<sup>7</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 201.

<sup>8</sup> Там же. С. 201. Об этом вспоминает и В.Н. Бунина, см.: *Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью*. М., 2019. С. 366). Здесь добавим одно существенное замечание. Текст Бунина очень четко и последовательно «идет» за текстом Олесницкого, как мы это показываем на протяжении всего исследования топоса Святой земли. По этой причине «воспоминание» В.Н. Буниной, явственно показывает, что Вера Николаевна: 1) использует текст Бунина, чтобы «вспоминать»; 2) приписывает И.А. Бунину ту эрудицию, которой у него, вероятно, не могло быть в момент путешествия. Если сам Бунин взял этот фрагмент у Олесницкого, читать которого, скорее всего, начал после путешествия, тогда вряд ли он мог знать эту легенду раньше. Подобные моменты «приписывания» Бунину большей эрудиции проявляются в тексте «Бесед с памятью» В.Н. Буниной часто, это наводит на мысль о том, что это было сделано сознательно. Здесь разворачивается парадоксальный случай рекурсии!: 1) Бунины едут в путешествие; 2) И.А. Бунин читает книгу А.А. Олесницкого «Святая земля» и пишет книгу «Храм Солнца» 3) В.Н. Бунина читает «Храм Солнца» И.А. Бунина и пишет книгу «Беседы с памятью» 3.1) В этой книге В.Н. Бунина рассказывает о путешествии 1907 г.; 3.2) при этом В.Н. Бунина использует в своих «воспоминаниях» как источник почти дословно текст из «Храма Солнца»; 3.2.1) ...из «Храма Солнца», в котором, в свою очередь, И.А. Бунин использует текст А.А. Олесницкого «Святая земля». Является ли это абберрацией памяти В.Н. Буниной или сознательным решением наделять образ И.А. Бунина большей эрудицией — вопрос, требующий отдельного исследования.

<sup>9</sup> *Олесницкий А.А. Святая земля*. Киев, 1874. Т. 2. С. 48–49.

В пути повествователь наблюдает пространство вокруг: «растет деревцо небд, приносящее акриды, растет бальзамический цаккум, сизый терн, из которого сплели венец Иисусу, а весной цветет много диких индийских цветов»<sup>1</sup>. Это описание кажется сокращенным текстом Олесницкого: «Из больших растений здесь существуют: небд (акриды), колючее дерево, цаккум, так названный по имени Закхея, история которого в местном предании связана с историей садов иерихонских. Из мелких растений здесь в весеннее время много различных диких цветов, между которыми господствует снежно-белая горчица и бархатный малиновый мак. Но роза иерихонская<sup>2</sup> на месте древнего Иерихона ныне не встречается. Между бесчисленным множеством насекомых этой местности находят много видов общих Иерихону с Индией»<sup>3</sup>.

Бунин вновь соединяет воедино разбросанные на разных страницах Олесницкого части текста, создавая свой текст. Интересным выглядят символические «вплетания» в текст упоминаний о храмах Солнца (Ваалах), заимствованные у Олесницкого и переработанные Буниным. Ученый посвящает галгалам существенную часть текста, это та главка «русские галгалы»<sup>4</sup>, которую Бунин в целом пропустил: «Но разве не следы Навина — те гилгалы, что рассеяны

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 201.

<sup>2</sup> Выскажем гипотезу. Здесь и на странице выше Олесницкий пишет о розе Иерихона. Бунин, в данной цитате, розу Иерихона пропустил и не ввел в текст (т.к. она не встречается). Полагаем, что выписку о розе Иерихона Бунин, все же, мог сделать, но не использовал, возможно, даже приберег, обдумывая будущий текст «Роза Иерихона». Теоретически эта выписка могла сохраниться в записях Бунина и быть использована позже в эмиграции при создании текста (или же Бунин вновь обратился к первоисточнику). Эта гипотеза требует, конечно, отдельного исследования. Укажем только на цитату из Олесницкого (цитату из Бунина приводить не будем, так как придется процитировать почти весь очерк): «Здесь разводили особый вид роз, называвшихся иерихонскими розами (Сирах. 24, 18), в настоящее время встречающихся в диком виде в песчаных пустынях Сирии и Аравии \* <указание на подстрочное примечание> <...> <подстрочное примечание:> по классификации Линнея, иерихонская роза Аравии есть *anastatica hierochuntica*, растение из семейства крестовидных, имеющее около 10 сантиметров высоты, похожее на цвет бузины, но без запаха. Положенная в воду иерихонская роза немедленно оживает и распускается, сколько бы ни прошло времени с тех пор, как она была сорвана. В горах иудейских, недалеко от мертвого моря, также растет вид иерихонской розы, очень чувствительный к атмосферной влаге и быстро распускающийся в воде, у арабов известный под именем кеф-Мирьям (рука Марии); его продают богомольцам в Вифлееме» (Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1874. Т. 2. С. 40–42). Предположим также, что Бунин мог пойти по ссылке Олесницкого и посмотреть энциклопедию Линнея и Библию (Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова). Ю.Г. Морозова указывает, что возможными источниками к «Розе Иерихона» могут быть: Палестинский Патерик. СПб., 1895. Вып. 1: Житие Преподобного отца нашего Саввы Освященного; и статья из энциклопедии: Анастатика // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: в 86 т. СПб., 1890. Т. 1-а. (Морозова Ю.Г. Библейские символы и топонимы в рассказе И.А. Бунина «Роза Иерихона» // ФИЛОЛОГОС. 2018. № 4(39). С. 76–81). См. также: Михайлова М.В., Полтавская Е.А. Роза Иерихона. Магия и страсть. О путешествиях И.А. Бунина на Восток. // Альманах «Бунинские Озёрки». 2022. № 8. С. 48–58; Морозов С.Н. Рассказ И.А. Бунина «Роза Иерихона». История текста // Сборник Матице Српске за славистику. Белград: Нови Сад, 2018. Т. 94. С. 153–158.

<sup>3</sup> Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1874. Т. 2. С. 42–43.

<sup>4</sup> Там же. С. 20–34.

в долине Иерихонской, те огромные диски из камня, первобытные кровавые жертвенники Ваала-Солнца, что благоговейно полагал в круги сам народ израильский?..»<sup>1</sup>.

Это упоминание — своеобразная демонстрация читательского конспекта книги Олесницкого. Что вкупе с упоминанием в последнем предложении очерка «гилгала Солнца»<sup>2</sup> — видимо, заранее готовит нас к следующему очерку, «Храму Солнца». Однако любопытен сам пропуск материала. Видимо, в «Мертвом море» было решено сохранить фокус на «памяти» топоса о Христе, а не на следах Ваала. После яркого финала «Пустыни дьявола» звучит отголосками (рефреном) описание паломничества по следам Христа, оно напоминает уже рассказанную историю «и опять возвращаешься к величайшей из легенд земных, к искушению Иисуса от дьявола...»<sup>3</sup>. Тем не менее, это нетривиальное упоминание усложняет символическую нагрузку текста и подчеркивает выход за пределы паломнического путеводителя.

Далее, вновь переплавляя свои впечатления, текст путеводителя, текст Олесницкого и Библию — Бунин создает свое описание Мертвого моря. Укажем лишь на один фрагмент, ярко свидетельствующий о заимствовании фактического материала. Так, например, про «море Асфальтическое» Бунин пишет: «Но еще меньше тех, что пускались в заповедные асфальтические воды. Легче, — говорят они, — пройти все океаны земные, чем это крохотное море, черные прибрежные утесы которого неприступно круты, пугают глаз человекоподобными очертаниями и так смолисты, что могут быть зажжены, как факелы, море, дно которого столько раз трескалось от землетрясений и выкидывало на поверхность те таинственные вещества, что служили египтянам для сохранения мертвых от тлена»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 204. См.: Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1874. Т. 2. С. 34. Схожее «воспоминание» присутствует у В.Н. Буниной, см.: Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 366. И вновь фрагмент кажется скорее взятым из текста Бунина, чем вспомненным.

<sup>2</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 204.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же. С. 202. Ср.: «Как в древние времена, так и ныне, время от времени, на поверхности Мертвого моря всплывают глыбы асфальта (горной смолы), всегда после предварительного землетрясения. <...> Асфальт этот в древние времена составлял очень важный предмет торговли: его обыкновенно продавали в Египет, где он употреблялся для бальзамирования трупов: без примеси этого асфальта набальзамированные тела не могли долго сохраниться» (Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 262–263.).

Очередная художественная находка оказывается заимствованной со страниц паломнического путеводителя. Об этом пишет и Олесницкий, добавляя объемный рассказ об археологических и морских экспедициях в акватории Мертвого моря. Здесь мы ясно видим, как Бунин читает путеводитель. От описания Иерихона он сразу переходит к Мертвому морю, игнорируя центральный топос этого паломнического путешествия: Иордан. Путеводитель учитывает посещение Мертвого моря как дополнительное и опциональное: «некоторые богомольцы в небольших партиях посещают и Мертвое море»<sup>1</sup>. Основная цель паломника в Иерихоне, это, конечно же, Иордан. Паломники идут в эти земли для того, чтобы пройти обряд крещения в Иордане (подготовиться к будущей загробной жизни и обрести просветление в этой). Это одно из важнейших событий паломничества<sup>2</sup>.

Бунин об этом лишь упоминает: «Масара, то место Иордана, где отдыхают пилигримы, предания называют местом крещения Иисуса»<sup>3</sup>. От живописных групп и ритуала (Крещение в белой сорочке в Иордане) остаются только отдыхающие пилигримы в Масаре. На наш взгляд, это очередной вид полемики<sup>4</sup> с паломническим нарративом и «забывание об их Христе». Крещение в Иордане — важнейшее событие для русского поклонника сразу после посещения Храма Гроба Господня (сорочка и крест) — становится фигурой умолчания. Оба эти события (посещение Храма и Крещение в Иордане) в бунинском путеводителе даются мельком, а по сути, подменяются другими топосами. Храм Гроба Господня подменяется на мечеть Омара (Купол Скалы), а Иордан подменяется Мертвым морем.

В целом, очерк «Мертвое море» — один из самых пейзажных и ярких. Продолжая создавать «сгущенный бульон» (как определял прозу Бунина Чехов) библейской семантики, Бунин все же находит на страницах очерка место и для

<sup>1</sup> Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 259.

<sup>2</sup> Там же. С. 257–258.

<sup>3</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 204.

<sup>4</sup> Укажем и еще один случай полемики. Путеводитель пишет: «От роскошных построек Великого тирана Ирода <...> не осталось и следа. Клятва Иисуса Навина, кажется, доселе лежит на Иерихоне» (Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 256). Вооружившись экспертизой А.А. Олесницкого, на это отвечает Бунин: «Тщетно было заклание Навина, — вырос новый, второй Иерихон» (Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 204).

личных переживаний, упоминая про заинтриговавшие его виды. Вслед за путеводителем Бунин заканчивает очерк у берегов Мертвого моря: «полдень проводим у моря»<sup>1</sup>. Но если после этого путеводители ведут паломников назад, в Иерусалим (а потом и к Геннисаретскому озеру), то бунинский травелог грезит «Храмом Солнца»: «В знойно-мглистой дали теряется оно на юге. В знойной голубой мгле тонут горные склоны. А за ними — заповедная страна, жизнь дикая, древне-аравийская, видения дней Авраама, Агари, Измаила. Там, в капище Эль-Лат, племя Тарик еще донныне поклоняется гилгалу Солнца — полубога, полудьявола»<sup>2</sup>.

Согласно последовательности книги, следующий очерк — «Храм Солнца». Однако, руководствуясь предложенной в диссертации исследовательской оптикой, то есть описанием книги «Храм Солнца» через призму нарратива путеводителя, мы следуем за очередной главой паломнического текста — в «Геннисарет», сохраняя единство топоса Святой земли. Там продолжают и обретают свой окончательный вид те идейные установки, которые были заданы и сформулированы в начале бунинского паломничества — в «Иудее». Основной пафос «Геннисарета» — обретение Христа, следование по стопам его биографии, реализацию этой темы мы наблюдали в предшествующих очерках. Именно в этом тексте установка на рефлексивное восприятие, заданная в I главе «Иудеи», достигает кульминации.

Очерк «Геннисарет» сразу же переносит нас в Вифлеем, в Базилику Рождества Христова. Здесь сквозь интерьер храма проглядывает для повествователя то первое и ценное «что сохранилось на его священном палимпсесте»<sup>3</sup>. Здесь расцвела «сладчайшая из земных поэм — поэма Его рождения»<sup>4</sup>. Сразу задается повествовательный тон путешествия по следам памяти Христа. Из Вифлеема Бунин переносит нас в «Назарет»<sup>5</sup> — детство Его»<sup>6</sup>. И вот,

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 205.

<sup>2</sup> Там же. Отметим и традиционный бунинский неймдропинг.

<sup>3</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 216.

<sup>4</sup> Там же. С. 216.

<sup>5</sup> Заметим, что Бунин-путешественник, наоборот, сначала побывал в Геннисарете, а только потом в Назарете. Ср. «До завтрака — беглый осмотр Назарета» (Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 387).

<sup>6</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 216. Отметим, что в конце очерка период младенчества в Египте тоже будет упомянут: «напоминая о Египте, сохранившем Его драгоценную жизнь в младенчестве» (Там же. С. 220).

пунктиром, через два абзаца, начинается рассказ о Геннисарете. Месте молодости Его: «А страна Геннисаретская, где прошла вся молодость Его, все годы благовествования, все те дни, незабвенные до скончания века, для них же и был Он в мире, — она совсем не сохранила зримых следов Его. Но нет страны прелестнее, и нигде так не чувствуется Он!»<sup>1</sup>.

Отсюда, с точки зрения структуры бунинского путешествия, начинается последовательное движение за путеводителем, перечислим его главы: Назарет — От Назарета в Тивериаду. — Кана Галилейская. Гора Блаженств. «Пять хлебов» — Тивериадское море — Тивериада — Магдала — Вифсаида — Капернаум — Фавор. Травелог Бунина, как обычно, не повторяет маршрут путеводителя целиком<sup>2</sup>. В первую очередь, обращает на себя внимание бунинская избирательность заглавия для очерка и топоса — Геннисарет<sup>3</sup>. Вместо традиционного наименования Тивериадского озера<sup>4</sup> используется название, которое встречалось лишь однажды в Новом Завете.

Здесь Бунин явно откладывает в сторону «Святую землю» Олесницкого и пишет по памяти и с опорой на Евангелие (Путеводитель играет лишь вспомогательную роль). Пройдя по Иорданской долине, повествователь оказывается у Геннисаретского озера. Там, сев на парусный кораблик, отплывает в Тивериаду: «Я крикнул, чтобы ослабили парус: эти полуголые, худые, загорелые галилеяне, в своих войлочных круглых колпачках, прикрывающих только макушку, крикнули что-то в ответ, блестя зубами и белками, и продолжали песни...»<sup>5</sup>. Далее, точно процитировав Евангелие от Иоанна (возможно, по

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 217.

<sup>2</sup> Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 291–292.

<sup>3</sup> Олесницкий тоже использует заглавие Геннисаретское озеро, так назван параграф. (*Олесницкий А.А.* Святая земля. Киев, 1874. Т. 2. С. 436).

<sup>4</sup> Показательно, что даже в эмиграции Бунин сначала предпочел сменить заглавие очерка на «Христово озеро» (*Бунин И.А.* Христово озеро // Возрождение. 1927. 24 апр. (№691). С. 3), а в 1931 г. вернуть прежнее «Геннисарет».

<sup>5</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 218. Ср. «Ян начинает волноваться, а наши лодочники, в войлочных белых шапочках на макушке, преспокойно продолжают петь свои песни. Ян не выдерживает и кричит на них архирусски, чем приводит в смущение Шора; лодочники сначала улыбаются, показывая блестящие зубы, а потом, видимо, его грозный вид и крики действуют, и они более внимательно начинают управлять парусом» (*Муромцева-Бунина В.Н.* Беседы с памятью. М., 2019. С. 382). Д.С. Шор так вспоминал этот случай: «Мы нашли лодку, <...> помчались в Тивериаду. Для меня все это было ново, и я, не подозревавший об опасности, наслаждался и красотой озера, и самой поездкой. Нам важно было перегнать лодку американцев, чтобы получить комнаты в гостинице. Бунин, долго живший у моря, почему-то сильно волновался и по временам бранил лодочников» (*Шор Д.С.* Воспоминания. М., 2001 С. 272–273).

путеводителю), Бунин чувствует присутствие Иисуса: «Да, да, это было здесь! Он дышал этим мягким, сильным, благовонным ветром!»<sup>1</sup>.

В Тивериаде Бунин, остановившись в старом латинском монастыре, замечает, что «от Тивериады кесарей ничего не осталось». Путеводитель уточняет, что «латиняне францисканского ордена имеют здесь <в городе Тивериада> свою церковь во имя Апостола Петра, построенную, как говорят, на том месте, где Спаситель сказал Петру: *«наси овцы мои»* (Иоан. XXI, 15–18)<sup>2</sup>. На самом деле, от Тивериады кесарей—осталось многое, и об этом подробно сообщает Олесницкий<sup>3</sup>. Но Бунин здесь скорее следует за путеводителем, который об этом почти ничего не сообщает. Пережив ночь, которая «была одной из счастливейших во всей моей жизни»<sup>4</sup>, повествователь ранним утром отправляется в Капернаум. Здесь пространство становится подлинно библейским<sup>5</sup>, Бунин видит, как Иисус мог проходить «мимо таких же рыбаков, как наши гребцы»<sup>6</sup>. Интересна очередная полемика с путеводителем. Путеводитель сообщает, что: «Вифсаида и Магдала — небольшие поселки, в которых ничего заслуживающего внимания паломников нет; с ними соединены лишь одни евангельские предания»<sup>7</sup>. Учитывая бунинский пафос «забывания *их* Христа» и исследования евангельского (исторического, очеловеченного) Иисуса, — именно сюда направляется повествователь, спеша рассказать нам о Табхе, которая находится между Капернаумом и Магдалой. И в этом месте, явственнее всего, обращаясь к раскрытому на каменном столе Евангелию, «как раз на тех страницах, где говорится о море Галилейском»<sup>8</sup>, наблюдает повествователь картины из жизни Христа: «Я, читая о нем, видел и его, и светлый, неизреченно прекрасный Образ, доньше не покинувший его берегов»<sup>9</sup>. На пробегающих видениях и на этой высокой патетической ноте заканчивает Бунин очерк «Геннисарет», а вместе с тем и книгу «Храм Солнца».

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 218.

<sup>2</sup> Путеводитель по Святой земле. Одесса, 1894. С. 293.

<sup>3</sup> Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1874. Т. 2. С. 438–444.

<sup>4</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 219.

<sup>5</sup> Подробнее о библейском пространстве в этом топосе см. параграф 3.3. И.А. Бунин и П. Лоти.

<sup>6</sup> Там же. С. 219.

<sup>7</sup> Путеводитель по святым местам Востока. СПб., 1910. С. 96.

<sup>8</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 220.

<sup>9</sup> Там же. С. 220.

Таким образом, как раз идя туда, где «ничего заслуживающего внимания паломников нет», где одни только «евангельские предания», Бунин противоречит нарративу путеводителя, «забывает их Христа» и, наконец, наблюдает житие Иисуса воочию. Отметим, что и Олесницкий, описывая эти места, не удержался от созерцания и поэтически-духовного переживания: «трудно выразить одолевающую силу впечатлений от этой прогулки, влекущих против течения времени к евангельским дням и событиям»<sup>1</sup> — далее у ученого представлено на 2 страницы стихотворение, видимо, собственного сочинения<sup>2</sup>.

Паломничество по Святой земле обретает свою цель, повествователь находит подлинный дух Христа и наблюдает библейское пространство поэтически-просветленным взором. Сопротивление нарративу путеводителя осуществляется несколькими способами: поиском следов биографии Христа для рефлексивного чувствования; игнорированием общепризнанных христианских святынь<sup>3</sup>, опошленных паломничеством и поклонниками; использованием историко-археологического дискурса (книги Олесницкого «Святая земля», в первую очередь).

### 2.3.6. Баальбек

Во время путешествия по Палестине и Сирии у Бунина с собой был путеводитель Бедекера. На момент путешествия Бунина, видимо, не существовало достойного (как, например, путеводители РОПиТ для Константинополя, Афин, Александрии и Каира) русскоязычного аналога бедекеру<sup>4</sup> (кроме того, в Сирии продолжается светское, а не паломническое путешествие, в связи с чем и путеводитель нужен иной). По этой причине, работая над очерком «Храм Солнца», Бунин использовал непосредственно путеводитель Бедекера. Кроме того, Бунин

<sup>1</sup> Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1874. Т. 2. С. 441.

<sup>2</sup> Это не единственный случай, периодически Олесницкий приводит стихи, свои или сопровождавшего его товарища.

<sup>3</sup> Помимо уже указанного, заметим, что Бунин-писатель почти ничего не рассказал (или даже не упомянул) про Назарет, Гефсиманский сад, Страстной путь (Via Dolorosa), Арку «Се человек!», Елеонскую гору и т.д. Однако Бунин-путешественник все это видел и посещал и всем этим достопримечательностям паломнические путеводители уделяют большое внимание.

<sup>4</sup> Известны некоторые тексты о Святой земле, но они не подходят на роль путеводителей уровня бедекера, так как не содержат актуальной и важной для путешественника информации бытового характера. См., например: Колокольникова В.Я. По святым землям: (Сирия, Палестина, Синай): [Очерк]: С подроб. описанием Иерусалима / Сост. В. Колокольникова. М.: А.С. Панафидина, 1903. 92 с.

продолжил чтение А.А. Олесницкого. Необходимо сказать и про книгу М. Алоуфа, ее Бунин тоже прочел внимательно в рукописном переводе Н.А. Пушешникова с англоязычного издания<sup>1</sup>.

В первой главе очерка Бунин описывает свой путь от Бейрута до Баальбека, перечисляя большое количество топонимов. На наш взгляд, это очередной неймдропинг, нужный Бунину для создания географической полноты и ощущения пространства. Дело в том, что путь от Бейрута до Баальбека на поезде занимал достаточно много времени. Путешественники, согласно путеводителю, выезжали рано утром в 7 часов<sup>2</sup>. Обычный поезд (2-го класса) и смешанный поезд (3-го класса) за 5 ч. 15 мин доезжал до Райяка (пересадочная станция, главный транспортный узел); обедали в Райяке, где минимум полчаса отводилось на пересадку (не исключены были задержки поездов); от Райяка до Баальбека поезд доезжал за 45 минут<sup>3</sup>. Таким образом, Бунины провели в дороге примерно шесть с половиной часов и оказались в Баальбеке не раньше 13:30. I глава очерка: путь от Бейрута в Райяк на поезде. II глава — путь от Райяка до Баальбека и первый взгляд на «Храм Солнца». III глава — рассказ о посещении Храма Солнца. Перечислим топонимы, которые использует Бунин в I главе: «Рано утром покинули мы Бейрут. Поезд вышел из порта к востоку <...> через час был уже под Хадеттом. <...> Под Джамхуром паровик стал на подъеме в котловине. <...> Зыбко зияли глубокие ущелья с одной стороны, торжественно возрастал Саннин с другой... А за Арайей подъем, возвращаясь на запад, пошел еще круче. Стало просторно и голо, прохладно и облачно. <...> Миновавши Алэй, мы опять повернули к востоку. Был туннель. Налево открылась долина Хамана <...> За Софаром море скрылось. <...> В одиннадцать мы пришли на Бейдар, к перевалу. <...> Впереди же была —

<sup>1</sup> К сожалению, изучить этот архивный документ в рамках работы над диссертацией не удалось. Ниже мы приводим цитаты по англоязычному изданию: *Alouf M.M. History of Baalbek. 7<sup>th</sup> ed. Beyrouth: Impr. catholique, 1905. V, 146 p.*

<sup>2</sup> Ср.: «В половине седьмого мы сели на извозчика и отправились на вокзал» (*Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 375*).

<sup>3</sup> См. подробнее: *Baedeker K. Palestine and Syria with the chief routes through Mesopotamia and Babylonia: a handbook for travellers. 4th ed. Leipzig: K. Baedeker Publ., 1906. P. 291, 318. В.Н. Бунина тоже вспоминала этот момент, см.: *Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 375*.*

Келесирия! <...> Джебель Шейх! <...> как талес. Гермон, Великий Шейх!<sup>1</sup> <...> За Мерейатом, после очень крутого спуска, открылась Штора, большая и дикая на вид арабская деревня <...>. За Шторой, после полудня, мы были уже в долине. <...> Близился Райяк, где нужно было покинуть дамасский путь и свернуть на север. Близились места Эдема<sup>2</sup>, Баальбек»<sup>3</sup>.

Все эти топонимы находим в главе бедекера «Railway from Beirut to Damascus», на наш взгляд, и некоторые описания выглядят похожими<sup>4</sup>: «Большинство путешественников отправляются с вокзала Харбор в Бейруте (стр. 275). Линия <...> огибает морское побережье, а затем поворачивает вглубь страны к главной железнодорожной станции <Райяк>. Затем она пересекает дорогу Триполи по виадуку, далее поворачивает на юг и следует вдоль течения <реки> Нахр Бейрут (стр. 280). В саду Рустема-паши (стр. 279) она пересекает дорогу в Дамаск и идет на юг по прямому курсу до <...> Эль-Хадета. Оттуда железная дорога, поворачивая на восток, неуклонно поднимается. <...> Около <...> Арейи (стр. 284) находится короткий туннель. Дорога описывает широкую кривую линию и петлито извивается на своем пути, предоставляя по мере движения непрерывные красивые виды побережья и более близкого и хорошо возделанного Вади Шахрур. <...> Алейх (стр. 284) <...> Бехамдун <...> Айн Софар. Слева находится зеленое ущелье Вади Хаммана. <...> Дорога проходит через туннели Мудейридж (300 ярдов) и Байдар (Хан Мурад; 390 ярдов), достигая в последнем наивысшей точки пути (4880 футов) в Ливане. С восточной стороны мы спускаемся к <...> Эль-Мрейджату. Мы наслаждаемся прекрасным видом на Джебель Кенейсе слева и Джебель эль-Барук справа. <...> Эль-Джедида-Штора (Джитита) <...> Сайид-Найил

<sup>1</sup> Гермону, которым восхищен Бунин, в бедекере посвящена отдельная главка. (См.: *Baedeker K. Palestine and Syria with the chief routes through Mesopotamia and Babylonia: a handbook for travellers.* 4<sup>th</sup> ed. Leipzig: K. Baedeker Publ., 1906. P. 289–291).

<sup>2</sup> Этой теме посвящена у Олесницкого небольшая главка: «Эдем и кедр» (*Олесницкий А.А.* Святая земля. Киев, 1874. Т. 2. С. 619–624).

<sup>3</sup> *Бунин И.А.* Храм солнца // *Бунин И.А.* Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 206–208.

<sup>4</sup> Отметим, что и А.А. Олесницкий описал свое путешествие на поезде из Бейрута в Баальбек, однако он не упомянул и половины перечисленных Буниным топонимов, но, например, упоминает Штора, Келесирия. См.: *Олесницкий А.А.* Святая земля. Киев, 1874. Т. 2. С. 587–592. Во время путешествия Олесницкого именно Штора была пересадочной станцией, возможно поэтому — сведения устарели — для Бунина первоисточник для воссоздания этого маршрута путеводитель, а не Олесницкий. Книга М. Алоуфа сразу начинается с описания географического положения города. (См.: *Alouf M.M.* History of Baalbek. 7<sup>th</sup> ed. Beyrouth: Impr. catholique, 1905. P. 1).

(Саид Нил). <...> За Муаллакой линия поворачивает на восток и пересекает Эль-Бику («низменность»), широкую долину, напоминающую плоскогорье, между Ливаном и Анти-Ливаном. На юге она ограничена отрогами Томат-Ниха («близнецы Нихи»), через скалы которых с трудом пробивается Нахр-эль-Литани. Долина в древности называлась Келесирия («полая Сирия»), название, которое, однако, обычно используется классическими авторами для обозначения всего района к югу от Селевкии (за исключением Финикии), вплоть до пустыни горы Синай. <...> Поезд пересекает Нахр-эль-Литани. <...> Рейак или Райак <пересадочная станция> <...> Железная дорога отсюда до Баальбека и Хамы»<sup>1</sup>.

Во второй главе Бунин пересаживается на поезд до Баальбека. Вторая глава больше посвящена историко-мифологическому пространству и, кажется, написана с опорой на Олесницкого и Алоуфа. Так, например, глава начинается: «Край баснословных племен, родина Адама, святилище Солнца! Эта низменность, — в ней около полутора ста верст, — с незапамятных времен называется Бека, — страна, долина. Баальбек есть таким образом «долина Ваала-Солнца» <...> эта долина, средоточие солнечных служений, связана еще с именем Рая, близость которого к Баальбеку была неоспорима в древности»<sup>2</sup>.

У Олесницкого находим: «По финикийской мифологии в Бейруте были сотворены первые люди *protogenos* (Адам) и *Anion* (Ева). Продолжением этого сказания служат разнообразные предания о рае первых людей в Ливане»<sup>3</sup>; «Келесирии, называемой ныне у арабов *бека*, т.е. долина по преимуществу; отсюда бека Вааль или Вааль-бека = Вааль-бек будет значить: долина, *посвященная* Ваалу. <...> Что же касается другой составляющей части слова Баальбек, имени Ваала, то им указывается на религиозное значение этого города. Баальбек был центральным религиозным пунктом не только для Сирии, но и для всего языческого востока, сосредоточившим в себе главнейшие на востоке святилища солнца-Ваала»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> *Baedeker K. Palestine and Syria with the chief routes through Mesopotamia and Babylonia: a handbook for travellers.* 4th ed. Leipzig: K. Baedeker Publ., 1906. P. 291–293. (пер. с англ. выполнен мной — М.Щ.). Такое же описание найдем и во французском варианте Бедекера (См.: *Baedeker K. Palestine et Syrie: avec les routes principales a travers la Mésopotamie et la Babylonie: manuel du voyageur.* 3 ed. Paris: P. Ollendorff Édit., 1906. P. 285–288).

<sup>2</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 208.

<sup>3</sup> Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1874. Т. 2. С. 588.

<sup>4</sup> Там же. С. 590.

У Алоуфа: «Первый слог Baal соответствует слову “Sun”. Сирийское окончание Bah означает “Город”. Что касается финикийского окончания Века, то оно означает “страна”, поскольку оно обозначает арабское слово “Voqaat <...> country”. Однако в недавно обнаруженных финикийских надписях слово Века имеет значение “Город”. В египетском языке слово Baki также соответствует “Город”. Отсюда можно с уверенностью заключить, что “Baalbek” означает “Город Ваала”»<sup>1</sup>; «Баальбек входит в число древнейших городов мира. Все народы, особенно арабы, которые им владели, датируют его основание с незапамятных времен. Согласно арабским легендам, Адам и патриархи заселили страну вокруг Баальбека, и поэтому они утверждают: что Адам заселил Дамаск и что он умер в Зебедани; что Авилен был местом, где убили Авеля, чье имя Авилен сохранил в себе; Неби Шитт был местом, где жил Сиф, его жители и сегодня почитают его могилу; Ной был похоронен в Карак-Нухе, а его сын Шем в Хаме, город в Анти-Ливане, в трех часах езды от Баальбека; Каин<sup>2</sup>, вследствие проклятия, которое Иегова наложил на него, построил, так говорят те же легенды, город и крепость Баальбек, чтобы Баальбек служил ему местом убежища»<sup>3</sup>.

Мы проанализировали лишь краткий первый абзац из второй главы «Храма Солнца». Далее, в этой и, тем более, в третьей главе, количество случаев, когда Бунин «вдохновляется» Олесницкими и Алоуфом — невероятно велико. В сущности, очевидно, что Бунин внимательно использовал эти источники при работе над очерком. Поэтому далее, в первую очередь, сосредоточимся на поэтике очерка.

<sup>1</sup> Aouf M.M. History of Baalbek. 7<sup>th</sup> ed. Beyrouth: Impr. catholique, 1905. P. 27. (пер с англ. выполнен мной — М.Щ.). В переводе написание некоторых топонимов отразили согласно установленной для русской транслитерации традиции (в том числе так у Бунина). Так, например: Baalbek — Баальбек, Babylon — Вавилон, а Baal — Ваал (а не Баал) и т.д.  
<sup>2</sup> Отдельно отметим, что в издании «Храма Солнца» 1917 г. представлено стихотворение «Каин» (1907). Эпиграф стихотворения звучит так: «Баальбек воздвиг в безумии Каин. Сирийские предания» (Бунин И.А. Храм солнца. Пг., 1917. С. 11). С этим эпиграфом, как отмечает Т.М. Двинятина, стихотворение публиковалось в 1908, 1915 и 1917 гг. (см.: Бунин И.А. Стихотворения. Т. 2. СПб., 2013. С. 371). В книге Алоуфа, как раз далее, после процитированного фрагмента читаем: «Эстан Дуэхи, патриарх маронитов, говорит о Баальбеке следующими словами: “предания утверждают, что крепость Баальбек на горе Ливан является самым древним сооружением в мире; Каин, сын Адама, построил ее в 133 году сотворения мира, в момент безумия. Он дал ей имя своего сына Енока и населил ее великанами, которых за их безнравственность постиг потоп”» (Aouf M.M. History of Baalbek. 7<sup>th</sup> ed. Beyrouth: Impr. catholique, 1905. P. 28., пер. с англ. выполнен мной — М.Щ.). Вероятно, именно на этот фрагмент текста М. Алоуфа опирался Бунин, работая над стихотворением «Каин».

<sup>3</sup> Aouf M.M. History of Baalbek. 7<sup>th</sup> ed. Beyrouth: Impr. catholique, 1905. P. 28. (пер с англ. выполнен мной — М.Щ.).

Прежде чем отправиться на берега Тивериадского озера («Геннисарет») и обрести Христа, повествователь едет к Храму Солнца, чтобы найти следы Адама: «Кругом — слегка волнистая пустыня, море тощих посевов, сквозит ржаво-красноватая почва, — именно та, из которой и был создан Адам!»<sup>1</sup>. В Сирии Бунин вновь продолжает библейский топос, увлекаясь, в первую очередь, ветхозаветными образами. Помимо Адама вспоминает писатель места погребения Ноя и Сифа, земля хранит память о них так же, как и об Адаме: «Вон чуть сереет на Ливане местечко Керак с высеченной в скалах стофутовой гробницей Ноя. Вон там, на Антиливане, есть селенье Неби-Шит, где чтут могилу Сифа»<sup>2</sup>. Земля Сирии, по Бунину, хранит память Ветхого Завета, его основы и начала начал — книги Бытия. Помимо героев Библии, повествователя интересуют следы бывшего когда-то подлинного Рая (Эдема). Увидев из окна поезда одиноко высящийся «Гермиль, памятник Рая», повествователь начинает рассказывать о существующих повериях, что в этих землях был Эдем. Кроме того, интересным образом задается и линия археологического соперничества: повествователь рассуждает в каких именно землях — Ливане, близ Дамаска, или Антиливане — был Рай.

Таким образом, географическое ощущение тезиса: «Сирия — Рай» расплзается во все стороны света от точки обзора повествователя. Этот эпизод играет важную роль. С одной стороны, это своеобразная подготовка к финалу книги: повествователь, прежде чем найти Христа, решил отправиться в Сирию и найти праотца Адама и Рай. С другой стороны (и «заработает» эта идея только в редакции 1931 г.) этот эпизод станет одним из будущих символических мостов, которые Бунин станет перебрасывать в «Город Царя Царей», там Цейлон будет художественно понят и осмыслен через такие же народные легенды о том, что Цейлон — рай.

От рассуждений о месте Эдема (в пределах книг Алоуфа и Олесницкого), Бунин продолжает рассказывать о Баальбеке, к которому подъезжает на поезде. Описание начинается с вопроса: «Что такое теперь Баальбек?» (Отметим, что,

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 208.

<sup>2</sup> Там же. С. 208. См. также уже приведенные выше цитаты из Алоуфа.

таким же образом начнется описание Анурандхапуры в «Городе Царя Царей»: «Что такое Анарадхапура?»<sup>1</sup>). Повествователь кратко (по Алоуфу и Олесницкому) сообщает историю города. В описании проскальзывают чисто путеводительские формулировки: «бедный городок с пятью тысячами разноплеменного сирийского люда»<sup>2</sup>. Перебивают бунинский экскурс в краткую историю Баальбека то и дело возникающие виды из окна поезда, и появляющийся силуэт Храма Солнца. В такой повествовательной чехарде доезжает Бунин и до Баальбека. Возникший на горизонте Храм Солнца сразу же обретает солярную символику и представляется в свете солнечных лучей<sup>3</sup>. Пережив сильную грозу по прибытии в Баальбек<sup>4</sup>, повествователь продолжает анонс будущего осмотра Храма Солнца из... отеля. Правда не с крыши, с балкона. Отель снова (как и в Святой земле) становится точкой отсчета будущего путешествия<sup>5</sup>. И, посвятив общему описанию (на расстоянии, издали) Храма Солнца остаток II главы, Бунин как бы не прерываясь, начинает III главу, где ближе подходит к Храму Солнца, описывая его уже вплотную, во всех деталях и подробностях. Разумеется, снабжая свое повествование необходимым историческим экскурсом.

Описание Акрополя Баальбека вновь выполнено на основании прочитанного у Алоуфа и преимущественно у Олесницкого. Свое описание Акрополя Олесницкий предваряет следующими словами: «Имея в виду чрезвычайную важность этих памятников для общей истории искусства вообще и религиозной в особенности, приводим здесь частное описание этих храмов»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Бунин И.А. Тень птицы. Париж, 1931. С. 190. Здесь же отметим, что используем отличное от Бунина написание топонима.

<sup>2</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 210. Ср.: ««В городе <...> проживает около 5200 человек (2/5 мусульман, 2/5 метавилехов <ливанские мусульмане-шииты>, 1/5 христиан)» (Baedeker K. Palestine et Syrie: avec les routes principales a travers la Mésopotamie et la Babylonie: manuel du voyageur. 3 ed. Leipzig: K. Baedeker Publ.; Paris: P. Ollendorff Édit., 1906. P. 320., пер. с англ. выполнен мной — М.Щ.). См. также у Алоуфа: ««В Баальбеке проживает 5000 жителей, из которых половина — метуали <алавиты> (шииты), четверть — сунниты, остальные — христиане (1000 греко-католиков, 150 маронитов, 100 греко-православных)» (Alouf M.M. History of Baalbek. 7<sup>th</sup> ed. Beyrouth: Impr. catholique, 1905. P. 1–2., пер. с англ. выполнен мной — М.Щ.).

<sup>3</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 210.

<sup>4</sup> Это событие вспоминала и В.Н. Бунина: «Вдруг загредел гром. “Успеем ли добраться до отеля сухими?” — подумали мы. // Успели. Но тотчас же начался ураган с грозой и градом. // В нашей комнате балкон. После грозы мы долго не можем оторвать глаз от этих знаменитых шести колонн, которые так легко возносятся в небо, уже ясное и спокойное. // — Однако, нужно, пока еще не поздно, пойти туда, — говорит Ян» (Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 376).

<sup>5</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 210–211.

<sup>6</sup> Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1874. Т. 2. С. 592.

После следует схема акрополя, нарисованная Олесницким, и описание. Оно делится на две большие части: Большой храм и Малый храм. Композиция бунинского описания схожа, внутри этих частей Бунин также проводит экскурсию по «методичке» Олесницкого: описание пропилей, колонн, каменных глыб у основания, особенности каждой колонны и историческая справка, частое использование эпитетов «циклопический» и «чудовищный». Особенно интересным видится использование Буниным специальной архитектурной терминологии, явно указывающей на Олесницкого. Так, например, Бунин пишет: «Некогда **перистиль** храма — окружавшая его колоннада — состоял из пятидесяти четырех таких колонн»<sup>1</sup> или еще более редкий термин: «тремя переходами поднимавшихся к чудовищному **периптеру** Великого святилища...»<sup>2</sup>. «Перистиль» и «периптер» вводит в свое описание Олесницкий, причем, что кажется особенно важным, если «перистиль», в целом, — обыденный термин для архитектурного дискурса Олесницкого, то «периптер» ученый оговаривает в примечании отдельно, подчеркивая тем самым редкость и специальность термина: «<подстрочное примечание>: *Перистилем* называется портик, окружающий корпус храма (cella) со всех сторон или лучше колоннада главного фасада, повторяющаяся кругом храма. Такого вида храм называется *периптер*»<sup>3</sup>.

Бунин и далее перерабатывает текст Алоуфа и Олесницкого: после Большого храма описывает Малый и камни фундамента, а после, на закате, рисует заключительный образ храма, в котором отражается символ вечности: «Подо мной была стена, сложенная сынами Солнца, — стена, камни которой останутся здесь недвижимыми до конца мира»<sup>4</sup>.

Хочется обратить внимание на еще один интересный случай бунинского реферата, который не кажется случайным. Это использование цитаты, которую приводит Олесницкий. Бунин пишет: «Можно представить себе красоту Малого храма. Пропилеи, Гексагона, двора Жертвенного — в те дни, когда только что

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 211. Здесь и далее выделено нами — М.Щ.

<sup>2</sup> Там же. С. 214.

<sup>3</sup> Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1874. Т. 2. С. 596. Курсив А.А. Олесницкого.

<sup>4</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 214–215.

отлилось в совершенные формы и сочеталось в Баальбеке “самое прекрасное на земле с самым величественным”<sup>1</sup>. У Олесницкого читаем: «Таким образом, говоря словами Робинсона<sup>2</sup>, в памятниках Баальбека сочеталось самое громадное, какое только может произвести человек, с самым прекрасным. Храмы Фив по массивности приближаются к храмам Баальбека, но они далеко не так прекрасны в исполнении. Храмы Афин так же прекрасны, но далеко не так громадны. Баальбек — чудо древнего мира»<sup>3</sup>.

Эта цитата, по сути, завершает описание акрополя Баальбека у Олесницкого<sup>4</sup>. У Бунина она лишь указывает на пройденную веху — переход от описания Большого Храма к Малому. Однако эта цитата видится нам как нечто большее — как своеобразный эпиграф к книге, который трансформируется в ее обложку и заглавие. Бунин как будто исполняет просьбу и стремления Олесницкого — дать описание Храма Солнца, «имея в виду чрезвычайную важность <...> для общей истории искусства вообще и религиозной в особенности»<sup>5</sup>. Академические описания Олесницкого Бунин перекодировал своим поэтическим языком и записал для будущих читателей, потому что «Баальбек — чудо древнего мира»<sup>6</sup>. В ряд к Алоуфу, Робинсону и Олесницкому встает Бунин, разделяя их сильное эстетическое впечатление. Возможно поэтому и композиция книги: от Парфенона Афин — к пирамидам Гизы — к Храму Солнца в Баальбеке выстроена именно так. Ведь в действительности реального путешествия Баальбек Бунин увидел раньше Гизы.

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 213.

<sup>2</sup> Эдвард Робинсон (1794–1863) — американский археолог, географ, богослов. Был пионером так называемой библейской географии. Его труды произвели настоящую революцию в историко-археологических исследованиях Ближнего Востока и Святой земли. Особенной известностью пользовался его посмертный труд «Физическая география Святой Земли» (Physical Geography of the Holy Land New York and London, 1865). А.А. Олесницкий явно высоко ценил его, в своем тексте он часто ссылается на его мнения из разных трудов.

<sup>3</sup> Олесницкий А.А. Святая земля. Киев, 1874. Т. 2. С. 612–613.

<sup>4</sup> Страницами ниже, Олесницкий заметит: «Под сильным впечатлением Баальбека мы сначала мало обращаем внимание на попадающиеся здесь мелкие древности, и все осматриваемся назад на 6 колонн большого храма» (Там же. С. 615). А чуть раньше ученый писал: «Выше мы говорили о некоторых храмах Астарты, сохранившихся в Финикии <...> но что это за храмы, в сравнении со святилищами Баальбека? Один камень Баальбека стоит всех этих памятников» (Там же. С. 607).

<sup>5</sup> Там же. С. 592.

<sup>6</sup> Там же. С. 613.

«Храм Солнца» — нетривиальный и экзотический для русского читателя топос. На момент бунинского путешествия почти не существовало травелогов на русском языке, где описывался бы Баальбек. Несомненно популярный и пользующийся спросом у европейцев топос почти обходили стороной русские путешественники. Среди анализируемых нами книг (исключая Олесницкого), мы встречаем Баальбек у П. Лоти («Галилея», 1896) — француза<sup>1</sup>, чьи книги были переведены на русский язык — и кратко у С.С. Кондурушкина в рассказе Англичанка (1908)<sup>2</sup>. Но, конечно, для любого читателя бедекера травелог Бунина не был откровением. Структурно очерк целиком и полностью лежит в пределах нескольких глав путеводителя: поезд — Баальбек — Храм Солнца. Как и в предыдущих очерках, преодоление нарратива происходит за счет историко-археологического экскурса, который на страницах путеводителя не найти. В этом же смысле перед нами очередной художественный пересказ книг Олесницкого и Алоуфа.

В композиционной логике книги, как говорилось выше, «Храм Солнца» — предпоследний очерк, последний очерк — «Геннисарет». Однако для издания 1931 г. последним очерком стал «Город Царя Царей». При анализе очерка «Храм Солнца» мы намеренно подсветили некоторые фрагменты текста, от которых можно протянуть символические нити к «Городу Царя Царей».

### 2.3.7. Анурадхапура

В художественном плане деление бунинских восточных текстов на два топоса: ближневосточный и буддийский — оправдано. Действительно, между поэтиками очерков: «Тени Птицы», «Храма Солнца» и др., с одной стороны, и рассказами: «Братья», «Сны Чанга» и др., с другой стороны, есть огромная разница. Однако, исследователи не делали попыток изучения метаморфозы поэтики Бунина внутри этих топосов и художественных тем. Хорошим примером «переходного» текста можно назвать «Город Царя Царей» (1925). В рамках этого параграфа мы

<sup>1</sup> Французский травелог о Баальбеке кажется очевидной приметой эпохи, т.к. большая часть Сирии (в первую очередь: Бейрут, Баальбек, Дамаск и окрестности) в 1890–1900-е гг. находилась под сильным влиянием Франции.

<sup>2</sup> Оба очерка проанализированы в 3 главе. Интересно, что Е.Л. Марков всерьез рассуждал и планировал поездку к Храму Солнца, но не осуществил замысел (см.: *Марков Е.Л.* Путешествие по Святой земле, 1891. С. 454–455).

решаем несколько задач. Во-первых, стремимся объяснить, по какой художественной логике Бунин включил «Город Царя Царей» в книгу в 1931 г. Во-вторых, предлагаем посмотреть на «Город Царя Царей» как на продолжение проекта описания Востока, на начало «второй главы» в глобальном восточном травелоге Бунина. В-третьих, в рамках заданной исследовательской оптики мы смотрим на «Город Царя Царей» сквозь призму нарратива путеводителя. Очерк подводит нас вплотную к первоначальному библейскому пространству Сирии, а Цейлон становится предтечей «земного» Рая. Именно в такой логике, как мы писали выше, описывал Бунин библейское пространство Сирии. В обновленное эмигрантское издание, в рамках которого реализуется уже не концепт травелога по следам путешествия, а концепт травелога-воспоминания, «Город Царя Царей» вписывается подходящим образом. Сам зачин очерка явно указывает на путешествие-воспоминание: «Вот старая, старая карта земного шара. Опять гляжу на нее, — в который раз в жизни и все еще жадно! — опять блуждаю глазами по великой пустоте Индийского океана, вижу черту экватора, останавливаюсь на том заветном месте немного выше его, где удлинённой каплей падает от треугольника Индостана, как бы от острия древесного листа, Цейлон, священный Львиный остров, и опять вспоминаю: город Царя Царей, Анарадхапура...»<sup>1</sup>.

Таким образом, от карты (видимо, от берегов Лигурийского моря) мы переносимся к берегам Цейлона на просторах Индийского океана и дальше в Анарадхапуру<sup>2</sup>. Бунин, вслед за многими путешественниками своего времени, воспринимал Цейлон райским местом. Так, например, писали: А.П. Чехов: «Цейлон — место, где был рай»<sup>3</sup>; М.Г. Гребенщиков: «я буду иметь возможность

<sup>1</sup> Бунин И.А. Тень птицы. Париж. 1931. С. 190.

<sup>2</sup> Город называется Анарадхапура, у Бунина — Анарадхапура. Мы используем название Анарадхапура. Название Анарадхапура используется только при цитировании источников. Любопытно, что в путеводителях город тоже имеет разные названия. К. Гюнтер — Анарадхапура (*Гюнтер К.* Цейлон. Пг., 1914. С. 28); Н.П. Данилов — Анараджапура (*Данилов Н.П.* Очерки Цейлона. СПб., 1904. С. 26–28); А.Н. Краснов — Апурадапура (*Краснов А.Н.* Индия и Цейлон. СПб., 1900. С. 73); И. Клинген — Апурадхапура (*Клинген И.* Среди патриархов земледелия народов Ближнего и Дальнего Востока: (Египет, Индия, Цейлон, Китай и Япония). Ч. 1– / И. Клинген. Ч. 2: Индия; Цейлон. [б.г.: б.и.], 1899. С. 284, 303). В англоязычных путеводителях встречаем: Anuradhapura (*Murray J.* A Handbook for Travelers in India, Burma and Ceylon. 7th ed. London: John Murray Publ., 1909. P. 490–491). По какой причине Бунин пишет «Анарадхапура» — неизвестно, если в основе бунинского текста находился англоязычный источник, то можно высказать версию об ошибке при транслитерации.

<sup>3</sup> Чехов А.П. Письма А.П. Чехова: в 6 т. Т. 3: (1890–1891). М., 1913. С. 146.

съездить вовнутрь Цейлона, этого действительно невыдуманного рая»<sup>1</sup>. К. Гюнтер: «На высоте 2000 метров находится Нуvara Элия <...> — “рай” не только для Коломбо, но и для соседней Индии»<sup>2</sup>. Из-за отсылок к библейской истории (здесь — в Раю на земле — у Бунина происходит убийство Авеля<sup>3</sup>) топоним Цейлона «вплетается» в мифический код книги «Храм Солнца». До этого миф об Адаме, Каине и Авеле уже разыгрывался перед нами на страницах очерка «Храм Солнца». Использование легенд и сказаний из путеводителей и травелогов на уровне генезиса роднит «Город Царя Царей» и другие очерки<sup>4</sup>.

Как и в «Храме Солнца», Бунин ставит вопрос «Что такое Анарадхапура?» — «величайшая святость буддийского мира, древнейшая столица Цейлона, Анарадхапура <...> насчитывает более двух с половиной тысяч лет своего существования, <...> по размерам почти равняясь современному нам Парижу, золотом и мрамором зданий не уступая Риму, а своими дагобами, воздвигнутыми для хранения священных буддийских реликвий, превосходя пирамиды Египта»<sup>5</sup>. Задавая временную перспективу в две тысячи лет и сравнивая Анарадхапуру с Египтом и Римом, Бунин «сплетает» историческое пространство «Города Царя Царей» с прочими очерками книги: «возле тысячелетней Св. Ирины»; «породили тысячи сказаний, покрыли тысячи свитков»; «пять тысяч лет тому назад»; «надгробное рыдание, длящееся уже две тысячи лет»; «на тысячи лет сохраняющим трупы от тления»<sup>6</sup>. Характерно, что Бунин представляет и описывает читателю Цейлон посредством сравнения с ближневосточными топонимами (обозначенными ранее в книге «Храм Солнца» напрямую или косвенно): Рим, Египет, а также через общий для этих топонимов претекст — Библию.

Цейлон у Бунина представлен как родина первых людей: «первым обладателем Цейлона был <...> человек <...> под именем лучников: современным знанием лучники признаны за древнейшую в мире расу, за потомков праобитателей

<sup>1</sup> Гребенищев М.Г. Путевые записки и воспоминания по Дальнему Востоку. СПб., 1887. С. 230.

<sup>2</sup> Гюнтер К. Цейлон. Пг., 1914. С. 26. Однако личное мнение о Цейлоне у К. Гюнтера отрицательное (Там же. С. 22).

<sup>3</sup> Бунин И.А. Тень птицы. Париж. 1931. С. 192.

<sup>4</sup> Там же. С. 191–192.

<sup>5</sup> Бунин И.А. Тень птицы. Париж. 1931. С. 190–191. Ср. с пафосом очерка «Храм Солнца», где Акрополь Баальбека тоже воспринимается как более совершенный памятник, чем пирамиды.

<sup>6</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 119, 144, 156, 174, 209.

земли <...> вот заповедная точка земного шара, где живет древнейший из нас»<sup>1</sup>. Этого древнего человека Бунин именуется прямым наследником цейлонского Авеля<sup>2</sup>. Таким образом, Бунин подчеркивает наличие общего библейского предка для всех народов Востока, от Египта до Цейлона. В этом отрывке проявляется и характерный для очерков «Храма Солнца» прием: Бунин, описывая величие тоposa в древности, обязательно сравнивает его с днем сегодняшним, демонстрируя, как он «обмельчал». Если раньше Анурадхапура — величайший город в истории цивилизации, то сегодня это «маленькое и глухое лесное селение, через которое пролегает единственная улица, вернее, дорога под вековыми деревьями, еще сохранившая древнее название: Священная улица»<sup>3</sup>. И только повествователь — обладатель «двойного зрения»<sup>4</sup> — видит всю историю сразу, как единую развернутую перед ним картинку. Так же поступает Бунин в очерках «Храма Солнца», когда намеренно старается осуществить «выход из истории» и отдает в формировании хронотопа большее предпочтение пространству, нежели времени: «“отмененное время” закономерно оборачивается “выходом” во “вневременное пространство”, приводит к “опространствливанию” формы произведения в целом»<sup>5</sup> — подобная черта характерна и для «Города Царя Царей».

В «Городе Царя Царей» Бунин наряду с Библией вводит и другие источники: «на основании летописей, начатых в буддийских монастырях <...> по древним книгам Китая, Бирмы, Сиамы»; «согласно буддийским летописям»; «летописи сингальского царства»; «Царство сингальское, говорит Фа-Сьян, китайский монах, живший в пятом веке после рождения Христа»; «в одной священной летописи пятого века нашей эры»<sup>6</sup>. Таким образом, буддийский канон на текстовом уровне уравнивается с библейским. Такой же знак «равно» Бунин ставит между Кораном, Талмудом и Библией на протяжении всей книги «Храм Солнца». На уровне культуры и религии Будда встает на одну ступень с Христом и Магометом.

<sup>1</sup> Бунин И.А. Тень птицы. Париж. 1931. С. 193–194.

<sup>2</sup> Там же. С. 194.

<sup>3</sup> Там же. С. 202.

<sup>4</sup> Пономарев Е.Р. «Храм Солнца» или «Тень Птицы»? Поэтика «путевых поэм» И.А. Бунина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 301.

<sup>5</sup> Пращерук Н.В. Художественный мир прозы И.А. Бунина: язык пространства. Екатеринбург, 1999. С. 19.

<sup>6</sup> Бунин И.А. Тень птицы. Париж. 1931. С. 193, 195, 197, 199, 203.

Подобное уравнивание позже мы встречаем в «Освобождении Толстого»: «Поэты, художники, святые, мудрецы, Будда, Соломон, Толстой... <...> Всякий знает бровные дуги Толстого, гигантский рост и бугор на черепе Будды, падающую болезнь Магомета»<sup>1</sup>. И это далеко не единственное сравнение Толстого с пророками. Важен не столько Толстой и его место в пантеоне бунинских святых, сколько сама способность Бунина проводить такого уровня редукцию над религиозно-философскими различиями и ставить этих культурных героев в один ряд.

Неверно было бы полагать, что источники, которые приводит Бунин — оригинальны, и ссылки на них есть ссылки на подлинники. Очевидно, Бунин жонглирует именами, цитатами и названиями для эстетического эффекта (очередной неймдроппинг). На формирование образа Цейлона у Бунина влияет путеводитель. При этом, что интересно, не бедекер. Дело в том, что бедекер по Цейлону, а точнее по Индии (Цейлону посвящена глава), вышел только в 1914 г. и на немецком языке<sup>2</sup>. Бунин никак не мог читать этот путеводитель во время путешествия 1911 г., а также вряд ли читал его позднее в эмиграции, так как не знал немецкого языка, а перевода на другие европейские языки не было<sup>3</sup>. Наиболее вероятным кажется, что в путешествии Бунин использовал путеводитель «A Handbook for Travelers in India, Burma and Ceylon»<sup>4</sup> (1909). Это такой же серийный путеводитель — путеводитель Мюрея, как и бедекер, к которым Бунин привык.

Этот травелог сильно отличается от предыдущих тем, что не содержит хоть каких-либо следов реального путешествия в описании. Бунин сразу начинает рассказ с переработанного исторического экскурса. Либо его претекст сам по себе не содержал таких следов путешествия, либо Бунин делает это сознательно.

Источник, который использует Бунин — это книга К. Гюнтера «Цейлон»<sup>5</sup>, так утверждает П.Л. Вячеславов<sup>6</sup> в комментариях к тексту. С этим трудом Бунин

<sup>1</sup> Бунин И. А. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 6. Освобождение Толстого. О Чехове. Воспоминания. Дневники. Статьи. М.: Художественная литература, 1988. С. 41.

<sup>2</sup> Baedeker K. Indien: Handbuch für Reisende. Leipzig: Verlag von Karl Baedeker, 1914. LXXIV, 358 p.

<sup>3</sup> Известен перевод на английский язык, но это современный перевод, сделанный М. Вилдом в 2013 г.: Wild M. Baedeker's India 1914. Natland: The Red Scar Press, 2013. 446 p.

<sup>4</sup> Murray J. A Handbook for Travelers in India, Burma and Ceylon. 7th ed. London: John Murray Publ., 1909. 528 p.

<sup>5</sup> Гюнтер К. Цейлон. Пг., 1914. VIII, 366 с.

<sup>6</sup> Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Произведения 1914–1931. М., 1988. С. 681.

мог познакомиться в годы войны или позднее в эмиграции, работая над очерком. Мы согласны с П.Л. Вячеславовым — в книге действительно отражены некоторые сведения, которые можно обнаружить в очерке Бунина. Однако отсутствуют сведения о Фа-Сьяне и нет сведений о мусульманской легенде про Цейлон-рай, место земной обители Адама и Евы, Каина и Авеля. Сведения об этой легенде находим во 2-м томе труда J.E. Tennent «Ceylon» (1859–1860)<sup>1</sup>, однако, по сравнению с тем, как легенда представлена у Бунина, этот труд вряд ли послужил Бунину источником.

В 1911 г., в письме брату, находясь в Нурилье, он пишет: «В книге о Цейлоне, купленной мною в Коломбо»<sup>2</sup>, — далее в письме излагается ряд сведений о климате, высоте гор и о местных достопримечательностях. Теоретически, Бунин мог почерпнуть такую информацию из путеводителя Добровольного флота<sup>3</sup>. Но вероятнее, что источником является какая-то другая книга, например, «Очерки Цейлона» Н.П. Данилова<sup>4</sup>. Кроме указанных выше сведений, автор, как и Бунин в письме, именуется географические объекты на латинице: «Nuwara-Eliya (Нурилья)», «Anuradhapura (Анарадхапура)» и др. Однако во время работы над «Городом Царя Царей» Бунин точно использовал иной источник. Данилов ссылается на древние литературные памятники: «Древнейшие исторические сведения о Цейлоне встречаются в индусской поэме Рамаяна и в сингалезской летописи “Махавамса”»<sup>5</sup>. Как и во всех предыдущих, в книге нет сведений о Фа-Сьяне.

Исключая иные известные нам русскоязычные источники<sup>6</sup>, остается предположить, что на Цейлоне (в английской колонии) Бунин купил книгу на английском языке. Можно указать на такой источник: «Si-yu-ki»<sup>7</sup>. В первой части книги содержится биография Фа-Сьена и перевод его труда «Travels of Fa-hian, or

<sup>1</sup> Tennent J.E. Ceylon: in 2 vol. Vol. 2. London, 1860. P. 135–137.

<sup>2</sup> Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. М., 2007. С. 173.

<sup>3</sup> Карант Г.Н. На Дальний Восток из Одессы: Плавание Добровольного флота. Одесса, 1902. С. 44–47.

<sup>4</sup> Данилов Н.П. Очерки Цейлона. СПб., 1904. 62 с.

<sup>5</sup> Там же. С. 24.

<sup>6</sup> Краснов А.Н. «Индия и Цейлон» (1900); Липский В.И. «Цейлон и его ботанические сады» (1911); Клинген И. «Среди патриархов земледелия народов Ближнего и Дальнего Востока» (1899), 2-я из 3 частей посвящена Индии и Цейлону.

<sup>7</sup> Интерес представляет первый том: Si-yu-ki. Buddhist records of the Western World In 2 v. Vol. 1. / trans. Hsüan-tsang, Beal Samuel. London, 1884. CVIII, 242 p.

Fo-kwo-ki». Возможным источником могла быть и другая книга «Fa-hsien»<sup>1</sup>, в которой также приводится биография Фа-Сьена и рассказ о его путешествии.

Ориенталистский дискурс присущ всем указанным выше путеводителям и книгам, рассказывающим о Цейлоне и Индии. Значительная часть истории Цейлона приводится через историю колониализма. Характерно, что именно после посещения Цейлона Бунин обращается к теме социальных отношений между центром и колонией — Англией и Цейлоном<sup>2</sup>. Вероятно, что Бунин понимает необходимость художественного соприкосновения с английским колониализмом еще в 1909 г. — так, в приводимом уже письме Нилуса к Бунину проявляется эта тема (в иной перспективе): «Теперь самые посредственные путешественники — англичане — уходят в пустыню в одиночестве, разбивают там палатку и сидят день, два, неделю... — а у тебя описания из окна поезда! <...> выходит какой-то “компанейский Египет” — англичане тебя ни за что не переведут»<sup>3</sup>.

Под впечатлением от Цейлона Бунин пишет «Сны Чанга», «Братья», «Отто Штейн», «Третий класс», «В стране пращуров» и др. Согласно исследованию Е.Б. Смольяниновой, «сопоставление этого текста <“В стране пращуров”> с книгой К. Гюнтера позволяет с уверенностью говорить, что данный фрагмент — не отрывок из путевого дневника Бунина, а фрагмент самостоятельного художественного произведения, созданный с опорой на книгу немецкого ученого о Цейлоне. Возможно, это набросок задуманного Буниным большого прозаического произведения о Цейлоне, о намерении создать которое он неоднократно упоминал в переписке и интервью»<sup>4</sup>.

Иные бунинские тексты о Востоке тоже переплетаются тематически с книгой «Храм Солнца»: «Крик», «Копье Господне», «Смерть пророка», «Паломница», «Волхвы», «Воды многие», «Дамаск — Назарет», «Слова, видения», «Плач о Сионе», «Роза Иерихона» и др. Бунин, трепетно относившийся к

<sup>1</sup> *Fa-hsien*. A record of Buddhistic kingdoms; being an account by the Chinese monk Fâ-Hien of his travels in India and Ceylon / trans. James Legge. Oxford, 1886. XV, 123 p.

<sup>2</sup> См., например: «Братья», «Сны Чанга».

<sup>3</sup> См. Приложение 2.

<sup>4</sup> Смольянинова Е.Б. Буддийский Восток в творчестве И. А. Бунина: автореф. дис. ... канд. фил. наук. СПб., 2007. С. 14–15.

расположению своих текстов в сборниках или в собственных собраниях сочинений, всегда выстраивал между своими текстами единую повествовательную линию. Связывал тексты между собой схожими лейтмотивами и тематикой. Так, например, в сборнике «Иоанн Рыдалец» (Москва, 1913) такая последовательность произведений: «Крик», «В Красном море» (позднее «Копье Господне»), «Геннисарет» и «Смерть» (позднее «Смерть Моисея»). Эти рассказы Буниным ставятся в один ряд и предполагают условное тематическое равенство. Еще один (показательный для нас) случай объединения, это книга «Смерть Моисея»<sup>1</sup>, в которую входят три рассказа: «Смерть Моисея», «Братья», «Крик» — эти рассказы Бунин также предлагает прочесть под единым заглавием «Смерть Моисея».

Таким образом, бунинский Восток, помимо единства биографического, имеет и единство художественное (выраженное в метаморфозе перехода от ближневосточного к буддийскому топосу). Это все — единый текст, показывающий эволюцию Бунина-писателя и способы освоения новых тем. «Город Царя Царей» является идейным продолжением очерков из «Храма Солнца», но, с точки зрения процесса создания, — это текст нового типа. Если в эмиграции, перерабатывая очерки «Храма Солнца», Бунин задумался о том, что необходимо убрать из текстов все актуальные для путешествия 1900–1910-х гг. детали и перевести травелог из очерка по следам путешествия в разряд очерка-воспоминания о поездке, то, по логике, именно «Город Царя Царей» является образчиком такого художественного решения.

Если продолжать осмысление художественного воплощения Востока в бунинском творчестве как единого целого, то необходимо оговорить и смену проблематики текста. После описания «исторического очерка» — I главы путеводителя; после того, как Бунин дошел до Рая; после того как Бунин сделал равновеликими Христа, Магомета и Будду, он смотрит на проблему людских отношений и описывает современную историю (историю колонизации), которая пишется здесь и сейчас — как условная II глава путеводителя. Бунин отчетливо осознает и необходимость в смене жанра и темы, а потому уходит от очерковой

---

<sup>1</sup> Бунин И.А. Смерть Моисея. Одесса: Юж. универс. б-ка, 1919. 79 с.

притчевости к чувственным отношениям, описанным в рассказах, и стремится далее — к роману. Представляется возможным рассмотрение всех «восточных» произведений Бунина в качестве единого текста, нарративная стратегия которого слагается по лекалам путеводителя, а позднее стремится преодолеть его. Однако этот текст не был дописан, и гипотеза требует отдельного большого исследования. По разным творческим и биографическим причинам бунинский проект освоения Востока так и остался незавершенным: берега Тихого океана остались грезами, а восточный роман не был написан.

## Выводы 2 главы

Вторая глава фокусируется на проблеме генезиса очерков из книги «Храм Солнца». Контекст бунинского травелога — это его реальное путешествие и книги, которые он прочел до, во время и после путешествия. Нас, в первую очередь, интересует набор бунинских впечатлений, что именно он видел и когда, в какой последовательности. Это позволяет установить субъективный нарратив путешественника и понять, как он накладывается на художественный текст.

Книжная реальность бунинского путешествия выглядит более сложной. В первую очередь, это путеводитель, который кодирует восприятие Бунина-путешественника, предлагает матрицу восприятия и трактовку личного опыта поездки. Путеводитель проявляет себя и через бунинский травелог, как глобальный нарратив, как способ развертывания текста. По этой причине можно прочесть текст Бунина через призму путеводителей. Такой подход позволил увидеть, как Бунин работает с нарративом путеводителя: в каких случаях он ему следует, а в каких стремится выйти за его пределы. Как правило, прочитанные книги Бунин использует для преодоления нарратива путеводителя, предлагая иное, более сложное прочтение тех же фактов.

В следующей главе мы проанализируем то, как книга Бунина была воспринята критикой, и поместим «Храм Солнца» в контекст травелогов эпохи. В первую очередь, нас интересуют книги из бунинского круга чтения. Прделанный во второй главе анализ позволяет нам избежать анализа структурных совпадений (оставить его позади) и сосредоточиться на художественных, стилистических и идейных различиях травелогов.

### Глава 3. Травелоги современников и «Храм Солнца»

Травелоги вообще и о востоке в частности занимали важное место в истории русской словесности с точки зрения читательского интереса. Авторы аннотированного указателя «Русский травелог XVIII – начала XX веков» в предисловии пишут: «Почти все тексты рано или поздно публиковались в периодической печати или выходили отдельными изданиями, что свидетельствует о читательской востребованности личных свидетельств об увиденном, и в этом смысле не будет преувеличением сказать, что “литература путешествий” в широком значении слова этого понятия занимала одно из первых мест в русской словесности»<sup>1</sup>.

В этом указателе представлено свыше 4000 травелогов, из которых больше 1000 можно с оговорками отнести к «восточному» травелогу. Большинство (около 700) из этих произведений написано со второй половины XIX по начало XX века. И минимум 300 могут составить прямую конкуренцию бунинскому «Храму Солнца» с точки зрения примерного хронологического соседства, тематики, маршрута и актуальности. Тем интереснее феномен «Храма Солнца» — травелога, созданного в эпоху сильнейшей внутрижанровой конкуренции; травелога, который за счет уникального и самобытного художественного стиля выделялся на фоне текстов современников; травелога, который смог сохранить читательский интерес на десятилетия вперед вплоть до смерти И.А. Бунина, а позднее стать востребованным у исследователей и читателей.

Интерес к контекстуальному исследованию бунинского травелога возник в литературоведческой традиции уже в 1970-е гг. В 1973 г. Б.М. Данциг опубликовал монографию «Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период)». В VII главе «Русские писатели о Ближнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX в.)»<sup>2</sup> исследователь не раз упоминал Бунина и анализировал

<sup>1</sup> Русский травелог XVIII – начала XX веков: аннотированный указатель / под ред. Т.И. Печерской; сост. А.А. Богодерова, Н.А. Ермакова, А.Е. Козлов, Н.В. Константинова, В.В. Мароши, Т.И. Печерская, А.А. Пономарева, О.С. Рощина, О.А. Фарафонова. Новосибирск: ООО «Немо Пресс», 2018. С. 4.

<sup>2</sup> Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). М.: Наука, 1973. С. 366–382. (О Буине: С. 373–376). См. также позднее опубликованную дублирующую статью: Данциг Б.М. Русские писатели о Ближнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX в.) // Ближний Восток: сборник статей. М.: Наука, 1976.

«Храм Солнца» в контексте произведений Л.Н. Толстого, С.Я. Елпатьевского, С.С. Кондурушкина и пр.

Р.Д. Тименчик назвал И.А. Бунина «одним из самых влиятельных создателей “палестинского канона” на русском языке в двадцатом веке»<sup>1</sup>. Исследователь сравнил произведения Бунина со стихами А.М. Федорова (1868–1949), В.А. Шуфа (1865–1913), Л.М. Василевского (1876–1936), Я.В. Година (1887–1954) и путевыми дневниками С.И. Фонвизина (1860–1936), таким образом показав «распространение предложенной Буниным метафорики» и типичные для русской поэзии способы описания Палестины. В статье упор был сделан на стихотворения Бунина, однако этот вывод можно обратить и на прозу.

Такая оценка бунинского «Храм Солнца» формируется почти сразу. Прижизненная критика создает и закрепляет статус бунинского текста. Так, например, выдвигая кандидатуру Бунина на звание почетного академика по разряду изящной словесности Императорской Академии наук, К.К. Арсеньев, аргументируя художественные достоинства писателя, в том числе указывает и на восточные очерки. Критик Б. Садовский уже в 1909 г. сравнивал бунинский текст с чеховским «Остров Сахалин», а в эмиграции, с легкой руки П.М. Бицилли, «Храм Солнца», встал в один ряд с произведениями Толстого (по значению и силе художественного слова с «Анной Карениной» и «Войной и миром») и Шатобриана (по сходству с автором и тематически: «Путешествие из Парижа в Иерусалим...»). Критическим отзывам посвящен параграф 3.1. настоящей главы<sup>2</sup>.

В современном литературоведении сравнение бунинского травелога с другими текстами эпохи имеет свою историю. А.А. Пронин сравнивает книгу Бунина с поэмой В.А. Жуковского «Агасфер»<sup>3</sup>. Н.А. Молчанова сравнивает «Храм

С. 296–310. (О Буине: С. 303–306). Также отметим, что в предшествовавшей монографии исследователя, где также есть схожая глава «XIX и начало XX в.» (С. 105–266) — имя Бунина и «Храм Солнца» не упоминаются. См.: Данциг Б.М. Русские путешественники на Ближнем Востоке. М.: Мысль, 1965. 272 с.

<sup>1</sup> Тименчик Р.Д. Глаз и слово // Лехаим: [Электронный ресурс]. 2006. Август. (№ 172). URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/172/timenchik.htm?ysclid=m01qs6ydbv579384437>

<sup>2</sup> Результаты этой главы были апробированы в: Шавлинский М.С. Библиография рецензий и научных работ о книге И.А. Бунина «Храм Солнца/Тень Птицы» // И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / отв. ред.-сост. Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов; ред. А.В. Бакунцев, Е.Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 968–1001.

<sup>3</sup> Пронин А.А. Евангельский «след» в цикле путевых рассказов И.А. Бунина «Тень птицы» и поэма В.А. Жуковского «Агасфер» // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XIX веков: сб. ст. Петрозаводск, 2001. С. 459–464.

Солнца» с очерками К.Д. Бальмонта «Край Озириса» (публиковались в периодике с 1911 г., отдельное издание под заглавием «Край Озириса» вышло в 1914 г.)<sup>1</sup>. Исследователь отмечает общую для обоих писателей страсть к путешествиям и хронологически совпавший интерес к Востоку<sup>2</sup>. Н.А. Молчанова находит, что книга Бальмонта более жизнерадостна — это «веночек сонетов» древнему Египту, в то время как «бунинская концепция цивилизованного мира философски глубже и трагичнее»<sup>3</sup>.

Помимо Шатобриана, Бунина и его «Храм Солнца» сравнивают с Т. Готье и даже с Г.Ф. Лавкрафтом<sup>4</sup>. К.С. Романова предлагает сравнить очерк Теофиля Готье «Константинополь» (1853) с очерком «Тень Птицы» И.А. Бунина. Общее между писателями она находит в отношении к суфизму: «Рецепция Востока Готье и Буниным в значительной степени определяется их отношением к суфизму <...>. По признанию путешествующего героя-повествователя “Тени птицы”, источником его вдохновения и притягательным предметом для размышлений является Тезкират (жизнеописание) Саади Ширазского»<sup>5</sup>.

К.С. Романова, продолжая свое сравнение между Буниным и Готье, обращает внимание на разность творческих методов: «Готье, приступая к описанию танца, поясняет, что, не будучи в достаточной мере сведущим в области турецкой теологии, он намерен ограничиться вниманием к пластической стороне танца, отобразить “странные телодвижения” <...> Иначе видит дервишей русский писатель. Уже в первой картине, посвященной их изображению, внимание акцентируется на аскетичности их облика и смирении как доминантной черте поведения. <...> Бунин, и Готье подчеркивают экзотичность танца, однако в описаниях французского автора существенно больше физиологичности. <...>

<sup>1</sup> *Бальмонт К.Д.* Край Озириса: Египетские очерки. М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1914. 324 с. Отметим также: *Бальмонт К.Д.* Гимны, песни и замыслы древних: Египет, Мексика, Майя, Перу-Халдея, Ассирия, Индия, Иран, Китай, Океания, Скандинавия, Эллада, Бретань. СПб: Пантеон, 1909. 211 с.

<sup>2</sup> *Молчанова Н.А.* Путевые книги И.А. Бунина и К.Д. Бальмонта: «Тень птицы» и «Край Озириса» // И.А. Бунин в диалоге эпох. Воронеж, 2002. С. 57.

<sup>3</sup> Там же. С. 60.

<sup>4</sup> *Разумов И.А.* Культура древних народов как средство выражения мировидения и эстетической позиции в творчестве Х.Ф. Лавкрафта и И.А. Бунина // Молодой ученый. 2019. № 13 (251). С. 317–320.

<sup>5</sup> *Романова К.С.* Рецепция культурных и религиозных реалий востока в путевых очерках Теофиля Готье «Константинополь» и И.А. Бунина «Тень птицы» // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 3. С. 99. Об интересе Бунина к Саади см 2 главу.

Напротив, единственное проявление телесной изможденности монахов в тексте Бунина — это усугубляющаяся по мере нарастания скорости их кружений бледность лица»<sup>1</sup>. Далее исследовательница сравнивает музыкальность у авторов и заключает, что для Готье Восток «дорог <...> своей “непохожестью”, красочной “инаковостью”, напоминающей о себе любой конкретно ощутимой частностью»<sup>2</sup>. Для Бунина, по мнению автора, Восток представлен через призму суфизма и вписан в духовный текст.

Интерес К.С. Романовой к дервишам в творчестве И.А. Бунина подхватят и другие исследователи. Так, например, будут сравнивать очерк «Дервиш» А. Белого из травелога «Африканский дневник»<sup>3</sup> с очерком «Тень Птицы» Бунина. Исследователи приходят к следующему выводу: «в поэтике И. Бунина дервиш — символ внутренней веры человека в истину, стремления экстатического слияния с Абсолютом. Дервиш А. Белого из разряда экзотико-этнографического образа получает символическое содержание связи времен и познания себя»<sup>4</sup>.

Иные исследователи сравнивают стилистические особенности восточных текстов Бунина с державинской традицией<sup>5</sup>; находят много общего в образах паломников в Мекку в творчестве И. Бунина, Н. Гумилева («Африканская охота», «Паломник»)<sup>6</sup> и В. Набокова («Паломник»); исследуют подходы общего мотивного комплекса (отплытие из Одессы на Восток) в текстах Бунина, Гумилева и Кондурушкина<sup>7</sup>; сравнивают бунинский текст с текстами: Е.Э. Картавцева («По

<sup>1</sup> Романова К.С. Рецепция культурных и религиозных реалий востока в путевых очерках Теофиля Готье «Константинополь» и И.А. Бунина «Тень птицы» // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 3. С. 100.

<sup>2</sup> Там же. С. 102.

<sup>3</sup> Ельцова Е.Н., Ел Хадж Салем С.А. Образ дервиша в поэтике Ивана Бунина и Андрея Белого // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2022. № 1 (19). С. 83–101.

<sup>4</sup> Там же. С. 97.

<sup>5</sup> Васильев С.А. Стилиевые традиции Державина в произведениях И.А. Бунина «Иерихон», «Роза Иерихона»: образ Святой земли. С.А. Васильев [Электронный ресурс]. С.А. Васильев [00:33 / 5 января 2013 г.], Императорское Православное Палестинское Общество. URL: <https://www.ippo.ru/ipporu/article/stilevye-tradicii-derzhavina-v-proizvedeniyah-ia-b-200721#t11> (дата обращения: 22.07.2024).

<sup>6</sup> Васильева М.Ю. Художественная специфика очерка Н.С. Гумилева «Африканская охота». Его место в ряду произведений этого жанра других писателей начала XX века (Ив. Бунин «Тень птицы», К. Бальмонт «Край Озириса») // Казанская наука. 2010. № 8. С. 414–419.; Сафиулина Р. Образы паломников в Мекку в интерпретации И. Бунина, Н. Гумилева, В. Набокова // Филология и культура. 2019. № 3. С. 176–181.

<sup>7</sup> Анисимов К.В. «Литературность» травелога: границы родины и границы жанра (мотив отплытия из России у Бунина, Гумилева и других) // Филологический вестник сургутского государственного педагогического университета. 2021. №. 4. С. 81–97.

Египту и Палестине»)<sup>1</sup>, М.М. Пришвина («Женьшень» и «Черный Араб»)<sup>2</sup>, О.Э. Мандельштама («Айя-София»)<sup>3</sup>. Также упомянем собственные работы, в которых «Храм Солнца» сравнивается с «Сирийскими рассказами» С.С. Кондурушкина<sup>4</sup>, травелогами П. Лоти<sup>5</sup>, «Египтом» С.Я. Елпатьевского, и с текстами упомянутых К.Д. Бальмонта и Е.Э. Картавцева<sup>6</sup>. Отдельным лейтмотивом многих работ является сравнение бунинского травелога и поэм Саади. Все эти сравнения позволяют вписать «Храм Солнца» в «восточный» текст русской литературы и проанализировать его в рамках поэтики ориентализма и «путешествия на Восток». В.М. Гуминский отмечает, что маршрут путешествий Бунина на Восток «становится главным и в творческом смысле самым плодотворным»<sup>7</sup>.

Несмотря на структурное сходство многих травелогов: один маршрут, одни и те же достопримечательности, тот же набор историй, легенд и мифов, прочитанных в путеводителях (или услышанных от гидов) — в травелогах есть и отличия. Субъективные переживания писателя-путешественника являются уникальной и неповторимой чертой, воплощение которой мы находим на страницах каждого текста. Писатель всегда свободен в выборе собственного поэтического языка для описания увиденного, встреченного, пережитого. Именно в личных впечатлениях и умении субъективно рассказать свое путешествие находится та художественная особенность травелога, которая делает его неповторимым. Это проявляется в подборе и расположении материала, представленного на страницах произведения. Иными словами, ответом на вопрос:

<sup>1</sup> Анисимова Т.А. Два путешествия и один текст: Е.Э. Картавцев и И.А. Бунин в Каире // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 2 (12). С. 29–36.

<sup>2</sup> Лишова Н.И. Ориентализм в творчестве писателей серебряного века (на материале произведений И.А. Бунина и М.М. Пришвина) // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2015. № 1 (18). С. 30–33.

<sup>3</sup> Самакер Х.Д. «Айя-София» И. Бунина и О. Мандельштама // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 4. С. 66–68.

<sup>4</sup> Щавлинский М.С. «Храм Солнца» И.А. Бунина и «Сирийские рассказы» С.С. Кондурушкина: точки пересечения // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 221–232.

<sup>5</sup> Щавлинский М.С. «Храм Солнца» И.А. Бунина и травелоги о Святой Земле Пьера Лоти // Летняя школа по русской литературе. 2024. Т. 20. № 1–2. С. 73–100.

<sup>6</sup> Анисимов К.В., Щавлинский М.С. Историко-литературный контекст бунинского травелога «Храм Солнца». На фоне кого Бунин «вышел в гении»? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 183–210. См. также: Анисимов К.В. Восточный травелог русской литературы XIX в.: «воображение» имперских окраин и поэтика повествования (предварительные замечания) // Имагология и компаративистика. 2014. № 1. С. 5–21.

<sup>7</sup> Гуминский В.М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М., 2017. С. 193.

почему этот факт (событие) является важным для травелога, а этот факт — нет, почему об этом сказано больше, а об этом меньше — будет ответ: так захотел автор.

Важным аспектом любого травелога становится формулирование задачи путешествия. Путешественник едет за чем-то, ради какой-то цели: посмотреть достопримечательности, совершить паломничество, навестить близких людей и т.д. Писатель, в свою очередь, пишет для чего-то (кого-то), его книга также преследует какую-то цель: описать Восток, зафиксировать сиюминутные переживания, вспомнить путешествие и т.д. Некоторые авторы стремятся передать социально-бытовую и актуально-политическую составляющую их путешествия: скрупулезно фиксируют все детали и нюансы, предлагая дотошному читателю все справки, выкладки, чеки и мнения. Иные писатели смотрят на путешествие через глобальную бинарную оппозицию Я vs Другой, для них путешествие является способом формулирования отношения к себе, к своей культуре, национальности оттолкнувшись от Другого, противопоставив свое — чужому. Третья группа писателей подходит к путешествию как к исторической поездке, — фиксация исторического бытия (здесь случилось это историческое событие, а здесь это) для них выходит на первый план. В такой системе координат ось X — это пространство, а ось Y — это время; писатель, занимая положение на оси X (находясь в конкретной географической точке), движется по оси Y (по линии времени) и выбирает, где остановиться (о каком историческом событии вести рассказ). Четвертая группа писателей, отринув все историко-культурные, социально-бытовые установки, смотрит на другое пространство через призму своего глубоко-личного впечатления, их основная задача — ухватить дух топоса (страны, местности, региона), передать его подлинность.

Для разных задач писатели используют и разный художественный язык описания, разные метафоры и лейтмотивы, которые проходят через весь текст. Одна задача не ограничивает любую другую, как правило, в травелоге мы наблюдаем синтез поэтических установок и языков описания. В этом, на наш взгляд, и состоит одна из главных особенностей «Храма Солнца» Бунина. Писатель стремится занять срединную позицию и, таким образом, его «Храму Солнца» есть

о чем поговорить буквально с каждым травелогом эпохи: обсудить установку на «подлинность» описания с текстами П. Лоти; метафорическое понимание пространства Востока — с С.С. Кондурушкиным и С. Глаголем; социально-бытовые и актуально-политические особенности — с С.Я. Елпатьевским и А.М. Федоровым; историко-мифологические штудии — с Д.Л. Мордовцевым. Именно в таком ключе в главе выстроен сравнительный анализ бунинского текста с травелогам эпохи.

В связи с этим, интересным предметом для исследования становятся отзывы современников (личные и публичные) на травелог писателя. «Храм Солнца» Бунина получил широкое освещение в печати и подробное обсуждение в письмах. Ключевой видится переписка с П.А. Нилусом (см. Приложение 2 и параграф 3.2), где писатель весьма интересным образом определяет место бунинского травелога и дает личные рекомендации о том, какие изменения можно внести в текст очерков. В том числе, письмо Нилуса может быть рассмотрено как главный образчик критики — ее квинтэссенция. Разноплановость критики подчеркивает многообразие бунинского текста.

### 3.1. Рецепция «Храма Солнца» современниками

Современники с интересом встретили бунинские очерки: реагировали на «свежие» отдельные публикации, на группы очерков или на изданные книги, где все очерки были представлены вместе как единое целое. Отзывы современников создали бунинскому травелогу репутацию одного из главных текстов о Востоке<sup>1</sup>. Многие критики обсуждали художественные достоинства книги, но самой животрепещущей темой стало мнение Бунина о России. На него, отреагировали почти все. Также отметим, что многие очерки Бунина публиковались в сборниках

<sup>1</sup> Многие отзывы представлены целиком или фрагментарно в следующих работах: Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909 / сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 943 с.; Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2. 1910–1919/ сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 1183 с.; Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы): антология / под общ. ред. Н.Г. Мельникова. М.: Книжница: Русский путь, 2010. 926 с.

и альманахах, где помимо Бунина были и другие громкие имена<sup>1</sup>, что, в свою очередь, подстегивало внимание критиков и читателей.

На сборник «Земля», где был опубликован первый восточный очерк Бунина, — «Тень Птицы» — отреагировали многие современники. Например, Н.Е. Поярко<sup>2</sup>, писал: «Красивое пятно сборника — “Тень птицы” Ив. Бунина. Это путевые впечатления о поездке в Константинополь, впечатления своеобразно пережитые, интересно записанные»<sup>3</sup>. Н.Л. Геккер назвал очерк чем-то отвлеченным от настоящей литературы и также припоминал слова о родине: «Бунину, видимо, также делать нечего в нашем невеселом отечестве. В этом последнем есть что-то фатально тяжелое, что отгоняет от себя творческое внимание художника и переносит его на темы экзотические, доисторические и чужеземные. <...> У г. Бунина это временное настроение совпадает с основным тоном его духовного склада и с общим его настроением»<sup>4</sup>.

Мережковский тоже оказался в числе недовольных общественной позицией Бунина — рассуждая о судьбах России он цитирует бунинский пассаж из «Тени Птицы»<sup>5</sup> и сопровождает его ироничным замечанием о том, что все современные и талантливые писатели повадились не любить Россию<sup>6</sup>. Вообще высказывание Бунина о современной России, о революции и родине — явно стимулировали

<sup>1</sup> Так, например, в сборнике «Друкарь» (1910), где напечатан очерк Бунина «Иудея», представлены: краткая заметка Л.Н. Толстого, публикация писем А.П. Чехова (подгот. М.П. Чеховой), произведения Н.Н. Златовратского, В.В. Вересаева, Б.К. Зайцева, А.С. Серафимовича, Скитальца, Е.Н. Чирикова и других.

<sup>2</sup> Отметим, что критику сборник прислал лично Бунин, в ответном письме Н. Поярко писал: «Спасибо за книгу “Тень Птицы”. Сборник издан прекрасно, прочитав его, напишу статью в “Утро”» (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 720).

<sup>3</sup> Поярко Н.Е. Однодневки. Критические этюды. Сборник «Земля» и др. (VII) // Утро. 1908. 27 февр. (№ 375). С. 3. — Рец. на сб. «Земля» (М., 1908).

<sup>4</sup> Геккер Н.Л. Еще о «Земле». Первый сборник «Московского книгоиздательства» // Одесские новости. 1908. 22 февр. (№ 7449). С. 2. Однако позднее, в 1914 г., Н.Л. Геккер будет хвалить очерки Бунина: «о них <об очерках> можно сказать то же, что и о прежних рассказах: хороши они и читаются с удовольствием» (Геккер Н.Л. Литературные заметки [Рец. на кн.: Бунин И.А. Золотое дно. М., 1914] // Одесские новости. 1914. 16 февр. (№ 9271). С. 6).

<sup>5</sup> «Одеваешься возле открытого люка, в который тянет апрельской свежестью моря, — и с радостью вспоминаешь, что Россия за триста миль от тебя. Ах, никогда-то я не чувствовал любви к ней и, верно, так и не пойму, что такое любовь к родине, которая будто бы присуща всякому человеческому сердцу! Я хорошо знаю, что можно горячо любить тот или иной уклад жизни, что можно отдать все силы на созидание его... Но при чем тут родина? Если русская революция волнует меня все-таки более, чем персидская, я могу только сожалеть об этом! И воистину благословенно каждое мгновение, когда мы чувствуем себя гражданами вселенной!» (Бунин И.А. Тень птицы // Земля: Сб. 1. (январь). М., 1908. С. 233). В эмигрантских изданиях абзац был исключен (см. параграф 1.3).

<sup>6</sup> «В чем же дело? Почему именно тут, в любви к России, между Чеховым и нынешними <писателями> — такая пропасть? Отчего, когда они любят Россию, то кажется, что уж лучше бы не любили? А дело вот в чем: <Мережковский приводит бунинскую цитату о России> <...> Это говорит Бунин («Тень птицы» в сборнике «Земля», 1908 г.), очень талантливый писатель; да нынче все талантливы, кажется, скоро, чтобы не быть, как все, надо будет не иметь таланта» (Мережковский Д.С. Асфодели и ромашка // Речь. 1908. 23 марта (№ 71). С. 3).

обсуждение «Тени Птицы». Например, А.Н. Ачкасов, в целом похвалил очерк, но упрекнул Бунина за модернизм заглавия и все за ту же фразу о России и русской революции: «...несмотря на свое название “в стиле modern”, представляет невинные путевые заметки, и живописуют с тою тонкою наблюдательностью, которою отличается этот даровитый поэт, Константинополь и дорогу к нему по Черному морю. На сей раз он вопреки своему обыкновению откликается и на общественные темы. Напрашивается на возражение замечание автора о любви к отечеству <...>. На это можно возразить: космополитизм идей — признак высшей культуры, но нельзя этого сказать о космополитизме чувств уже потому, что он действительно мало свойствен человеческой природе»<sup>1</sup>.

Другой бунинский современник Б.А. Садовский в 1909 г., откликаясь рецензией на 5 том бунинских рассказов, сравнил Бунина с Чеховым, а очерк «Тень Птицы» с «Островом Сахалином»<sup>2</sup>. Ю.А. Веселовский оценил другой очерк Бунина: «“Зодиакальный свет” — интересные, колоритные воспоминания из поездки по Египту»<sup>3</sup>. Красноречиво о высокой оценке очерков из «Храма Солнца» современниками может свидетельствовать следующий отзыв — выставляя в 1909 г. кандидатуру И.А. Бунина на звание почетного академика по разряду изящной словесности Императорской Академии наук, К.К. Арсеньев в записке-представлении пишет: «Много оригинального и свежего представляют и его путевые заметки <...> “Тень птицы”, “Зодиакальный свет”», записку подписывают Н.А. Котляревский и Д.Н. Овсяннико-Куликовский<sup>4</sup>. Любопытно, что в этот же год появилась даже пародия на «Пустыню дьявола», выдержанная в дружественных тонах<sup>5</sup>.

На сборник «Друкарь» (1910), где впервые была опубликована бунинская «Иудея», также последовало множество откликов. Так, например, П.М. Пильский

<sup>1</sup> Ачкасов А.Н. [Рец. на сб. «Земля» (М., 1908)] // Киевская мысль. 1908. 18 марта (№ 78). С. 2.

<sup>2</sup> Садовской Б.А. [Рец. на кн.: Бунин И.А. Рассказы (Сочинения. Т. 5). СПб.: Знание, 1909] // Весы. 1909. № 5. С. 86.

<sup>3</sup> Веселовский Ю.А. [Рец. на сб. «Слово» (М., 1908)] // Русские ведомости. 1909. 30 июня (№ 148). С. 3.

<sup>4</sup> Цит. по: Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 802.

<sup>5</sup> Отшельник. Рождественская проза: (Дружеские пародии). И. Бунин. Пустыня дьявола // Утро России. 1909. 29 дек. (№ 68–35). С. 3. Возможно, под псевдонимом Отшельник писал Илларион Александрович Тихомиров (1861–1933) — краевед, историк, археолог, искусствовед. (См.: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов. Т. 2. К–П. М., 1957. С. 306).

из всего сборника особенно отметил «интересные очерки Бунина (“Иудея”))»<sup>1</sup>. А.А. Измайлов писал: «красивы впечатления Бунина, вынесенные из Иудеи. <...> У Бунина — прямо прекрасный, удивительно идущий к сюжету стиль»<sup>2</sup>. С. Яблоновский оценил в писателе талант пейзажиста: «Бунин <...> пейзажист, но пейзажист единственный, еще не бывалый в русской поэзии по верности рисунка, верности красок, по необыкновенному знанию природы, по умению подмечать в ней то, чего еще не подмечали до него»<sup>3</sup>. Вышеуказанным критикам вторит и неизвестный<sup>4</sup> рецензент: «хорош путевой очерк “Иудея” И. Бунина, показывающий, как нужно писать заметки о путешествиях»<sup>5</sup>. В.Л. Львов-Рогачевский указал (как и П.А. Нилус в письмах, см. Приложение 2) на «описания из окна поезда» и «надуманность»: «В путевых же картинах И. Бунина иногда чувствуется погоня за передачей “местного колорита”. Некоторые сравнения искусственны и не дают образа <...> Проза этого тома дает описание Иудеи, вас даже утомляет обилие картин и пестрота красок. Не слишком ли много места уделяют наши художники Иудее с ее тощими посевами, ржавой, каменистой землей и красными маками?»<sup>6</sup>. Ю.И. Айхенвальд, наоборот, восхищался широтой художественных тем в творчестве Бунина: «у Бунина звучат и мотивы экзотические, что не только земля и далекие земли, но и <...> храм Солнца, и египетские сфинксы — все находит в нем певца и глашатая»<sup>7</sup>.

На наш взгляд, самые содержательные и меткие наблюдения оставили модернисты. Такую реакцию можно объяснить, во-первых, тем, что Восток — традиционный модернистский топос; во-вторых, сравнением современных поэтов

<sup>1</sup> *Петроний [Пильский П.М.]*. Новости литературы. Писатели — «друкарям» // Одесские новости. 1910. 3 янв. (№ 8007). С. 1.

<sup>2</sup> *Измайлов А.А.* Литературные беседы // Русское слово. 1910. 5 февр. (№ 28). С. 2. — Рец. на сб. «Друкарь» (М., 1910).

<sup>3</sup> *Яблоновский С. [Потресов С.В.]*. Фундамент // Русское слово. 1909. 6 дек. (№ 279). С. 2. — Рец. на сб. «Друкарь» (М., 1910).

<sup>4</sup> Установить кто скрывается под инициалами И.П. — не удалось. В словаре псевдонимов И.Ф. Масанова указано 40 авторов с такими инициалами. (См.: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов. Т. 1. А-И. М., 1956. С. 411–412).

<sup>5</sup> *И.П.* [Рец. на сб. «Друкарь» (М., 1909)] // Утро России. 1909. 24 дек. (№ 66–33). С. 8.

<sup>6</sup> *Львов-Рогачевский В.Л.* [Рец. на: Т. 6. Собр. соч. Стихотворения 1907–1909 гг. Рассказы (СПб., 1910)] // Современный мир. 1910. № 10. С. 158.

<sup>7</sup> *Айхенвальд Ю.И.* Иван Бунин: (Его стихотворения) // Силуэты русских писателей. М.: Изд. «Научного слова», 1910. Вып. III. С.123. Позднее критик повторил это мнение и в переизданиях (См.: *Айхенвальд Ю.И.* Силуэты русских писателей. М., 1913).

с плутами и актерами «холодно доводящими себя до головокружения»<sup>1</sup>. Весьма болезненный «удар» нанес М.А. Кузмин, сказав, что очерки Бунина не только не достигают описаний «Лоти, но даже Евг. Маркова и походят скорее к стилю Мордовцева или даже Немировича-Данченко», а в стихах Бунин «стремится к очень умеренному парнализму Фр. Коппэ»<sup>2</sup>. И. Анненский увидел травелог, не выходящий за пределы путеводителей Бэдекера и Грельфеса, а также указал на «дешевую эрудицию латинских цитат»<sup>3</sup>.

Такую же претензию «доморощенному поэту» Бунину, который «променял родное очарование Орловской губернии на чуждые красоты специфического Востока», высказал А.А. Бурнакин, не оценивший в целом бунинского увлечения востоком и определивший это увлечение как «начало конца» Бунина-писателя. Статья А.А. Бурнакина — одна из самых объемных. Критик собрал в своем отзыве все те претензии, которые были высказаны другими (некоторые он буквально повторил за авторами рецензий), а также собственные негативные оценки. Последние отчасти напоминают критику П.А. Нилуса. А.А. Бурнакин «записал» Бунина в ряды символистов, рядом с Бальмонтом. Критик весьма подробно проанализировал восточную поэзию и очерки Бунина: «Море богов», «Зодиакальный свет», «Иудея». В том числе, Бурнакин явно был знаком с отзывами Кузмина (февраль 1910) и Анненского (1909), так как использовал их перечень имен для сравнения: Лоти, Марков, Немирович-Данченко, Бедекер<sup>4</sup>. Бурнакин сравнивает Бунина с декадентами (в его системе представлений сравнение это явно негативное) и ставит следующие вопросы в своей статье: «Что это, с чего это?»

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 128.

<sup>2</sup> Кузмин М.А. Заметки о русской беллетристике // Аполлон. 1910. № 5 (февраль). С. 55.

<sup>3</sup> Анненский И. Отзывы о книгах [Иван Бунин <...> Том пятый. Рассказы. СПб., 1909. 233 с.] // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. № 2. С. 237. Отметим, что латинские цитаты (точнее даже одна цитата, повторенная дважды) у Бунина встречаются вначале очерка «Тень Птицы»: «Quocumque adspicias nihil est nisi pontus et aer» (Бунин И.А. Храм солнца. Пг., 1915. С. 100, 103). Неточная цитата (правильно: Quocumque aspicio, nihil est nisi pontus et aer) из «Скорбных элегий (Tristia)» Овидия (книга 1, элегия 2, стих 13). «Скорбные элегии» созданы поэтом в последние десять лет жизни в городе Томы (ныне Констанца, Румыния). Куда отправил его в ссылку император Август. Перевод: «Куда бы я ни посмотрел, нет ничего, кроме моря и воздуха» (лат.). Именно об этой цитате говорит Анненский. Вторая и последняя (и тоже повторенная дважды) цитата встречается в «Геннисарете» при описании Базилики Рождества Христова в Вифлееме: «Hic de Virgine Maria Iesus Christus natus est» — здесь Девой Марией рожден Иисус Христос (лат.). (Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 216). Так латинские цитаты опоясывают бунинский текст.

<sup>4</sup> Статья является малоизвестной, не анализировалась раньше и не представлена в бунинской библиографии.

Какая нелегкая их дергает, какой бес в них вселился? Почему лучшие русские поэты отвернулись от России? Пускай в бегах вся корпорация символистов с Бальмонтом во главе — у этих господ прогрессивный паралич чувства родины. Но почему кажет спину Иван Бунин, доморощенный поэт по преимуществу? <...> Что, наконец, милого, близкого, отрадного нашел его тихозадумчивый взор в горячечных декорациях аффектированного Востока?»<sup>1</sup>.

О прозе критик написал следующее: «Занявшие большую часть шестого тома путевые рассказы (“Иудея”, “Храм Солнца”, “Пустыня дьявола”) ни больше, ни меньше, как нагромождение зрительных впечатлений, торопливая лента кинематографа, раздражающая глаз пестрота, утомляющая внимание однообразность приема <...>. Поэтическое “прозрение” Бунина теперь уже не идет дальше претенциозного пользования цитатами из Библии и Корана, да фальшивых лирических отступлений в духе позапрошлогоднего богоискательства. Как ни силится наш путешественник воссоздать библейский мир, как ни затушевывает, ни отодвигает современную христианскую “иконостасную” Палестину, — не воскресают праотцы и пророки, не улыбается Божественный Отрок, не звучат голоса древности, нет живого дыхания в паноптикуме И. Бунина, хоть и весьма усердствует автор в роли осведомленного гида, хоть и устремляются с жаром в исторические и иные экскурсы. <...> Иван Бунин должен был тем более серьезно отнестись к своей описательной задаче, что ему приходится соперничать в изображении Палестины с такими специалистами, как Евг. Марков и П. Лоти <...>. Впрочем, в шестом томе ослабевают и обычные свойства осторожного пера И. Бунина, на смену пришли дилетантизм и торопливость, куда ни глянешь — размах по Бедкеру, выполнение по Немировичу-Данченко, мазки да штрихи, блики да полоски, да риторические восклицания доверчиво-восхищенного туриста»<sup>2</sup>. Далее Бурнакин анализирует иные тексты из 6 тома и заключает свой обзор, констатируя, что и Бунин потерян, не устоял перед соблазном декадентства и «поддался волчьим посулам, но и от него остались одни косточки»<sup>3</sup>, а он —

<sup>1</sup> Бурнакин А.А. Литературные заметки. Начало конца // Новое время. 1910. 27 авг. (№ 12377). С. 4.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

Бурнакин — «один-одинешенек хоронит... останки последнего утешения, последней надежды!»<sup>1</sup>.

Учитывая литературную репутацию Бурнакина, который, по определению В.Я. Брюсова, был известен своим «литературным хулиганством» и резкими оценками современников на страницах печати<sup>2</sup>, тональность его отзыва о Бунине не удивляет. Однако его впечатление от очерков, как от текстов, написанных посредством путеводителей, перекликается с нашим исследованием. Бурнакин — явно внимательно прочитавший бунинские тексты — вторит мнению Кузмина и Анненского, поместивших текст Бунина в список известных путеводителей; говорит о том, что Бунин пользуется учебными пособиями при создании текста; сравнивает Бунина с Бальмонтом, тем самым закрепляя точку зрения модернистов: Бунин написал художественно слабый путеводитель. По мнению Бурнакина, восток как художественное направление мысли абсолютно не подходит Бунину и разрушает в нем все то хорошее, что было как в прозе, так и в поэзии.

Позднее критики, видимо, сдержаннее стали реагировать на бунинское увлечение востоком. Например, А. Станкевич, в обзорной статье на творчество Бунина так отзывался об очерках писателя: «Это удивительно тонкие и нежные рисунки. <...> Все эти очерки лучше рассказов вскрывают сущность эстетического мирозерцания Бунина»<sup>3</sup>. Иные критики оценили в прозе Бунина позицию наблюдателя, тонкость переданного воспоминания<sup>4</sup>, любовь к экзотике и остроту зрения<sup>5</sup>.

Однако некоторые оценки Бурнакина по-прежнему разделялись современниками, считавшими очерки Бунина вторичными и «модными», отвлекающими и уводящими в сторону — случайным увлечением и капризом писателя. К. Чуковский, в целом положительно оценивавший талант Бунина, относительно восточных мотивов пишет следующее: «Одно время Бунин

<sup>1</sup> Бурнакин А.А. Литературные заметки. Начало конца // Новое время. 1910. 27 авг. (№ 12377). С. 4.

<sup>2</sup> См. о нем подробнее: Магомедова Д.М. Бурнакин А.А.: биографическая справка // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 370.

<sup>3</sup> Станкевич А. Певец осени. И.А. Бунин // Южный край. 1912. 29 окт. (№ 11064). С. 3.

<sup>4</sup> Доброхотов А. Изящный пессимизм // Оренбургский край. 1913. 2 февр. (№ 28). С. 2.

<sup>5</sup> Войтоловский Л.Н. И.А. Бунин. (К 25-летию юбилею) // Киевская мысль. 1912. 29 окт. (№ 300). С. 2.

устремился к восточной экзотике, к мускусу, алоэ, дзаригу, но это лишь случайный эпизод его творчества»<sup>1</sup>.

Подробнее высказался А.Б. Дерман — в статье о Бунине он пристальное внимание уделил уникальности художественного зрения писателя: «Свойство художнического зрения Бунина выступает в его сочинениях буквально на каждом шагу»<sup>2</sup>. Далее А.Б. Дерман подробно описывает цветовую палитру у Бунина и говорит, что это намеренное авторское свойство. Особое внимание критик уделяет «Тени Птицы» и даже с досадой пишет: «нигде и ни разу не описал он с таким умилением и с такой нежной изобразительной силой молящихся у себя на родине, как молитву мусульман в очерке “Тень птицы”, поражающем глубоким проникновением в смысл каждого молитвенного телодвижения мусульманина»<sup>3</sup>.

Бунинские оценки России («Тень Птицы») и русских паломников («Иудея») вызывали реакцию критиков на протяжении 1900–1910-х. Так, например, М.Ю. Левит в статье «И.А. Бунин» (1916) вновь возвращается к этой теме и защищает писателя, объясняя известный пассаж о России, критик пишет: «что же другое, как не тяга к асоциальности, вневременности, к универсальному, к космосу, — могла дать ему достаточно мужества для того, чтобы отвернуться?»<sup>4</sup> М.Ю. Левит считает, что увлечение востоком обогатило писателя, его поездки позволили ему иначе, еще глубже взглянуть на реальность России. Кроме того, он видит в этом путешествии перерождение Бунина. Сопровождая свои размышления большим количеством цитат из разных очерков, критик заключает: «он покидает Россию, с ее волнующими проблемами, <...> и вдали, на Востоке, таинственном и прекрасном, творит эту незабываемую, единственную книгу — путевые поэмы — “Храм солнца”, гимн космосу, красоте, свету. <...> Новый Бунин рождается: светлый, спокойный, с закаленной душой, близкий миру, но далекий человеку, любящий жизнь, но презиравший подобие ее, отказавшийся от творчества-

<sup>1</sup> Чуковский К. Смерть, красота и любовь в творчестве И. А. Бунина // Нива. 1914. № 49 (дек.). С. 948.

<sup>2</sup> Дерман А.Б. И.А. Бунин // Русская мысль. 1914. № 6. С. 71.

<sup>3</sup> Там же. С. 74. См. также параграф 2.3.5., где мы привели комментарий А.Б. Дермана, к фрагменту из «Иудеи» о бунинских сомнениях в подлинности веры русских паломников.

<sup>4</sup> Левит М.Ю. [Левидов М.] И.А. Бунин // Новый журнал для всех. 1916. № 4/6. С. 43.

исповеди, и пришедший к творчеству — чекану души, материалом для которого послужит вещественный, объективный мир»<sup>1</sup>.

Эмигрантская критика исключительно положительно восприняла переиздание книги Бунина. В основном реагировали на отдельное издание 1931 г. под заглавием «Тень Птицы». Будущего Нобелевского лауреата превозносили за художественную силу поэтического языка и ставили в один ряд с писателями-классиками. Особенно яркую и восторженную рецензию написал П.М. Бицилли, сравнив это произведение с романами Л.Н. Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина»<sup>2</sup>. Кроме того, Бицилли подмечал общие черты между Буниным и Шатобрианом, но оговаривался, что сравнивает именно писателей, а не их книги, считая обоих вынужденными странниками. Главная идея Бицилли в том, что Бунин абсолютно верно уловил суть древнего Востока, а потому его книга лучше любого комментария к Библии: «для понимания Библии никакой реально-исторический комментарий к ней не дает столько, сколько маленькая книга Бунина: ибо, повторяю, не может быть никаких сомнений в том, что прочесть ее — это все равно что увидеть воочию все то, что увидел сам ее автор»<sup>3</sup>.

И.П. Демидов сказал, что «автор, когда создавал ее <книгу>, описывал не путешествие, а паломничество странника, “взыскующего” на земле Бога и Человека»<sup>4</sup>. Особенно удивил критика «язык книги особый, такого не встретишь теперь в русском Зарубежье — им уже не пишут, его ритм “великодержавен”, торжественен, слишком спокоен для эмиграции <...>. На этот язык тоже пала тень птицы Хумай и “принесла ему царственность и бессмертие” — сокровище, вывезенное И.А. Буниным из России и сохраненное в изгнании»<sup>5</sup>. Способность писателя-путешественника сочетать в своем тексте так много культур и религий «слилось в единый поток “прекрасной жизни” и “красоты мира” — в чекан души

<sup>1</sup> Левит М.Ю. [Левидов М.] И.А. Бунин // Новый журнал для всех. 1916. № 4/6. С. 42–48.

<sup>2</sup> Бицилли П.М. [Рец. на кн.: Бунин И. А. Тень Птицы. Париж, 1931.] // Современные записки. 1931. № 47 (сент.). С. 493. См.: Шатобриан Г. Путешествие из Парижа в Иерусалим через Грецию, и обратно из Иерусалима в Париж через Египет, Варварию и Испанию: в 2 т. Т. 1. СПб., 1815. 298 с.

<sup>3</sup> Там же. С. 493–494.

<sup>4</sup> Демидов И.П. [Рецензия] // Последние новости. 1931. 28 мая (№ 3718). С. 2. — Рец. на кн.: Бунин И.А. Тень Птицы. Париж, 1931.

<sup>5</sup> Там же.

всего человечества»<sup>1</sup> (последний тезис звучит как ответ дореволюционным критикам). И.П. Демидов также был тем редким критиком, который упомянул о «Городе Царя Царей» в составе «Храма Солнца». Г.В. Адамович, как и все критики-эмигранты, похвалил очерки, художественный язык описания и сказал, что «книга проникнута сосредоточенной, острой мыслью»<sup>2</sup>. П.М. Пильский<sup>3</sup> оценил точность художественного слова и наблюдательность писателя: «Бунин — неутомимый путешественник. В своих скитаниях он еще и мудр. “Храм Солнца” — альбом замечательного наблюдателя, с исключительно внимательными глазами»<sup>4</sup>.

Подводя итог, можно заметить, что общая реакция современников на «Храм Солнца» была положительной. Отрицательные отзывы Бунин получил только от строгих и язвительных критиков-модернистов и по поводу высказанного мнения о России. В целом, современники высоко оценили дарование Бунина, увидели в нем непревзойденного пейзажиста, художника слова, умеющего показать тысячи цветовых оттенков, холодного, отстраненного наблюдателя и знатока Древнего Востока. Характерным кажется и разница в оценке Бунина как популярного писателя 1900–1910-х гг. и Бунина как первого писателя русской эмиграции 1930-х гг. Если мнения о дореволюционных публикациях очерков из «Храма Солнца» были самые разные, то в эмиграции к новым редакциям книги отношение было почти апологетическим. Видимо, в первую очередь, это объясняется статусом Бунина, но, возможно, и существенной правкой издания 1931 г., в которой, в том числе, отсутствует пассаж о России. Может быть, в данном случае, дореволюционная критика повлияла на текстологические решения Бунина-эмигранта.

<sup>1</sup> Демидов И.П. [Рецензия] // Последние новости. 1931. 28 мая (№ 3718). С. 2.

<sup>2</sup> Адамович Г. «Тень птицы» Бунина // Иллюстрированная Россия. 1931. 20 июня (№ 26). С. 13.

<sup>3</sup> П. Пильский в 1935 г. напишет еще одну рецензию, предвзятое издание «Храма Солнца» 1936 г., где повторит этот же тезис. За предоставление рецензий П. Пильского автор выражает благодарность Антону Владимировичу Бакунцеву. (См.: Пильский П.М. Иерусалим — Восток — Москва. Новый том собрания сочинений И.А. Бунина «Храм солнца» // Сегодня. 1935. 21 дек. (№ 351). С. 3).

<sup>4</sup> Пильский П.М. Восток, Иерусалим, Иудея, Город Царя Царей: (О новой кн. И. Бунина «Тень Птицы») // Сегодня. 1931. 1 июня (№ 150). С. 6.

### 3.2. Диалог И.А. Бунина, А.М. Федорова и П.А. Нилуса о Востоке

Отношения трех друзей-писателей: П.А. Нилуса, А.М. Федорова и И.А. Бунина — весьма интересная и, к сожалению, малоизученная тема<sup>1</sup>. Большое количество архивных документов, корреспонденции еще требуют своего исследователя. Тесное творческое взаимодействие трех друзей не вызывает сомнений. По этой причине кажется продуктивным сравнить несколько текстов: 1) книгу Бунина «Храм солнца (1915) и первые публикации очерков; 2) письма П.А. Нилуса с подробными отзывами об очерках Бунина; 3) три книги Федорова: «На восток» (1904), «За океан» (1909) и «Солнце жизни» (1913). Федоровские книги, с некоторыми оговорками, можно расположить на хронологической шкале относительно «Храма Солнца» следующим образом: 1) травелог «На восток» написан до «Храма Солнца»; 2) Роман «За океан» написан почти в то же время, что и первые очерки «Храма Солнца»; 3) книга «Солнце жизни» написана после публикации основных очерков «Храма Солнца», но до публикации книги целиком. Таким образом, мы хотели бы предложить параллельное прочтение текстов Федорова, книги Бунина и писем Нилуса. При таком анализе можно обнаружить не только очевидные, но и скрытые параллели. Вероятно, многое из того, что было использовано Федоровым и Буниным для создания своих травелогов, было темами их бесед.

Как мы отмечали ранее, Бунин увлекся Востоком в 1895 г. В том же году он познакомился с А.М. Федоровым, и Восток стал общей темой бесед и творчества обоих писателей. В 1897 г. писатели обдумывали совместную поездку на Алтай, но она не состоялась<sup>2</sup>. Т.М. Двинятина пишет: «при непосредственном участии Федорова рождался и развивался интерес Бунина к Ближнему и Дальнему Востоку. <...> в 1895 г. Федоров выпустил свой перевод поэмы английского поэта Эдвина Арнольда “Свет Азии” (1879) <...> и трудно не увидеть отблеска интереса к этой

<sup>1</sup> Укажем на существующие работы. См.: *Двинятина Т.М.* И.А. Бунин и А.М. Федоров: к истории творческих отношений // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. С. 43–50.; *Бажин И.Д.* Бунин и Нилус // Литературное наследие. Т. 84: Иван Бунин: [Сборник материалов]: в 2 кн. Кн. 2. С. 424–435.; *Зимина-Дырда Т.Ю.* Поэтика цвета и света в прозе И.А. Бунина, П.А. Нилуса и А.М. Федорова): дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 227 с.  
<sup>2</sup> *Бунин И.А.* Письма 1885–1904 годов. М., 2003. С. 237–238.

теме в творчестве Бунина 1910-х гг.»<sup>1</sup>. В 1903 г. Бунин пытается помочь Федорову опубликовать переиздание «Света Азии»: общается с Пятницким и Горьким по этому поводу, однако безрезультатно<sup>2</sup>. Любопытно и то, что помимо перевода Федорова, Бунин познакомился с этой поэмой в переводе А. Анненской под ред. В. Лесевича, с предисловием и введением последнего (СПб.: В.А. Тиханов, 1890)<sup>3</sup>. Об этом свидетельствуют бунинские наброски<sup>4</sup> — в них писатель цитирует предисловие к книге.

Когда Бунин в 1903 г. совершал свое первое восточное путешествие в Константинополь, опытный путешественник Федоров, имевший «страсть к скитаниям»<sup>5</sup>, уже проплыл от Одессы до Владивостока, результатом этого путешествия стала книга «На восток» (1904)<sup>6</sup>. 12 июля 1904 г. А.М. Федоров писал Бунину: «В сентябре я поеду в Петербург, буду издавать книги <...> Ах, да! Еще одну книгу — “Путешествие на Восток”, которое окончено печатанием в “Роднике”»<sup>7</sup>.

Учитывая то, что Бунин и Федоров постоянно дарили друг другу собственные книги, с большой вероятностью можно предположить, что книгу «На восток» Иван Алексеевич прочитал<sup>8</sup>. В книге полностью повторен маршрут путеводителя Добровольного флота<sup>9</sup>: Одесса — Босфор — Константинополь — Порт-Саид — Суэц — Индийский океан — Цейлон — Сингапур — Порт-Артур —

<sup>1</sup> Двинятина Т.М. И.А. Бунин и А.М. Федоров: к истории творческих отношений // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. С. 48–49.

<sup>2</sup> Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 501, 511.

<sup>3</sup> Арнольд Э. Свет Азии. / Перев. А. Анненской под ред. В. Лесевича, с его предисл. и введением, редактированным им же. СПб: тип. и лит. В.А. Тиханова, 1890. СШ, 238 с.

<sup>4</sup> Литературное наследство. Т. 110: И.А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 1. М., 2019. С. 141, 144.

<sup>5</sup> Так охарактеризовал себя сам А.М. Федоров в ненапечатанной автобиографии. (См.: Аникеева Ю.Н. Федоров Александр Митрофанович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 6: С–Ч. М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 410).

<sup>6</sup> Федоров А.М. На восток. СПб., 1904. 223 с. Очерки публиковались в журнале «Родник» на протяжении 1904 г.

<sup>7</sup> Федоров А.М. Степь сказалась. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1981. С. 266.

<sup>8</sup> Бунин, как известно, читал очень многие (если не все) произведения Федорова. Писатели постоянно обменивались книгами еще на этапе рукописных вариантов, затем дарили друг другу вышедшие книги. Сведения об этом мы находим в переписке писателей. Вероятно, эту книгу Бунин получил от Федорова при личной встрече. Ряд косвенных деталей, указывает на то, что Бунин читал «На восток» Федорова. Так считает и Т.М. Двинятина, указывающая на чтение Буниным «восточных» стихов Федорова (см.: Двинятина Т. М. И. А. Бунин и А. М. Федоров: к истории творческих отношений // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. С. 49).

<sup>9</sup> Карант Г.Н. На Дальний Восток из Одессы: Плавание Добровольного флота. Одесса: Г.Н. Карант, 1902. 72 с.

Амоэ — Нагасаки — Тихий океан — Россия<sup>1</sup>. Однако писатель этого и не скрывает, связь с Добровольным флотом озвучена им сразу<sup>2</sup>. Последние главы в книге Федорова названы «В Японии», «Нагасаки» и «Тихий океан» — это цель, ради которой совершается путешествие, смысл поездки. Таким образом, мы можем прочесть книгу Федорова как реализованный вариант бунинской «заветнейшей мечты». Очевидными топосами для сравнения становятся: Черное море, Босфор, Константинополь, Дарданеллы, обобщенный Египет (Порт-Саид, Суэц, Александрия и Каир) и Цейлон.

Очерк Федорова начинается в порту Одессы. Пароход воспринимается им как живой организм<sup>3</sup>, а мотив отплытия описан через метафору «порывания» с родиной («Всякая связь с берегом была порвана»<sup>4</sup>), но в окружении «родных» и связь с родиной сохраняющих быков, индюков, кур<sup>5</sup>. Как мы уже отмечали выше, у Бунина была страсть к пароходам и кораблям<sup>6</sup>. Нилус и Федоров, по-видимому, этот интерес разделяли<sup>7</sup>. Наверное, ярче всего интерес к пароходу как к живому организму у Бунина проявится в «Господине из Сан-Франциско», однако и в первом очерке «Храма Солнца» — в «Тени Птицы» — портовая суэта явно увлекает повествователя и создает настроение путешествия. У Бунина, как и у Федорова, пароход «порывает связь» с землей (берегом): «с грохотом сдвинув с себя сходни, пароход сразу порвал всякую связь с землей»<sup>8</sup>. При этом путешествие

<sup>1</sup> Ср. с главами у А.М. Федорова: На палубе <здесь описана и Одесса> — В путь — Черное море — Босфор — Константинополь — Дарданеллы — Средиземное море — Порт-Саид — Суэцкий канал — Суэц — Красное море — Гибель «Дедалоса» — Под тропиками — Индийский океан — Тропические грозы — Остров Цейлон — Малайский пролив — Сингапур — На волосок от гибели — Амоэ — Тайфун — Порт-Артур — Китайский театр в Порт-Артуре — Город Дальний — В Японии — Нагасаки — Тихий океан.

<sup>2</sup> Федоров А.М. На восток. СПб., 1904. С. 5.

<sup>3</sup> Федоров А.М. На восток. СПб., 1904. С. 11, 13–14, 19. Далее в книге появляется отдельная глава «Гибель “Дедалоса”» (Там же. С. 90–95) — история про кораблекрушение судна в Красном море. В главе корабль также описан как живой организм, как раненое животное (С. 95). Эта метафора определяет образный строй всей главы.

<sup>4</sup> Там же. С. 11.

<sup>5</sup> Там же. Быки и куры будут пунктирно проявляться и позднее в книге (см. Там же. С. 136).

<sup>6</sup> «Это ведь его пункт помешательства» — отмечал Н.А. Пушкин в письме к Ю.А. Бунину (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2. 1910–1919. М., 2017. С. 164. Отметим и бунинское стихотворение «В порту» («Огромный, красный, старый пароход...»), 1906 г.

<sup>7</sup> Так, например, Федоров писал во время одного из своих путешествий: «я, в сущности, люблю пароходный запах и даже часто, живя на суше, хожу на пароходы, чтобы подышать их воздухом, напоминающим мне мои скитания по разным водам» (Федоров А.М. За океан. СПб., 1909. С. 40).

<sup>8</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 101. Отметим, что в первой публикации 1908 г. было иначе: «пароход сразу разорвал всякую связь с землей» (Бунин И.А. Тень птицы // Земля: Сб. 1. (январь). М., 1908. С. 232). См. также: См.: Анисимов К.В. Порывая «всякую связь с землею». Орнитология бунинского травелога «Тень птицы»: поэтика и смысл // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 454. С. 5–11.

пароходами Добровольного флота, на которых часто перевозили скот<sup>1</sup> во Владивосток, у обоих авторов связана с ощущением привычного деревенского.

По прибытии к турецким берегам Федоров, первым делом, как потом и Бунин, обращает внимание на большое количество кладбищ и могил в Константинополе и на то трепетное отношение, которое испытывают к могилам турки в противовес европейцам<sup>2</sup>. Дальше Федоров рассуждает о турецкой конституции и рассказывает про Чыраганский дворец, история этой достопримечательности описана через призму социально-политической реальности сегодняшнего дня: в 1876 г. Абдул-Хамид II (1842–1918) сверг и пленил своего брата Абдул-Мурата V (1840–1904) и заключил его в этом дворце. Для Федорова этот дворец — «могила современного Авеля»<sup>3</sup>. Характерно, что в подстрочном примечании Федоров стремится обновить актуальную информацию: «Когда я писал эти строки, судьба Мурата V никому не была известна, и только смерть его 20 августа 1904 года открыла, что он в то время был еще жив в великолепной темнице»<sup>4</sup>.

Для Федорова, как и для Бунина, Османская империя и ее актуальные политические новости становятся поводом для разговора о политике вообще. Так, например, для Бунина важно упомянуть российскую и персидские революции, а также обратить внимание на суету «груды пчелиных сот <...> Перы и Галаты»<sup>5</sup> как на провозвестник будущего (см. параграф 1.3). Оба автора используют метафору

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 103. Если продолжать эту линию сравнения, то радостному бунинскому забыванию о России сопоставлено федоровское восторженное предвкушение дальних берегов, новых стран; а прощание с Россией писатель реализует через цитату из Байрона: «Я отправился на Дальний Восток, я, значит, вьвь увижу Босфор, Египет, Индию, Японию, Китай... океаны... <...> Я дожидаюсь, пока он <берег> скроется, <...> повторяя байроновские стихи: “Мой край, доброй ночи... Прости”» (Федоров А.М. На восток. СПб., 1904. С. 20–21).

<sup>2</sup> Федоров А.М. На восток. СПб., 1904. С. 36. Метафора «Турция — могила» проносится через все главы, посвященные ей.

<sup>3</sup> Там же. С. 37.

<sup>4</sup> Там же. С. 38.

<sup>5</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 112. Схожим образом воспринимает (но скорее весь город, а не отдельно взятые районы) Константинополь Федоров: «Слева — Скутари, справа — Галата, Перу, Айя-София... башня Галата... мечеть Ахмета... Они красуются в сиянии утреннего весеннего солнца, заливающего весь Константинополь, откуда идет гул тревожной, шумной жизни, похожий на гул огромных волн. У набережной теснятся сотни судов, ревуших, изрыгающих клубы дыма, блестящих взад-вперед в каком-то бешеном оживлении. <...> Турки <...> проходят толпой и по одиночке. Продавцы зелени, погонщики ослов, носильщики, извозчики, гиды...» (Федоров А.М. На восток. СПб., 1904. С. 44–45).

вавилонского столпотворения, оба видят Турцию как пространство космополитизма, где смешались все языки и нации<sup>1</sup>.

Федоров в компании с Колей (подросток, с которым путешественник познакомился при отплытии) и доктором (персонаж без имени) отправляются в город к Айя-Софии. В городе Федоров обращает внимание на турецкий кофе — полюбившуюся диковинку для туристов — и на дервишей<sup>2</sup>. Обе детали становятся непременным атрибутом и бунинского текста. По пути к Айя-Софии Федоров проходит мимо трех колонн — очередная достопримечательность, которую мы встретим и на страницах очерка «Тень Птицы». Здесь через диалог Федорова и доктора реализуется установка на поиск подлинности города: «На площади Атта-Мейдан мы обратили внимание на три памятника — колонны. На одной свивались три бронзовые змеи. Эта колонна была привезена из Дельф Константином, и, глядя на трех змей ее <...>. Ведь это символическое изображение всей двухтысячелетней жизни города, в котором так дивно переплелись Византия, христианство, мусульманство! Здесь, в этом “Новом Риме” когда-то был форум... Какая история! Какое величие!

— И какая грязь и вонь! Отозвался доктор. <...> Но я не смущался этим, я находил, что все это чрезвычайно идет к Стамбулу»<sup>3</sup>.

Таким образом, смешение всего: языков, культур, религий, грязи, запахов — создает, по Федорову, настоящий дух города, его обаяние. Бунин же «подлинность» Стамбула (и шире — Турции) видит в исламе. В оценке Айя-Софии писатели сходятся. Если Федоров отмечает слияние разных культурных традиций, породивших архитектурное чудо, которое невероятно органично Стамбулу и олицетворяет его сложный дух, то Бунина прельщает, в первую очередь, «турецкая простота, нагота Софии <, которая> возвращает <...> к началу ислама, рожденного

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 112.; Федоров А.М. На восток. СПб., 1904. С. 47–48. Похожее чувство смешения наций и языков будет у Федорова и в Египте: «“Корсунь” медленно продвигался вперед и наконец остановился в порту нового, неизвестного мне города, в Египте, где живут и проходят народы всех наций» (С. 61).

<sup>2</sup> «Проходят дервиши в халатах табачного цвета и в таких же высоких шапках, с сосредоточенными, неподвижными лицами и устремленными куда-то вдаль неподвижными глазами» (Федоров А.М. На восток. СПб., 1904. С. 48–49).

<sup>3</sup> Там же. С. 49.

в пустыне»<sup>1</sup>. «Нелепые башенки» (минареты), по мнению Федорова, хоть и не подходят Айя-Софии, но не мешают ей, «не нарушают первоначального очарования»<sup>2</sup>. В этом смысле травелоги Федорова и Бунина все же отличаются. Бунин отмечал, что не знает путешественника, «не укорившего турок за то, что они оголили храм, лишили его изваяний, картин, мозаик. И особенно грубы в своих укорах путешественники русские»<sup>3</sup>. В этом вопросе Федоров скорее занимает среднюю позицию, хоть и называет такие попытки грубыми и кощунственными (подлинное христианство через эти попытки все равно «просвечивает»), но отмечает, что в этом святом месте чувствуется Бог, история, а саму Айя-Софию сравнивает с гробницей, пустота которой избавляет от суетности и наполняет пространство божественным ощущением<sup>4</sup>.

Федоров рассказывает легенду про исчезнувшего в стенах алтаря христианского священника в тот момент, когда Магомет II въехал на коне в Айя-Софию и направился к нему. Частично, по поводу Саади, упоминает об этой легенде и Бунин. Оба автора вычитали легенду из путеводителя или слышали от гидов. После обширного рассказа об Айя-Софии у Федорова следует краткий, обрамляющий рамку повествования разговор между рассказчиком, доктором и Колей о впечатлениях. Затем все трое возвращаются на корабль, чтобы перейти к новой главе — «Дарданеллы». В этой главе и в следующей за ней главе «Средиземное море», повествователь, в первую очередь, сосредоточен на пароходном быте, но, проходя мимо островов Архипелага, Федоров кратко вспоминает населявших Древнюю Грецию героев; Бунин в «Море богов» уделит этому куда больше внимания. Пожалуй, в этих очерках писателей роднит только схожее чувство от приближающегося берега Африки. Интересно, что Федорова по мере приближения к берегам Африки настигает чувство, что он находится вдали от родины. У Федорова: «Аравия! Африка! <...> И вместе с радостным ощущением я

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 122.

<sup>2</sup> Федоров А.М. На восток. СПб., 1904. С. 50–52.

<sup>3</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 121.

<sup>4</sup> Федоров А.М. На восток. СПб., 1904. С. 52–53.

почувствовал, как далеко я от родины. И слово «родина» приобрело здесь особенно глубокий смысл и полноту»<sup>1</sup>, у Бунина: «радостное сознание: это Африка!»<sup>2</sup>.

Египет писатели запечатлели по-разному, в первую очередь из-за разных городов, представленных на страницах их травелогов. Федоров сначала направился в Порт-Саид, затем в Суэц<sup>3</sup>. Оба портовых города представляют собой важные торговые узлы, поэтому на первый план выходят вопросы торговли. Это, по Федорову, первое, что «проникает на борт» парохода: «Не успел пароход остановиться <в Порт-Саиде>, как в кают-компанию налетели, как жадная саранча, всевозможные агенты по доставке товара»<sup>4</sup>. Писатель с протокольной точностью приводит длинный разговор торговцев с капитаном корабля в кают-компании. И заключает о Порт-Саиде: «душа города, где все — купля и продажа»<sup>5</sup>, а базары и храмы, по Федорову, «два полюса настроений»<sup>6</sup> города. Суэц все же прельщает писателя на фоне Порт-Саида: «Суэц понравился всем гораздо больше Порт-Саида. У этого самого древнего арабского города в Египте более характерная физиономия, хотя и здесь портят все европейские здания»<sup>7</sup>. Образ и восприятие Суэца у Федорова как раз походит на бунинское восприятие Египта.

Для Бунина в портовой Александрии, где, вероятно, царит тот же воздух торговли, эта подробность не является важной. Он сосредоточен на историческом пафосе города. А поезд<sup>8</sup> в Каир увозит его еще дальше в глубь времен, через пустыни к пирамидам и фараонам.

Проплывая по Суэцкому каналу, Федоров отмечает разнообразие фауны, описывает верблюдов и особенно «розовых птиц, мелькающих подобно обрывкам вечерних облаков, — розовых фламинго»<sup>9</sup>. Приплыв в Суэц, писатель ощущает

<sup>1</sup> Федоров А.М. На восток. СПб., 1904. С. 57–58.

<sup>2</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 145.

<sup>3</sup> Порт-Саид Бунин несколько раз упоминает, но не описывает. Суэц и Суэцкий канал (как и вновь Порт-Саид) упомянуты в 7-ой главе «Зодиакального света», глава была напечатана только в 1908 г. и во всех последующих изданиях отсутствует (см. параграф 2.3.4).

<sup>4</sup> Федоров А.М. На восток. СПб., 1904. С. 62.

<sup>5</sup> Там же. С. 64.

<sup>6</sup> Там же. С. 71.

<sup>7</sup> Там же. С. 78.

<sup>8</sup> Федоров воспринимает индустриализацию Египта как что-то лишнее, инородное этому краю (Там же. С. 75).

<sup>9</sup> Федоров А.М. На восток. СПб., 1904. С. 74. Фламинго дважды в Египте привлекают и Бунина, их писатель упоминает дважды (Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 149, 164). Можно заметить интересную параллель: Федоров смотрит с палубы корабля, Бунин смотрит из окна поезда.

величие пустыни<sup>1</sup>. Она восхищает и настраивает Федорова на историческую перспективу (писатель вспоминает Рамзеса II)<sup>2</sup>; величие пустыни вместе с величием замысла и постройкой Суэцкого канала побуждает писателя к написанию сонета<sup>3</sup>: «но дальше нет <...> ничего, кроме великого простора пустыни, где стоит тишина от неба до земли, где совсем иной мир, чем тот, в котором большинство людей привыкли жить, иная красота, которую надо почувствовать, и тогда полюбишь пустыню и поймешь ее первозданное величие»<sup>4</sup>. Таким образом, пустыня увлекает и переносит в прошлое обоих писателей, оба смотрят на нее как на необъятное и великое пространство, пробуждающее историческое и поэтическое восприятие.

Одинаково смотрят оба писателя и на хозяев Египта — англичан. Отношение Бунина к ним мы уже разбирали (параграф 2.3.2). Федоров пишет: «Европейцы... Больше всего англичане, настоящие хозяева Египта, в белых легких костюмах, в белых шлемах, перевязанных газом»<sup>5</sup>. Общим местом становится и восприятие местных жителей: у Федорова, как потом и у Бунина, местные жители напоминают библейских персонажей<sup>6</sup>.

Далее в тексте Федорова преобладает библейская тональность. «Доктор указал вдаль, <...> там и источник Моисея, скала, из которой он, по библейской легенде, ударом жезла вызвал воду. <...> Одна близость к этим местам, уже сама по себе, настраивала на торжественный лад. Здесь чувствовалось, как в дверях великого храма, где Бог, лицом к лицу, говорил с человеком и принимал близкое

<sup>1</sup> Федоров упоминает о пустыне и в Порт-Саиде: «А за этими зданиями, жалкими, точно изъеденными червями, шли пески, преддверье пустыни» (Федоров А.М. На восток. СПб., 1904. С. 72). Особенно интересен метафорический образ: жилища «изъеденные червями». Подобный образ, как мы писали раньше, использовал Бунин (говоря о жизни древних египтян), но одолжив его из книги Г. Масперо (Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 151).

<sup>2</sup> Фараона писатель вспоминает, размышляя о французском предпринимателе Ф. Лессепсе, который смог построить Суэцкий канал, ведь о нем: «мечтали люди еще со времен Рамзеса II, т.е. за четырнадцать веков до Р.Х., и пытались осуществить эту мечту» (Федоров А.М. На восток. СПб., 1904. С. 76). Здесь также намечается и другая параллель. Лессепсу установлен памятник и сам Суэцкий канал — памятник Лессепсу. Суэцкий канал — новое чудо света — сравнивается с пирамидами, то есть с признанным чудом света.

<sup>3</sup> Там же. С. 75.

<sup>4</sup> Там же. С. 74. Интересно, что позже Федоров описывает море через сравнение с пустыней (С. 95).

<sup>5</sup> Там же. С. 71. Англичанки с бледными длинными лицами, англичане в белых костюмах и пробковых шлемах — появятся в описании Федорова и на Цейлоне (С. 126–128).

<sup>6</sup> Там же. С. 81–82. Библейские типажи писатель будет угадывать в лицах бедняков и дальше по ходу повествования. Так, например, на Цейлоне: «между нищими, индус с черной бородой, с лицом Иоанна Крестителя, слепой, держа за руку лет семи ребенка, также бежал за нашей колясочкой по дороге» (С. 132).

участие в делах его»<sup>1</sup>. В следующей главе «Красное море» повествователя глубоко волнует показавшийся облик горы Синай, он «едва различил <...> очертания вершины, приблизившей Моисея к Богу, как ветер, дующий оттуда, повеяли в душу неугасающими преданиями далеких веков»<sup>2</sup>.

Минуя Индийский океан, писатель доплыл до Коломбо. Любопытно, что этот топос — «заветнейшая мечта» Федорова<sup>3</sup>. Возможно, рекомендацией посетить Цейлон Бунин, в том числе, обязан Федорову. Как мы указывали ранее, прибыв на Цейлон, Иван Алексеевич, испытал подлинный восторг — «ошалел» от райского и сказочного «буйства растительности»<sup>4</sup>. Однако бунинский очерк «Город Царя Царей» сосредоточен только на историческом рассказе об Анурадхапуре, исламских легендах и истории королевской семьи. Бунин не приводит личных впечатлений<sup>5</sup>. В данном случае, можно лишь отметить интерес обоих писателей к Адамову пику и связанной с ним исламской мифологией<sup>6</sup>.

Дальше тексты Бунина о Востоке и книга Федорова расходятся. Федоров плывет дальше, посещает Сингапур, Японию, Владивосток (Тихий океан). Можно предположить, что у Федорова и Бунина (как у представителей одного поколения) в детстве и юношестве складывались «заветные» мечты о дальних берегах восточных стран под влиянием одних и тех же учебников (и иной географической литературы). Возможно, разговоры писателей о Востоке развивали эти мечтания и сказались на дальнейших планах.

Таким образом, в текстах писателей можно заметить немало любопытных параллелей, которые можно объяснить одинаковым восприятием, общими штампами о Востоке, нарративом путеводителя и общим набором семантических кодов. Травелог Бунина больше направлен на осмысление исторического времени внутри пространства Востока, на понимание сути и духа стран через миф. Федоров,

<sup>1</sup> Федоров А.М. На восток. СПб., 1904. С. 84.

<sup>2</sup> Там же. С. 86.

<sup>3</sup> Там же. С. 118.

<sup>4</sup> Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. М., 2007. С. 172.

<sup>5</sup> Как мы указывали в параграфе 2.3.7. бунинские письма из поездки богаты личными впечатлениями, а также явно субъективное мнение писателя отражено в произведениях: «Братья», «Сны Чанга», «В стране пращуров» и пр.

<sup>6</sup> Федоров А.М. На восток. СПб., 1904. С. 132–133. На Цейлоне Федоров также обретает чувство исторического пространства: «Вся эта группа под гигантским баобабом полна особенной, первобытной красоты. И несомненно, так же все это было и несколько веков тому назад...» (С. 134).

демонстрирующий схожее восприятие Востока, больше тяготеет к бытописательству, уделяя внимание нравам и обычаям местных людей, их разговорам и рутинным практикам, которые он успевае зафиксировать по пути на Восток<sup>1</sup>. Все совпадения — скорее всего не прямое влияние, а влияние косвенное. Писатели часто обсуждали Восток, и Бунину могли запомниться какие-то оценки, в будущем повлиявшие на его собственное восприятие и текст.

В октябре 1906 г. Федоров отправился в Америку<sup>2</sup>, по дороге он отправил Бунину открытку из Португалии<sup>3</sup>, а затем уже из Нью-Йорка<sup>4</sup>. По воспоминаниям Л.Г. Шульц, Федоров до революции объездил весь мир<sup>5</sup>. Как пишет Ю.Н. Сырова: «с наступлением зимних холодов, которых он <Федоров> не выносил, сел на пароход <...> и отправлялся в дальнее плавание. Его больше интересовала экзотика и нравы народов Востока, а не европейская цивилизация и технические достижения Америки»<sup>6</sup>. Поэтому перед бунинской поездкой 1907 г. Федоров, в том числе, давал советы по поводу длительного путешествия<sup>7</sup>.

Нилус и Федоров встречали Буниных в Одессе после путешествия. По воспоминаниям В.Н. Буниной, как только они остановились в Одессе в гостинице «Петербургская», — «сообщение по телефону, что через полчаса к нам придут Нилус и Куровский»<sup>8</sup>, чтобы вместе пообедать. На следующий день Бунины и Нилус поехали на дачу к Федоровым. Где, видимо, делились впечатлениями от

<sup>1</sup> Эта поездка потом на Восток потом вновь будет отзываться в творчестве А.М. Федорова. См., например, рассказ «Змеи», где местом действия является пароход «Britania», идущий из Коломбо в Порт-Саид, а затем — в Европу. *Федоров А.М.* Змеи // Королева: рассказы. М.: Моск. кн-во, 1910. С. 167–176.

<sup>2</sup> По этому поводу он писал Бунину 10 октября 1906 г.: «12 октября еду в Америку. <...> “Одесск<ие> нов<ости>” дали 200 р.» (Цит. по: *Летопись жизни и творчества И.А. Бунина*. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 607). Видимо, очерки были опубликованы в «Одесских новостях» в конце 1906 – начале 1907 гг.

<sup>3</sup> По результатам поездки в Португалию Федоров написал очерк «Азорские острова» и посвятил его И.А. Бунину. См.: *Федоров А.М.* Азорские острова // Рассказы. СПб.: Изд. С.В. Бунина, 1908. С. 32–43. Федоров несколько раз сравнивает Азорские острова с Цейлоном и Индией (С. 33, 42). Позднее очерк был перепечатан в сборнике «Солнце и кровь» (М., 1917).

<sup>4</sup> *Летопись жизни и творчества И.А. Бунина*. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 607, 610. Сама поездка в Америку оставит след в творчестве А.М. Федорова. Так, местом действия рассказа «Борьба с чемоданом» становится пароход, идущий из Нью-Йорка в Европу. (См.: *Федоров А.М.* Борьба с чемоданом // Рассказы СПб.: Общественная польза, 1909. С. 177–184).

<sup>5</sup> «Изгнанник я, не вольной гость...»: Воспоминания Л.Г. Шульц и отрывки из писем к А.М. Федорову, А.И. Куприна и Е.И. Чирикова / публ. и пред. О. Решетниковой // *Литературная Россия*. 1992. 11 сент. С. 11. (Цит. по: *Сырова Ю.Н.* А.М. Федоров: жизнь и творчество в контексте литературной эпохи конца XIX – начала XX веков (1885–1920): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. С. 35).

<sup>6</sup> *Сырова Ю.Н.* А.М. Федоров: жизнь и творчество в контексте литературной эпохи конца XIX – начала XX веков (1885–1920): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. С. 35.

<sup>7</sup> *Муромцева-Бунина В.Н.* Беседы с памятью. М., 2019. С. 329.

<sup>8</sup> Там же. С. 405.

поездки, а Федоров рассказывал, что «пишет новый роман, работой своей доволен»<sup>1</sup>. В 1907 г. Бунин начал работу над книгой «Храм Солнца». По мере написания очерки публиковались по отдельности в разных изданиях.

На очерк «Тень Птицы» одним из первых<sup>2</sup> отреагировал П.А. Нилус. В письмах к И.А. Бунину в феврале и ноябре 1908 г. он не только выразил свое отношение к новому для Бунина жанру, но и дал что-то наподобие советов редактора. К некоторым из них Бунин позднее прислушался. Немаловажно, что в тексте писем приведена и оценка Федорова. В письме от 16 февраля Нилус пишет: «Твоя вещь <“Тень Птицы”> напоминает мне деликатную (?) художественную мозаику, но вложенную в такие места здания, что отдельные части можно рассмотреть, а всего целого не увидишь. Митрофаныч <А.М. Федоров>, а он опытный, стерва, в чужом глазу все видит — говорит, что там *нет центра* и это верно — это почти то же, что и я говорю»<sup>3</sup>.

Бунин на письмо ответил: «Спасибо за отзыв о моем рассказе. Глупо только искать центр там, где не должно его быть. Ослиная челюсть, ведь это — *путевая поэма!* Начало ее!»<sup>4</sup>. Видимо, совместный отзыв П.А. Нилуса и А.М. Федорова очень не понравился Бунину. Помимо обращения «ослиная челюсть», Бунин дальше очень строго и нелюбезно<sup>5</sup> проходит по рукописи Нилуса «Из рассказов красивой женщины»<sup>6</sup>, а также пишет: «увидишь Митрофаныча — передай ему то, что пишу тебе»<sup>7</sup>. По-видимому, то, что Федоров и Нилус не оценили сложность бунинского травелога и рекомендовали его редуцировать до одного понятного композиционного центра, — не понравилось Бунину.

<sup>1</sup> Муромцева-Бунина В.Н. Беседы с памятью. М., 2019. С. 406.

<sup>2</sup> И.А. Белоусов еще ранее (в письме к Бунину от 20 января 1908 г.) писал: «Привет жене. Пусть Вам всякое место на земле будет местом, на которое легла тень птицы» (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 717). Однако альманах «Земля» вышел 30 января (С. 718), видимо, И.А. Белоусов прочитал очерк до публикации или Бунин поделился с ним этим художественным образом из Саади в личной беседе.

<sup>3</sup> Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 722.

<sup>4</sup> Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. М., 2007. С. 70.

<sup>5</sup> «В дороге — из рассказов о *красивых женщинах*» — пошло. Надо кратче и проще. И весь рассказ должен быть *втрое* кратче. И всю дорогу — надо к х<...>. К х<...> — и последнюю главу. Прежний рассказ от переделки выиграл. Но опять — кратче, кратче!» (Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. М., 2007. С. 70).

<sup>6</sup> Возможно, речь о рассказе «Дуня» (Нилус П.А. Дуня // На берегу моря: Рассказы. [М.]: Кн-во писателей в Москве, [1918]. С. 45–52). Или о рассказе «Ночное скитание» или о каком-то неопубликованном произведении П.А. Нилуса.

<sup>7</sup> Письма 1905–1919 годов. М., 2007. С. 70.

Под центром, на наш взгляд, Федоров подразумевает некий малый локус, организующий многообразие описаний локуса большого. В его очерках о Турции таковым является Айя-София. Ей посвящена большая часть текста, к мечети повествователь стремится на протяжении всей главы — это цель, которую А.М. Федоров хочет показать юному Коле Лугареву, все остальное проносится перед глазами кратким упоминанием: дервиши, три колонны на площади Атта-Мейдан, торговцы, улочки и турецкий кофе. Бунинский травелог, наоборот, выдерживает одновременно несколько повествовательных линий, которые накладываются и перебивают друг друга. Нарратору хочется показать и рассказать сразу многое: обозреть достопримечательности города как самоценные — колоннам, Айя-Софии, Галате повествователь уделяет примерно равное внимание, в том числе углубляется в исторический экскурс, связанный с ними; подробно пересказывает особенности личного впечатления и выстраивает очерк по следам реального маршрута; лейтмотивом пронесит сквозь текст тему Саади и дервишей.

Весной 1908 г., после публикации «Тени Птицы» и в процессе работы над следующими очерками, Бунин, по-видимому, задумался о том, чтобы поэтически переложить «муаллаки» Имру аль-Кайса<sup>1</sup>. Эту идею он обсуждал с С.С. Кондурушкиным, который говорил о переводах и с А.М. Федоровым<sup>2</sup>. Известно бунинское стихотворение «Имру-уль-Кайс»<sup>3</sup> (датировано 21 июля 1908 г., в первой публикации (от 2 до 9 октября 1908 г.) стихотворение дано под заглавием «След» («...Ушли с рассветом. Опустели...»)<sup>4</sup>.

В конце ноября Нилус пишет обстоятельное письмо (см. Приложение № 2) о других очерках («Зодиакальный свет», «Море богов») и стихах Бунина, которые он прочел накануне: «“Зодиакальный свет” и “Море богов” и весной “Тень птицы”

<sup>1</sup> Муаллаки (mu'allaqatun) — дословно «подвешенные», «нанизанные», так называются поэмы VI в., собранные вместе в VIII в. Рави (сказителем, собирателем) Хаммадом. Выделяют 7 авторов муаллак, среди них: Имру аль-Кайс. Допустимо писать «муалляки» и «муаллаки», в письме также встречается разное написание. Для унификации мы будем писать: «муаллаки».

<sup>2</sup> См. Приложение 1. Перевод А.М. Федорова этой Муаллаки — нами не обнаружен.

<sup>3</sup> Об этом стихотворении Бунина см. подробнее: *Двинятина Т.М.* Поэзия Бунина. 2015. С. 115–117.

<sup>4</sup> Сон («О, красота склоненных глаз!..»), След («...Ушли с рассветом. Опустели...»), Вино («— На Яйле зазеленели буки...»), Колибри («Трава пестрит — как разглядеть змею?...»), Дача («Открыты окна. В белой мастерской...») // Новое слово: Товарищеские сборники. М., 1908. Кн. 3 (окт.). С. 7–14. См.: *Летопись жизни и творчества И.А. Бунина.* Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 759.

“прочел с удовольствием”, и даже представил себе будущую восточную книгу с забористым названием и глазастой виньеткой (ради Бога не делай этого). Предомной промелькнули тени: Ричардсона, Овервега, Стэнли<sup>1</sup>, Федорова и других знаменитых путешественников...» (см. Приложение № 2).

Федоров здесь поставлен в ряд с опытными путешественниками-первопроходцами. Нилус во второй раз сравнивал травелоги двух своих друзей. Перечислив преимущественно английских путешественников, Нилус продолжил анализировать травелог Бунина в сравнении с европейскими аналогами: указал на необходимость вставить в травелог экзотику и героизм, как у англичан и «не срамить себя блохами, страхом перед гиеной»<sup>2</sup> (см. Приложение № 2). По мнению Нилуса, англичане занимают суперпозицию: с одной стороны, они законодатели мод в современном туризме и своим примером показывают, как нужно путешествовать по экзотическому Востоку, а с другой стороны, они же пишут самые интересные и неординарные травелоги. Бунин не может противопоставить свое обыденное путешествие с описаниями из окна поезда даже самым тривиальным английским туристам. По этой причине подробности такого, хорошо известного всем, путешествия нужно скрыть и не пытаться удивлять тем, что привычно любому туристу и читателю восточных травелогов. Нилус также указывает на весьма популярный вид путешествий с палатками (такие путешествия и рекомендации к ним описаны и на страницах бедекеров<sup>3</sup>).

Далее в письме Нилус, опять же, на примерах иностранных травелогов, предлагает Бунину два возможных образца для развития будущей книги: травелог Ги де Мопассана «*La vie errante*» (Бродячая жизнь) и двухтомное сочинение И. Тэна

<sup>1</sup> Джеймс Ричардсон (1809–1951) — английский путешественник, исследователь Африки. Адольф Овервег (или Оферверг, 1822–1852) — немецкий путешественник, исследователь, астроном и геолог. Генри Мортон Стэнли (имя при рождении: Джон Роулэндс, 1841–1904) — английский журналист, путешественник, исследователь Африки. Подробный комментарий см. в Приложении 2.

<sup>2</sup> Ср.: «Но здесь могли быть и гиены... И я поспешил выбраться на солнце. Гиен не оказалось, зато мои руки и вся одежда мгновенно покрылись живой жгучей сеткой блох...» (Бунин И.А. Зодиакальный свет // Слово: литературно-художественные сборники. Книга первая. М., 1908. С. 35). Эта цитата включена во все дореволюционные издания очерка и исключена в эмигрантских публикациях.

<sup>3</sup> См.: *Baedeker K. Egypt and the Sudân: handbook for travelers by Karl Baedeker.* 6th ed. Leipzig, K. Baedeker Publ.; London, Dulau and Co. Publ.; New York, C. Scribner's Sons Publ., 1908. CLXXXIV, 439 p.; *Baedeker K. Palestine and Syria with the chief routes through Mesopotamia and Babylonia: a handbook for travellers.* 4th ed. Leipzig: K. Baedeker Publ., 1906. С. 436 p.

«Путешествие по Италии». Нилус подчеркивает легкость стиля Мопассана, который не отягощает текст историческими сведениями и на первый план ставит свои субъективные впечатления. Травелог Тэна противопоставлен травелогу Мопассана, он выделяется своей тяжеловесностью, объемными историко-культурными сведениями и скорее похож на полноценное исследование итальянских городов: Неаполь и Рим (Т. 1), Флоренция и Венеция (Т. 2).

Нилус критикует Бунина за «забористость» заглавий и излишнюю «пикантность» лексики при описании Востока. Мерилом своей оценки Нилус избирает мнение Джона Рёскина. Его Нилус не цитирует, а скорее пересказывает своими словами идеи художника и философа о колорите в живописи. Вероятнее всего, Нилус подразумевает главу «Техника искусства» (в особенности параграф «Воздержанность в колорите и рисунке») из книги «Искусство и действительность». В этой главе умение создавать колорит представлено как одно из главных качеств большого художника<sup>1</sup>. Далее Нилус вновь обращается к очеркам и делает весьма конкретные замечания: «Вот еще некоторые замечания для будущей книги. Откуда ты взял, что в Св. Софии мозаики замазаны красной краской? Охрой, охрой, охрой они закрашены. Потом ни слова ни говоришь о сильнейшем запахе лампадного масла в мечетях и еще — очень часто у тебя повторяется 5000 лет, 2500, 1000... Впечатление древности от этого нисколько не увеличивается. — Паки и паки: не нужно описывать зоологического сада, он так же относится к Египту, как всякий другой, надоевший зоолог<ический> сад в большом европейском городе <...> Описание сада, железная дорога мешают углублению в старину» (см. Приложение 2).

Видимо, к некоторым замечаниям Бунин действительно прислушался, а иные оставил без внимания. Так, например, в очерке «Тень Птицы» можно заметить

---

<sup>1</sup> Джон Рёскин (1819–1900) — английский писатель, художник, философ и теоретик искусства. Его идеи и книги были популярны в России конца XIX – начала XX вв. (См.: *Рёскин Д. Техника искусства // Искусство и действительность*. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко., 1900. С. 248–277). Книга в таком виде существует только в русской издательской традиции (с 1900 г.), это избранные страницы из сочинений Д. Рёскина. Нилус мог читать эту книгу, или мог читать собрание сочинений Д. Рёскина на русском, английском или французском языках. Книги Рёскина на русском языке (собрания сочинений и отдельные издания) печатались ежегодно с 1897 по 1912 гг.

изменение — Бунин снял эпитет «темно-красный», уточняющий цвет стен в Айя-Софии:

1908 <sup>1</sup>	1909 <sup>2</sup>
Величава и сумрачна окраска исполинских темно-красных стен, шершаво полинявшее золото сводов.	Величава и сумрачна окраска исполинских стен, шершаво полинявшее золото сводов.

Интересно обстояло дело с возможными изменениями в «Зодиакальном свете». Бунин, видимо, счел важным только аргумент про описания из окна поезда. Вероятно, по этой причине в публикации 1909 г. исчезла 7 глава: путь от Каира в Порт-Саид на поезде. А также в издании 1915 г. снят первый абзац из 3 главы «Зодиакального света»<sup>3</sup>: первое описание пирамид из окна поезда. Заканчивает Нилус письмо следующими словами: «Представляя себе будущую книгу, я вижу перед собой хорошую, а главное нескучную вещь. Вот тебе факт: мне хочется снова перечесть эти отрывки. Масса превосходных сравнений, живых наблюдений <...> красок. Если поработаешь над книгой, может выйти вещь редкой красоты...» (см. Приложение 2).

В переписке Нилуса и Бунина постоянно присутствует А.М. Федоров то в качестве собеседника, то в качестве того, кому нужно передать написанный отзыв. Так или иначе, переписка указывает на вовлеченность А.М. Федорова в разговор и на скрытое сравнение «Храма Солнца» с книгой «На восток». К сожалению, каких-либо отзывов А.М. Федорова об очерках «Храма Солнца» (кроме приведенного выше: «там нет центра») не обнаружено.

После американского путешествия 1906 г. Федоров начал писать роман «За океан» — работа над книгой была закончена в октябре-ноябре 1908 г. (если не

<sup>1</sup> Бунин И.А. Тень птицы // Земля: Сб. 1. (январь). М., 1908. С. 258.

<sup>2</sup> Бунин И.А. Тень птицы; Зодиакальный свет. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. СПб., 1909. С. 160. В последующих изданиях это предложение перепечатано без изменений.

<sup>3</sup> Бунин И.А. Зодиакальный свет // Слово: литературно-художественные сборники. Книга первая. М., 1908. С. 21. См. перепечатки этого абзаца: Бунин И.А. Тень птицы; Зодиакальный свет. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. СПб., 1909. С. 212.; Бунин И.А. Тень птицы, Зодиакальный свет // Бунин И.А. Золотое дно: Рассказы 1903–1907 гг. 2-е изд. М., 1914. С. 173. Ср.: Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 153.

раньше), публикация, видимо, состоялась в начале 1909 г.<sup>1</sup> Роман, с одной стороны написан по следам поездки в Америку, а с другой, повествует о массовом исходе русских евреев в США после череды еврейских погромов в Российской империи в конце XIX – начале XX вв.<sup>2</sup> Повествователь видит в массовой эмиграции огромную социальную проблему и отправляется на пароходе «Григорий Мерк» из Одессы в Нью-Йорк, чтобы рассказать, как живут русские эмигранты в Америке.

В романе А.М. Федорова путь в Америку проходит через Босфор (VIII–IX гл.), Константинополь (IX–X гл.) и Пирей (XIV гл.), что вновь позволяет сравнить его травелог с бунинским. По поводу своего очередного посещения Востока Федоров замечает: «третий раз я на Востоке, и третий раз я переживаю то же чувство. Нет, с каждым разом сильнее! Чувство очарования, которое переходит почти в физическое ощущение созерцательного покоя. Точно от этих великолепных холмов, от молчаливых развалин гнуэзских крепостей, от веерообразных пиний, черных кипарисов, легких тополей и светящихся на солнце мраморных стен дворцов, идет гипнотизирующее веяние таинственной души Востока»<sup>3</sup>. Турция вновь воспринимается писателем как кладбище: «и ты здесь, старое турецкое кладбище!»<sup>4</sup>. Интересно, что Федоров<sup>5</sup>, как и Бунин, обращает внимание на нежелание султана проводить электричество в Константинополь.

При таком сравнении бунинские замечания из первой главы о революции вновь обретают импульс и как бы продолжают в 3 главе «Тени Птицы». Однако намек на турецкую революцию (в одном ряду с русской и персидской) остается у Бунина намеком и только «лучи электрических солнц»<sup>6</sup> Галаты дают надежду на

<sup>1</sup> В основе романа, видимо, лежат очерки, написанные для «Одесских новостей» 1906–1907 гг. На окончание работы над романом к октябрю–ноябрю 1908 г. указывает рецензия А.М. Иерусалимского (под псевд. Южанин А.), опубликованная в ноябре 1908 г. (См.: Южанин А. Библиография. [Рец. на:] А.М. Федоров. За океан. СПб., 1909) // Новый журнал для всех. Ноябрь. №. 1. С. 122.

<sup>2</sup> Федоров А.М. За океан. СПб.: Прометей, 1909. С. 5. Писатель указывает на то, что после погрома в Одессе количество эмигрантов только увеличится. Об этом событии постоянно говорят в романе Федорова все пассажиры парохода и сам рассказчик. Тема еврейских погромов остро переживалась не только Федоровым, но и Нилусом с Буниным. Одесский погром 18–21 октября 1905 г. (см.: Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 583).

<sup>3</sup> Федоров А.М. За океан. СПб., 1909. С. 34.

<sup>4</sup> Там же. С. 36.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 114.

светлое будущее. Федоров, наоборот, четко проговаривает эту мысль и видит в электричестве искру будущей революции, ведущей к победе Свободы<sup>1</sup>.

Вновь Федоров, как и в книге «На восток» (как и Бунин в очерке «Тень Птицы»), говорит о важности передачи духа Востока в художественном травелоге. Важно отметить, что у Бунина и Федорова общий художественный ориентир — Пьер Лоти (его произведение Федоров упоминает в тексте: «В своем прекрасном произведении “Les desenchantés” Лоти так изумительно описал Константинополь, точно в самом французском писателе оказалась душа Востока и воздух Востока переселился в его кровь»<sup>2</sup>). Видимо, творчество французского писателя часто обсуждали между собой Нилус, Федоров и Бунин. Через несколько глав «Григорий Мерк» достигает пирейской бухты. Федоров на шлюпке прибывает в порт и оттуда «электрическая дорога в 15 минут доставляет меня в Афины»<sup>3</sup>. Описание Акрополя у Федорова слишком общее, и сравнить эту XIV главу с бунинским «Морем богов» можно едва ли. Федоров сосредоточен на облике современной Греции, много рассуждает о бедности местных жителей, о хитрости торговцев. Тогда как Бунин погружен в прошлое, в эпоху богов и героев. На этот счет Федоров лишь между делом замечает: «я спешу <...> ступить на землю, по которой когда-то ступали герои и боги»<sup>4</sup>. После осмотра города Федоров на корабле едет дальше — в Палермо. Тут травелоги Бунина и Федорова расходятся.

Вернувшись из американской поездки, Федоров начал издавать свои произведения и готовится к следующему путешествию. В 1908–1909 гг. Федоров побывал в Италии, Африке и Палестине<sup>5</sup>. Результатом палестинской поездки стал сборник стихотворений<sup>6</sup>, книга «Солнце жизни» и некоторые рассказы<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> Федоров А.М. За океан. СПб., 1909. С. 36.

<sup>2</sup> Там же. С. 38. О Лоти см. параграф 3.3.

<sup>3</sup> Там же. С. 56.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Аникеева Ю.Н. Федоров Александр Митрофанович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 6: С–Ч. М.: Большая российская энциклопедия. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 411.

<sup>6</sup> Федоров А.М. Сонеты. Египет. Палестина. Океан. Индия. Берега. Жизнь и смерть. СПб.: М.В. Аверьянов, 1911. 70 с. Сравнительный анализ некоторых сонетов Федорова с бунинскими восточными стихами см.: Двинятина Т.М. Поэзия Бунина. 2015. (диссертация); Двинятина Т.М. И. А. Бунин и А.М. Федоров: к истории творческих отношений // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. С. 43–50.

<sup>7</sup> Федоров А.М. Та и эта // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. Утро. М.: Изд-во Н.Н. Ключкова, 1911. С. 138–149.; Федоров А.М. Араб // Солнце и кровь: рассказы М.: Московское книгоиздательство, 1917. С. 5–24. (Первая публикация: Федоров А.М. Араб // Земля: Сб. 14. М., 1914. С. 73–95).

Восток объединил Бунина и Федорова вновь на страницах «Друкаря» (1910). Бунин опубликовал в сборнике очерк «Иудея», а Федоров три стихотворения: «Иосафатова долина», «Жатва», «Порт». В письме Н.Д. Телешову (редактору-составителю сборника), еще только обсуждая будущий сборник, Бунин писал: «Ну, а на закуску — о себе и Федорове; спроси мнение Юлия — он человек редко беспристрастный — о моем Константинополе — “Тень Птицы”, — он перечитал ее, вернувшись из поездки в те края, — и согласишься с ним, что это — вещь нешуточная; говорю же я это к тому, что если бы, паче чаяния, я и дал тебе о Палестине, то это было бы уж не так и плохо. Это последний мой рассказ о поездке <“Иудея”>, и придаю я ему довольно большое значение, пишу его давно, отношусь к нему так серьезно, что не печатаю его уже года полтора; можешь видеть из моих слов: “паче чаяния”, что я *очень* хочу дать тебе *не* о Палестине, а простой рассказ, но... ручаться не хочу; а из этого вытекает, что от “другой” Палестины тебе следует отказаться, — так и сказать: “Вероятно, Ив<ан> Ал<ексеевич> даст мне именно о Палестине”; вытекает еще и из того, что, верно, плохи эти Вифлеемы и Гробницы — спешная, неискренняя работа; попроси-ка простой рассказ; и не бойся — в другое место не отдаст, — нету его, этого другого места, хоть и торопит он <Федоров> с ответом; дай ему понять, что сборник должен быть отличный — и рассказы первый сорт. <...> P.S. *Ни единой живой душе не читай и не рассказывай этого письма*»<sup>1</sup>.

Из письма отчетливо видно, что Бунин несерьезно воспринимает стихи Федорова, особенно в сравнении со своим произведением. По логике Бунина, «Иудея» создана за полтора года, это результат длительной работы, даже беспристрастный и оттого авторитетный Юлий Бунин высоко оценил этот текст. Тогда как стихи Федорова кажутся сделанными наскоро и без должного внимания к материалу. Иван Алексеевич буквально просит Телешова предпочесть его Палестину Палестине Федорова, а последнему так и передать: о Палестине пишет Бунин.

---

<sup>1</sup> Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. М., 2007. С. 121–122. Курсив Бунина.

Увлечение Федорова Палестиной, вслед за Буниным, явно не понравилось последнему. На стихах Федоров не остановился. Опытный путешественник на этот раз оказался в позиции догоняющего и «повторяющего». Более грубое мнение о Федорове и о его интересе к Палестине Бунин оставил на полях в личном экземпляре альманаха «Друкарь». Рядом с сонетом А.М. Федорова «Иосафатова долина» подчеркнута строка, описывающая могилы в этой долине: «Как по листам разорванная книга» и рукой Бунина написано: «Без конца повторяет меня, с<укин> с<ын>! Вот я написал в 1909 г. сонет “Иосафатова долина”. А в 1910 — он. И конец моего сонета он буквально украл. У меня: “По жестким склонам каменные плиты. // Стоят раскрытой книгой Бытия”. Ив. Бунин»<sup>1</sup>.

Работу над травелогом «Солнце жизни», судя по предисловию, Федоров закончил 20 мая 1910 г.<sup>2</sup>. Публикации некоторых очерков из будущей книги находим в периодике 1910–1912 гг.<sup>3</sup>. Книга Федорова издавалась дважды: первый раз в составе 7-ми томного собрания сочинений в 1913 г.<sup>4</sup>, во второй раз как отдельное издание в 1917 г.<sup>5</sup> (в тот же год, когда Бунин издал «Храм Солнца» отдельной книгой).

По географическому охвату и объему травелог Федорова значительно шире бунинского. Но писатели выстраивают свой текст по-разному: там, где Бунин пишет композиционно-сложный травелог, противоположный реальному путешествию, Федоров предлагает классическое линейное повествование,

<sup>1</sup> Цит. по: *Тименчик Р.Д.* Глаз и слово // Лехаим: [Электронный ресурс]. 2006. Август. (№ 172). URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/172/timenchik.htm?ysclid=m01qs6ydbv579384437>. Предваряя эту цитату, Р.Д. Тименчик пишет: «Распространение предложенной Буниным метафоры <о Палестине> <...> началось с его главного эпитона, или, как называла его критика, “ученика и товарища, соседа по приемам творчества” — Александра Митрофановича Федорова, совершившего через год после Бунина путешествие в Палестину. На экземпляре альманаха с первой публикацией сонета А. Федорова “Иосафатова долина” (экземпляр хранится в Библиотеке Гарвардского университета) Буниным подчеркнута строка, описывающая могилы в этой долине: “Как по листам разорванная книга”» (Там же).

<sup>2</sup> *Федоров А.М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 7. Солнце жизни: в 2 ч. Ч. 1. М.: Изд-во Н.Н. Ключкова, 1913. С. 4.

<sup>3</sup> Пока установить все публикации не удалось, но многие представлены в «Ниве» и «Солнце России».

<sup>4</sup> *Федоров А.М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 7. Солнце жизни: в 2 ч. М.: Изд-во Н.Н. Ключкова, 1913.

<sup>5</sup> *Федоров А.М.* Солнце жизни: в 2 ч. М.: Московское книгоиздательство, 1917. Перепечатано без изменений. Содержание первой части следующее: <Предисловие> — В Палестину — Спутники — Паломники — Грех — Болгария — Трюм — Страничка жизни — Море и люди — Рассвет — Босфор — Бродяги — Чудо и суеверие — Афон — Мерсина — Александретта — Мани-Факел-Ферес — Божье стадо — На древней земле — Кесария — Кайфа — Мудрец из Кайфы — Аскалон — Газа. Содержание второй части: По пути в Иерусалим — К Гробу Господню — Судные Ворота — Претория — Сион — Торжества — Благодатный огонь — Неби Муса — Горняя — Гефсимания — Мечеть Омара — На Иордане — Вифлеем — Хеврон — По стопам Христа — Назарет — Арабы — Фавор — Тивериада.

тождественное биографическому путешествию. Федоров задает такую же, как у Бунина интонацию, уже в предисловии, настраивая читателя на паломничество по земной жизни Христа<sup>1</sup>.

Федоров вооружается Евангелием от Матфея, именно тем текстом, который читает повествователь «Храма Солнца» в «Геннисарете». Кажется интересным и полемичным, что Федоров вкладывает такое же понимание паломничества, как и у Бунина, в уста простого крестьянина-паломника. Выходит, что Федоров уверен и знает, что этот простой человек во время своего паломничества так же обретает Христа, по стопам его проходя Святую землю. Бунин, как мы писали выше (параграф 2.3.5), наоборот, сомневается в том, что паломники могут *таким* образом чувствовать Христа. Бунин их даже не спрашивает, тогда как Федоров транслирует мнение обычного паломника. Возможно, уже прочитавший бунинскую «Иудею» на момент работы над травелогом, Федоров (и точно прочитавший очерки будущей книги «Храм Солнца» до 1913 г.), работая над собственной книгой, подразумевал бунинский тезис. Да и сама манера Федорова говорить в своих произведениях (и травелогах, в частности) голосами обычных людей — классическая черта бытописательской (народнической) поэтики — явно противопоставлена бунинскому травелогу о Святой земле. У Бунина почти всегда звучит его личный субъективный внутренний голос. Изредка говорит проводник Герасим в «Гени Птицы», говорят моряки в «Море богов» и «Геннисарете», разыгрывается краткий диалог с пастором и атеистом в «Иудее». Остальное пространство текста целиком и полностью принадлежит повествователю. Тогда как Федоров часто передает описания через диалоги, предлагая живые речевые ситуации, погружающие в быт и реальность сегодняшнего дня. Иными словами: монолог Бунина преимущественно направлен на историко-поэтическое погружение читателя, а диалог Федорова фиксирует реальность вокруг, объективизируя социально-бытовую повседневность. Сама перспектива федоровского травелога о Святой земле еще до начала кажется очевидной: совершить путешествие в Палестину и показать социальный феномен русского паломничества в Святую землю.

---

<sup>1</sup> Федоров А.М. Солнце жизни. Ч. 1. М., 1913. С. 3–4.

Вот уже в третьем травелоге Федоров начинает с одного и того же: описывает в первой главе корабль как живой организм; говорит о свободе, которую испытываешь, отправляясь в путешествие; уделяет внимание (во второй главе) спутникам, сопровождающим его; рассуждает о Турции, ее султаны, грядущей турецкой революции, конституции и проводит параллели с Россией. Выходит так, что в книге «На Восток» Федоров посетил Турцию до русской революции 1905–1907 гг., в романе «За океан» — во время революции, а в «Солнце жизни» — после революции. Турция во всех трех случаях — удобный фон для разговора на тему политической обстановки в России и пример для напрашивающихся сравнений между двумя империями<sup>1</sup>. От разговоров пассажиров первого класса рассказчик переходит на палубу третьего класса, где представлены паломники «со всех концов России, из самых суровых недр ее, из сибирских тундр <, которые> идут <...> к Гробу Господню»<sup>2</sup>. К паломникам Федоров испытывает умиление и трепет, сожалеет, что не может идти с ними и верить с той же силой, что и они, их описанию посвящена третья глава<sup>3</sup>. Их наивная вера пробуждает в Федорове детские воспоминания (то время, когда он сам наивно верил, как паломники).

Проплывая острова Архипелага, Федоров вновь использует очевидные образы, навеваемые топосом Греции, которые мы встречаем и у Бунина в «Море богов»: здесь, как и раньше, Федоров «отходит в сторону» от христианства к язычеству — и к исламу. Писатель заключает, что «во всякой религии есть творческое начало, которое трудно оторвать от природы, и мне кажется, что природе Востока больше соответствует тонкий полумесяц, чем великолепный крест»<sup>4</sup>. Федоров разделяет (и частично повторяет) бунинские идейные установки из «Храма Солнца» — поездка на Ближний Восток для Бунина, во многом,

<sup>1</sup> Федоров А.М. Солнце жизни. Ч. 1. М., 1913. С. 9, 55. В 1908 г. после революции конституция была восстановлена.

<sup>2</sup> Там же. С. 11.

<sup>3</sup> Отдельно отметим, что Федоров указывает на интерес паломников к сочинениям (в первую очередь, к поэзии) Святогорца (Там же. С. 20–21). Вероятно, речь об издании: *Серафим*. Стихотворения Святогорца [псевд.], собранные после его смерти и посвященные любителям и благотворителям св. горы Афонской и пользам Русского монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона. СПб.: тип. Деп. уделов, 1861. 311 с.). Многие стихи были опубликованы в составе «Писем Святогорца» (1850) и в будущих переизданиях, а также на страницах периодики и посмертно. Как раз книга «Писем Святогорца» интересовала Бунина во время работы над «Храмом Солнца» (см.: параграф 2.2). Вероятно, сочинения Серафима могли быть предметом общих разговоров Федорова, Нилуса и Бунина.

<sup>4</sup> Федоров А.М. Солнце жизни. Ч. 1. М., 1913. С. 86.

исследование ислама, и взгляд на Восток конструируется через его религию. Федоров возвращается на пароход и продолжает свой путь в Палестину, минуя остров Хиос: «пароход наш выходит из вод Архипелага и вступает в Средиземное море. Мы держим курс на Мерсину <Мерсин>»<sup>1</sup>, по пути рассказчик не забывает отметить древние развалины памятников вдоль киликийского берега. В Мерсине повествователь обращает внимание на арабские песни, которые поют гребцы, переправляющие его и араба-попутчика, говорящего по-русски, на берег. Спутник Федорова переводит ему песню. Пораженный ее красотой, Федоров уточняет: «неужели это — народная песня?»; спутник объясняет ему, что это муалляки<sup>2</sup>.

Интересно, что здесь Федоров, по сути, публикует свой собственный перевод нескольких муалляк<sup>3</sup>, видно, переписка с С.С. Кондурушкиным на этот счет и интерес Бунина к этой теме не прошли для Федорова бесследно. Из Мерсина Федоров отправляется в Александретту (Искендерун), город «замечательный, главный образом тем, что <...> основан Александром Великим», и дальше в Триполи: «Анатолия за нами. Отсюда начинается Сирия»<sup>4</sup>.

Федоров доезжает до Бейрута, «истинного города шумливого, торгового, приморского Востока»<sup>5</sup>. Разница маршрутов Федорова и Бунина дает о себе знать: если для Бунина Бейрут и Баальбек в метафорическом смысле представлен как путь от Христа к Адаму (от Нового завета к Ветхому), то для Федорова, наоборот, Бейрут выглядит предвестником Христа<sup>6</sup>.

После недолгого пребывания в Бейруте и мысленного путешествия к Дамаску (Федоров наблюдает, как поезд отправляется в Дамаск), писатель возвращается на пароход и едет до Хайфы (далее в Яффу — в следующей главе). Как и Бунин в VI главе «Иудеи» (он плыл из Яффы в Бейрут), Федоров уделяет внимание древним городам, располагавшимся когда-то вдоль берега<sup>7</sup>. В похожей

<sup>1</sup> Федоров А.М. Солнце жизни. Ч. 1. М., 1913. С. 92.

<sup>2</sup> Там же. С. 95–96.

<sup>3</sup> Там же. С. 95–99, 103. Переводы Бунина и Федорова не совпадают, вероятно, Федоров использовал тот же список литературы, что представлен в письме Кондурушкина к Бунину (Приложение 1).

<sup>4</sup> Там же. С. 101.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Там же. С. 106.

<sup>7</sup> Там же. С. 109.

на бунинскую манере (а скорее, по следам путеводителя), Федоров пересказывает разные исторические сведения о расцвете и падении Сидона и Тира, упоминает времена Навуходоносора, Александра Великого, Септимия Севера. Описывает кровавую историю региона, цитирует Библию. Но «среди яркого языческого великолепия» фигура Христа, удалившегося «в страны тирские и сидонские» «поучать народ», представляется Федорову «необычайно трогательной»<sup>1</sup>.

Высадку в Яффе Федоров описывает как взятие арабами (пиратами) корабля на абордаж<sup>2</sup>, но «русские паломники были предупреждены, что от Палестинского общества явится кавас Марко и с розданными им билетами они спокойно сойдут с лодки»<sup>3</sup>.

Стоит отметить, что роль каваса (представителя ИППО) была очень важна для всех православных путешественников (светских туристов и паломников). Без его сопровождения иногда нельзя было посетить некоторые святыни Иерусалима; в иных случаях сопровождение каваса просто облегчало процесс «переговоров» со стражей. Так, например, (во второй книге «Солнца жизни») прибыв в Иерусалим, Федоров вечером того же дня «взял каваса и пошел с ним к Голгофе»<sup>4</sup>. В Храм Гроба Господня, Гефсиманию и в мечеть Омара<sup>5</sup> Федорова сопровождают кавасы (посещение православными паломниками мечети Омара, как правило, происходило по предварительной договоренности со стороны ИППО и османских властей, а поход Федорова осуществлялся «в неустановленный день», поэтому «неизбежны переговоры и бакшиш»<sup>6</sup>). На этот раз группу паломников ведет известный и уважаемый всеми кавас Марко. Вероятно, Бунин во время посещения

<sup>1</sup> Федоров А.М. Солнце жизни. Ч. 1. М., 1913. С. 110.

<sup>2</sup> Там же. С. 118. Как мы уже отмечали, Бунин эти обстоятельства высадки в Яффе игнорирует и не описывает схожим образом.

<sup>3</sup> Там же. С. 118. Ниже Федоров пишет про каваса Марко: «кавас Марко — очень популярная личность и не только в Палестине. Его знают во всех углах русской земли, благодаря паломникам» (Там же. С. 121). Кавасы — специально нанятые ИППО, сопровождающие (охранники, гиды) для паломников. Подробнее о кавасах см.: Балдин К.Е. Деятельность Императорского Православного Палестинского Общества на Ближнем Востоке в конце XIX — начале XX века (на материале паломнических мемуаров) // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 2. С. 31; Грушевой А.Г. Материалы к истории деятельности Императорского православного Палестинского Общества в начале XX века (отчет А.А. Дмитриевского и В.И. Бельнского о состоянии подворий Общества в 1910 году) // Вестник ЕДС. 2017. №2 (18). С. 281–294.

<sup>4</sup> Федоров А.М. Солнце жизни: Палестина. Ч. 2. М., 1913. С. 11.

<sup>5</sup> Федоров следует той же распространенной ошибке и называет купол Скалы мечетью Омара.

<sup>6</sup> Там же. С. 85.

иерусалимских святынь тоже пользовался услугами кавасов ИППО (особенно в тех случаях, когда посещение происходило без Шоров), но эта подробность в тексте не отражена.

После высадки паломники, не заинтересованные в древностях Яффы, устремляются в Иерусалим. Федоров особо подчеркивает, что «Яффа едва ли не самый древнейший город на земле (Плиний утверждал, что она существовала еще до потопа), — до этого паломникам ровно никакого дела не было»<sup>1</sup> по той причине, что город не хранит в себе отпечатков жизни Христа. Паломники разделяются на две группы: нетерпеливые хотят ехать на поезде, скорее попасть в Иерусалим, но многие считают «недостойным христианина ехать на чугунке по той земле, которую освятили стопы Христовы»<sup>2</sup> и решают идти пешком 70 верст (примерно двое суток). Вновь можно отметить скрытую полемику федоровского текста с бунинским. Там, где Иван Алексеевич выражает сомнение в подлинности веры паломников, Федоров указывает на сильнейшую форму подражания Христу (вплоть до выбора тождественного способа передвижения из Яффы в Иерусалим).

В Яффе Федоров отправляется на подворье к церкви Вознесения, по дороге он первым делом обращает внимание на запах апельсинов<sup>3</sup> и красоту цитрусовых садов: «эти сады еще за полторы тысячи лет до Р.Х. были прославлены на недавно открытом египетском пергаменте, и, верно, восторгавшийся ими египтянин вот так же, как я, ехал по этой древней дороге и восторгался их пышностью и красотой и наслаждался их благоуханием»<sup>4</sup>, предварительно посвятив абзац таможенному вопросу поставки апельсинов в Одессу, Петербург, Лондон и Ливерпуль.

В одной из глав Федоров отправляется из Хедеры (деревня недалеко от Яффы) в Кесарию (деревня по направлению в Хайфу) «в компании рабочей молодежи»<sup>5</sup>. По пути компания из 6 человек попадает в приключение: их окружают местные арабы и просят выкуп, угрожая оружием, но им на помощь приходят

<sup>1</sup> Федоров А.М. Солнце жизни. Ч. 1. М., 1913. С. 119.

<sup>2</sup> Там же. С. 119.

<sup>3</sup> Одна из первых деталей, на которую обращает внимание Бунин, подплывая к Яффе: «запах гнилых апельсинов» (Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 167).

<sup>4</sup> Федоров А.М. Солнце жизни. Ч. 1. М., 1913. С. 125.

<sup>5</sup> Там же. С. 133.

знакомые бедуины, и история заканчивается благополучно. Интересно, что здесь травелог Федорова обретает новую грань, которой не было представлено в бунинском тексте; ту грань, о которой говорил П.А. Нилус в письме — «нужно, наконец, попасть хоть ненадолго в плен» — авантюрного травелога. Федоров, в этом смысле, выходит за пределы «компанейского» (по определению Нилуса) путешествия. Другая черта федоровского травелога, отличная от бунинского, — это его журналистская манера фиксировать все произошедшее «по горячим следам». Так, во время путешествия он находит время сесть и записать только что испытанные и пережитые впечатления<sup>1</sup>.

Бунинскому воспоминанию о том, что «запомнила душа» в поездке, Федоров противопоставляет свой репортаж с «места событий». Здесь же присутствует рефлексия пишущего о самом письме — прием, чуждый бунинскому травелогу. Федоров приступает к описанию развалин Кесарии, рассказывает о гавани, построенной Иродом Великим, о сохранившемся фундаменте «великолепного храма Зевеса»<sup>2</sup>, об эпохе Тита и римлян, о полчищах Омара и крестоносцах, об останках крепости, воздвигнутой Людовиком IX Святым и пр. Глава заканчивается сонетом «Кесария»<sup>3</sup> и встречей с бедняком-арабом, который с любопытством наблюдает, как Федоров пишет стихотворение.

В Хайфе и Кармиле — преимущественно католической вотчине, влияние ИППО минимально, обращает внимание Федоров. Так в травелоге писателя (уже не в первый раз) появляется католический след и вопрос религиозно-политического влияния на Святой земле — то, чего не было в травелоге Бунина. Глава «Мудрец из Кайфы» рассказывает о посещении Федоровым Аббаса Эффенди — представителя секты бабидов<sup>4</sup>, старика лет 75. Федорову «прежде всего бросилось

<sup>1</sup> Там же. С. 139. Ср.: с бунинской методикой запоминать, а не записывать см.: *Муромцева-Бунина В.Н.* Беседы с памятью. М., 2019. С. 370–371.

<sup>2</sup> *Федоров А.М.* Солнце жизни. Ч. 1. М., 1913. С. 140.

<sup>3</sup> *Федоров А.М.* Сонеты. Египет. Палестина. Океан. Индия. Берега. Жизнь и смерть. СПб., 1911. С. 13.

<sup>4</sup> Бабизм — религиозно-политическое учение, основанное в 24 мая 1844 г. Бабом (титул) Сейидом Хаджи Мирза Али Мухаммадом из Шираза (1819–1850); основное священное писание религии — «Байан». Федоров кратко пересказывает всю историю секты (*Федоров А.М.* Солнце жизни. Ч. 1. М., 1913. С. 151–153). «Бабиды — эклектики. Их идея — объединить Тору, Евангелие и Коран. Они не только против многообразия, но проповедают также и равноправие женщин» (Там же. С. 151).

в глаза его сходство с Л. Толстым»<sup>1</sup>. Тут же это сравнение обретает развитие — «и странное совпадение: один из первых вопросов, которые он задал мне, был вопрос о Л. Толстом»<sup>2</sup>. Аббас Эффенди очень высокого мнения о Толстом (читал все, что он написал), о его учении, возникшем «как пар из самых недр земли»<sup>3</sup> и о русских в целом, считает, что им повезло жить в эпоху Толстого.

Первая глава второй части «По пути в Иерусалим» начинается сразу с описания поезда, который следует из Яффы в Иерусалим<sup>4</sup>. Федоров начинает описание с актуальной детали: «Маленький вокзал. Узкоколейная дорога. Паровозы и вагоны, приобретенные после панамского краха»<sup>5</sup>. Возможно, эту любопытную деталь Федоров узнал от сведущих попутчиков и решил упомянуть. Однако актуальность события почти исчезла к году издания «Солнца жизни» (1913) и куда уместнее смотрелась бы в романе «За океан» (1909), когда Федоров плыл в Америку и мог к месту упомянуть Панамский перешеек и провальный французский проект Панамского канала; или в травелоге «На Восток» (1904), где, говоря о гениальности Лессепса (описывая его памятник), проходя по Суэцкому каналу, репутацией которого предприниматель заслужил возможность для новой амбициозной стройки, можно было упомянуть Панамский канал.

Поезд переполнен, и писатель отмечает большое количество паломников в вагоне. Видимо, этот факт, а также облачная погода напоминают Россию<sup>6</sup>. Описания из окна поезда продолжают и далее, они весьма напоминают бунинские (или, точнее, описания из путеводителя), в первую очередь из-за схожей точки обзора и общего пейзажа, наблюдаемого авторами. Интересно, что в поезде Федоров, как и Бунин, обращает внимание на феллахов. Правда, бунинский феллах едет в поезде и сидит напротив, а феллах Федорова находится в полях, его писатель

<sup>1</sup> Федоров А.М. Солнце жизни. Ч. 1. М., 1913. С. 153.

<sup>2</sup> Там же. С. 153. Толстовство пользовалось большой популярностью на Ближнем Востоке.

<sup>3</sup> Там же. С. 153–154.

<sup>4</sup> Таким же образом едет в Иерусалим Бунин — см. первую гл. «Иудеи», где представлено подробное описание поездки на поезде из Яффы в Иерусалим.

<sup>5</sup> Федоров А.М. Солнце жизни: Палестина. Ч. 2. М., 1913. С. 3. Речь о провальной французской кампании во главе с Ф. Лессепсом по постройке панамского канала в 1880–1890-е гг. Проект погряз в коррупции, а инженерные расчеты оказались неточными, в следствие чего строительная фирма разорилась. Это привело к громкому судебному процессу и внутривосточному кризису во Франции 1890-х гг. Видимо, часть распродававшегося железнодорожного имущества строительной фирмы оказалась в Палестине.

<sup>6</sup> Федоров А.М. Солнце жизни: Палестина. Ч. 2. М., 1913. С. 4–5.

видит из окна. Пожалуй, это редкий случай, когда травелог Бунина обладает бóльшей бытописательностью, чем травелог Федорова. По пути Федоров говорит о засухе в пустыне, несмотря на которую «красные анемоны каким-то чудом растут в расщелинах камней, точно капли крови, выдавленные из задушенной камнями жизни. Я полюбил эти милые цветы, почти единственную отраду каменистой Иудеи, они повсюду встречаются в Палестине, одни, не гнушаясь ее дикого бесплодия»<sup>1</sup>. Здесь вновь можно встретить параллель с бунинским текстом, особенно в вопросе выбора символично-мифологической нагрузки, стоящей за образом цветов. Оба автора указывают на их «кровоавое» происхождение. Приезд в Иерусалим для Федорова ознаменован, с одной стороны, наблюдаемым разочарованием русских паломников, ожидавших «чудес великой древности и золота куполов»<sup>2</sup>; а с другой стороны, личной перенастройкой восприятия: писателя начинают раздражать разговоры о современности в таком месте. Попросив гида перестать рассказывать про недавнее пребывание в Палестине Вильгельма II<sup>3</sup>, писатель замечает: «русским паломникам нет никакого дела до Вильгельма и принца, но на меня от этих известий дохнуло неизбывной пошлостью

<sup>1</sup> Федоров А.М. Солнце жизни: Палестина. Ч. 2. М., 1913. С. 5. Анемоны, лютики и маки (именно в такой последовательности они расцветают весной) часто путают между собой, т.к. они визуально похожи (все обладают ярко-выраженным красным цветом лепестков).

<sup>2</sup> Там же. С. 6.

<sup>3</sup> Федоров А.М. Солнце жизни: Палестина. Ч. 2. М., 1913. С. 6–7. Вильгельм II (1859–1941; кайзер с 1888 по 1918 гг.) был в Палестине 29 октября – 4 ноября 1898 г. Кайзер был увлечен Востоком и археологией, однако его поездка носила и политический характер, таким образом усиливалось влияние Пруссии в Палестине, т.к. влияние Англии, Франции и России в Палестине было господствующим. Абдул-Хамид II был рад оказанной чести и устроил для кайзера роскошный прием в Константинополе и в Иерусалиме. В Турции Вильгельм II пробыл с 18 по 23 октября, 25 октября он прибыл в Хайфу, осмотрел колонию, затем по суше отправился в Иерусалим, по пути он осматривал руины и достопримечательности, особенно оставленные от крестовых походов (кайзер в путешествии ассоциировал свою поездку с крестовым походом, это подчеркивалось его костюмом с плащом и шлемом, манерами и маршрутом пути — к таким чертам подражания относились, например, ночевки в палатках по пути в Иерусалим). Через Яффу, Рамле и Латрун, кайзер и его свита доехали до Иерусалима. Вильгельм II, — продолжая ассоциацию с тамплиерами — пожелал въехать в Иерусалим через Яффские ворота, чем озадачил османских ставленников, т.к. по мусульманским обычаям проезд через ворота — прерогатива завоевателя, по этой причине было решено сделать альтернативный въезд — построить Новые ворота через часть стены от цитадели Давида, примыкающей к воротам. В Иерусалиме кайзер открыл лютеранскую Церковь Христа Искупителя в День Реформации (31 октября, стройка началась в 1893 г.). Во время поездки было определено место и для постройки католического монастыря — аббатства Дормицио на горе Сион, стройка завершена к 1910 г. (См.: Шаповалов М.С. Путешествие кайзера Вильгельма в Палестину в 1898 г. по материалам Архива внешней политики Российской империи // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 2. С. 75–90.; Thorsten B., Sabine M.-W. Wilhelm II.: Archäologie und Politik um 1900. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2017. 142 S.). Федоров мог почерпнуть эту информацию из бедекера, в нем (в первую очередь, немецком путеводителе) рассказано о том, как Вильгельм II посетил Палестину и про то, как достроили Новые ворота рядом с Яффскими. (См.: Baedeker K. Palestine and Syria with the chief routes through Mesopotamia and Babylonia: a handbook for travellers. 4th ed. Leipzig: K. Baedeker Publ., 1906. P. 33). Отметим, что в этих главах (да и в предыдущей части) можно установить, что Федоров (как и Бунин) в путешествии и в момент написания травелога использовал бедекер.

современности <...>. Что скрываться, — я не ждал, как ждали простые паломники, никаких чудес <...>, но и такой пошлости торгашества и суеты, которая ошеломила меня здесь при первых же шагах моих, я также не ждал»<sup>1</sup>.

Перемена позиции и риторики Федорова выглядит, по меньшей мере, странно. Во-первых, прежде чем заявить об отказе от современности, он, пусть и с позиции отрицания, уделяет Вильгельму II значительное внимание. Во-вторых, в главе «Кайфа» (часть 1), Федоров восхищался недавно построенной немецкой колонией в городе, что вновь подчеркивало политический контекст — усиление присутствия Пруссии в Палестине. Кроме того, нарочно или нет, но Федоров посещает те же развалины построек эпохи крестоносцев, что и Вильгельм II во время своего путешествия, и, по сути, идет до Яффы и дальше в Иерусалим схожим маршрутом. В-третьих, даже в этой главе Федоров упоминает современный политический контекст, вспоминая о панамском кризисе, а в первой части так же много говорит о современной Турции.

В Иерусалиме первым делом писатель отправляется к Храму Гроба Господня<sup>2</sup>. Федоров описывает храм, молящихся и вновь обращает внимание на пошлость происходящего: храм кажется ему скорее пассажем или базаром, где для каждой конфессии своя лавка, а прихожане кажутся невоспитанными зверьми, ищущими драки в святом месте<sup>3</sup>. Только наивная и подлинная вера паломников утешает писателя. Федоров покидает храм, обходит его и по лестнице справа от камня Миропомазания идет к Голгофе, где в этот момент проходит служба по-гречески. Услышав ее Федоров вспоминает одного «из первых русских паломников, <...> побывавших в Иерусалиме, Арсения Суханова»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Федоров А.М. Солнце жизни: Палестина. Ч. 2. М., 1913. С. 7.

<sup>2</sup> Там же. С. 12–13.

<sup>3</sup> Там же. С. 17–18.

<sup>4</sup> Федоров А.М. Солнце жизни: Палестина. Ч. 2. М., 1913. С. 22. Иеромонах Арсений (в миру Антон Путилович Суханов, 1600–1668) — церковный и государственный деятель, дипломат, книжник, паломник. По дипломатическому поручению царя Алексея Михайловича Тишайшего (Романова, 1629–1676; годы правления: 1645–1676) отправился в 1649–1653 гг. в Константинополь и Иерусалим, для того чтобы описать обряды восточных православных церквей. Также посетил Афон, Хиос, Родос, Яффу и гору Синай. В том числе, Федоров цитирует «Проскинитарий» Алексея Суханова (*Арсений [Суханов, Антон Путилин]*). Проскинитарий: Хождение строителя старца Арсения Суханова в 7157 (1649) г. в Иерусалим и в прочие святые места, для описания святых мест и греч. церк. чинов: (Памятник XVII столетия). Казань: Унив. тип., 1870. С. 222).

Федоров, с одной стороны, вписывает себя в литературно-паломническую традицию, указывая на Арсения Суханова, а с другой стороны, использует весьма нетривиальный источник и по конкретному поводу (особенности песнопения в греческой службе)<sup>1</sup>. Здесь также чувствуется существенное различие между Федоровым и Буниним, т.к. последний не обращался к православно-церковной литературе в своем травелоге, видимо, не желая ассоциировать себя с православной конфессией и русскими паломниками, занимая позицию космополита. Бунин не пытался вписать свой травелог в литературную традицию. Федоров же не только указывает на предшественников, но и часто подчеркивает свою национальную и конфессиональную принадлежность (вписывает свой травелог в череду русских паломнических текстов о Святой земле).

Далее Федоров погружает читателей в актуальный для второй половины XIX – начала XX вв. археологический спор между католиками и протестантами о том, где же действительно находилась Голгофа. Пересказав сомнения протестантов на этот счет, он ссылается на мнение Конрада Шика и соглашается с тем, что изначальное место Голгофы установлено верно, как и утверждали католики<sup>2</sup>. Федоров вновь подчеркивает свою начитанность и осведомленность (хотя сведения, видимо, взяты из бедекера). После посещения могил Иосифа Аримафейского и Никодима Федоров заканчивает осмотр Храма Гроба Господня.

В следующие дни писатель осмотрел Судные Врата, улицу Via Dolorosa и другие места. Федоров приводит разные исторические события с опорой на археологические данные, которые взяты из бедекера. Обращение к археологии неслучайно, таким образом Федоров ищет подлинные следы жизни Христа<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Однако вероятнее, что эти сведения Федоров взял из путеводителя.

<sup>2</sup> Федоров А.М. Солнце жизни: Палестина. Ч. 2. М., 1913. С. 22). Конрад Шик (1822–1901) — архитектор, археолог, краевед. Археолог до 1890-х гг. был убежден, что место Голгофы определено неправильно, но после серии раскопок около Гроба Господня изменил свое мнение. Информация об этом представлена в его книге: *Schick K. Die Stiftshütte, der Tempel in Jerusalem und der Tempelplatz der Jetztzeit*. Berlin: Weidmann, 1896. VIII, 363 S. Эти сведения используются в бедекерах, которые, в том числе, использовали и публиковали картографические данные К. Шика. (см.: *Schick K., Benzinger I. Nähere Umgebung von Jerusalem [kartografisches Material]*. Leipzig: Verlag des deutschen Vereins zur Erforschung Palaestinas, in Comm. b. K. Baedeker, 1905), Видимо, Федоров знал эти сведения по бедекеру. Интересно, что Конрад Шик принимал ведущую роль в конструировании и оформлении Новых ворот — тех самых, через которые въезжал в Иерусалим Вильгельм II. Таким образом, Федоров вновь говорит об актуальных социальных, идейных и политических событиях в Иерусалиме.

<sup>3</sup> Федоров А.М. Солнце жизни: Палестина. Ч. 2. М., 1913. С. 26. В этой главе Федоров упоминает о том, как осматривал город с крыши здания и описал увиденное, такая точка обзора роднит его травелог с бунинским.

В главе «Неби Муса» писатель рассказывает об интересной картине, которую он наблюдал в Иерусалиме накануне Пасхи. Мусульманские паломники направляются к могиле Моисея, которая находится «между Иерихоном и Красным морем, в дикой и мрачной местности»<sup>1</sup> (об этой могиле Моисея упоминает и Бунин в IV главе «Пустыни дьявола» и в «Мертвом море»). Федоров объясняет существование этого торжества современными политическими обстоятельствами — желанием избежать межрелигиозных конфликтов в дни Пасхи<sup>2</sup>.

В один из следующих дней, повествователь отправляется из Иерусалима в расположенный недалеко город Горняя (др. город Иутта, по-арабски Эйн-Карем). Здесь для Федорова вновь ожила библейская история, он вообразил себе встречу Девы Марии и Елисаветы (матери Иоана Крестителя), цитируя Евангелие от Луки: «мне с такой поразительной ясностью рисуется вся эта сцена, точно я видел ее вчера во сне»<sup>3</sup>. Подобное «проживание» и наблюдение воочию библейского мифа часто происходит и на страницах бунинского травелога. Когда Федоров видит источник, к которому отправлялась за водой Мария, он пишет: «время исчезло для меня. Он <источник> такой древний, что и то, что происходит около него, кажется не нынешним, а современным Христу, и сам я как будто живу в то время, оттого и не удивляюсь евангельским сказаниям»<sup>4</sup>.

В главе «Мечеть Омара» (Купол Скалы), Федоров отправляется к исламской святыне «перед которой я останавливаюсь, побежденный с первого взгляда...»<sup>5</sup>. Как и Бунин, Федоров уделяет мечети значительное внимание. Интересно, что оба автора пытаются разрешить для себя архитектурную загадку храма. Правда, Бунин разгадывает загадку внутри храма<sup>6</sup>, тогда как Федоров — снаружи<sup>7</sup>. После мечети Омара (Купола Скалы), мечеть Эль-Акса «производит ничтожное впечатление»<sup>8</sup>. Затем Федоров рассказывает о храме Соломона, о легендах, связанных с ним,

<sup>1</sup> Федоров А.М. Солнце жизни: Палестина. Ч. 2. М., 1913. С. 26. С. 46.

<sup>2</sup> Там же. С. 46–48.

<sup>3</sup> Там же. С. 50.

<sup>4</sup> Федоров А.М. Солнце жизни: Палестина. Ч. 2. М., 1913. С. 51.

<sup>5</sup> Там же. С. 87.

<sup>6</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 184–185.

<sup>7</sup> Федоров А.М. Солнце жизни: Палестина. Ч. 2. М., 1913. С. 87.

<sup>8</sup> Там же. С. 88.

мифах и дает историческую справку на этот счет (то же самое встречаем в путеводителях и у Бунина). Позже, окончательно покидая Иерусалим, Федоров назовет мечеть Омара «художественной проповедью ислама»<sup>1</sup>.

В следующей главе Федоров отправляется на Иордан (похожий путь проходит Бунин в «Пустыне дьявола»). Взяв себе лошадь, он рано утром, вслед за «двухтысячным караваном паломников»<sup>2</sup>, через Дамасские ворота выезжает из Иерусалима. На следующий день Федоров продолжает путь по Иерихонской долине к Иордану, туда, где по преданиям крестил Иисуса Иоанн. Характерно, что Бунин, наверняка заставший крещение паломников в Иордане, это событие даже не описывает. А Федоров уделяет ему значительное внимание<sup>3</sup>. Второе крещение паломников («охваченная благоговейным экстазом толпа в белых саванах»<sup>4</sup>) Федоров наблюдает с другой стороны реки, перебравшись туда на лодке. «Зрелище было поразительное, и мне было жутко, и я чувствовал себя взволнованным до слез»<sup>5</sup>. Далее Федоров решает ехать к Мертвому морю. Повествователь замечает, что вокруг «ни травинки, ни деревца», а «возле берега плышет дохлая рыба», которая мгновенно умерла, попав сюда из Иордана<sup>6</sup>. Для Федорова Мертвое море — «водяная могила»<sup>7</sup>. Федоров распространяет эту метафору на природу и горы вокруг. Едва ли это напоминает бунинские фрагменты из «Мертвого моря». Заканчивается глава комичной сценой купания<sup>8</sup>.

В следующей главе Федоров описывает свое посещение Вифлеема. Туда он отправляется из Иерусалима. Бунин уделяет пути в Вифлеем первую часть III главы «Иудеи», а городу и Храму Рождества Христова буквально три первых абзаца в «Геннисарете». Как и Бунин (в стихах), Федоров заморожен гробницей Рахили<sup>9</sup>. Интересно, что Федорову, в отличие от Бунина, удалось осмотреть гробницу

<sup>1</sup> Федоров А.М. Солнце жизни: Палестина. Ч. 2. М., 1913. С. 154.

<sup>2</sup> Там же. С. 98.

<sup>3</sup> Там же. С. 114.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Там же. С. 115.

<sup>6</sup> Там же. С. 118.

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> Там же. С. 119–120.

<sup>9</sup> Там же. С. 124–125.

изнутри<sup>1</sup>. Наконец, Федоров доехал до Вифлеема и направился напрямик к Храму Рождества Христова, где застал службу. Позже писатель отправился осматривать пещеру, где родился Христос. Он также отметил, что рядом находится пещера Блаженного Иеронима, пересказал его биографию и привел длинную цитату из его сочинений<sup>2</sup>. Но его источник не оригинален, он цитирует по «Путешествию по святой земле в 1835 году» А.С. Норова<sup>3</sup>. Травелог этот, видимо, цитирует и Бунин в «Пустыне дьявола» (см. параграф 2.3.5)<sup>4</sup>. Это очередной пример текста, который, вероятно, был известен в кругу друзей и обсуждался в личных беседах.

Глава «Хеврон» начинается с забавной детали. Федоров пишет: «Все было бы хорошо: утро отличное. <...> Но судьба послала нам спутника с Бедкером, и он отравил весь путь. Сам по себе Бедкер полезная вещь, но в руках фанатика, который во что бы то ни стало желает вас просвещать по этой красной книжечке, он — бич. Ко всему этому спутник наш читал по-английски вслух <...> и <...> переводил»<sup>5</sup>. Особенно забавным становится это саморазоблачение Федорова, учитывая, что о цистернах Давида по пути в Хеврон, о стеклянных заводах Хеврона, о Маврийском дубе и т.д. — Федоров рассказывает по бедкеру<sup>6</sup>. Далее следует описание могилы Авраама, Сарры (как и у Бунина в III главе «Иудеи»), оно сопровождается пересказом легенды из Талмуда и цитированием Иосифа Флавия — все это тоже находим в бедкере и путеводителях по Святой земле. Использование путеводителей как источников роднит травелоги Бунина и Федорова. На цитировании бедкера и порицании путешественника, «читающего путеводитель вслух», у Федорова построена вся глава.

В главе «По стопам Христа» Федоров покидает Иерусалим и отправляется с караваном паломников в Назарет<sup>7</sup>. В одноименной главе «Назарет» город воспринимается как своеобразный палимпсест, через который повествователь

<sup>1</sup> Федоров А.М. Солнце жизни: Палестина. Ч. 2. М., 1913. С. 126–127.

<sup>2</sup> Там же. С. 135–136.

<sup>3</sup> Норов А.С. Путешествие по Святой земле в 1835 году. Ч. 1. СПб., 1854. С. 297–298.

<sup>4</sup> Мы полагаем, что Бунин цитирует какой-то иной путеводитель, где есть использованная им цитата из травелога А.С. Норова, т.к. иных следов этого текста в «Храме Солнца» обнаружить не удалось. Однако, то, что Бунин мог знать из разговоров с Федоровым и Нилусом об этом тексте кажется очевидным.

<sup>5</sup> Федоров А.М. Солнце жизни: Палестина. Ч. 2. М., 1913. С. 142.

<sup>6</sup> Там же. С. 150.

<sup>7</sup> Там же. С. 153–154.

«прочитывает» и воссоздает в воображении жизнь Иисуса<sup>1</sup>. После Федоров отправляется в Тивериаду, минуя Кану Галилейскую и другие деревушки по пути. После «мы выехали в поле дорогой, по которой несомненно ходил Христос со Своими учениками»<sup>2</sup>. Следует краткая туристическая справка о Тивериаде: население, достопримечательности, указания на связь с библейским текстом. Геннисаретскому озеру писатель (как и Бунин) уделяет значительное внимание<sup>3</sup>. Следующая часть текста еще больше напоминает бунинский травелог, так как Федоров на лодке путешествует по озеру, где все вокруг, начиная от лодки и моряков, заканчивая рыбаками и их способами ловли рыбы, напоминает писателю о Христе<sup>4</sup> (такое же настроение находим в «Геннисарете» Бунина).

В Капернауме, где Федоров оказался через три часа, его со спутником встретил монах-францисканец и устроил экскурсию по развалинам (такую же экскурсию провели Бунину). В Вифсаиде повествователь обедает рыбой, которую «пекли на камнях, как делали апостолы для себя и для Своего Учителя»<sup>5</sup>. На этом путешествие Федорова по Геннисаретскому озеру заканчивается. Писатель возвращается назад и покидает город. Он берет билет на поезд от станции Семар до Хайфы. Напоследок Федоров перечисляет топонимы и географические объекты, которые видит из окна поезда и прощается со Святой землей — с «колыбелью великих чудес, родиной величайшего чуда жизни, имя которого — Христос»<sup>6</sup>. На такой ноте заканчивается глава и вся книга.

В своем травелоге Федоров стремится буквально рассказать обо всем. Писатель старается осветить все насущные социальные темы, показав все, чем живет современный Восток. Так в объектив федоровского травелога попадают:

---

<sup>1</sup> Там же. С. 177. Здесь и далее создается впечатление, что Федоров не только пересказывает Евангелие, но был знаком с книгой Э. Ренана «Жизнь Иисуса». Федоров (как и Ренан) рассматривает Назарет как место, где сохранилось больше всего реальной исторической памяти о жизни Иисуса. Интересно, что Бунин, увлеченный поисками следов жизни Христа, «назаретский» период жизни Иисуса почти не упоминает. (Только однажды Бунин высказался подробно на этот счет, см.: *Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 216–217*). Возможно, таким образом, писатель избегал ассоциации с книгой Ренана. Вероятно, идеи Ренана могли обсуждаться Буниным, Федоровым и Нилусом во время дружеских бесед.

<sup>2</sup> *Федоров А.М. Солнце жизни: Палестина. Ч. 2. М., 1913. С. 213.*

<sup>3</sup> Там же. С. 219–220.

<sup>4</sup> Там же. С. 221.

<sup>5</sup> Там же. С. 223–224.

<sup>6</sup> Там же. С. 226.

актуальная политика Турции, быт паломников, сплетни о православных локусах (подворья и монастыри Афона и Иерусалима), сектантское движение бабидов, прусская политика и путешествие Вильгельма II по Святой земле, проблемы учебных заведений и программа педагогических реформ, интеллигентские дискуссии об арабском народе<sup>1</sup> и многое другое. В таком перечне заявленное на первых страницах травелога путешествие по следам Христа сильнейшим образом размывается и иногда уходит на второй план. Тем не менее, между бунинским и федоровским травелогом много пересечений, в первую очередь, общая сверхзадача текстов: паломничество по следам жизни Иисуса Христа.

Кроме того, травелоги писателей явно имеют общие литературные корни; мысли и впечатления о Востоке много раз обсуждались в дружеской среде: во время дружеских бесед, в переписке и при личных встречах (в том числе, в компании с Нилусом); писатели вдохновляются одинаковыми претекстами: Библия, Коран, произведения П. Лоти, травелог А.С. Норова, а также пользуются путеводителями, работая над текстом.

Федоров в своих травелогах старается передать и отразить социально-бытовую и актуально-политическую реальность путешествия, тогда как Бунин сосредоточен исключительно на субъективных ощущениях и мифо-историческом пространстве Святой земли. Бунин также старается скрыть в травелоге (как в художественном тексте) следы своего личного путешествия, тогда как реальное путешествие Федорова в деталях и подробно описано на страницах его травелогов. Более того, федоровский травелог в некоторых случаях может быть использован как полезный контекстуальный комментарий к бунинскому тексту. Можно проследить и с большой вероятностью указать на то, от каких потенциальных литературных сюжетов отказался Бунин в своей книге, какие детали намеренно скрыл, а какие актуальные темы своего времени замолчал.

Оба писателя одинаково увлечены исламом и уделяют ему существенное внимание. Важным отличием является отношение к русским паломникам: их Бунин избегает или недолгобливает, тогда как Федоров, явно тяготеющий к

---

<sup>1</sup> Федоров А.М. Солнце жизни: Палестина. Ч. 2. М., 1913. 190–201 (глава «Араб»).

«народническому» типу письма, всячески пытается приобщить себя к простым крестьянам. Отношение к паломникам становится темой полемического напряжения между текстами. На некоторых страницах федоровского травелога создается ощущение «противостояния» бунинскому тексту (намеренное или случайное). В любом случае, сложно представить, что во время дружеских встреч писатели не обсуждали эту тему, — так по-разному воспринятую ими во время путешествий и по-разному представленную на страницах травелогов.

Таким образом, совместное увлечение писателей Востоком, объединившее их в 1897 г., протянулось сквозь десятилетия и реализовалось в травелогах. Интересно, что однажды писатели встретились на Востоке во время путешествия. Об этом Бунин писал П.А. Нилусу в письме от 10 февраля 1911 г.: «Нынче опять возвращаемся в П<орт>-Саид. Ожидание парохода измучило! — В день приезда в П<орт>-Саид видел Митрофаньча на «Царицыне» <пароход>, куда меня не пустили, ибо был под карантинным флагом: поговорил с ним с лодки»<sup>1</sup>. Последняя бунинская поездка (эмиграция) на Восток в феврале 1920 г. из Одессы через Константинополь в Софию тоже, в каком-то смысле, объединила судьбы друзей. В Болгарии Бунина уже ожидали эмигрировавшие таким же маршрутом в январе 1920 г. А.М. Федоров и П.А. Нилус. Однако едва ли вынужденную эмиграцию можно назвать путешествием.

### 3.3. И.А. Бунин и П. Лоти в поисках «подлинности»

Как уже было сказано (параграф 2.2), накануне и во время путешествия 1907 г. Бунин читал травелоги Пьера Лоти. Французский писатель привлек внимание Бунина значительно раньше. В 1899 г. Н.Д. Телешов в письме от 11 августа советовал Ивану Алексеевичу: «Почитай-ка французов». А.Н. Дубовиков, в комментарии к письму предполагал, что под «французами» имеются в виду: Золя, Мопассан, Лоти, Гюисманс.<sup>2</sup> В 1901–1903 гг. Бунин получал письма от Н.П. Эспозито (1859–19??), в одном из писем (от 28 июля 1903 г.) Эспозито (письма

<sup>1</sup> Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. М., 2007. С. 169.

<sup>2</sup> Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: [Сборник материалов]: в 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 1973. С. 496.

Бунина к Эспозито неизвестны), писала: «Какой вы, что вы любите? Pierre Loti? Я его тоже люблю, хотя он все тот же самый; на днях получу “Fantôme d’Orient”<sup>1</sup>, <...>. Когда мне что-нибудь в нем особенно понравится, я отмечу и спрошу вас»<sup>2</sup>. Критики и современники Бунина, реагировавшие на его путевые очерки, иногда ставили Лоти ему в пример. Так, М.А. Кузмин писал: «Очерки Иудеи И. Бунина не достигают описаний <...> Лоти»<sup>3</sup>.

Имя Лоти лишь изредка упоминается в бунинской библиографии<sup>4</sup>. Французский писатель, невероятно популярный при жизни, был быстро забыт историками литературы после смерти и лишь в последние годы, в первую очередь за счет постколониальной исследовательской оптики, о нем стали писать, как о крупном литераторе своего времени<sup>5</sup>. Лоти также является важной фигурой в истории русского литературного процесса конца XIX – нач. XX вв. В России его романы и путевые очерки переводились и переиздавались ежегодно с 1892 по 1926 гг.<sup>6</sup>

В этот период опубликованы два собрания сочинений Лоти на русском языке: в 5 т. (СПб: П.Ф. Пантелеев, 1901) и в 12 т. (М.: В.М. Саблин, 1909–1912). Состав у них разный, а продублированные тексты даны в разных переводах. Видимо, Бунин в разное время читал оба собрания сочинений: все интересующие

<sup>1</sup> «Fantôme d’Orient» (1892; первый пер. на рус. Т.А. Лебединской: *Лоти П. Призрак Востока // Лоти П. Собрание сочинений*: в 5 т. Т. 5. СПб: П.Ф. Пантелеев, 1901. С. 119–177.

<sup>2</sup> Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: [Сборник материалов]: в 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1973. С. 420.

<sup>3</sup> Кузмин М.А. Заметки о русской беллетристике // *Аполлон*. 1910. № 5. С. 55. В данном случае, Кузмин указывал на очерк П. Лоти «Галилея» (1896).

<sup>4</sup> Уже будучи в эмиграции, Бунин вновь читает Лоти, но уже по-французски. Цитата из романа Лоти «Le Roman d'un enfant» (1890; пер. «Роман ребенка») представлена в XIV гл. 1-ой кн. «Жизни Арсеньева». См.: *Бунин И.А. Жизнь Арсеньева // Бунин И.А. Собр. соч.*: в 6 т. Т. 5. М.: Худ. литература, 1988. С. 32. Бунин явно читал и другие романы П. Лоти в эмиграции. Так, например, среди книг Буниных находим: «Le Livre de la pitié et de la mort» (MS.1066/ 9623), «Pays basque» (MS.1066/ 9624), «Un Pèlerin d'Angkor» (MS.1067/ 303–305). См.: *Heywood A.J. Catalogue of the I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov and E.M. Lopatina Collections*. 2011. P. 176, 220.

<sup>5</sup> Укажем лишь несколько современных работ: *Berrong M.R. Putting Monet and Rembrandt into Words: Pierre Loti's Recreation and Theorization of Claude Monet's Impressionism and Rembrandt's Landscapes in Literature*. North Carolina: UNC Department of Romance Studies, 2014. 200 p.; *Berrong M.R. Pierre Loti*. London: Reaktion Books, 2018. 185 p.

<sup>6</sup> Первые публикации переводов романов Лоти выходят уже в 1882 и 1886 гг. Также только упомянем о переводах текстов Лоти в русской периодике, где имя Лоти постоянно появляется с 80-х гг. XIX в. Тема: Лоти и русская литература конца XIX – нач. XX в. — еще ждет своего исследователя. Укажем лишь несколько русскоязычных исследований о Лоти: *Абидулин А.М., Моисеева Е.Н. Интеллигент, не считавший себя таковым: французский романист Пьер Лоти и Восток // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2016. № 3. С. 63–70.; *Абидулин А.М., Моисеева Е.Н. Османское общество второй половины XIX века глазами французского интеллектуала Пьера Лоти // Интеллигенция и мир*. 2017. № 4. С. 65–81.; *Моисеева Е.Н. «Образ чужой культуры» в романах Пьера Лоти*. 80-е гг. XIX в. // *Восток — Запад: проблемы взаимодействия и трансляции культур*. Саратов, 2002. С. 170–193.

нас произведения П. Лоти изданы в пятитомном собрании: «Пустыня»<sup>1</sup> (Т. 4); «Иерусалим»<sup>2</sup>, «Галилея»<sup>3</sup> и «Зеленая мечеть»<sup>4</sup> (Т. 5). Вероятно, том из второго собрания сочинений Лоти Бунин упоминает в письме Е.А. Телешовой от 6 января 1912 г.: «Очень благодарю за Лоти — если Вам не жаль, оставьте мне его»<sup>5</sup>.

Творческий метод П. Лоти развивался в распространенной тогда во Франции концепции «экзотизма», теоретиком которой выступал поэт-путешественник Виктор Сегален (1878–1919). В своем эссе об экзотизме<sup>6</sup> он прогнозировал, что глобальный туризм принесет с собой разрушение любой экзотики и самобытности. Сегален видел спасение в появлении определенного типа путешественника — экзота. Человека, способного оценить и описать неповторимость и уникальность того или иного культурного феномена. Как раз такой пафос присущ травелогам Лоти, именно это больше всего ценил в нем Бунин.

Восточная тема в творчестве П. Лоти проявилась уже в первом (автобиографическом) романе «Азиаде»<sup>7</sup>. Лоти увлечен Стамбулом (он был там впервые в 1876 г.). Действие романа начинается в Салониках 10 мая 1876 г. и заканчивается в Константинополе 17 октября 1877 г. Главный герой — молодой офицер 26 лет — Лоти (псевдоним автора и фамилия героя совпадают) знакомится с Хатидже (но в романе она почти всегда именуется Азиаде), — 18-летней черкешенкой. Их трагической любви и посвящен роман. Экзотическим фоном

<sup>1</sup> *Loti P. Le Désert. Paris: Calmann-Lévy, 1895. 258 p.* Русский перевод цитируем по изд.: *Лоти П. Пустыня: очерки // Лоти П. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. СПб: П.Ф. Пантелеев, 1901. С. 123–225.*

<sup>2</sup> *Loti P. Jérusalem. Paris: Calmann-Lévy, 1895. 221 p.* Русский перевод цитируем по изд.: *Лоти П. Иерусалим: Дневник путешествия / пер. М. Тимофеевой. СПб: Н.Ф. Мертц, 1896. 104 с.* Предпочтение этого издания объясняется, во-первых, тем, что это первый перевод на русский язык; во-вторых, отсутствием сведений о переводчике в СС (Т.5, 1901); в-третьих, иллюстрированием издания, что схоже с издательским замыслом бунинского «Храма Солнца» в 1917 г.; в-четвертых, на наш взгляд предложенный перевод лучше подходит для сравнения.

<sup>3</sup> *Loti P. La Galilée. La Mosquée Verte. Paris: Calmann-Lévy, 1896. 249 p.* Русский перевод цитируем по изд.: *Лоти П. Галилея: Дневник путешествия / пер. М. Тимофеевой. СПб: Н.Ф. Мертц, 1896. 103 с.* Предпочтение этого издания объясняется, во-первых, тем, что это первый перевод на русский язык; во-вторых, продолжением идейного замысла «Иерусалима» (СПб: Н.Ф. Мертц, 1896); в-третьих, на наш взгляд предложенный перевод лучше подходит для сравнения.

<sup>4</sup> Это короткий текст-приложение: письмо П. Лоти послу Францию Полю Камбону, которое состоит из дневниковых записей от 29–30 мая 1894 г. про так называемую «Зеленую мечеть» XV века в турецком городе Бурса (Брусса). *Лоти П. Зеленая мечеть // Лоти П. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. СПб: П.Ф. Пантелеев, 1901. С. 102–118.*

<sup>5</sup> *Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. М., 2007. С. 203.*

<sup>6</sup> Это произведение так и не было опубликовано при жизни поэта. См.: *Segalen V. Essai sur l'exotisme, une esthétique du divers; et Textes sur Gauguin et l'Océanie (1904–1918). Paris: LGF/Livre de Poche, 1999. 184 p.*

<sup>7</sup> *Loti P. Aziyadé. Paris: Calmann-Lévy, 1879. 312 p.* Русский перевод вышел впервые только в 1997 г. См.: *Лоти П. Азиаде // Избранные романы о любви: в 2 т.: Т. 1. М.: Ладомир, 1997. 440 с.* Иногда текст печатают под заглавием «Невольница гарема: Азиаде» (М.: Рипол-классик, 2004; М.: Алгоритм, 2014).

романтических отношений становится Стамбул. Лоти пленяет культура этого города, здесь он впервые ощущает дух ислама, испытывает неподдельный интерес к дервишам<sup>1</sup> и вообще склонен воспринимать Стамбул как исключительно экзотическое место, наполненное гаремами (о них он пишет особенно подробно), кофейнями и мечетями. Писатель стремится передать «подлинность» в описании культуры города, именно эту установку позднее заметит и оценит в текстах Лоти Бунин. Роман выстроен в форме дневниковых записей, повествование ведется от первого лица. Эта характерная примета стиля Лоти, так написаны почти все его произведения. Несмотря на то, что роман «Азиаде» Бунин нигде не упоминает, представить, что он не был с ним знаком, — трудно. Роман начинает условную трилогию Лоти о Стамбуле. Следующий роман — «Fantôme d'Orient» (1892) — явился прямым продолжением «Азиаде». Главный герой (вновь автобиографический) — возвращается в город спустя 15 лет. Все эти годы он вспоминал Стамбул и свою возлюбленную (поиску сведений о ее жизни и смерти посвящено произведение). В первой главе он описывает свою подготовку к путешествию, во второй — путь через Бухарест (II глава), а во всех оставшихся (III–VII главы) — пребывание на Босфоре и в Стамбуле в сентябре–октябре 1887 г. Первый русский перевод книги появился в 1901 г.<sup>2</sup> С первых страниц Лоти сообщает о том, что очарован Стамбулом и духом ислама<sup>3</sup>.

Наконец, получив возможность, пусть и всего на несколько дней, съездить в Стамбул, Лоти, отправляется в путь. Доехав до Бухареста и пробыв там неделю, он отправляется в Варну, где, сев на пароход, идущий по Черному морю, оказывается у берегов Босфора: «Я <...> проснулся от сильного биения сердца при одном только имени Босфора. <...> Мы начинаем выходить из Босфора, и перед нами медленно раскрываются оба роскошные берега. Я узнаю все дворцы, самые маленькие деревеньки, самые маленькие кустики <...>. Я долго смотрю на эти

<sup>1</sup> «Дервиши, в одеяниях из грубой шерстяной ткани, приподняли кожаную дверцу, закрывавшую вход в святыню Стамбула, и разрешили мне осмотреть это столь чтимое место, куда ни одному христианину никогда не разрешалось даже бросить взгляд» (*Лоти П.* Азиаде. М., 1997. С. 36). Видимо, это преувеличение, т.к. уже к концу 1870-х и тем более в 1880–1890-е посетить мечети дервишей не составляло никакого труда для любого христианина, наоборот, дервиши зарабатывали на этом деньги, демонстрируя туристам свои ритуалы и впадая в экстатические состояния.

<sup>2</sup> *Лоти П.* Призрак Востока // *Лоти П.* Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. СПб: П.Ф. Пантелеев, 1901. С. 119–177.

<sup>3</sup> Там же. С. 119–120.

могилы <...>. И, наконец, там, далеко выходит вдруг сквозь прорвавшийся туман дорогой силуэт Стамбула!»<sup>1</sup>.

Интересно, что помимо схожей описательной манеры (описание Константинополя у Бунина тоже начинается с палубы корабля) Бунин использует схожий набор метафор и, в первую очередь, видит в Стамбуле могилы, кладбища и «поля мертвых». Заданное Лоти противопоставление Я vs туристы — тоже находит свое отражение в бунинском травелоге. Основным стержнем произведения Лоти является поиск подробностей о смерти Азиаде, в произведении также упоминаются герои «Азиаде», что очевидно связывает тексты между собой. Повествователь посещает разные стамбульские адреса, чтобы найти крупинки информации, разбросанные по всему городу. Роман завершается обретенным чувством освобождения. Читавший это произведение Бунин явно установил связь «Призрака Востока» с «Азиаде» и точно мог отметить восхищение Лоти перед культурой ислама и экзотикой Стамбула.

Вероятнее всего, книгу Пьера Лоти «Разочарованные» (1906, рус. пер. 1908)<sup>2</sup>, — заключительную часть «стамбульской» трилогии Лоти, которую упоминал и Федоров («За океан»), — Бунин прочел на русском языке уже после окончания работы над очерком «Тень Птицы». Однако и здесь некоторые идейные и тематические параллели с Буниным можно проследить.

Действие романа начинается в апреле 1901 г. Действие вновь происходит в Стамбуле. На этот раз писатель погружен в тайны турецких гаремов и освещает социальные проблемы. Посредством переписки, а потом лично, писатель знакомится с молодыми женами из султанского гарема. В константинопольском гареме писателя Андре Лэри (на этот раз у автора и главного героя разные имена) ценят за его роман «Медже» — роман о трагической любви между автором и черкешенкой Медже в Стамбуле, который он написал больше 20 лет назад<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Там же. С. 131–132.

<sup>2</sup> *Loti P. Les desenchantés: roman des harems turcs contemporains.* Paris: Calmann Levy, 1906. 435 p. Книга была переведена на русский язык в 1908 г. *Лоти П. Разочарованные: роман из современной жизни турецких гаремов* / пер. М. Штромберг. М.: Основа, 1908. VIII, 384 с.

<sup>3</sup> Явное указание на первый роман П. Лоти «Азиаде» (1879).

С помощью Андре Лэри девушки хотят обратить внимание европейской общественности на бедственное положение женщин в турецких гаремах. В свою очередь, писатель заинтересован возможностью узнать секреты гаремной жизни дворца, разгадать тайну Стамбула<sup>1</sup>. Дамы предлагают Андре Лэри написать книгу «Разочарованные» и снабжают его необходимыми сведениями. Эти сведения, как и описания «тайных» встреч, составляют большую часть романа. За два года писатель и султанские жены становятся настоящими друзьями, поэтому с трудом переживают расставание в ноябре 1905 г. когда писатель, закончив службу, вынужден покинуть Стамбул. Он принимается за работу над романом в знак памяти о дружбе и в надежде помочь турецким женщинам.

Немаловажной задачей романа становится очередная (третья) попытка уловить и описать душу Стамбула. На этот раз повествователь, в первую очередь глазами Загиде (а затем и глазами Лэри) старается представить перед читателями «настоящий», «подлинный» город, открывающийся только жителям и ценителям Стамбула и его мусульманской души: «Настоящий, но точно купающийся в каком-то голубоватом тумане, в молчании и величии призрака, Стамбул, столетний Стамбул, был тут налицо, такой же, как тот, которым любовались старые калифы, как некогда смело задумал и наметил его план Сулейман Великолепный, приказав воздвигнуть здесь самые дивные куполы»<sup>2</sup>.

Частотность этих попыток Лоти явно указывает на постоянный прием из арсенала его поэтики. Вряд ли Бунин-читатель не обратил на это внимание. Отдельно хотелось бы указать на две интересные детали, роднящие тексты Лоти и Бунина. Во-первых, молодые девушки из гарема в произведении Лоти читают «выдержки из “Страны роз” Саади»<sup>3</sup>. Неизвестно, когда именно Бунин заинтересовался Саади и было ли это под влиянием Лоти, но тексты французского писателя явно закрепили интерес Бунина к персидскому поэту. Во-вторых, в конце

<sup>1</sup> К Сералю как к загадочному месту относится и Бунин, когда проходит с Герасимом рядом со Старым Сералем (См.: Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 117–118).

<sup>2</sup> Лоти П. Разочарованные. М., 1908. С. 23. Очерк «Тень Птицы» И.А. Бунина, как мы уже ни раз отмечали, содержит такую же установку на «подлинное» описание.

<sup>3</sup> Там же. С. 33.

произведения, перед отъездом, автор называет окрестности вокруг Стамбула «полями мертвых»<sup>1</sup>, такое же сравнение появляется у Бунина.

Следующая условная трилогия Лоти посвящена Ближнему Востоку и объединена идеей паломничества по Святой земле. В травелогах: «Пустыня», «Иерусалим», «Галилея»<sup>2</sup> Лоти с первых страниц выставляет путешественников (особенно пользующихся услугами «агентства Кук»<sup>3</sup>) в нелюбимом свете. Желание, с одной стороны, избежать «опошленных» троп, а с другой, увидеть и описать подлинный экзотизм — буквально определяют выбор маршрута: «Но мною овладело желание в этот век безверия узреть Иерусалим, идти по пустыне в уединение, чтобы сосредоточиться и достойным образом явиться в священный град. <...> Самый длинный <путь> через Синай, Акаба и пустыню Петра; я выбрал <...> только потому, что мой проводник не советовал мне идти по ней»<sup>4</sup>. В этом начальном фрагменте запечатлены все идейные установки травелога: во-первых, совершить паломничество в Иерусалим, путь к которому начинается издалека (пустыня в этом смысле лишь своеобразная аскетическая подготовка перед входом в Святую землю); во-вторых, предложить не «опошленный» оригинальный маршрут (пешком через пустыню к Иерусалиму), который позволяет разглядеть самобытную культуру, скрытую от взора обычного путешественника. Все эти идейные установки вписываются в концепцию экзотизма.

Следует заметить, что, хоть травелоги Лоти и публиковались отдельно друг от друга, их единство очевидно. В «Пустыне» Лоти начинает свой путь из Каира (куда, видимо, прибыл из Александрии или Порт-Саида — об этом не сказано) в Суэц, затем, переплыв Суэцкий канал, он отправляется в поход через пустыни Синайского полуострова до Газы в компании с другом Лео, разными бедуинами, местными шейхами и случайными попутчиками. Так заканчивается «Пустыня». По пути автор описывает увиденные святыни, храмы, экзотические места,

<sup>1</sup> Там же. С. 365. Именно так хотел назвать Бунин французское издание «Храма Солнца» (см. параграф 1.2).

<sup>2</sup> Отметим, что впервые на художественные и идейные параллели «Иерусалима» и «Галилеи» Лоти и «восточных» текстов (поэзии, в первую очередь) Бунина, указала Т.М. Двинятина (см.: *Двинятина Т.М. Поэзия Бунина*. 2015. С. 96–97).

<sup>3</sup> «Thomas Cook Group» — одна из первых туристических компаний, начавшая свою деятельность в 1841 г., создана английским предпринимателем Томасом Куком (1808–1892).

<sup>4</sup> *Лоти П. Пустыня*. СПб., 1901. С. 124.

особенности флоры и фауны, местных жителей, а также существенное внимание уделяет пейзажам и экзотическим краскам. В поэтике Лоти часто встречается описание одного места в разное время суток, такая палитра наблюдаемых оттенков и такое внимание к игре света и тени роднит автора с импрессионистической школой живописи, популярной во Франции второй конца XIX в.<sup>1</sup>

Изначальный маршрут, в силу разнообразных обстоятельств — будь то сложность погодных условий, нападение бедуинов-разбойников, запреты местных управленцев и даже военные действия — был изменен. В «Иерусалиме» Лоти продолжает там же, где остановился в «Пустыне», самые первые слова после предисловия автора звучат так: «Сегодня второй день Пасхи. Пройдя пустыню, мы просыпаемся под шатрами среди кладбища Газы»<sup>2</sup>. После краткого описания красот Газы начинается путешествие<sup>3</sup>. Лоти вновь использует тот же прием, что и в «Пустыне»: оставляет более легкую дорогу туристам-обывателям, выбирая экзотический паломнический маршрут. Путь к Хеврону и остановка в местной деревушке Бейт-Джибрин, осмотр гробницы Авраама, восхищение ветхозаветностью этих мест — все это занимает значительную долю повествования на пути в Вифлеем и Иерусалим. Затем следует весьма подробное описание авраамических святынь, монастырей, храмов (особенно Храма Гроба Господня), мечетей (особенно Мечети Омара) и прочих мест, связанных с именем Иисуса Христа или указывающих на Библию. «Галилею» Лоти начинает так: «Утром, у Яффских ворот мы садимся на коней под сильным ветром и ледяным дождем. Мы покидаем Иерусалим в тумане бурных туч»<sup>4</sup>. Он отправляется в Назарет, затем к Тивериадскому озеру, далее в Дамаск, потом в Баальбек и завершает свое паломничество в Бейруте (откуда по Средиземному морю возвращается в Европу).

Травелоги Лоти по форме напоминают дневниковые записи, поэтому какие-то рассуждения в них часто повторяются, а описания дублируются. Все главы

<sup>1</sup> См.: *Berrong M.R.* Putting Monet and Rembrandt into Words: Pierre Loti's Recreation and Theorization of Claude Monet's Impressionism and Rembrandt's Landscapes in Literature. North Carolin: UNC Department of Romance Studies, 2014. 200 p.

<sup>2</sup> *Лоти П.* Иерусалим. СПб., 1896. С. 4.

<sup>3</sup> Там же. С. 4.

<sup>4</sup> *Лоти П.* Галилея. СПб., 1896. С. 5.

снабжены датами, что позволяет легко проследить хронологию путешествия<sup>1</sup>. Записи в «Пустыне» датируются с 22 февраля по 25 марта 1894 г.; в «Иерусалиме» — с 26 марта по 16 апреля, в «Галилее» — с 17 апреля по 3 мая<sup>2</sup>. Многие записи имеют эпитафии из латинских источников или из Библии (Библия часто цитируется во всех травелогах)<sup>3</sup>. Оба автора воссоздают библейское пространство (рассматривают Святую землю как застывшее — могильное, кладбищенское, внеисторичное — пространство), в которое можно попасть, обладая должным поэтическим (по Бунину) или экзотическим (по Лоти) зрением.

Экзотизм Лоти достигается определенной паломнической аскезой. Для него Восток спрятан в пустынях и труднодоступных местах, скрыт в редких оазисах и среди караванов бедуинов. Туристическая логика Лоти, в каком-то смысле, сводится к тому, что путешественник обязан испытать себя и поместить в те же социально-бытовые условия, что и обычный житель Востока, если он хочет по-настоящему прочувствовать и прожить путешествие. Только в такой логике «охоты» за экзотизмом можно, по Лоти, ощутить и почувствовать подлинный дух Востока. Дневниковая форма записи позволяет Лоти записывать свои мысли и чувства «по горячим следам», находясь на пике своих эмоциональных переживаний. Бунин, однозначно предпочитающий комфорт путешествия паломнической аскезе, не готов к таким практикам путешественника. Однако сама установка на подлинность явно привлекала писателя как художественный прием. Бунин, не стремившийся к моментальной записи, предпочитавший ей внутреннее переживание и последующее воспоминание (на бумаге), несколько перерабатывает

---

<sup>1</sup> Бунин, наоборот, нарушает описательную хронологию путешествия в угоду сформулированному паломническо-литературному нарративу. В этом смысле и при таком сравнении дневники Лоти выглядят литературно необработанными. В них также часто можно встретить повторы, трюизмы и излишний сентиментализм (или импрессионизм), это отмечали и современники. См.: *Абидулин А.М., Моисеева Е.Н.* Интеллигент, не считавший себя таковым: французский романист Пьер Лоти и Восток // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 65–66.

<sup>2</sup> Интересно, что Лоти отправляется в паломничество во время христианской Пасхи и мусульманского Рамадана. Это лишний раз подчеркивает паломническую подоплеку травелога. Восточное путешествие Бунина по Святой земле пришлось на схожие даты: с 22 апреля по 12 мая и также частично на время Пасхи.

<sup>3</sup> Тоже самое встречаем у Бунина на протяжении всей книги. См.: *Андреева С.Л.* Библейские реминисценции как фактор текстообразования (на материале произведений И.А. Бунина «Тень птицы», «Окаянные дни», «Миссия русской эмиграции»): дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. С. 2.

и сам прием. Он консервирует пережитые чувства и дает им время «настояться», чтобы позднее сформировать из них «чекан души».

Идеологические установки путешествия-паломничества при любом удобном случае возникают на страницах текста Лоти. Он позиционирует себя атеистом, который отправляется на Восток, в Святую землю, чтобы найти в это тяжелое время символ Единой Надежды, выраженный в фигуре Искупителя. Наиболее ярко этот тезис озвучен в предисловии к «Иерусалиму»: «Книгу мою в состоянии будут читать и переносить лишь те, которые страдают от потери Единой Надежды, какой они обладали когда-то; те, которые, неверующие, как и я, жаждут прийти ко Гробу Господню с сердцем полным молитвы, и которые, пожалуй, готовы доползти до него на коленях...»<sup>1</sup>.

Хотя при этом пафос ислама тоже волнует писателя не только в Стамбуле, но и в Иерусалиме. Хоть Храму Гроба Господня, как и полагается, уделено много места, все же мечеть Омара<sup>2</sup> интересует писателя куда больше: «Сегодня мы снова, благодаря солнцу и теплему веянию весны, подпадаем под очарование ислама. Мы отправляемся к арабской святыне, к знаменитой мечети Омара <...> Это и есть чудо ислама — мечеть Омара. Какую величавую тишину, какое суровое запустение арабы сумели сохранить вокруг своей святыни!»<sup>3</sup>. Иногда же Лоти ощущает вокруг себя библейское пространство, наполненное поэзией и трагизмом ветхозаветных и евангельских сюжетов, порой даже испытывает редкие минуты откровения веры (в одиночестве и уединении близ Иосафатовой долины<sup>4</sup>. Но, как правило, наличие туристов размывает, опошливает впечатление Лоти, отчего даже Иерусалим, Храм Гроба Господня и Гефсиманский сад разочаровывают его, а редкое, с таким трудом обнаруженное, чувство веры улетучивается<sup>5</sup>. Предпринятая попытка провести ночь уединения в Гефсиманском саду, тоже разочаровала и не принесла желаемого результата: «Я падаю в ничто. <...> И с обманутой надеждой в сердце, с опустелой

<sup>1</sup> Лоти П. Иерусалим. СПб., 1896. С. 3–4.

<sup>2</sup> Лоти следует распространенной ошибке и называет Купол Скалы — мечеть Омара.

<sup>3</sup> Лоти П. Иерусалим. СПб., 1896. С. 32–33. Лоти, как и многие его современники называет Купол Скалы — мечеть Омара. То же самое встречаем у Бунина и Федорова и других путешественников.

<sup>4</sup> Там же. С. 82.

<sup>5</sup> Там же. С. 79–80.

навски, почти возмущенной, душой, я спускаюсь к старым, железом окованным, воротам Иерусалима»<sup>1</sup>. И даже несмотря на вновь обретенное чувство веры на берегах Тивериадского озера (в «Галилее») путешествие Лоти завершается разочаровывающим заключением: «Конец нашему путешествию, конец нашей погоне через страну, для которой уже наступал конец без возврата. Во всей этой Святой Земле мы ничего не нашли, кроме профанации, пустоты и смерти»<sup>2</sup>.

Предметом постоянной критики Лоти являются современные путешественники. Туристы воспринимаются Лоти как нечто инородное, как то, что размывает границы сакрального ощущения Другого и делает диалог с иной культурой чем-то невозможным. Лоти весьма остро реагирует на туристов на протяжении всего путешествия, приведем лишь одну наиболее яркую цитату: «Мимо нас проезжают еще два экипажа с шумными туристами агентства Кук: мужчины в пробковых касках, толстые женщины в картузах с зелеными вуалями. Мы не ожидали встретиться с ними. Наша религиозная мечта, более еще, чем представление о востоке, оскорблена этой встречей. О, их крики, их хохот и болтовня на этой Святой земле, куда мы пришли смиренно и вдумчиво по древнему пути пророков!»<sup>3</sup>. Бунин, как мы уже указывали, тоже частично строит свой травелог на противопоставлении себя туристам, в особенности русским<sup>4</sup>.

Вероятно, Бунин не идет дальше в своем обличительном пафосе и стремится занять позицию космополита-путешественника, т.к. понимает, что, по определению Лоти, сам попадает в категорию ненавистных для него туристов. Ведь Бунин, хоть и разделяет с Лоти стремление описать «подлинность» Востока, прочувствовать его колорит, не готов отказываться от европейских удобств путешественника: услуг туристических агентств, предложенных путеводителем маршрутов<sup>5</sup>, удобства железных дорог и пр. в пользу постулируемых Лоти бытовых практик восточного образца: проживание в палатке (изредка в отеле), стоянки в

<sup>1</sup> Лоти П. Иерусалим. СПб., 1896. С. 96–97.

<sup>2</sup> Лоти П. Галилея. СПб., 1896. С. 102.

<sup>3</sup> Лоти П. Иерусалим. СПб., 1896. С. 7–8.

<sup>4</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 121.

<sup>5</sup> Стоит отметить, что Лоти воспринимает путеводитель как все ту же примету неправильного туриста, который нарушает чувство сакрального в Святом месте (Лоти П. Иерусалим. СПб., 1896. С. 17).

оазисах и горной местности посреди пустынь, передвижение на верблюдах и мулах, постоянное общение с бедуинами и местными шейхами и пр. Именно такое бытовое «погружение» в Восток, по Лоти, как раз и есть наиболее важный фактор путешествия, игнорируя который современный турист упускает ту самую «подлинность». Особенно ярко это различие между писателями ощущается в топосе железных дорог и поездов. Для Лоти образ железной дороги и поездов (в Бейруте и Дамаске<sup>1</sup>) — это и есть образ губительного «объевропеивания», который он фиксирует в разных городах Востока: отчего Яффа «сделалась банальной, как предместье Парижа»<sup>2</sup>, а Бейрут стал обычным «объевропеившимся портом»<sup>3</sup>.

Бунин упоминает поезд и железную дорогу трижды в своих очерках: 1) по пути из Александрии в Каир в очерке «Зодиакальный свет»<sup>4</sup>; 2) в очерке «Иудея»<sup>5</sup> по пути из Яффы в Иерусалим (эту железную дорогу упоминает и Лоти) 3) в очерке «Храм Солнца»<sup>6</sup> по пути из Бейрута в Баальбек и далее в Дамаск (Лоти как раз писал про строительство этой железной дороги). Стоит отметить, что Лоти благосклонно отнесся только к двум категориям встреченных им путешественников: дервишам (но их он упоминает всего несколько раз)<sup>7</sup> и русским паломникам (они упоминаются очень часто, особенно в «Иерусалиме»). Их он называет «людьми пламенной веры»<sup>8</sup>, всякий раз подчеркивает их невообразимое количество в Иерусалиме: «вокруг часовни сотни русских мужиков и баб на коленях»<sup>9</sup> и окрестностях «целая толпа русских богомольцев»<sup>10</sup> и особенно выделяет Лоти экстатическую веру русских паломников<sup>11</sup>.

<sup>1</sup> *Лоти П.* Галилея. СПб., 1896. С. 68–71.

<sup>2</sup> Там же. С. 88. Такое сравнение Яффы (предместья Иерусалима) с предместьем Парижем тоже указывает на пагубное влияние европейской культуры и туризма. Лоти как раз не хочет, чтобы Яффа становилась еще одним так хорошо знакомым предместьем Парижа, он хочет, чтобы Яффа была самобытной, неповторимой и уникальной.

<sup>3</sup> *Лоти П.* Галилея. СПб., 1896. С. 68–69.

<sup>4</sup> В первой публикации 1908 г. была представлена 7 глава «Зодиакального света», где повествователь едет на поезде из Каира в Порт-Саид. В последующих публикациях глава снята (см. параграф 2.3.4).

<sup>5</sup> Там же. С. 169.

<sup>6</sup> Там же. С. 206.

<sup>7</sup> *Лоти П.* Иерусалим. СПб., 1896. С. 47. В романе «Разочарованные» дервиши упоминаются часто (*Лоти П.* Разочарованные. М., 1908. С. 123, 143, 148–149, 198, 343, 350). Также о них идет речь в романе «Азиаде».

<sup>8</sup> *Лоти П.* Пустыня. СПб., 1901. С. 125.

<sup>9</sup> *Лоти П.* Иерусалим. СПб., 1896. С. 28.

<sup>10</sup> Там же. С. 74.

<sup>11</sup> Там же. С. 25–26, 43.

Бунин, как мы уже не раз отмечали, тоже увлечен дервишами, которых наблюдал в Стамбуле, он соотносит себя с ними, хочет быть одним из них, находя их экстатические состояния подлинно поэтическими. Но русские паломники в Стамбуле или Иерусалиме Бунину скорее неприятны, в них он не видит такого же экстатического начала<sup>1</sup>. Бунин, как мы уже отмечали ранее, не уверен в «подлинности» веры русских паломников, его душа бывает наполнена сомнениями веры (как и душа Лоти), оттого правоверные кажутся ему нерефлексирующими обывателями, для которых топоним Святой земли и личность Христа не содержат ничего, кроме догматов веры. В том, как паломники ведут себя на Святой земле, как бездумно (по религиозному путеводителю) посещают святыни и бесцельно проводят время, Бунин видит ту же самую пошлость, что Лоти в туристах.

С одной стороны, стремление убежать от опошленного массами туристов и паломников-обывателей образа Христа, с другой стороны, поиск «истории повседневности» эпохи Христа — интересным образом сближают Лоти и Бунина. Оба автора стремятся реконструировать библейское пространство и посмотреть сквозь время на застывшее пространство Востока, хранящее в себе память о днях жизни Иисуса. Неслучайно оба автора регулярно наблюдают в местных жителях черты людей, населявших Иудею в ветхозаветные времена: Бунин видит в местных торговцах варваров древних времен, торгующих все тем же набором продуктов, а Лоти в любой встречной девушке угадывает образ Девы Марии: «вот словно сама Дева Мария идет к нам с Младенцем Иисусом на руках»<sup>2</sup>. Схожее чувство «жизни» Иисуса возникает у авторов в Назарете и его окрестностях<sup>3</sup>. Дальнейший поиск того самого, не опошленного места, где проходила малоизвестная (и оттого нетронутая) история жизни Христа, приводит обоих авторов к Тивериадскому озеру. Лоти отзывается о Тивериаде как о «дорогой, священной родине»<sup>4</sup>. Именно здесь он ощущает наибольшее присутствие Иисуса. В компании французских священников он изучает окрестности города Тивериады, а позже на паруснике

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 116, 178, 180.

<sup>2</sup> Лоти П. Иерусалим. СПб., 1896. С. 16, 20.

<sup>3</sup> Лоти П. Галилея. СПб., 1896. С. 27–29. По итогу, Назарет разочаровывает Лоти «современностью» из-за туристов. Ср.: Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 216–217.

<sup>4</sup> Лоти П. Галилея. СПб., 1896. С. 39.

переплывает озеро (писателю моряки кажутся апостолами<sup>1</sup> из Евангелия) и посещает его берега от Капернаума до Магдалы<sup>2</sup>, археологические раскопки, изучает храмы, где беседует с монахами, воображает неизвестную жизнь Христа и, удивительным для себя образом, приходит к молитве: «Иисус словно оставил здесь <в Тивериаде> божественный мир, исшедший из Него, ибо мы чувствуем здесь себя иными, лучшими, более доступными кроткому состраданию и бесконечной жалости. И эти слова поют в нас с новым значением, словно понятые впервые, и хочется плакать, повторяя слова Христа: “Мир вам!”, “Да будет мир мой над вами!..”»<sup>3</sup>. Маршрут и библейский пафос, представленный у Лоти, совпадают с бунинским. Бунин также посещает окрестности Геннисарета, переплывает Геннисаретское озеро на паруснике, тоже видит в гребцах рыбаков-апостолов, посещает Капернаум, Табху, Магдалу, беседует с французскими, немецкими и итальянскими монахами (возможно, с кем-то из них за 13 лет до этого беседовал и Лоти), изучает археологические раскопки и чувствует во всем окружающем пространстве присутствие Христа. «Геннисарет» — последний очерк в книге Бунина — воплощает кульминацию паломнического путешествия. В конце очерка главный герой читает раскрытое на столе Евангелие и видит образ Христа.

От Тивериады Лоти продолжает путь в Баальбек<sup>4</sup>. И, возможно, именно это путешествие, эта конечная точка пути вдохновила Бунина отправиться в паломничество к Храму Солнца (как мы уже отмечали, для русского путешественника 1890–1900-х гг. это необычная точка на карте путешествия). Интересно, что, несмотря на экзотическую самобытность Сирии, которую так ценит Лоти (в эти края еще не протянули железную дорогу, хотя работа над ней началась), первое его впечатление исключительно «европейское» (колониальное). Даже первобытный облик развалин древнего восточного государства, в первую очередь, описан через знакомый образ Франции: «Можно подумать, что это уголки Франции, если бы над этим леском не возвышалась гигантская, стройная и высокая

---

<sup>1</sup> Лоти П. Галилея. СПб., 1896. С. 42, 45.

<sup>2</sup> Там же. С. 48–49.

<sup>3</sup> Там же. С. 40.

<sup>4</sup> Там же. С. 89–90.

колоннада храма солнца!»<sup>1</sup>. Современный Баальбек ожидаемо не нравится повествователю, т.к. город похож на очередной «европейский» городок, обслуживающий путешественников, желающих посмотреть на древний памятник. Снова Лоти упоминает агентства Кука, показывая, что на востоке буквально негде скрыться от этой эмблемы современного туризма<sup>2</sup>. На следующих страницах Лоти весьма подробно (вероятно, по путеводителю) описывает Храм Солнца, в его травелоге чуть ли не впервые появляются исторические имена, факты и реалии (в этом текст Бунина схож с текстом Лоти, археологическим отчетом и путеводителем). Схожим кажется и набор эпитетов, которые употребляет Бунин вслед за Лоти: «чудовищный», «невообразимый», «циклопическая» и пр.<sup>3</sup> На развалинах Храма Солнца подводит Лоти итог своего путешествия: «и среди великолепия города Ваала цикл нашего паломничества замкнулся»<sup>4</sup>.

Бунин, увлеченный произведениями Лоти с 1900-х гг., на наш взгляд, предстает как весьма внимательный и вдумчивый читатель. Он усваивает идеологическую нацеленность Лоти на экзотизм, «подлинность» и уникальную самобытность каждого культурного феномена; изучает импрессионистический стиль Лоти как оригинальный литературный прием. Тематические переключки в творчестве писателей ярко бросаются в глаза: интерес к исламу, поиск следов жизни Христа. Кажется, что и Храм Солнца в Баальбеке выбран Буниным как точка назначения паломничества не в последнюю очередь из-за чтения Лоти. Возможно, интерес к дервишам и текстам Саади тоже связан с чтением Лоти. Бунин не копирует Лоти, а адаптирует его метод к своим художественным задачам.

### 3.4. Библейский хронотоп И.А. Бунина и С.С. Кондурушкина

Важным литературным современником и собеседником для Бунина становится С.С. Кондурушкин<sup>5</sup>, проживший на Востоке 5 лет и отметившийся в

<sup>1</sup> Лоти П. Галилея. СПб., 1896. С. 90.

<sup>2</sup> Там же. С. 91.

<sup>3</sup> Там же. С. 94–96.

<sup>4</sup> Там же. С. 97.

<sup>5</sup> Результаты, приводимые в этом параграфе впервые представлены в статьях: Щавлинский М.С. «Храм Солнца» И.А. Бунина и «Сирийские рассказы» С.С. Кондурушкина: точки пересечения // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 221–232. См. также статью: Анисимов К.В. «Литературность»

истории литературы своими «Сирийскими рассказами». По предложению ИППО с 1 августа 1898 г. Кондурушкин был определен на службу преподавателем Назаретской учительской семинарии. С 1 октября 1902 г. ИППО назначило Кондурушкина помощником инспектора в Рашайском округе. С 1900 г. и до отставки в 1903 г. Кондурушкин служил начальником школы в Нижней Рашае<sup>1</sup>. В 1900 г. в сентябрьском номере «Русского богатства» вышла первая публикация Кондурушкина: «Греки в Палестине и Сирии»<sup>2</sup>. Как отмечает С.М. Владимирова: «с 1901 года почти на полтора десятилетия <Кондурушкин> становится постоянным автором журнала <“Русское богатство”>. Среди его публикаций — короткие заметки, большие очерки, цикл “Из скитаний по Сирии”, фактически ставший отправной точкой большой литературной карьеры»<sup>3</sup>. В эти годы писатель начинает публиковать «сирийские рассказы» или «рассказы из скитаний по Сирии». Результатом этой литературной работы станет книга «Сирийские рассказы» (СПб., 1908)<sup>4</sup>.

Когда именно Кондурушкин познакомился с творчеством Бунина, пока установить не удалось. Но с творчеством Кондурушкина и, вероятно, с ним самим Бунин познакомился не позднее весны 1908 г. Так, известно, что 5 апреля 1908 г. Кондурушкин писал Бунину, предлагая сотрудничество — переводить классические арабские поэмы — Муалляки. С подобным предложением он обращался и к А.М. Федорову. Особенно интересно то, что Кондурушкин приложил к письму весьма подробный библиографический список об арабской

---

травелога: границы родины и границы жанра (мотив отплытия из России у Бунина, Гумилева и других) // Филологический вестник сургутского государственного педагогического университета. 2021. №. 4. С. 81–97. Автор сравнивает Бунина, Гумилева и Кондурушкина. См. также: *Щавлинский М.С.* Степан Семенович Кондурушкин (1874–1919): жизнь и творчество. Материалы к биографии, 1874–1905 гг. // Текстология и историко-литературный процесс: X и IX Международная конференция молодых исследователей (Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 15–17 октября 2020 г. и 18–20 марта 2021 г.): Сборник статей. М.: Common Place, 2022. С. 100–113.

<sup>1</sup> *Федотов П.В.* «Сообщения ИППО» как источник информации о руководящем составе школ Палестинского Общества // Православный палестинский сб. 2019. Вып. 116. С. 185.

<sup>2</sup> *Кондурушкин С.С.* [К. С.] Греки в Палестине и Сирии // Русское богатство. 1900. Сентябрь (№ 9). С. 168–196. (Отд. I).

<sup>3</sup> *Владимирова С.М.* Художественная проза С.С. Кондурушкина 1900–1910-х гг.: проблематика, поэтика, литературный контекст: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2023. С. 41.

<sup>4</sup> *Кондурушкин С.С.* Сирийские рассказы. СПб: Знание, 1908. 250 с. В 1910 г. вышел второй том, но уже под заглавием «Рассказы» (СПб: Знание, 1910). Только в 1-ом отделении (книга состоит из 3-х отделений) представлены тексты о Востоке: «Моисей» (С. 1–78), «Без берегов» (С. 79–106), «В сетях дьявола» (С. 107–170). См.: *Кондурушкин С.С.* Рассказы. СПб: Знание, 1910. 290 с.

поэзии (см.: Приложение 1). Писатели поддерживали переписку на протяжении всего года<sup>1</sup>, видимо, иногда встречались лично (во всяком случае, о личных встречах часто просил Кондурушкин<sup>2</sup>).

В последующие годы общение между писателями продолжилось. В январе 1909 г. Кондурушкин планировал поездку на Новую землю<sup>3</sup> и просил у Бунина поручительства перед И.Д. Сытиным и Н.П. Рябушинским в расчете, что эта экспедиция заинтересует издателей, но, видимо, просил безрезультатно<sup>4</sup>. В ноябре Кондурушкин поздравлял Бунина «с избранием <...> в члены Академии»<sup>5</sup>. На этом взаимоотношения между писателями практически прекратились.

Известно, что Кондурушкин не оценил «Деревню» (1910) Бунина, о чем писал М. Горькому в письме от 30 января 1912 г.<sup>6</sup> В конце октября этого же года Кондурушкин опубликовал в петербургской газете «Речь» письмо «25-летний юбилей И.А. Бунина», где, в частности, писал: «вы родились художником, от Господа Бога поэт. <...> Ваше творчество — созерцание и покой». В конце своего открытого письма Кондурушкин говорил: «<мне> больше всего хотелось бы в этот день <...> посидеть с вами наедине часок, поговорить о чем придется и пожать руку. Мы так мало встречались»<sup>7</sup>. Последний раз — и тоже не лично — писатели общались в марте 1918 г. «Ф.К. Сологуб и С.С. Кондурушкин обращаются в письме к Бунину от имени “Союза деятелей художественной литературы”, организованного в Петрограде» и просят высказаться о сложившейся ситуации<sup>8</sup>.

<sup>1</sup> Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 747.

<sup>2</sup> Там же. С. 747, 749, 754.

<sup>3</sup> Чуваков В.Н. Степан Семенович Кондурушкин // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. 1994. Т. 3. С. 50–51.

<sup>4</sup> Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 777.

<sup>5</sup> Там же. С. 838.

<sup>6</sup> Переписка с С.С. Кондурушкиным / Предисл., публ. и коммент. В.Н. Чувакова // Горький и русская журналистика начала XX века: Неизд. переписка. Литературное наследство. Т. 95 / Отв. ред. И.С. Зильберштейн, Н.И. Дикушина. М., 1988. С. 978. О поэтике деревни у Кондурушкина см. Владимирова С.М. Художественная проза С.С. Кондурушкина 1900–1910-х гг.: проблематика, поэтика, литературный контекст: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2023. С. 139–140.

<sup>7</sup> Кондурушкин С.С. 25-летний юбилей И.А. Бунина // Речь. № 295. 1912. 27 окт. С. 3.

<sup>8</sup> Владимирова С.М. Художественная проза С.С. Кондурушкина 1900–1910-х гг.: проблематика, поэтика, литературный контекст: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2023. С. 32.; Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2. 1910–1919. М., 2017. С. 917.

В 1909 г., выпуская пятый том собрания сочинений, Бунин (по своей воле или по воле издателя) закончил очерк «Зодиакальный свет»<sup>1</sup> таким же изображением<sup>2</sup>, которым раньше закончил свой рассказ «Акулина в Триполи»<sup>3</sup> С.С. Кондурушкин.

В 1908–1910 гг. издательство «Знание» публикует сборники Кондурушкина «Сирийские рассказы» и «Рассказы»; известно, что Бунин читал том «Сирийских рассказов» до выпуска своего пятого тома собрания сочинений и просил издательство «Знание» печатать весь том так же, как у Кондурушкина. Бунину понравилось оформление, верстка и качество бумаги. 30 октября 1908 г. он писал К.П. Пятницкому: «Посылаю <...> материал пятого тома. Так как он будет напечатан точно, как рассказы Кондурушкина»<sup>4</sup>.

В 25 выпуске сборников товарищества «Знание» были напечатаны «Моисей» Кондурушкина (позднее текст войдет во 2 том рассказов) и три сонета Бунина: «Караван», «Иерихон», «Бедуин», объединенные заглавием «Иудея». Критики положительно оценили выход сборника, в частности, В.В. Брусянин писал: «красивые акварели-сонеты Ив. Бунина — “Иудея” так хорошо дополняют содержание рассказа г. Кондурушкина <“Моисей”>, рисуя образ “Бедуина”, нового человека пустыни <...> такими красочными мазками»<sup>5</sup>. (Позднее, в отдельном издании «Храма Солнца» (1917), все три сонета опубликованы в той же последовательности с незначительными изменениями<sup>6</sup>).

Тематически книги очень схожи в описании Востока. Оба автора используют одинаковые претексты. Главный претекст «Храма Солнца» — Библия. На нее, как мы уже не раз указывали, повествователь ссылается чаще всего. Следующим источником, по количественному показателю, будет Коран. То же можно сказать и о «Сирийских рассказах» Кондурушкина. Приведем лишь

<sup>1</sup> Бунин И.А. Тень птицы; Зодиакальный свет. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. СПб., 1909. С. 233.

<sup>2</sup> Рисовал изображение художник Евгений Евгеньевич Лансере (1875–1946).

<sup>3</sup> Кондурушкин С.С. Сирийские рассказы. СПб: Знание, 1908. С. 130. Оба рисунка опубликованы, см.: Шавлинский М.С. «Храм Солнца» И.А. Бунина — неоконченный проект освоения востока // И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества. М.: Литфакт, 2021. С. 944.

<sup>4</sup> И.А. Бунин. Письма 1905–1919. М., 2007. С. 89.

<sup>5</sup> Брусянин В.В. [Рец. на: 25-й] Сборник товарищества «Знание» // Современный мир. 1909. Апр. (№ 4). С. 103. (Отд. II). (Цит. по: Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 804).

<sup>6</sup> Бунин И.А. Храм Солнца. Пг., 1917. С. 27–29.

несколько примеров. У Бунина: «повествует Библия»; «...которые Библия называла заоблачными...»; «...были начертаны над гробами слова Корана»; «“Лица их, — думаю я словами Корана, — похожи на яйца страуса, сохраненные в песке”»; «...только сурами Корана»<sup>1</sup>. У Кондурушкина: «...проповедовать свободное понимание Библии...»; «Развернул Евангелие, нашел пятую главу от Матфея»; «...бормоча в бороду первую главу из Корана»; «...спускаться вниз и читать Коран»; «...молча прочитали священные стихи Корана»<sup>2</sup>.

Оба автора говорят о былом величии Востока; сравнивая его с днем сегодняшним, подчеркивают, что Восток измельчал; эксплуатируют метафору «Восток — могила». Таким образом, вся история Востока после библейского мифа просто вычеркнута (об этом ниже). Например, в очерке Кондурушкина «Хараба» говорится: «Все напоминает о былом величии и славе древних строителей. А эти люди — точно звери в человеческих жилищах, — так мало соответствия между ними и прекрасными остатками древних строений. Хауран, — это кладбище греко-римской жизни. <...> все пришло в запустение. <...> Кажется, даже камни этих развалин не так мертвы и холодны, как все камни на земле, а унаследовали часть души своих давних жильцов...»<sup>3</sup>. В очерке Бунина «Море богов»: «Египет — могила в пустыне...»<sup>4</sup>. В очерке «Иудея»: «На Сионе за гробницей Давида видел я провалившуюся могилу, густо заросшую маком. Его в Иудее больше, чем травы. И вся Иудея — как эта могила, такая старая, что давно-давно пора забыть о погребенных в ней»<sup>5</sup>.

Бунин описывает пространство, где время останавливается или вообще исчезает. Пространство, где, иными словами, можно приобщиться к вечности: «Разве может забыть земля о том незабвенном утре две тысячи лет тому назад, когда вошел отрок в Назаретскую синагогу?»<sup>6</sup>. Писатель в какой-то мере наследует традициям древнерусской литературы — как и любой летописец, показывает, что

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 203, 209, 106, 116, 127.

<sup>2</sup> Кондурушкин С.С. Сирийские рассказы. СПб: Знание, 1908. С. 64, 139, 195, 233.; Кондурушкин С.С. Рассказы. СПб., 1910. С. 117.

<sup>3</sup> Кондурушкин С.С. Сирийские рассказы. СПб: Знание, 1908. С. 9–10.

<sup>4</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 126.

<sup>5</sup> Там же. С. 173.

<sup>6</sup> Там же. С. 182.

описываемое им — только часть из общей ткани истории, узлы которой непременно ведут к Библии.

Н. В. Пращерук полагает, что такой «“выход” из истории, драгоценное приобщение к бесконечности достигается усилиями памяти»<sup>1</sup>, однако нам кажется, что этот эффект достигается постоянной апелляцией к Корану и Библии. Цитата, которой заканчивается бунинская «Пустыня дьявола»: «“Отойди от меня, Сатана”»<sup>2</sup> — с одной стороны, указывает на претекст, а с другой стороны, фраза вполне может быть сказана героем и без кавычек, потому что пространство вокруг него именно в этот момент подлинно библейское. Интересно, что предшествует этому финалу «вписывание» лирического героя в те же обстоятельства: «И мне страшно глядеть на мою белую одежду, как бы фосфорящуюся от звездного блеска. Я сам себе кажусь призраком, ибо я весь в каком-то знойном, хрустально-звнящем полусне, который наводит на меня Дьявол Содома и Гоморры»<sup>3</sup>. Ощущение присутствия дьявола, по Бунину, пронизывает это пространство даже спустя тысячи лет. Своеобразным указанием на библейское пространство заканчивается и последний очерк книги: «И, оставшись один на террасе, я взял с каменного стола лежавшее на нем Евангелие, развернутое как раз на тех страницах, что говорят о море Галилейском. Теперь оно было предо мною. Я, читая о нем, видел и его, и светлый, неизреченно прекрасный Образ, донныне не покинувший его берегов»<sup>4</sup>. Лирический герой достигает полной «синхронизации» между тем, что читает и видит, соединяя две этих реальности в одну.

Понимание пространства Востока как подлинно библейского характерно и для Кондурушкина. Только если Бунин в «Пустыне дьявола» медленно подводит нас к вхождению в это пространство и оставляет перед ним в самом конце очерка, «снимая кавычки» и позволяя читателю самостоятельно это пространство «увидеть» (вообразить), то Кондурушкин в «Моисее», можно сказать, с этого начинается: «Хранят в себе образы минувшего седые камни-старожилы,

<sup>1</sup> Пращерук Н.В. Художественный мир прозы И.А. Бунина: язык пространства. Екатеринбург, 1999. С. 16.

<sup>2</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 200.

<sup>3</sup> Там же. С. 199.

<sup>4</sup> Там же. С. 220.

многодумные деревья. <...> Так видел я тебя, Моисей, в пустыне. Все это слышал я ночью в горах вокруг таинственного провала Мертвого моря. И море видело и слышало тебя»<sup>1</sup>.

Если у Бунина погружение начинается со взгляда на пустыню, — именно взгляд заставляет работать память и вспоминать библейские стихи — то у Кондурушкина такую роль исполняет эхо. Лирический герой, находясь в море — водной пустыне — слышит зов, который переносит его в принципиально иное время и пространство — к Моисею в пустыню. Рассуждая о хронотопе в «Храме Солнца», Н.В. Пращерук писала: «во-первых, хронотоп, <...> в некотором смысле, обретает “самостоятельность”, выдвигаясь на первый план и становясь “главным героем” произведения; во-вторых, “отмененное время” закономерно оборачивается “выходом” во “вневременное пространство”, приводит к “опространствливанию” формы произведения в целом»<sup>2</sup>. Так Бунин и Кондурушкин преодолевают временную дистанцию и занимают позицию наблюдателей подлинной библейской истории, которая разворачивалась здесь тысячи лет назад и как бы проигрывается заново у них перед глазами.

Пустыня становится для Бунина своеобразным местом невозврата; здесь система восприятия пространства-времени изменяется, и временной зазор, ранее отделявший повествователя от библейского пространства, нивелируется. Повествователь становится способным воочию наблюдать вновь открывшееся пространство и взаимодействовать с ним. Для Кондурушкина таким местом становится море. Любопытно, что море и пустыня у авторов типологически пересекаются. Бунин описывает пустыню через сравнение с морем: «пустыня, каменным волнистым морем падающая к Иордану»<sup>3</sup>, Кондурушкин от моря, где слышит зов, мысленно переносится к Моисею в пустыню. Подобную функцию моря мы наблюдаем в еще одном рассказе Кондурушкина — «В сетях дьявола».

Паломники плывут на Афон в надежде, что там они смогут обрести покой, однако на корабле — в море! — между паломниками происходит интересный

<sup>1</sup> Кондурушкин С.С. Рассказы. СПб: Знание, 1910. С. 3–4.

<sup>2</sup> Пращерук Н.В. Художественный мир прозы И.А. Бунина: язык пространства. Екатеринбург, 1999. С. 19.

<sup>3</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 194.

диалог. «Ведь теперь дьявол уже весь мир покорил; один Афон остался! Так сколько на Афоне этого дьявола, знаете ли вы?! Все заинтересовались <...> — Сколько, а ну? — раздавались вопросы. — То-то и есть... Мне один старец схимонах говорил. Здесь на Афоне столько демонов, сколько на всем свете нет»<sup>1</sup>. Позднее, прибыв на Афон, все оказываются в подлинно библейском пространстве: «На перекрестках всюду поставлены кресты. Это для напоминания каждому христианину, что здесь, в царстве дьявола, на перекрестках дорог сидят тысячи бесов и бросаются из-за кустов на прохожих и проезжающих»<sup>2</sup>. Более того, бесы несколько раз «как бы» появляются на публике<sup>3</sup>.

Море становится местом, где обычное, повседневное пространство преобразуется в библейское. А Афон становится не только библейским, но и дьявольским пространством, где «столько демонов, сколько на всем свете нет»<sup>4</sup>, где находится «царство дьявола»<sup>5</sup> и где отец-настоятель монастыря напрямую обращается к сатане со словами: «сгинь, сатана!»<sup>6</sup>.

Библейское пространство в «Храме Солнца» населяют библейские персонажи. Эти герои появляются от случая к случаю, тем не менее, мифологические сюжеты, связанные с некоторыми из них, предстают перед нами во всей полноте. Одним из ярких примеров такого «транзитного» героя, который появляется в разных очерках, является Моисей. За счет нехитрой контаминации перед нами широкими штрихами дана вся история Моисея, представленная пунктиром (родился, был воспитан, испытал откровение, беседовал с Господом, получил от него задание, выполнил его и умер, место могилы стало священным<sup>7</sup>). Кондурушкин в «Моисее», наоборот, подробно излагает историю скитаний Моисея и его спутников по пустыне<sup>8</sup>. Бунин отсылает читателя к претексту, в надежде на

<sup>1</sup> Кондурушкин С.С. Рассказы. СПб: Знание, 1910. С. 112–113.

<sup>2</sup> Там же. С. 148.

<sup>3</sup> Там же. С. 156, 168. Об алчности и развратности монахов Афона писал в «Солнце жизни» и А.М. Федоров. Кондурушкин в этом смысле, как и Федоров, явно тяготеет к социально-бытовому травелогу.

<sup>4</sup> Там же. С. 113.

<sup>5</sup> Там же. С. 148.

<sup>6</sup> Там же. С. 156. Ср. с бунинским ««Отойди от меня, Сатана»» (Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 200).

<sup>7</sup> Кондурушкин С.С. Рассказы. СПб: Знание, 1910. С. 161, 157, 203, 204, 198.

<sup>8</sup> Там же. С. 1–77.

то, что все помнят миф о Моисее. Кондурушкин наоборот, пересоздает миф, вносит в него психологизм и новые детали. Классический религиозный сюжет описан через бинарную оппозицию вера vs сомнение. Бунин даже не оставляет намека на центральную часть мифа о Моисее — скитания по пустыне, — тогда как Кондурушкин именно на этом сосредоточивает все внимание. В этом смысле оба текста, находясь в своеобразном диалоге, дополняют друг друга.

Интересным кажется мнимое противоречие между двумя последними фрагментами, посвященными Моисею, в книге «Храм Солнца»: «Моисей <...> погребен в земле Моавитской, и никто не знает места погребения его даже до сего дня...»<sup>1</sup>; «Далекие Моавитские горы, — край таинственной могилы Моисея, — были предо мною»<sup>2</sup>. Сначала подчеркивается, что никто не знает место погребения Моисея, но затем — в очерке «Пустыня дьявола», где, как мы писали выше, пространство пустыни осмысляется как библейское, — таинственность и загадочность «снимаются» за счет того, что повествователь, находясь в библейском пространстве, где действия разыгрываются перед ним, имеет возможность видеть перед собой не только таинственное место погребения, но и весь миф о Моисее<sup>3</sup>.

Травелоги Бунина и Кондурушкина имеют интересные и неожиданные точки пересечения. Оба автора стремятся создать библейское пространство Востока и населить его библейскими персонажами; оба используют схожий набор метафор. При этом Кондурушкину не чужд ракурс социального травелога, он обращает внимание на страдания паломников, несправедливость и обман со стороны монахов и т.д., тогда как Бунин преимущественно сосредоточен на создании историко-поэтического травелога. Еще одно интересное совпадение — биографически-географическое. Кондурушкин, по причине долгого проживания в Сирии, — один из немногих русских писателей 1900-х гг., кто, как и Бунин, побывал в Баальбеке и видел Храм Солнца. Правда, Кондурушкин не акцентирует на этом свое писательское внимание и не делает из этого отдельный сюжет, он лишь упоминает Баальбек в рассказе-анекдоте «Англичанка». Двое спутников в

<sup>1</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 204.

<sup>2</sup> Там же. С. 198.

<sup>3</sup> См. также: Бунин И.А. Смерть Моисея // Русское слово. 1911. 28 дек. (№ 298). С. 3.

поезде на Баальбек приняли русскую путешественницу за англичанку и не постеснялись обсудить ее на русском языке, находясь рядом с ней<sup>1</sup>. Итог очевиден: к концу рассказа, после обращения к ней на французском, она отвечает на русском: «Я подошел к ней и, обращаясь по-французски, спросил, не могу ли в чем помочь. Девушка доверчиво обернулась ко мне и чистым русским языком сказала: — Пожалуйста. Мне бы мой багаж передать здесь на Дамаск, а я поеду в Баальбек»<sup>2</sup>. Постеснявшись своей оплошности, на узловой станции Раяк герои принимают решение ехать в Дамаск...

### 3.5. И.А. Бунин и другие (Д.Л. Мордовцев, С. Глаголь и С.Я. Елпатьевский)

Как отмечалось выше, «Храм Солнца» можно сравнить с большим количеством травелогов конца XIX – нач. XX в., многие из которых Бунин читал до, во время или после своего путешествия, а также в процессе работы над очерками. Мы, в первую очередь, отталкиваемся от установленного круга чтения (параграф 2.2) и предлагаем сравнивать те книги, чтение которых можно подтвердить, или те, прочтение которых казалось очевидным современникам. Так, например, книгу С. Глаголя Бунин настойчиво требовал у автора<sup>3</sup>. На очевидные (структурные) параллели «восточных» очерков Бунина с травелогам Д.Л. Мордовцева («Поездка к пирамидам»<sup>4</sup>, «Поездка в Иерусалим»<sup>5</sup>) — указывал М.А. Кузмин в своем отзыве<sup>6</sup>. Книга С.Я. Елпатьевского «Египет»<sup>7</sup> кажется обязательной для сравнения. Во-первых, учитывая личные приятельские отношения между писателями (и отдельно между семьями Муромцевых и

<sup>1</sup> Кондурушкин С.С. Сирийские рассказы. СПб: Знание, 1908. С. 49.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> В письме от 26 декабря 1900 г. к Н. Д. Телешову Бунин писал: «**Непреренно** <здесь и далее выделено Буниным> исполни мою просьбу: тотчас же напиши С.С. Голоушеву, что я ему кланяюсь, не умею написать его адрес и **требую** (!!) его книгу о Константинополе» (Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. М., 2003. С. 344, 633). Речь о книге: Глаголь С. На юг: из летней поездки в Константинополь, Афины, Неаполь, Рим и Венецию. М.: И. Кнебель, 1900. 222 с. С. Глаголь — псевдоним С.С. Голоушева (1855–1920), писателя, живописца и революционера.

<sup>4</sup> Мордовцев Д.Л. Поездка к пирамидам. СПб.: тип. А.М. Котомина, 1881. VIII, 192 с.

<sup>5</sup> Мордовцев Д.Л. Поездка в Иерусалим. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1881. 196 с.

<sup>6</sup> Кузмин М.А. Заметки о русской беллетристике // Аполлон. 1910. № 5. С. 54–55.

<sup>7</sup> Елпатьевский С.Я. Египет. СПб.: Общественная польза, 1911. 213 с. На следующий год книга была переиздана тем же издательством, что, видимо, было обусловлено коммерческим успехом первого тиража и популярностью травелога. См. также: Анисимов К.В., Щавлинский М.С. Историко-литературный контекст бунинского травелога «Храм Солнца». На фоне кого Бунин «вышел в гении»? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 183–210. Часть исследования посвящена травелогу С.Я. Елпатьевского.

Елпатьевских<sup>1</sup>); во-вторых, учитывая частые встречи на московских «Средах» и в одном московском литературном кругу 1900–1910-х гг.<sup>2</sup>; в-третьих, учитывая год издания и переиздания книги Елпатьевского (1911, 1912)<sup>3</sup>; в-четвертых, учитывая то, что в это время Бунины переживают свой пик увлечения Востоком (самое длинное путешествие 1910–1911 гг.) и приезжают в Египет уже во второй раз (на этот раз они пробыли там с 24 декабря 1910 г. по 12 февраля 1911 г. и посетили много городов). Таким образом, сложно представить, что книга Елпатьевского могла пройти мимо И.А. Бунина.

В целом, учитывая структуру травелогов, их линейную развертываемость и сходство в построении маршрутов, скажем, что все перечисленные тексты (включая бунинский) — очевидным образом воспроизводят нарратив обобщенного путеводителя по Востоку (см. главу 2). Поэтому, избегая повторов, попробуем указать лишь на самые очевидные случаи совпадений и «диалога» между «Храмом Солнца» и указанными травелогами.

Книги Д.Л. Мордовцева связаны между собой, первая является естественным продолжением второй. «Поездка к пирамидам» состоит из следующих глав: От Петербурга до Одессы — Одесса и еврейский погром — На Черном море — Босфор и Константинополь; В гостях у троянцев...; На родине Гомера; Архипелагом. Мимо Патмоса. Рассказ о гибели парохода «Корнилов»; В столице Клеопатры; Дельта Нила до Каира; В Каире; Предварительное — заочное знакомство с пирамидами; На вершине пирамиды Хеопса; «Пирамида, еще пирамида, и еще, и еще!»; Возвращение в Александрию и отплытие в Палестину.

«Поездка в Иерусалим» состоит из следующих глав: От Александрии до Порт-Саида — исторический перешеек и канал Лессепса; Яффа — преддверие Святой Земли; От Яффы до родины «благообразного Иосифа»; От Рамле до Иерусалима. Долина Давида и Голиафа; Иерусалим с «птичьего полета»; «Аще ли

<sup>1</sup> В.Н. Бунина хорошо знала С.Я. Елпатьевского и часто бывала у него на вечерах еще до встречи с И.А. Буниным. В эмиграции писательница даже посвягла ему отдельные воспоминания, но машинопись статьи осталась неопубликованной (РАЛ MS 1067/ 48–49).

<sup>2</sup> См.: Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: словарь. М.: НЛЮ, 2004. С. 226–231.

<sup>3</sup> *Елпатьевский С.Я.* Египет. 2-е изд. СПб.: Общественная польза, 1912. 213 с. Обратим внимание и на петербургское издательство «Общественная польза», в нем также сотрудничал и публиковал свои произведения Бунин. Это лишний раз подтверждает, что Бунин мог знать о книге Елпатьевского.

сии умолкнут — камене возопиют»...; Место плача Иеримии. Кедронский поток. Гефсиманский сад. Вифания; От Вифании к «доброму самарянину». Опасная пустыня. Иерихон; От Иерихона к Мертвому морю и Иордану. «Ветка Палестины». Обратный путь к Иерусалиму; Опять на родину; На пароходе «Aglaja», в Средиземном море, между Египтом и Архипелагом; Мимо Трои. Константинополь. Опять Черное море. На родине.

Травелог Мордовцева написан в переходный период, в то время, когда сложные «индивидуальные» поездки (часто связанные с дипломатическими, государственными, военными целями) — сменялись туристическими поездками и, как следствие, туристическими травелогами — из-за налаживания необходимой для обывателя-путешественника (паломника) инфраструктуры и функционирования ИППО. От этого травелог писателя выглядит своеобразным «мостом» между принципиально разными эпохами путешествий и разными типами текстов о путешествии. Мордовцев, с одной стороны, указывает на авторитетных предшественников в традиции русского «восточного» травелога; активно цитирует книги представителей высших чинов государства: С.А. Норова<sup>1</sup> и А.Н. Муравьева<sup>2</sup> — цитатами из их произведений буквально открывается книга<sup>3</sup>, — а с другой стороны, явно указывает на путеводитель в своем тексте и сам выстраивает свой текст подобным образом в силу уже сформированного туристического маршрута. Характерно, что себя писатель видит новым типом путешественника — туристом<sup>4</sup>. Мордовцев описывает богатую традицию русских травелогов и отводит себе

<sup>1</sup> *Норов А.С.* Путешествие по Святой земле в 1835 году: в 2-х ч. СПб.: в типографии Александра Смирдина, 1838. В диссертации книгу цитируем по 3 переизд. 1854 г. См. также: *Норов А.С.* Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 г. Авраама Норова, служащее дополнением к Путешествию по Святой земле: в 2 т. СПб.: в типогр. III. Отдел. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1840. Вероятно, Бунин, как было указано выше, тоже читал и цитировал А.С. Норова (см.: *Бунин И.А.* Храм солнца // *Бунин И.А.* Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 196.), однако Д.Л. Мордовцев не приводит в своих травелогах эту же цитату.

<sup>2</sup> *Муравьев Андрей Николаевич* (1806–1874) — камергер российского императорского двора, писатель, поэт, историк церкви. В 1829–1830 гг. Муравьев в качестве паломника посетил Египет, Иерусалим, Каир, Смирну, Константинополь. В 1832 г. издал книгу, см.: *Муравьев А.Н.* Путешествие ко святым местам в 1830 году: в 2 т. СПб.: тип. 3 Отд. Собств. е. и. в. канцелярии, 1832. Книга стала классической для многих русских паломников середины XIX в. и выдержала ряд переизданий: 1833, 1835, 1840, 1848.

<sup>3</sup> *Мордовцев Д.Л.* Поездка к пирамидам. СПб., 1881. С. VII.

<sup>4</sup> Там же. С. 95–96. Интересно, что уже на обратном пути в Россию, находясь на пароходе «Aglaja» и принимаясь за запись впечатлений, Д.Л. Мордовцев пишет: «Разделять же всю эту массу впечатлений с бумагой, с пером и чернильницей, передать все это своему дорожному дневнику — легко сказать! Это значило бы — “измерить пядью небо и дланью землю”, или поместить Средиземное море в стакане...» (*Мордовцев Д.Л.* Поездка в Иерусалим. СПб., 1881. С. 182). Писатель подчеркивает, что не способен и не стремится предложить объективного взгляда на Восток.

скромное место субъективного туриста, который отправляется в дорогу исключительно из праздного интереса и не стремится к объективности в описании. Видимо, по этой причине Мордовцев и не пытается «скрыть» следы путеводителя в своем тексте. Так, например, про одного встреченного гида Д.Л. Мордовцев говорит: «многое он мог почерпнуть из справочных книг, из путеводителей, всевозможных гидов и словарей, наконец из Бедекера»; писатель упоминает, что в Одессе «отправился в книжный магазин <...>, чтобы приобрести себе там на дорогу Бедекера»<sup>1</sup>. Интересно, что во время путешествия мимо островов Архипелага к бедекеру обращаются как к авторитету: «Слова мои возбудили любопытство в рыжем мистере, и он, тотчас же спустившись в свою каюту, притащил оттуда “Бедекера” в неизменном красеньком переплете, развернул карту, и вместе с своим молчаливым спутником <...> стал проверять по “Бедекеру” мое голословное показание о Патмосе и об “Апокалипсисе”. Послышались неоднократные “yes”, а потом слова — Патмос, Наксос, Кос, Самос, Хиос, Родос — точно в классе древней географии: всего “Бедекера” перебрали и перетряхнули все косточки старушки Эллады»<sup>2</sup>.

Маршрут, который проходит Мордовцев, по типологическим причинам напоминает бунинский, однако едва ли можно обнаружить у Бунина следы чтения книг Мордовцева. Для бунинского травелога Мордовцев может встать в условный ряд предшественников, сформировавших жанр. Последнее, на что хотелось бы обратить внимание, — это на мотив отплытия с родины. Бунин уплывает на Восток, «освобождаясь» от дум о революционной России 1905–1907 гг. Д.Л. Мордовцев покидает Петербург 5 мая, спустя два месяца после убийства террористами

<sup>1</sup> Мордовцев Д.Л. Поездка к пирамидам. СПб., 1881. С. 14, 23.

<sup>2</sup> Там же. С. 86. Интересно, что Мордовцев, как и многие туристы второй половины XIX века едет в Святую землю, чтобы обнаружить следы жизни Христа. Писатель, в том числе, невзначай, по пути в Рамле в диалоге с ямщиком-немцем указывает на источник своего вдохновения:

— Я знаю, я хорошо знаю Библию... Здесь, на этой равнине, на Иозуа <Иисуса Навина> напали филистер (так он называет филистимлян) и Иозуа остановил солнце <— говорит ямщик>.

— О! Вы знаток не хуже Ренана... <— говорит Д.Л. Мордовцев>.

— Кто, мейн гер?

— Один поэт-историк...

— О! Я знаю лучше его... Здесь стояли филистер (он ткнул влево своим длинным бичом), а здесь — Иозуа...

— Благодарю вас, я этого не знал. (Мордовцев Д.Л. Поездка в Иерусалим. СПб., 1881. С. 170). Ренана несколько раз упоминает и Е.Л. Марков (Марков Е.Л. Путешествие по Святой земле: в 2 ч. СПб., 1891. С. 130, 477).

императора Александра II (1 марта 1881 г.). Таким образом, оба писателя покидают Россию и отправляются в путешествие, в том числе, чтобы перевести дух, отдохнуть от «живой» истории родины на берегах безвременного Востока<sup>1</sup>.

Книга С. Глаголя «На юг», которую затребовал Бунин, наоборот, не содержит в себе никакого трагического начала. Она снабжена иллюстрациями: графическими зарисовками самого Глаголя, что могло составлять отдельный интерес для Бунина, к этому моменту не побывавшего еще на Востоке лично. Сближающие травелоги детали звучат уже на первых страницах произведения Глаголя. Предваряя описание своего путешествия, автор пишет: «Каждый год, как только лето начинает вступать в свои права, меня охватывает то же ощущение, которое должно быть у птиц, когда наступает время перелета. Не знаю, остатки ли бродячих инстинктов моих предков или действительно жизнь культурного русского города за зиму успевают так благотельно подействовать на нервы, но какой угодно дорогой ценой, а хочется купить хоть два месяца забвения... О, эта культурная жизнь современного человека!.. Прочтите чудную книгу “La vie errante” Мопассана<sup>2</sup>. Там с первой же страницы вы увидите, до чего эта жизнь доводит нервы...»<sup>3</sup>. П.А. Нилус в своем письме к Бунину (Приложение 2) как раз советовал писать, ориентируясь на «Бродячую жизнь» Мопассана. Такую же рекомендацию получил Бунин-читатель от С. Глаголя. Далее, как раз в мопассановском ключе (как и советовал Бунину Нилус) Глаголь предупреждает читателей: «Но не ждите от меня подробных описаний с историческими и статистическими справками. <...> Я постараюсь <...> рисовать перед вами все, что буду видеть и слышать, постараюсь передать свои беглые впечатления, и, если вы, читатель, пробегая мои письма, хоть на секунду перенесетесь за мной на синие волны Босфора или Адриатики, я буду считать себя вполне удовлетворенным»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Мордовцев Д.Л. Поездка к пирамидам. СПб., 1881. С. 1–2, 5.

<sup>2</sup> Maupassant G. de. La vie errante. 7 e éd. Paris: Paul Ollendorff, 1890. 234 p.

<sup>3</sup> Глаголь С. На юг. М., 1900. С. 7. Мопассан действительно с первых страниц (характерно, что первая глава называется «Усталость») говорит об утомлении от городской среды, от довлеющей над ним урбанистической архитектуре. От этого у писателя возникает тяга к одиночеству и желание уехать из Франции (в отпуск). Ср.: «Я покинул Париж и даже Францию, потому что Эйфелева башня чересчур мне надоела» (Мопассан Г. Бродячая жизнь // Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 9. М.: Правда, 1958. С. 5).

<sup>4</sup> Глаголь С. На юг. М., 1900. С. 9.

Итак, книга выстроена по принципу глав-писем. Повествователь пишет письма о своей поездке, адресованные воображаемому читателю. Сначала он отправляется из Москвы в Киев, оттуда в Одессу, где садится на пароход РОПиТ и держит курс на Афон. Попав в Босфор и подплывая к Константинополю, повествователь рассказывает о башнях Румели-Гисара и Анатоли-Гисара, про мост Дарии и завоевания Магомета II<sup>1</sup>. Схожее описание есть и у Бунина, как и упоминание Дария. Далее следует впечатляющая любого туриста тех лет сцена высадки в Константинополе, шум, гам и поведение турок. Это рядовое описание перекликается с бунинским (и с описаниями многих других путешественников). Интересным образом писатели используют одну и ту же метафору «пчелиных сот» для районов Стамбула (Галату и Перу)<sup>2</sup>.

Интересно, что бунинское: «недаром Галату называют помойной ямой Европы, сравнивают с Вавилоном, Содомом»<sup>3</sup> — как будто тоже почерпнуто со страниц книги Глаголя: «У константинопольских домов в Галате и Пере <...> все отбросы, скопленные за день, выбрасываются прямо на улицу»<sup>4</sup>.

С. Глаголь входит в число тех туристов (в противовес Бунину), которые ругают турок за опошливание мечети Софии, но при этом отмечает, что случившиеся бедствия придали таинственности этому памятнику религиозной культуры<sup>5</sup>. После Св. Софии автор осматривает иные достопримечательности Стамбула: мечеть султана Ахмета, башню Галаты, мечеть Ортакей, мечеть Сулеймана и пр. Упоминает С. Глаголь встречаемых на улице дервишей, даже делает рисунок одного из них; описывает свое посещение музея, в котором его восхитил (как и Бунина позднее) «замечательно сохранившийся мраморный

<sup>1</sup> Глаголь С. На юг. М., 1900. С. 39.

<sup>2</sup> Там же. С. 51–53.; Ср.: Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 112. Отметим, что дальше Глаголь также не раз указывает на многонациональность Стамбула и его посетителей, на «звучание» всех языков — такой космополитический пафос вновь роднит обоих писателей.

<sup>3</sup> Там же. С. 112.

<sup>4</sup> Глаголь С. На юг. М., 1900. С. 92–93.

<sup>5</sup> Там же. С. 69–71. Далее, описывая храм, писатель замечает: «В храме пусто, хотя кое-где видны группы учителей с учениками, которые, сидя на корточках и покачиваясь, во все горло распевают коран» (С. 72). Схожий момент в письме А.Г. Гукасову (17 апреля 1907 г.) приводит В.Н. Бунина: «Айя-София очаровательна. Интересно как там преподают Коран. На полу сидит “профессор”, а вокруг него “студенты” слушают “лекцию”». (ОГЛИМТ, ф. 14, № 3217/2 оф. Цит. по: Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 653).

саркофаг с барельефами <...> Александра Великого»<sup>1</sup>. После Константинополя писатель отправляется дальше, пересекая Дарданеллы и острова Архипелага, как и Бунин, указывает на возникающие поэтико-мифологические ассоциации, вспоминает героев мифов и литературы. Так доезжает Глаголь до Пирея, оттуда (по шоссе, а не на поезде) — едет в Афины. В отличие от Бунина, в Афинах Глаголь проводит несколько дней и, помимо Акрополя, посещает другие достопримечательности города: музеи, храмы, театры, рестораны, университет. Здесь маршруты Бунина и Глаголя окончательно расходятся. На поезде Глаголь отправляется дальше в греческие города: Элевзину, Мегар, Патрас и пр.<sup>2</sup> (после будут и итальянские города: Неаполь, Помпея, Сорренто, Рим, Венеция).

Кажется, что Бунин действительно читал книгу Глаголя внимательно и усвоил из нее некоторые оценки. В травелогах встречаются схожие идейные и стилистические элементы, набор общих историко-культурных и социально-бытовых фактов, мнений.

Последний травелог, о котором пойдет речь, — «Египет» С.Я. Елпатьевского. Не вдаваясь в подробности своего пути от России до Египта, повествователь сразу «вбрасывает» читателя в свой текст: «Я знаю, что кругом меня почти миллионный город, и я уже видел классическую восточную грязь в этих неимоверно узких и неимоверно искривленных переулочках с непрерывными тупиками <...>. Я долго стою у окна и ищу глазами пустыню, Нил <...> их не видно, подо мной только крыши домов»<sup>3</sup>.

Повествователь встречает очередное утро в Каире. Похожий прием использовал Бунин, начиная свой травелог (очерк «Тень Птицы») не с описания отплытия и процесса приготовления к путешествию, а сразу с констатации: «Второй день в пустынном, пепельно-синем и спокойном Черном море»<sup>4</sup>. Вся первая глава «Египта» посвящена бытовому описанию жизни Каира:

<sup>1</sup> Глаголь С. На юг. М., 1900. С. 102–103. Ср.: «В Новом музее — он стоит напротив старого — я когда-то был очарован непостижимым изяществом беломраморного саркофага, именуемого саркофагом Александра Великого» (Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 118).

<sup>2</sup> Глаголь С. На юг. М., 1900. С. 144.

<sup>3</sup> Елпатьевский С.Я. Египет. СПб., 1911. С. 1–2.

<sup>4</sup> Бунин И.А. Храм солнца // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 100.

повествователь гуляет по улицам, наблюдает за людьми, посещает кафе, обедает, слушает песни, наблюдает театральное выступление, вечером посещает шумный кабачок и затем отправляется в номер и засыпает. Структура описания напоминает физиологический очерк натуральной школы — день из жизни Каира. Вторая глава тоже выглядит самостоятельным — социально-политическим — очерком, с явными чертами народнической литературной традиции<sup>1</sup>. В этой главе Елпатьевский сосредоточен на вопросе, кто хозяин Египта: номинальный египетский хедив — наместник Османской Империи, английский предприниматель-хозяйственник, или «мягкая сила» французской культуры и языка?<sup>2</sup> Рассуждая о влиянии французской культуры, Елпатьевский замечает: «в гаремах высшего света любимец — Пьер Лоти, и гаремные дамы томно вздыхают, зачитываясь Пьером Лоти»<sup>3</sup>.

Далее в число «хозяев», но меньшего «муниципального» масштаба, попадают: греки, итальянцы, сирийцы, армяне и пр. В итоге, Елпатьевский заключает, что у разных национальных групп свои разные сферы влияния в Каире, а современный египтянин — космополит, впитывающий множество культур с детства. Для Бунина космополитизм Стамбула выглядит чем-то поэтическим, привлекательным, и Елпатьевский-путешественник разделяет подобную точку зрения на примере Каира, однако Елпатьевский-писатель (народник) усматривает в отсутствии самобытного национального начала большую проблему современного поколения и сомневается в перспективах социально-политического будущего Египта<sup>4</sup>. Наконец, в III главе С.Я. Елпатьевский описывает «подлинных» хозяев Египта — «настоящих египтян», феллахов. В представлении Елпатьевского это «люди очень высокого роста, с могучими шеями, с горой мускулов на плечах, с темными, словно долго и сильно загоревшими лицами, с широко открытыми большими глазами, глядевшими ясно и <...> благосклонно»<sup>5</sup>. Интерес к феллахам,

<sup>1</sup> Не случайно в этой главе Елпатьевский не забывает вспомнить классика народнической литературы Г.И. Успенского (*Елпатьевский С.Я.* Египет. СПб., 1911. С. 28–31).

<sup>2</sup> Там же. С. 23–25.

<sup>3</sup> Там же. С. 26–27. Намек на романы: «Азиаде», «Призрак Востока» и «Разочарованные» П. Лоти (см. параграф 3.3).

<sup>4</sup> *Елпатьевский С.Я.* Египет. СПб., 1911. С. 37.

<sup>5</sup> Там же. С. 38. Ср.: *Бунин И.А.* Храм солнца // *Бунин И.А.* Полное собрание сочинений: в 6 т. Пг., 1915. Т. 4. С. 150.

как, в первую очередь, предкам фараонов и древнего Египта, предков строителей пирамид — распространенное явление среди всех европейских путешественников. Елпатьевский также смотрит на феллахов с историко-мифологической перспективы: «это были <...> люди из каирского музея древностей. Предо мной вставали люди с барельефов храмов, оживали огромные каменные, необыкновенных размеров, фигуры богов и фараонов и всяких людей старого Египта»<sup>1</sup>. Таким образом, в III главе начинается уже историко-мифологический травелог, поиск хозяина Египта трансформируется в описание «души» Египта. «И удивительное дело, словно мне нужно было сделать это “открытие” египтян и уловить их сходство с старыми людьми музея, чтобы начать понимать окружающую меня жизнь, чтобы отдельные явления и факты Каирской улицы <...> встали предо мной в новом освещении, — чтобы я понял их»<sup>2</sup>. Именно этому впечатлению от исторического Египта посвящена вся третья глава. Предложенная призма, через которую глядит Елпатьевский, вновь роднит его с Буниным.

На следующих страницах травелога Елпатьевский, продемонстрировав жанровое разнообразие своего письма на примере описания Каира, — отправляется в путешествие по Египту и при дальнейшем описании «страны фараонов» использует весь продемонстрированный в первых главах арсенал художественных приемов. Так, например, в IV главе писатель отправляется в гости к феллахам<sup>3</sup>, описывает их быт, разговаривает с ними о жизни, о бытовых, социальных и политических проблемах. Обсуждает и сравнивает внутривосточные проблемы России и Египта. И в дальнейшем писатель сосредоточен на описании «подлинного» Египта, на традициях и повседневности «настоящих» египтян, на пути вдоль Нила (главной водной и жизненной артерии страны), на описании

<sup>1</sup> Елпатьевский С.Я. Египет. СПб., 1911. С. 39.

<sup>2</sup> Там же. С. 40. Далее Елпатьевский добавляет: «Я нашел не только хозяев Египта, я нашел самый Египет. Я почувствовал себя в Египте» (С. 43).

<sup>3</sup> Елпатьевского особенно удивил интерес феллахов к толстовству и жизнь Л.Н. Толстого (Там же. С. 40, 71). Заметим, что это не первый случай живого интереса восточных современников к идеям Толстого, А.М. Федоров также писал об этом (см. параграф 3.2.3). О популярности Толстого на Ближнем Востоке см.: Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). М.: Наука, 1973. С. 370–373.

главных исторических святынь древнего Египта, на его загадочной мифологии (в первую очередь, на пантеоне богов) и литературных памятниках<sup>1</sup>.

Все отчетливее прослеживается установка на поиск «подлинности», ощутить которую, по Елпатьевскому, можно только отказавшись от Бедекера и проложенных дорог, предпочитая им нехоженые тропки. Здесь реальное путешествие и травелог Елпатьевского ближе к текстам Лоти и Федорова, исповедующих схожий творческий и туристический метод, чем к травелогу Бунина, который, хоть и строит свой травелог с такой же установкой на «подлинность», все же скорее напоминает классического туриста-европейца, предпочитающего комфорт. В годы (1900–1910) бунинских путешествий (в отличие от эпохи Мордовцева и Маркова — 1880–1890) использование сведений из Бедекера уже являлись моветоном, тривиальностью и трюизмом. По этой причине многие писатели либо открыто выступали против путеводителей на страницах своих травелогов, либо иронизировали (Федоров), либо старались лишней раз избежать упоминания (Бунин) этого текста.

Справедливости ради заметим, что Елпатьевский посетил все важные достопримечательности Египта (комплексы пирамид, статую Сфинкса, колоннаду Луксора и пр.). Елпатьевский видит и описывает два топоса Египта: «безмерно плодоносная долина Нила и безнадежный песок пустыни»<sup>2</sup>. Писатель пересказывает большое количество египетских гимнов и поверий, демонстрируя свою увлеченность египетской культурой. В таком ключе написана вся книга.

Ближе к концу историко-мифологический травелог вновь сменяется на «народнический», но, на этот раз с конкретными практическими соображениями. В конце книги Елпатьевского содержатся самостоятельные разделы (очерки), первый из них: «Египет-курорт». В этом разделе, пробывший 6 недель (с февраля по апрель) в Египте писатель составляет рекомендации (как в путеводителе), для тех, кто поедет поправить свое здоровье в Египет<sup>3</sup>. Следом идут главки,

---

<sup>1</sup> *Елпатьевский С.Я.* Египет. СПб., 1911. С. 72–73. Елпатьевский и не скрывает своих источников (схожих с бунинскими), выписки он делает из книг Г. Масперо, Э. Реклю, Ф. Ленормана и др. (Там же. С. 122–123).

<sup>2</sup> Там же. С. 89.

<sup>3</sup> Там же. С. 178–179.

(структурно они напоминают газетные очерки) посвященные впечатлениям от поездки по окрестностям Каира, — это заметки на полях и перечень туристических наблюдений. Первая из них: «Гелуан»<sup>1</sup> — писатель описывает свое пребывание в этом городе. В нем он побывал много раз, т.к. город находится недалеко от Каира. Следующая главка-очерк «Оазис Гелиополис»<sup>2</sup> о курорте неподалеку от Каира. Описав его великолепие и заканчивая на этом книгу, писатель выражает надежду, что скоро эти курорты будут столь же известны и доступны русскому путешественнику, как курорты южной Европы (и, в частности, французской Ривьеры)<sup>3</sup>. На такой пафосной ноте и на очередном перечислении культурно-исторических богатств Египта завершается книга. Елпатьевский, что интересно, не описывает своего прибытия и отплытия из Египта, вся книга разворачивается исключительно в заданном топосе, что несколько отличает его травелог от других современных ему текстов.

---

<sup>1</sup> *Елпатьевский С.Я.* Египет. СПб., 1911. С. 195–199. Совр.: Хелуан.

<sup>2</sup> Там же. С. 200–213.

<sup>3</sup> Там же. С. 212.

### Выводы 3 главы

Бунинский круг чтения и, тем более, круг потенциальных сравнений «Храма Солнца» с иными травелогами эпохи можно было бы без труда расширить. Однако мы сосредоточили свое внимание только на тех текстах, о которых можно было точно или с большой вероятностью утверждать, что Бунин эти тексты читал. Верный литературоведческий подход к интертекстуальному анализу видится нам, в первую очередь, в формировании исследовательской рамки (круга чтения) на основе предварительного изучения биографии автора, историко-литературного контекста и типологии жанра. Такой подход, с одной стороны, позволил отсеять никак не связанные с «Храмом Солнца» тексты, а с другой — предложить репрезентативную выборку произведений современников, в сравнении с которыми понятно, каким бы мог быть бунинский текст и каким он сознательно, по воле автора, не стал.

«Храм Солнца» вобрал в себя многие жанровые черты травелогов эпохи. Бунин смог выстроить диалог с любым читателем, ищущим в тексте историко-мифологический (археологический) дискурс, социально-политическую проблематику или субъективные впечатления писателя. Тем не менее, сознательный выбор Бунин сделал в пользу историко-мифологического дискурса. Текст Бунина намеренно лишен большого количества актуальных и современных деталей. Бунин не спешит повторять очевидные и лежащие на поверхности смыслы и образы, растиражированные в травелогах коллег-литераторов. Усвоив набор тем и художественных приемов предшественников (Мордовцев, Лоти, Глаголь) и современников (Федоров, Кондурушкин, Елпатьевский), Бунин создает свой оригинальный текст. «Храм Солнца» принципиально отличается от текстов современников тем, что за травелогом Бунина стоит длительная работа сначала Бунина-читателя и Бунина-путешественника, а затем Бунина-писателя.

Параллельное чтение «Храма Солнца» и иных травелогов той эпохи позволяет показать не только схожие черты, которых, разумеется, было много, но и заметить то, от чего Бунин сознательно отказался. Например, писатель мог осветить внутривосточную обстановку в Турции; мог порассуждать об

экспансии Франции и Англии на Востоке; мог упомянуть Суэцкий канал и Лессепса; обсудить поездку Вильгельма II в Святую землю; мог дать оценку деятельности ИППО и предложить очередной социальный проект реформ Востока; мог больше и чаще говорить о России и сравнивать свою страну с Востоком, предлагая читателю понятную и удобную оптику для восприятия; мог повторить «рецепт» удачных травелогов предшественников; мог пройти по следам книги «Жизнь Иисуса» Эрнеста Ренана (как делали многие современники) и написать интеллектуально-модный травелог эпохи. Вместо этого Бунин сумел «переизобрести» русский травелог о Востоке. Кажется, отчетливее всего это видно при сравнении бунинского и федоровского текстов. Располагая схожим набором мотивов и тем, вдохновляясь, по сути, одними и теми же образцами, писатели пишут совершенно разные травелоги. Нелинейный характер повествования и заявленная с первых страниц установка на «подлинность» позволили Бунину предложить «свежий» взгляд на хорошо знакомые туристические маршруты.

Критика с интересом отреагировала на бунинское увлечение Востоком. Некоторые критики наотрез отказались воспринимать это увлечение как что-то серьезное, другие, наоборот, высоко оценивали художественные стороны бунинского травелога. Пестрота критических оценок 1900–1910-х гг. лишний раз подтверждает, что Бунин создал произведение, которое смогло вызвать неподдельный интерес у читающей публики. А апологетические оценки, данные критиками в 1930-х гг., на переиздание (по сути, новый текст старого травелога) окончательно закрепили за «Храмом Солнца» репутацию центрального травелога Серебряного века о Востоке.

## Заключение

В первую очередь, мы проанализировали историю изучения книги «Храм Солнца» в полном объеме. Книга очерков «Храм Солнца» — крупнейший дореволюционный текст И.А. Бунина — имеет сложную жанровую структуру. Бунин изначально задумывал написать книгу о Востоке, а не разрозненные очерки. На это указывает единая нарративная линия, общий повествователь, образ которого усложняется и раскрывается от очерка к очерку, единое путешествие и цель поездки, сложный образный строй и символический код, явно дополняющийся от очерка к очерку, а также общий подход в работе с претекстами.

В диссертации описана история текста книги «Храм Солнца», показаны различия между дореволюционными (1915, 1917) и эмигрантскими (1931, 1936) изданиями. Продемонстрировано, что перед нами две разные редакции книги: дореволюционная и эмигрантская. Писатель создавал «Храм Солнца» с 1908 по 1915 гг., а затем постоянно редактировал, что отразилось во всех последующих изданиях (1917, 1931, 1936). Важным моментом была правка 1920–1930-х гг., когда писатель фактически переписал текст и предложил читателям новую книгу (1931, 1936). Все социально-политические детали, утратившие «срок годности», были убраны и затерты, что значительно обновило текст. Пропал почти весь национальный дискурс; было снято понимание Востока через метафору будущего и закреплено прочтение текста преимущественно через метафору прошлого «Восток — могила». Стирание повседневных деталей и актуальных для времени событий изменило восприятие путешествия, увело его от сиюминутных впечатлений к поэтике памяти. Дневник Бунина-путешественника превратился в воспоминание о далекой поездке.

Особое внимание уделено биографическому контексту бунинских поездок на Восток. Восточные путешествия Бунина мы воспринимаем как единое целое, как проект «заветнейшей мечты» писателя, в рамках которого он стремился совершить полноценное путешествие от Турции до Японии (или по путеводителю: от Одессы до Владивостока) и осмыслить (описать) Восток как нечто цельное. В связи с этим нами подробно изучены все поездки писателя с 1903 по 1913 гг.,

хорошо известные и малоизученные., в том числе не состоявшиеся (на Алтай в 1897 г. и в Японию в 1912 г.).

В рамках диссертации решена важнейшая задача: реконструирован «восточный» круг чтения Бунина. Писатель изначально, как и многие современники, воспринимал Восток через книги, через миф об экзотическом и библейском пространстве. Сконструированный в воображении Восток сначала «подтвердился» в реальном путешествии, а потом был воссоздан на страницах «Храма Солнца». Отметим, что в круге чтения описаны не только тексты, нашедшие свое отражение на страницах бунинского травелога, но и произведения, послужившие общим фоном («настроением») для формулирования эстетического понимания Востока.

Удалось обнаружить и описать претексты «Храма Солнца» в общем корпусе современных Бунину путеводителей, а также философско-религиозной, историко-археологической и справочной литературе конца XIX– начала XX в. При этом заложенная в травелог интертекстуальная составляющая поражает. Так, например, на очерк «Тень Птицы» сильнейшее влияние оказала диссертация И.Н. Холмогорова «Шейх Мослихуддин Саади Ширазский и его значение в истории персидской литературы». Также существенное влияние на очерки Бунина о Святой земле: «Иудея», «Пустыня дьявола», «Мертвое море» — оказал археологический отчет А.А. Олесницкого «Святая земля». Кроме того, Бунин явно использовал разнообразные путеводители в работе над книгой.

В диссертации впервые собраны и проанализированы все отзывы современников на отдельные «восточные» очерки Бунина и книгу «Храм Солнца» целиком. Показаны основные оценки, интерпретации, мнения, сравнения, высказанные дореволюционными (1900–1910 гг.) и эмигрантскими (1930 гг.) критиками.

Постановка бунинского текста в один ряд с травелогами предшественников (Мордовцев, Марков, Лоти) и современников (Федоров, Кондурушкин, Елпатьевский) позволила представить историко-литературный диалог бунинского произведения с травелогами конца XIX – нач. XX вв., указать на сходства и

различия творческих методов писателей и продемонстрировать тематическое разнообразие и разницу подходов в описании Востока. Путешественники 1880–1910-х гг. ходили по одним и тем же маршрутам, видели одни и те же достопримечательности, использовали одни и те же путеводители и ретранслировали одни и те же мнения. При этом травелог Бунина оказался актуальным текстом для своего времени и, что парадоксально, — текстом, в котором меньше всего говорилось о современности. Бунин, работая в очень популярном для его эпохи жанре, отправляясь в доступное многим путешествие тривиальным маршрутом, описывая хорошо известные всем читателям достопримечательности, — смог создать и предложить читателю оригинальный, самобытный и нетривиальный текст.

Сложно переоценить значение восточных поездок, увлечение исламом и буддизмом в творчестве Бунина. Влияние это выходит далеко за пределы «Храма Солнца» и отразилось в других произведениях писателя, особенно написанных в эмиграции («Сны Чанга», «Братья», «Роза Иерихона», «В стране пращуров» и т. д.). В дальнейшем было бы интересно проследить «восточную» тему в творчестве писателя, расширяя круг его чтения и сведения о биографическом и историко-литературном контекстах 1920–1930-х гг.

## Список литературы

### Исследования

1. *Абидулин А.М., Моисеева Е.Н.* Интеллигент, не считавший себя таковым: французский романист Пьер Лоти и Восток // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2016. — № 3. — С. 63–70.
2. *Абидулин А.М., Моисеева Е.Н.* Османское общество второй половины XIX века глазами французского интеллектуала Пьера Лоти // Интеллигенция и мир. — 2017. — № 4. — С. 65–81.
3. *Аболина М.М.* И.А. Бунин и издательская деятельность русской эмиграции: 1920–1955 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Санкт-Петербург. ун-т. — СПб., 2020. — 24 с.
4. *Аболина М.М.* И.А. Бунин в книжной культуре русской эмиграции, 1920-е гг. // Вестник СПбГУКИ. 2015. — № 4 (25) декабрь. — С. 108–111.
5. *Азадовский К.М., Дьяконова Е.М.* Бальмонт и Япония. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Нестор-История, — 2017. — 304 с.
6. *Андреева С.Л.* Библейские реминисценции как фактор текстообразования (на материале произведений И.А. Бунина «Тень птицы», «Окаянные дни», «Миссия русской эмиграции»): дис. ... канд. филол. наук. — М., 1998. — 242 с.
7. *Аникеева Т.А.* Два путешествия и один текст: Е.Э. Картавцев и И.А. Бунин в Каире // Вестник Института востоковедения РАН. — 2020. — № 2 (12). — С. 29–36.
8. *Аникеева Ю.Н.* Федоров Александр Митрофанович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 6: С–Ч. — М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Нестор-История, 2019. — С. 409–412.
9. *Анисимов К.В.* Ближний Восток И.А. Бунина и Африка Н.С. Гумилева: путешествия по «карте» литературных школ // Имагология и компаративистика. — 2022. — № 17. — С. 237–265.
10. *Анисимов К.В.* Восточный травелог русской литературы XIX в.: «воображение» имперских окраин и поэтика повествования (предварительные замечания) // Имагология и компаративистика. — 2014. — № 1. — С. 5–21.
11. *Анисимов К.В.* «Итинерарий жизни». Восточные травелоги И.А. Бунина: специфика авторского сознания и нарратива // Россия — Италия — Германия: литература путешествий: коллектив. моногр. — Томск: ТГУ, 2013. — С. 466–484.
12. *Анисимов К.В.* «Литературность» травелога: границы родины и границы жанра (мотив отплытия из России у Бунина, Гумилева и других) // Филологический вестник сургутского государственного педагогического университета. — 2021. — № 4. — С. 81–97.

13. *Анисимов К.В.* Порывая «всякую связь с землею». Орнитология бунинского травелога «Тень птицы»: поэтика и смысл // Вестник Томского государственного университета. — 2020. — № 454. — С. 5–11.
14. *Анисимов К.В., Пономарев Е.Р.* Книга очерков И.А. Бунина «Храм Солнца»: История текста // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2023. — № 82. — С. 218–253.
15. *Анисимов К.В., Пономарев Е.Р.* Текстология и имагология. Как мелкая правка травелога «Храм Солнца» меняла бунинскую концепцию Ближнего Востока: от описания к представлению // Имагология и компаративистика. — 2023. — № 20. — С. 315–350.
16. *Анисимов К.В., Щавлинский М.С.* Историко-литературный контекст бунинского травелога «Храм Солнца». На фоне кого Бунин «вышел в гении»? // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2022. — С. 183–210.
17. *Апанович Ф.* Путь к свету (О духовных исканиях в «Тени птицы» И.А. Бунина) // Феномен русской духовности: Словесность. История. Культура. Материалы международной конференции. — Калининград: РГУ им. И. Канта, 2007. — С. 102–112.
18. *Афанасьев В.Н.* И.А. Бунин: Очерк творчества. — М.: Просвещение, 1966. — 384 с.
19. *Бабореко А.К.* И.А. Бунин: Материалы для биогра. с 1870 по 1917. — 2-е изд. — М.: Худ. лит., 1983. — 351 с.
20. *Бакунцев А.В.* Реминисценции из произведений Саади в публицистике и эпистоляррии И.А. Бунина: источниковедческий аспект проблемы // *Studia Litterarum*. — 2023. — Т. 8. — № 3. — С. 168–193.
21. *Бакунцев А.В., Морозов С.Н., Протопопова А.В.* «Письмо к Боссару» (1921) И.А. Бунина: автограф и производные тексты // *Emigrantica*. — М.: ИМЛИ РАН, 2024. — Вып. 1: Памяти Олега Анатольевича Коростелева / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, М. Шруба, ред. М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. — С. 253–288.
22. *Балдин К.Е.* Деятельность Императорского Православного Палестинского Общества на Ближнем Востоке в конце XIX – начале XX века (на материале паломнических мемуаров) // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. — 2014. — № 2. — С. 30–32.
23. *Барышников М.Н.* Русское общество пароходства и торговли: учреждение, функционирование, перспективы развития (1856–1864 гг.) // *Terra Economicus*. — 2015. — Т. 13. — № 2. — С. 106–130.
24. Беглые взгляды: новое прочтение русских травелогов первой трети XX века: сборник статей / [сост., отв. ред. В.-С. Киссель, Г.А. Тиме; пер. с нем. Г.А. Тиме]. — М.: НЛЮ, 2010. — 397 с.
25. *Бердникова А.Г.* «Тень птицы» И.А. Бунина: (К вопросу о поэтике бунинских очерков) // Традиции и новаторство русской литературы XX века: Сборник трудов. — М.: МОПИ, 1973. — С. 30–47.

26. *Бройтман С.Н., Магомедова Д.М.* Иван Бунин // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 1. — М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. — С. 540–585.
27. *Буняева Д.В.* Пространство культуры Востока в цикле «путевых поэм» И.А. Бунина «Тень птицы» // Университетские чтения — 2019. Материалы научно-методических чтений ПГУ. — Пятигорск: ПГУ, 2019. — С. 61–65.
28. *Бутова Р.Б.* Романовский Иерусалим // Русская история. — 2011. — № 3. — С. 36–41.
29. *Васильев С.А.* Стилевые традиции Державина в произведениях И.А. Бунина «Иерихон», «Роза Иерихона»: образ Святой земли. [Электронный ресурс]. [00:33 / 5 января 2013 г.], Императорское Православное Палестинское Общество. — URL: <https://www.ippo.ru/ipporu/article/stilevye-tradicii-derzhavina-v-proizvedeniyah-ia-b-200721#t11> (дата обращения: 22.07.2024).
30. *Васильева М.Ю.* Художественная специфика очерка Н.С. Гумилева «Африканская охота». Его место в ряду произведений этого жанра других писателей начала XX века (Ив. Бунин «Тень птицы», К. Бальмонт «Край Озириса») // Казанская наука. — 2010. — № 8. — С. 414–419.
31. *Вах К.А.* Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю: к 150-летию основания Русской палестины 1860–1864. — М., 2011. — 62 с.
32. *Владимиров О.Н.* Проблематика и жанрово-стилевое своеобразие сонета И. Бунина «Могила в скале» // Проблемы метода и жанра: сб. ст. Томск: Изд-во ТГУ, 1991. — Вып. 17. — С. 172–182.
33. *Владимирова С.М.* Художественная проза С.С. Кондурушкина 1900–1910-х гг.: проблематика, поэтика, литературный контекст: дис. ... канд. филол. наук. — Саранск, 2023. — 215 с.
34. *Волков А.А.* Проза Ивана Бунина. — М.: Московский рабочий, 1969. — 448 с.
35. *Воропаев В.А.* Николай Гоголь. Опыт духовной биографии. — М.: Паломник, 2014. — 333 с.
36. Восточные мотивы. Стихотворения и поэмы. — М.: Наука, 1985. — 507 с.
37. *Галай К.Н.* И. Бунин и Ги де Мопассан: к вопросу о типологии творчества // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. — 2011. — № 4. — С. 43–48.
38. *Галай К.Н.* Функции художественной детали в прозе И. Бунина и Ги де Мопассана: опыт типологического сравнения дис. ... канд. фил. наук. — М., 2013. — 215 с.
39. *Голицына Т.Н.* Текстовые особенности ориентальных рассказов И.А. Бунина // И.А. Бунин и русская культура XIX–XX веков. Тезисы международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения писателя. — Воронеж: Квадрат, 1995. — С. 82–83.
40. *Гольдин С.Л.* Антиколонизаторская тема в творчестве И.А. Бунина // Ученые записки Орехово-Зуевского пед. ин-та. Орехово-Зуево, 1964. — Т. 21. Кафедра русской и зарубежной литературы. — Вып. 4. — С. 3–20.

41. *Гречнев В.Я.* В мире лирико-философской прозы Бунина // Русский рассказ конца XIX – начала XX века: (Проблематика и поэтика жанра). — Л.: Наука, 1979. — С. 44–100.
42. *Гречнев В.Я.* Проза Ивана Бунина // Русская литература. — 1970. — № 4. — С. 221–226.
43. *Громов-Колли А.В.* «Путевые поэмы» И.А. Бунина (проблематика, жанр, поэтика) // И.А. Бунин и русская литература XX века. — М.: Наследие, 1995. — С. 37–40.
44. *Грушевой А.Г.* Материалы к истории деятельности Императорского православного Палестинского Общества в начале XX века (отчет А.А. Дмитриевского и В.И. Бельнского о состоянии подворий Общества в 1910 году) // Вестник ЕДС. — 2017. — №2 (18). — С. 153–331.
45. *Гуминский В.М.* «Хождение» Игумена Даниила в контексте развития паломнической литературы // Православный палестинский сборник. — 2014. — №. 119. — С. 119–172.
46. *Гуминский В.М.* Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. — М.: ИМЛИ РАН, 2017. — 605 с.
47. *Гуминский В.М.* Русская паломническая литература между востоком и западом // Литературоведческий журнал. — 2017. — № 42. — С. 168–244.
48. *Данциг Б.М.* Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). — М.: Наука, 1973. — 434 с.
49. *Данциг Б.М.* Русские писатели о Ближнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX в.) // Ближний Восток: сборник статей. — М.: Наука, 1976. — С. 296–310.
50. *Данциг Б.М.* Русские путешественники на Ближнем Востоке. — М.: Мысль, 1965. — 272 с.
51. *Даидемиров М.З.* Философия нравственности в произведениях И.А. Бунина // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. — 2013. — № 3. — С. 59–61.
52. *Двинятина Т.М.* И. А. Бунин и А.М. Федоров: к истории творческих отношений // Сибирский филологический журнал. — 2015. — № 1. — С. 43–50.
53. *Двинятина Т.М.* Иван Бунин: Биографический пунктир: в 2 т. Т. 1. 1870–1920. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Вита Нова, 2020. — 352 с.
54. *Двинятина Т.М.* Иван Бунин: Биографический пунктир: в 2 т. Т. 2. 1920–1953. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Вита Нова, 2020. — 496 с.
55. *Двинятина Т.М.* Поэзия и проза в книге И.А. Бунина «Храм Солнца» // Русская литература. — 2022. — № 4. — С. 185–197.
56. *Двинятина Т.М.* Поэзия И.А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология: дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 2015. — 437 с.
57. *Двинятина Т.М., Морозов С.Н.* И.А. Бунин на пути в Палестину (1889–1903 гг.) // Литературный факт. — 2022. — № 2 (24). — С. 54–63.

58. *Двинятина Т.М., Морозов С.Н.* Палестинское путешествие И.А. Бунина 1907 года: хроника и контекст // Литературный факт. — 2022. — № 2 (24). — С. 64–94.
59. *Деотто П.* Иван Бунин: три автобиографических заметки // Литературный факт. — 2019. — № 1(11). — С. 357–368.
60. *Ельцова Е.Н., Ел Хадж Салем С.А.* Образ дервиша в поэтике Ивана Бунина и Андрея Белого // Исследовательский журнал русского языка и литературы. — 2022. — № 1 (19). — С. 83–101.
61. *Жарикова О.В.* О некоторых особенностях жанра путешествия в сборнике И. Бунина «Тень птицы» // Восточнославянская филология. Литературоведение. — 2015. — № 1 (25). — С. 77–81.
62. *Закружная З.С., Коростелев О.А.* «Сундук с вырезками» Ивана Бунина // Новый филологический вестник. — 2019. — № 1 (48). — С. 44–56.
63. *Зеленцова С.В.* Структурно-содержательные особенности «путевых поэм» «Тень птицы» И.А. Бунина // Россия Ивана Бунина и культура русского Подстепья. материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения И.А. Бунина (научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы). — Елец: ЕГУ, 2020. — С. 41–46.
64. *Зими́на-Ды́рда Т.Ю.* Поэтика цвета и света в прозе И.А. Бунина, П.А. Нилуса и А.М. Федорова): дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 227 с.
65. И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / отв. ред.-сост. Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов; ред. А.В. Бакунцев, Е.Р. Пономарев. [сборник статей и публикаций]. — М.: ИМЛИ РАН, 2021. — 1040 с. — (Академический Бунин; вып. 3).
66. И.А. Бунин. Список музейных предметов основного и научно-вспомогательного фондов Редкая книга, Рукописно-документальный фонд, Изобразительные источники, Вещественные памятники (ОГЛМТ. Фонд 14. Описание 1) / сост. Н.В. Уракова. — Орел: ОГЛМТ. — 2018. — 441 с.
67. И.А. Бунин: pro et contra: личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: антология / сост.: Б.В. Аверин и др. отв. ред.: Д.К. Богатырев. — 2-е изд. — СПб.: РХГИ, 2015. — 1015 с.
68. *Исаев Г.Г.* Художественный хронотоп цикла путевых поэм И. Бунина «Тень птицы» // Вопросы лингвистики и литературоведения. — 2009. — № 4(8). — С. 63–73.
69. *Каримириаби Э.М.* Мистическое в лирике И.А. Бунина в контексте философской эстетики Востока: дис. ... канд. филол. наук. — Казань, 2015. — 188 с.
70. *Карпенко Г.Ю.* Творчество И.А. Бунина и религиозно-философская культура рубежа веков. — Самара: Изд-во Сам. гуманитар. акад., 1998. — 113 с.
71. *Келдыш В.А.* Бунин // О «Серебряном веке» русской литературы: Общие закономерности. Проблемы прозы. — М.: ИМЛИ РАН, 2010. — С. 205–249.
72. *Килганова Г.В.* Ориентализм в прозе И.А. Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1997. — 17 с.

73. Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И. А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы). Антология / под общ. ред. Н. Г. Мельникова; сост., подг. текста, коммент. Н. Г. Мельников (1 ч., 2-й раздел 2 ч., приложение), Т. В. Марченко. — М.: Книжница; Русский путь, 2010. — 926 с.
74. Ковалева Т.Н. Библейские и коранические сюжеты в интерпретации И. Бунина как поиск вечных объединяющих начал // Научные исследования в сфере гуманитарных наук: открытия XXI века: Материалы V международной научно-практической конференции. — Пятигорск: Изд. ПГУ, 2017. — С. 53–57.
75. Ковалева Т.Н. Библейский хронотоп в пространственно-временной структуре цикла И.А. Бунина «Тень птицы» (о некоторых итогах изучения цикла) // Метафизика И.А. Бунина. Межвузовский сборник научных трудов, к 100-летию Воронежского государственного университета. — Воронеж: ВГУ, 2018. — С. 82–94.
76. Ковалева Т.Н. Библейский хронотоп в «путевых поэмах» И.А. Бунина «Тень птицы» // Проблемы исторической поэтики. — 2015. — № 13. — С. 507–526.
77. Кознова Н.Н. Жанрово-композиционные особенности книги И. А. Бунина «Тень птицы» // Творческое наследие И. Бунина на рубеже тысячелетий: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию вручения Нобелевской премии и 50-летию со дня смерти писателя. — Елец: ЕГУ, 2004. — С. 111–115.
78. Крапивин В. Между Синаем и Цейлоном. Восток в прозе Ивана Бунина // Литературная учеба: литературно-филологический журнал. — 2000. — № 5/6. — С. 147.
79. Кучеровский Н.М. Эстетическая сущность философских исканий И.А. Бунина (1906–1911) // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. — 1969. — № 6 (нояб. – дек.). — С. 25–35.
80. Кюст Й. Name-dropping: об одном поэтико-риторическом приеме в творчестве Иосифа Бродского (на материале «Школьной антологии») // НЛО. — 2004. — №3. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/3/name-dropping-ob-odnom-poetiko-ritoricheskom-prieme-v-tvorchestve-iosifa-brodsкого.html> (дата обращения: 23.07.2024).
81. Латухина А.Л. Цикл «путевых поэм» И.А. Бунина «Тень птицы»: проблема жанра: автореф. дис. ... канд. фил. наук. — Н. Новгород, 2004. 22 с.
82. Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 1. 1870–1909 / сост. С.Н. Морозов. — М.: ИМЛИ РАН, 2011. — 943 с.
83. Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 2. 1910–1919 / сост. С.Н. Морозов. — М.: ИМЛИ РАН, 2017. — 1183 с.

84. *Лисовой Н.Н.* Россия и Святая Земля в первой половине XIX века. Церковная политика на Православном Востоке / Н.Н. Лисовой, И.Ю. Смирнова. — М.: [б. и.]; СПб.: Нестор-История, 2015. — 775 с.;
85. Литературное наследство. Т. 110: И.А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 1 / ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. — М.: ИМЛИ РАН, 2019. — 1183 с.
86. Литературное наследство. Т. 110: И.А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 2 / ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. — М.: ИМЛИ РАН, 2022. — 984 с.
87. Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: [Сборник материалов]: в 2 кн. Кн. 1. — М.: Наука, 1973. 696 с.
88. Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: [Сборник материалов]: в 2 кн. Кн. 2. — М.: Наука, 1973. — 551 с.
89. Литературное наследство. Т. 95. Горький и русская журналистика начала XX века: Неизд. переписка. / отв. ред. И.С. Зильберштейн, Н.И. Дикушина. — М.: Наука, 1988. — 1079 с.
90. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: словарь / Шруба Манфред науч. ред. А.И. Рейтблат. — М.: НЛО, 2004. — 440 с.
91. *Лишова Н.И.* Ориентализм в творчестве писателей серебряного века (на материале произведений И.А. Бунина и М.М. Пришвина) // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). — 2015. — № 1 (18). — С. 30–33.
92. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // *Лотман Ю.М.* Карамзин. — СПб., 1997: Искусство – СПб. — С. 484–564.
93. *Магомедова Д.М.* Бурнакин А.А.: биографическая справка // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Том 1. — М.: Советская энциклопедия, 1989. — С. 370.
94. *Малишевский И.А.* «Воды многие» И.А. Бунина и «На воде» Ги де Мопассана: художественный диалог // Вестник воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2014. — № 1. — С. 70–74.
95. *Мальцев Ю.В.* Иван Бунин, 1870–1953. — М.: Посев, 1994. — 431 с.
96. *Малютина И.А.* Травелог в современной паломнической литературе // Святая земля в славяно-русской традиции: сб. ст. по материалам VII международного круглого стола (Москва, 22 мая 2017 г.) / ред.-сост. А.К. Коненкова, С.И. Михайлова. — 2018. — Вып. 2. — С. 123–133.
97. *Манн Ю.В.* Гоголь. Кн. 3. Завершение пути: 1845–1852. — М.: РГГУ, 2009. — 504 с.
98. *Марулло Т.Г.* «Если ты встретишь Будду...»: Заметки о прозе И. Бунина / пер. с англ.; под ред. Е.К. Созиной. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. — 252 с.
99. *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов. Т. 1. А–И. — М.: Изд. Всесоюзной книжной палаты, 1956. — 444 с.

100. *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов. Т. 2. К–П. — М.: Изд. Всесоюзной книжной палаты, 1957. — 388 с.
101. Международный сводный каталог русской книги (1918–1926). Том 2. Бедринский–Бялыницкий. — СПб.: Изд-во РНБ, 2003. — 704 с.
102. *Мирза-Авакян М.Л.* Работа И.А. Бунина над темой Востока // Творчество писателя и литературный процесс: межвуз. сб. науч. тр. — Иваново: [б.и.], 1981. — С. 216–227.
103. *Михайлов О.Н.* И.А. Бунин: Жизнь и творчество. — Тула: Приокское книжное издательство, 1987. — 317 с.
104. *Михайлова М.В., Полтавская Е.А.* Роза Иерихона. Магия и страсть. О путешествиях И.А. Бунина на Восток. // Альманах «Бунинские Озёрки». — 2022. — № 8. — С. 48–58.
105. *Моисеева Е.Н.* «Образ чужой культуры» в романах Пьера Лоти. 80-е гг. XIX в. // Восток — Запад: проблемы взаимодействия и трансляции культур. — Саратов: Изд-во Научная книга, 2002. — С. 170–193.
106. *Молчанова Н.А.* Путевые книги И.А. Бунина и К.Д. Бальмонта: «Тень птицы» и «Край Осириса» // И.А. Бунин в диалоге эпох. — Воронеж: ВГУ, 2002. — С. 55–61.
107. *Морозов С.Н.* Рассказ И.А. Бунина «Роза Иерихона». История текста // Сборник Матице Српске за славистику. — Белград: Нови Сад, 2018. — Т. 94. — С. 153–158.
108. *Морозова Ю.Г.* Библейские символы и топонимы в рассказе И.А. Бунина «Роза Иерихона» // ФИЛОLOGOS. — 2018. — № 4(39). — С. 76–81.
109. *Панова Л.Г.* Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина. Кн. I. — М.: Водолей Publishers; Прогресс-Плеяда, 2006. — 680 с.
110. *Подкорытова Т.И.* Ближневосточный «палимпсест» культур в цикле И.А. Бунина «Тень птицы» // И.А. Бунин: русская и национальные литературы. Материалы международной практической конференции. — Ереван: [б.и.], 2020. — С. 297–309.
111. *Ползунова Ю.С.* «Тень птицы» И.А. Бунина как паломническое путешествие // Дергачевские чтения — 2018. Литература регионов в свете гео- и этнопоэтики: материалы XIII Всероссийской научной конференции. — Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 2019. — С. 186–190.
112. *Полоцкая Э.А.* Взаимопроникновение поэзии и прозы у раннего Бунина // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. XXIX. Вып. 5. — М.: Изд-во АН СССР, 1970. — С. 412–418.
113. *Пономарев Е.Р.* И.А. Бунин и Палестина: К постановке проблемы // Новый филологический вестник. — 2020. — № 3 (54). — С. 131–140.
114. *Пономарев Е.Р.* Постколониальная теория и литература путешествий. Взгляд из России // НЛО. — 2020. — № 1 (161). — С. 355–377.
115. *Пономарев Е.Р.* Преодолевший модернизм Творчество И.А. Бунина эмигрантского периода. — М.: ИМЛИ РАН, 2019. — 340 с.

116. *Пономарев Е.Р.* Русский имперский травелог // НЛО. — 2017. — № 2 (144). С. 33–44.
117. *Пономарев Е.Р.* Типология советского путешествия: «путешествие на Запад» в литературе межвоенного периода / Е.Р. Пономарев; М-во. культуры РФ, С.-Петерб. гос. у-нт культуры и искусств. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2013. — 412 с.
118. *Пономарев Е.Р.* Травелог vs. путевой очерк: постколониализм российского извода // НЛО. — 2020. — № 6 (166). — С. 562–580.
119. *Пономарев Е.Р.* «Храм Солнца» или «Тень Птицы»? Поэтика «путевых поэм» И.А. Бунина // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2021. — № 69. — С. 298–320.
120. *Пращерук Н.В.* Художественный мир прозы И.А. Бунина: язык пространства. — Екатеринбург: МУМЦ «Развивающее обучение», 1999. — 253 с.
121. *Пронин А.А.* Евангельский «след» в цикле путевых рассказов И.А. Бунина «Тень птицы» и поэма В.А. Жуковского «Агасфер» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: сб. ст. — Петрозаводск: ПГУ, 2001. — С. 459–464.
122. *Разумов И.А.* Культура древних народов как средство выражения мировидения и эстетической позиции в творчестве Х.Ф. Лавкрафта и И.А. Бунина // Молодой ученый. — 2019. — № 13 (251). — С. 317–320.
123. Раннее творчество И.А. Бунина (1883–1902 гг.): поэтика, текстология, комментарий / отв. ред. С.Н. Морозов; ред. А.В. Бакунцев, Т.М. Двинятина, Е.Р. Пономарев. — М.: ИМЛИ РАН, 2024. — 342 с. — (Академический Бунин; вып. 4).
124. *Рождественская М.В.* «Священный хронотоп» в паломнической прозе (Яффа глазами русских богомольцев XIX в.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2016. — № 11(65): в 3-х ч. Ч. 3. — С. 10–14.
125. *Романова К.С.* Рецепция культурных и религиозных реалий востока в путевых очерках Теофиля Готье «Константинополь» и И.А. Бунина «Тень птицы» // Вестник Костромского государственного университета. — 2017. № 3. — С. 99–102.
126. Русский травелог XVIII – начала XX веков: аннотированный указатель / под ред. Т.И. Печерской; сост. А.А. Богодерова, Н.А. Ермакова, А.Е. Козлов, Н.В. Константинова, В.В. Мароши, Т.И. Печерская, А.А. Пономарева, О.С. Рощина, О.А. Фарафонова. — Новосибирск: ООО «Немо Пресс», 2018. — 832 с.
127. Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография / под ред. Т.И. Печерской, Н.В. Константиновой; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. — Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. — 462 с.
128. *Саид Э.* Ориентализм: Западные концепции Востока / пер. с англ. А.В. Говорунова. — СПб.: Русский Мирь, 2006. — 639 с.

129. *Самахер Х.Д.* «Айя-София» И. Бунина и О. Мандельштама // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2017. — № 4. — С. 66–68.
130. *Сафиулина Р.* Образы паломников в Мекку в интерпретации И. Бунина, Н. Гумилева, В. Набокова // Филология и культура. — 2019. — № 3. — С. 176–181.
131. *Сливицкая О.В.* Бунин и Восток. (К постановке вопроса) // Известия Воронежского гос. пед. ин-та. Т. 114. — Воронеж: ВГУ, 1971. — С. 85–96.
132. *Сливицкая О.В.* «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. — М.: РГГУ, 2004. — 270 с.
133. *Смольянинова Е.Б.* Буддийский Восток в творчестве И. А. Бунина: автореф. дис. ... канд. фил. наук. — СПб., 2007. — 26 с.
134. Список предметов <Фонд № 14>. (И.А. Бунин). Коллекция Вещественные памятники. Из коллекции БУКОО ОГЛМТ. Всего 59 ед. хр. на 6 лл. / Сост.: В.А. Макешина. URL: <https://turgenevmus.ru/edinaya-fondovaya-kollektsiya/katalogi-opisi/> (дата обращения: 12.08.2024).
135. *Сырова Ю.Н.* А.М. Федоров: жизнь и творчество в контексте литературной эпохи конца XIX – начала XX веков (1885 – 1920): дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 2006. — 250 с.
136. *Таурова И.А.* Восточные традиции в творческом восприятии И.А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2010. — 213 с.
137. Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология) / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. — М.: Литфакт, 2019. — 895 с. — (Академический Бунин; вып. 1).
138. *Тименчик Р.Д.* Глаз и слово // Лехаим: [Электронный ресурс]. — 2006. — Август. (№ 172). URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/172/timenchik.htm?ysclid=m01qs6ydbv579384437> (дата обращения: 07.08.2024).
139. *Топорова А.В.* Святая Земля глазами средневековых западноевропейских и русских паломников (итальянские дневники паломничества и русские «хождения») // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». — 2024. — № 1. — С. 110–125.
140. *Федотов П.В.* «Сообщения ИППО» как источник информации о руководящем составе школ Палестинского Общества // Православный палестинский сб. — 2019. — Вып. 116. — С. 181–188.
141. *Ходжибаева Б.А.* «Чекан души. Иван Бунин и Восток». — Худжанд: Ношир, 2013. — 128 с.
142. Хожение игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в / Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом), Императорское православное палестинское общество; изд. подгот.: О.А. Белоброва [и др.] отв. ред.: Г.М. Прохоров. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. — 407 с.
143. *Чебоненко О.С.* Поэзия И.А. Бунина и Коран (Особенности художественной ориенталистики). // Три века русской литературы. Актуальные аспекты изучения: Межвуз. сб. научн. трудов. — М.; Иркутск: Лит.ин-т-ИГПУ, 2003. — Вып. 4. — С. 171–179.

144. *Чуваков В.Н.* Степан Семенович Кондурушкин // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. — М.: Большая российская энциклопедия, 1994. Т. 3. — С. 50–51.
145. *Шаповалов М.С., Бокатов А.Ю., Валитов А.А.* Воображая Палестину: Святая земля и русская идентичность в XIX – начале XXI в. — СПб: Нестор-История, 2021. — 774 с.
146. *Шаповалов М.С.* Путешествие кайзера Вильгельма в Палестину в 1898 г. по материалам Архива внешней политики Российской империи // Христианство на Ближнем Востоке. — 2020. — № 2. — С. 75–90.
147. *Шарова В.Л.* Философское осмысление пространства в прозе И.А. Бунина // Философские науки. — 2020. — Т. 63. — № 6. — С. 133–145.
148. *Щавлинский М.С.* История публикации книги И.А. Бунина «Храм Солнца» // Сб. науч. ст. по результатам международной научной конференции «Бунинские чтения» (20–21 октября 2022 г.). — Елец: ЕГУ, 2022. — С. 106–113.
149. *Щавлинский М.С.* Исчезновение национального и колониального дискурсов: текстология очерка «Тень Птицы» И.А. Бунина // Летняя школа по русской литературе. — 2023. — Т. 18. — № 3–4. — С. 355–375.
150. *Щавлинский М.С.* Н.П. Кондаков и Бунины в Одессе // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Сборник научных трудов VI Международной научно-практической конференции (20–21 октября 2022 г., г. Орел, ОГУ имени И.С. Тургенева). — Орел, ОГУ имени И.С. Тургенева, издательство «Картуш», 2022. — С. 235–243.
151. *Щавлинский М.С.* Н.П. Кондаков и Бунины в эмиграции // Новый филологический вестник. — 2022. — № 4 (63). — С. 144–157.
152. *Щавлинский М.С.* Н.П. Кондаков и Бунины: история первой встречи // Профессорский журнал. Русский язык и литература. 2022. — № 2. — С. 43–49.
153. *Щавлинский М.С.* Степан Семенович Кондурушкин (1874–1919): жизнь и творчество. Материалы к биографии, 1874–1905 гг. // Текстология и историко-литературный процесс: X и IX Международная конференция молодых исследователей (Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 15–17 октября 2020 г. и 18–20 марта 2021 г.): Сборник статей. — М.: Common Place, 2022. — С. 100–113.
154. *Щавлинский М.С.* «Тень Птицы» И.А. Бунина: маршруты путешествий, текстология, круг чтения. Исследования к будущему научному изданию // Творчество И. Бунина, А. Куприна, А. Чехова в контексте развития русской литературы конца XIX – начала XX века. Материалы всероссийской межвузовской научно-практической конференции. — М.: МСК, 2020. — С. 213–230.
155. *Щавлинский М.С.* «Три просьбы» И.А. Бунина — инвариант восточной сказки // Advances in Science and Technology: сборник статей LXIII международной научно-практической

- конференции (15 сентября 2024 г., Москва). — М.: Научно-издательский центр «Актуальность РФ», 2024. — С. 109–112.
156. *Щавлинский М.С.* «Храм Солнца» И.А. Бунина и «Сирийские рассказы» С.С. Кондурушкина: точки пересечения // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. — № 2. — С. 221–232.
157. *Щавлинский М.С.* «Храм Солнца» И.А. Бунина и травелоги о Святой Земле Пьера Лоти // Летняя школа по русской литературе. — 2024. — Т. 20. — № 1–2. — С. 73–100.
158. *Щавлинский М.С.* Эволюция травелога в раннем творчестве И.А. Бунина: от «Казацкого хода» до «Храма Солнца» // Eurasiascience. Сборник статей XLIX международной научно-практической конференции (15 ноября 2022 года, Москва). — М.: «Научно-издательский центр «Актуальность. РФ», 2022. — С. 292–295.
159. *Эткинд А.М.* Внутренняя колонизация: имперский опыт России / пер. с англ. В. Макарова. — М.: НЛО, 2013. — 441 с.
160. *Эткинд А.М.* Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. — М.: НЛО, 2001. — 483 с.
161. *Якушев М.И.* Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи: 1830-е – начало XX века. — М.: Индрик, 2013. — 536 с.
162. *Яхьянур М.* Иван Бунин и мир Востока. — 4-е изд. — Тегеран: Изд-во Тегеран. ун-та, 2020. — 228 с. (на рус. и фарси.).
163. *Яхьянур М., Карими-Мотаххар Дж.* Иван Бунин и восточная мистика // *Quaestio Rossica*. — 2021. — Т. 9. — № 2. — С. 533–546.
164. *Яхьянур М., Карими-Мотаххар Дж., Пономарев Е.Р.* Саади и Бунин под тенью Хумая // Критика и семиотика. — 2024. — № 1. — С. 158–180.
165. *Berrong M.R.* Pierre Loti. — London: Reaktion Books, 2018. — 185 p.
166. *Berrong M.R.* Putting Monet and Rembrandt into Words: Pierre Loti's Recreation and Theorization of Claude Monet's Impressionism and Rembrandt's Landscapes in Literature. North Carolina: UNC Department of Romance Studies, 2014. — 200 p.
167. *Bhabha H.K.* The location of culture. — [London], [1994]. — XXXII, 408 p.
168. *Dearman V.* The Reality of Time, History and Life in the Prose of Ivan Bunin. Submitted for the Degree of Doctor of Philosophy. — Sheffield, The University of Sheffield. 1999. — 263 p.
169. *Fanon F.* Black Skin, White Masks. — NY: Grove Press, 1967. — 222 p.
170. *Fanon F.* The Wretched of the Earth. — NY: Grove Press, 1963. — 316 p.
171. *Irwin R.* Dangerous knowledge: orientalism and its discontents. — NY: Overlook Press, Woodstock, 2008. — 409 p.

172. *Kislova L.S.*, Ertner D.E. The Revival of the Genre: Key Trends in the Contemporary Travelogue Development // Филологический класс. — 2019. № 3 (57). — С. 127–133.
173. *Lewis B.* The Question of Orientalism by Bernard Lewis. The New York Review of Books. Publication date 1982-06-24. — URL: <https://archive.org/details/LewisBernardTheQuestionOfOrientalism> (дата обращения: 27.05.2024).
174. *Richards D.J.* Comprehending the Beauty of World: Bunin's Philosophy of Travel // The slavonic and east european rev. — 1974. — Vol. 52, № 129. — pp. 514–532.
175. *Marullo T.G.* If you see the Buddha: Studies in the fiction of Ivan Bunin. — Evanston, 1998. — 208 p.
176. *Segalen V.* Essai sur l'exotisme, une esthétique du divers; et Textes sur Gauguin et l'Océanie (1904–1918). — Paris: LGF/Livre de Poche, 1999. — 184 p.
177. *Shagayeva Z.A.* Bunin's Pilgrimage in countries of the east: traveling as a basis for the formation of religious and philosophical views of the writer // The First European International conference on collaboration in academic researches between Kazakhstan and European countries. — Vienna, 2015. — S. 32–37.
178. *Woodward J.B.* Ivan Bunin: A Study of His Fiction. — Chapel Hill, 1980. — 275 p.
179. *Zilcosky J.* Writing Travel: The Poetics and Politics of the Modern Journey (German and European Studies). — Toronto: University of Toronto Press, 2008. — 353 p.

### Источники

180. Агада: Сказания, притчи, изречения Талмуда и мидрашей: в 4 ч. / пер. с введ. С. Г. Фруга; По «Сефер-Гаагада», сост. И. Х. Равницким и Х. Н. Бяликом. Ч. 1–2. — Одесса: Мория, 1910–1914.
181. *Адамович Г.* «Тень птицы» Бунина // Иллюстрированная Россия. — 1931. — 20 июня (№ 26). — С. 13.
182. *Айхенвальд Ю.И.* Иван Бунин: (Его стихотворения) // Силуэты русских писателей. — М.: Изд. «Научного слова», 1910. — Вып. III. — С.113–125.
183. *Амфитеатров А.В.* Ау! Сатиры, рифмы, шутки, фельетоны и статьи. — СПб.: Энергия, 1912. — С. 208–209.
184. *Анненский И.* Отзыви о книгах [Иван Бунин <...> Том пятый. Рассказы. СПб., 1909. 233 с.] // Журнал Министерства народного просвещения. — 1910. — № 2. — С. 233–237. (Отд. III).
185. *Арнольд Э.* Свет Азии. / пер. А. Анненской под ред. В. Лесевича, с его предисл. и введением, редактированным им же. — СПб: тип. и лит. В.А. Тиханова, 1890. — СIII, 238 с.
186. *Арсений (иеромонах).* Путеводитель во святыи град Иерусалим ко Гробу Господню, и прочим святым местам Востока и на Синай: С воспоминанием страстей Христовых и прочих

знаменательных событий, совершившихся на святых местах. — Киев: тип. М.П. Фрица, 1872. — 206 с.

187. *Арсений (иеромонах)*. Путеводитель во святой град Иерусалим ко Гробу Господню, и прочим святым местам Востока и на Синай: С воспоминанием страстей Христовых и прочих знаменательных событий, совершившихся на святых местах. — М.: Афонск. Рус. Пантелеймонов монастырь, 1904. — 248, II с.

188. *Арсений [Суханов, Антон Путилин]*. Проскинитарий: Хождение строителя старца Арсения Суханова в 7157 (1649) г. в Иерусалим и в прочие святые места, для описания святых мест и греч. церк. чинов: (Памятник XVII столетия). — Казань: Унив. тип., 1870. — 240 с.

189. *Ачкасов А.Н.* [Рец. на сб. «Земля» (М., 1908)] // Киевская мысль. — 1908. — 18 марта (№ 78). — С. 2.

190. *Бальмонт К.Д.* Гимны, песни и замыслы древних: Египет, Мексика, Майя, Перу-Халдея, Ассирия, Индия, Иран, Китай, Океания, Скандинавия, Эллада, Бретань. — СПб: Пантеон, 1909. — 211 с.

191. *Бальмонт К.Д.* Край Озириса: Египетские очерки. — М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1914. — 324 с.

192. *Башилов П.П.* О Палестине и Святой земле: (По Бедкеру) / [сост. г. уфим. губернатор П.П. Башилов и прочел 20 дек. 1915 г. в здании Реал. уч-ща на палест. вечере]. — Уфа: Электр. губ. тип., 1916. — 18 с.

193. *Бедкер К., Жоан А.Л.* Путеводитель по Ривьере от Марселя до Генуи. — СПб.: тип. Левенштейна, 1899. — 133 с.

194. *Беккер К.Ф.* Древняя история К.Ф. Беккера, вновь обработанная Вильгельмом Мюллером, профессором Тюбингенского университета = (Becker's Geschichte des Alterthums): В 3 т. — СПб.: А.С. Суворин, 1890–1893.

195. *Бицилли П.М.* [Рец. на кн.: Бунин И. А. Тень Птицы. Париж, 1931.] // Современные записки. — 1931. — № 47 (сент.). — С. 493–494.

196. *Брусянин В.В.* [Рец. на: 25-й] Сборник товарищества «Знание» // Современный мир. — 1909. — Апр. (№ 4). — С. 103. (Отд. II).

197. *Бунин И.А.* Весной в Иудее // Русские новости. — 1946. — 19 апр. (№ 49). — С. 5.

198. *Бунин И.А.* Геннисарет // Русское слово (Москва). — 1912. — 25 дек. (№ 297). — С. 4.

199. *Бунин И.А.* Город царя царей // Газета «Руль». — Берлин, 1925. — 22 февр. (№ 1284); 24 февр. (№ 1285). — С. 2–3; С. 2–3.

200. *Бунин И.А.* Дельта // Последние новости. — 1932. — 29 мая. (№ 4085). — С. 3.

201. *Бунин И.А.* Зодиакальный свет // Слово: литературно-художественные сборники. Книга первая. — М.: [б.и.], 1908. — С. 13–39.

202. Бунин И.А. Золотое дно: Рассказы 1903–1907 гг. — 2-е изд. — М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. — 212 с.
203. Бунин И.А. Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 гг. — М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1913. — 264 с.
204. Бунин И.А. Иудея // Друкарь Лит. сб. под ред. Н.Д. Телешова. — М.: вспомо- г. касса типографов, 1910. — С. 41–69.
205. Бунин И.А. Иудея. — М.: Россия молодая, 1999. — 14 с. — (Библиотека паломника).
206. Бунин И.А. Иудея. Сонеты: Караван; Иерихон; Бедуин // Сб. тов. «Знание». — Вып. 25. — СПб., 1908. — С. 79–83.
207. Бунин И.А. Камень // Последние новости. — 1929. — 31 марта (№ 2930). — С. 2–3.
208. Бунин И.А. Мертвое море // Русское слово. — 1911. — 10 июля (№ 158). — С. 3.
209. Бунин И.А. Море богов // Северное сияние. — СПб., 1908. — № 1, ноябрь. — С. 31–46.
210. Бунин И.А. Море богов // Последние новости. — 1929. — 18 июля (№ 3070). — С. 3.
211. Бунин И.А. На Женевском озере // Мир Божий. — 1901. — № 7. — С. 34–38.
212. Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текстов и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. — М.: ИМЛИ РАН, 2003. — 763 с.
213. Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. С.Н. Морозов; подгот. текстов и коммент. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. — М.: ИМЛИ РАН, 2007. — 830 с.
214. Бунин И.А. Плач о Сионе; Благовестие // Возрождение. — 1925. — 26 сент. (№ 116). — С. 2.
215. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 1. Храм солнца. — Берлин: Петрополис, 1936. — 310 с.
216. Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; вступ. ст. О.Н. Михайлова, коммент. С.Н. Морозова и др. — М.: ИМЛИ РАН, 2000. — 635 с.
217. Бунин И.А. Пустыня дьявола // Последние новости. — 1928. — 10 мая (№ 2605). — С. 2–3.
218. Бунин И.А. Пустыня дьявола // Русское слово. — 1909. — 25 дек. (№ 296). — С. 3.
219. Бунин И.А. Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг. — 2-е изд., доп. — М.: Московское книгоиздательство, 1912. — 256 с.
220. Бунин И.А. Роза Иерихона // Наш мир. — 1924. — 15 июня (№ 13). — С. 2.
221. Бунин И.А. Свет зодиака // Последние новости. — 1929. — 9 июня (№ 3000). — С. 2–3.
222. Бунин И.А. Святая Земля // Последние новости. — 1928. — 25 дек. (№ 2834). — С. 2–3.
223. Бунин И.А. Смерть Моисея. — Одесса: Юж. универс. б-ка, 1919. — 79 с.
224. Бунин И.А. Смерть Моисея // Русское слово. — 1911. — 28 дек. (№ 298). — С. 3.
225. Бунин И.А. [Собрание сочинений: в 6 т.] — Т. 5. Рассказы. — СПб.: Знание, 1909. — 234 с.

226. *Бунин И.А.* [Собрание сочинений: В 6 т.] — Т. 6. Стихотворения 1907–1909 гг. Рассказы. — СПб.: Общественная польза, 1910. — 192 с.
227. *Бунин И.А.* Полное собрание сочинений: в 6 т. — Т. 4. Рассказы 1903–1911 гг. — Пг.: Изд. Т-ва А.Ф. Маркс, 1915. — 222 с.
228. *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 9 т. — Т. 3. Повести и рассказы 1907–1911. — М.: Художественная литература, 1965. — 503 с.
229. *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 6 т. — Т. 3. Произведения 1907–1914. — М.: Художественная литература, 1987. — С. 655–656.
230. *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 6 т. — Т. 4. Произведения 1914–1931. — М.: Художественная литература, 1988. — 703 с.
231. *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 6 т. — Т. 5. — М.: Худ. литература, 1988. — 640 с.
232. *Бунин И.А.* Собрание сочинений. в 6 т. — Т. 6. Освобождение Толстого. О Чехове. Воспоминания. Дневники. Статьи. — М.: Худ. литература, 1988. — 720 с.
233. *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 8 т. — Т. 4. Произведения 1907–1924. — М.: Московский рабочий, 1995. — 525 с.
234. *Бунин И.А.* Стихотворения: в 2 т. — Т. 1 / вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т.М. Двинятиной. — СПб.: Вита Нова, 2013. — 544 с.
235. *Бунин И.А.* Стихотворения: в 2 т. — Т. 2 / вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т.М. Двинятиной. — СПб.: Вита Нова, 2013. — 544 с.
236. *Бунин И.А.* Страна содомская // Последние новости. — 1928. — 2 авг. (№ 2689). — С. 2.
237. *Бунин И.А.* Тень птицы // Земля: Сб. 1. (янв.). — М., 1908. — С. 229–272.
238. *Бунин И.А.* Тень птицы. — Париж: Современный записки, 1931. — 207 с.
239. *Бунин И.А.* Три просьбы // Курьер. — 1901. — 24 июня (№ 172). — С. 2.
240. *Бунин И.А.* Храм солнца // Современный мир. — 1909. — № 12. — С. 33–42.
241. *Бунин И.А.* Храм солнца. — Пг.: Жизнь и Знание, 1917. — 174 с.
242. *Бунин И.А.* Храм солнца // Последние новости. — 1928. — 1 июля (№ 2657). — С. 2–3.
243. *Бунин И.А.* Христово озеро // Возрождение. — 1927. — 24 апр. (№ 691). — С. 3.
244. *Бурнакин А.А.* Литературные заметки. Начало конца // Новое время. — 1910. — 27 авг. (№ 12377). — С. 4.
245. *Веселовский Ю.А.* [Рец. на сб. «Слово» (М., 1908)] // Русские ведомости. — 1909. — 30 июня (№ 148). — С. 3.
246. *Войтоловский Л.Н.* И.А. Бунин. (К 25-летнему юбилею) // Киевская мысль. — 1912. — 29 окт. (№ 300). — С. 2.
247. *Геккер Н.Л.* Еще о «Земле». Первый сборник «Московского книгоиздательства» // Одесские новости. — 1908. — 22 февр. (№ 7449). — С. 2.

248. *Геккер Н.Л.* Литературные заметки [Рец. на кн.: Бунин И.А. Золотое дно. М., 1914] // Одесские новости. — 1914. — 16 февр. (№ 9271). — С. 6.
249. *Глаголь С.* На юг: из летней поездки в Константинополь, Афины, Неаполь, Рим и Венецию. — М.: И. Кнебель, 1900. — 222 с.
250. *Гончаров И.А.* Фрегат «Паллада» // *Гончаров И.А.* Собрание сочинений: в 8 т. — Т. 2. — М.: Худ. лит., 1978. — 334 с.
251. *Гребенищikov М.Г.* Путевые записки и воспоминания по Дальнему Востоку. — СПб: тип. Я.И. Либермана, 1887. — 271 с.
252. Гюлистан: «Цветник роз»: Творение шейха Саади Ширази / пер. с перс. И.Н. Холмогорова. — М.: К.Т. Солдатенков, 1882. — 353 с.
253. *Гюнтер К.* Цейлон. — Пг.: А.Ф. Девриен, 1914. — VIII, 366 с.
254. *Данилов Н.П.* Очерки Цейлона. — СПб.: тип. Мор. м-ва, 1904. — 62 с.
255. *Демидов И.П.* [Рецензия] // Последние новости. — 1931. — 28 мая (№ 3718). — С. 2. — Рец. на кн.: Бунин И.А. Тень Птицы. Париж, 1931.
256. *Дерман А.Б.* И.А. Бунин // Русская мысль. — 1914. — № 6. — С. 52–75. (Отд. II).
257. *Доброхотов А.* Изящный пессимизм // Оренбургский край. — 1913. — 2 февр. (№ 28). — С. 2.
258. *Елпатьевский С.Я.* Египет: со многими ил. и рис. в тексте. — СПб.: Обществ. польза, 1911. — 213 с.
259. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского с дополнением из Пролога: С изобр. святых и объяснит. примеч. [Кн. 1–12]. — М.: изд. Моск. синод. тип., 1902–1916. 12 т. Кн. 1: [Месяц сентябрь]. 1902. — XXXI, 677 с.
260. *И.П.* [Рец. на сб. «Друкарь» (М., 1909)] // Утро России. — 1909. — 24 дек. (№ 66–33). — С. 8.
261. *Измайлов А.А.* Литературные беседы // Русское слово. — 1910. — 5 февр. (№ 28). — С. 2. — Рец. на сб. «Друкарь» (М., 1910).
262. *Иловайский Д.И.* Очерки и рассказы из всеобщей истории. Ч. 1: Древний мир. — М.: типо-лит. И.Н. Кушнерева и К<sup>о</sup>1883. — VIII, 384 с.
263. *Иловайский Д.И.* Очерки и рассказы из всеобщей истории. Ч. 2: Средние века. — М.: типо-лит. И.Н. Кушнерева и К<sup>о</sup>, 1886. — VIII, 294 с.
264. Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность (1882–1907 гг.). XXV историческая записка, сост. по поручению Совета О-ва проф. А.А. Дмитриевским / сост. по поручению Совета О-ва проф. А.А. Дмитриевским. — СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1907. — [6], VIII, 332 с.

265. *Карант Г.Н.* На Дальний Восток из Одессы: Плавание Добровольного флота. — Одесса: Г. Н. Карант, 1902. — 72 с.
266. *Клингген И.* Среди патриархов земледелия народов Ближнего и Дальнего Востока: (Египет, Индия, Цейлон, Китай и Япония): в 3 ч. Ч. 1: Введение; Египет. — СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1898. — XXVIII, 460 с.
267. *Клингген И.* Среди патриархов земледелия народов Ближнего и Дальнего Востока: (Египет, Индия, Цейлон, Китай и Япония): в 3 ч. Ч. 2: Индия; Цейлон. — СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1899. — VIII, 338 с.
268. *Колокольникова В.Я.* По святым землям: (Сирия, Палестина, Синай): [Очерк]: С подроб. описанием Иерусалима / сост. В. Колокольникова. — М.: А.С. Панафидина, 1903. — 92 с.
269. *Кондаков Н.П.* Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. — СПб.: Имп. Акад. наук, 1904. — 308 с.
270. *Кондурушкин С.С.* 25-летний юбилей И.А. Бунина // Речь. — 1912. — 27 окт. (№ 295). — С. 3.
271. *Кондурушкин С.С.* [К. С.] Греки в Палестине и Сирии // Русское богатство. — 1900. — Сентябрь (№ 9). — С. 168–196. (Отд. I).
272. *Кондурушкин С.С.* Рассказы. — СПб: Знание, 1910. — 290 с.
273. *Кондурушкин С.С.* Сирийские рассказы. — СПб: Знание, 1908. — 250 с.
274. Коран Магомеда / пер. с араб. на фр. А. Биберштейна-Казимирского. пер. с фр. К. Николаева. — М.: Изд-во К. Шамова, 1865. — 522 с.
275. Коран Магомета / новый пер., сдел. с араб. текста М. Казимирским, переводчиком при фр. посольстве в Персии; пер. с фр. А. Николаева. новое изд., пересмотр., испр. и доп. новыми примеч. — М.: М.В. Клюкин, [1901]. — 588, XVI с.
276. *Краснов А.Н.* Индия и Цейлон. — СПб.: О.Н. Попова, 1900. — 102 с.
277. *Кузмин М.А.* Заметки о русской беллетристике // Аполлон. — 1910. — № 5. — С. 54–55.
278. *Левит М.Ю.* [Левидов М.] И.А. Бунин // Новый журнал для всех. — 1916. — № 4/6. — С. 42–48.
279. *Ленорман Ф.* Руководство к древней истории Востока до Персидских войн: в 6 т. — Киев: Унив. тип., 1876–1879.
280. *Липский В.И.* Цейлон и его ботанические сады. — СПб.: Деп. земледелия ГУЗ и З, 1911. — 282 с.
281. *Лоти П.* Брак Лоти. Рарагю: Роман [автобиогр. характера]: (Из жизни на острове Таити). — М.: тип. Н.Л. Пушкарева, 1882. — 301 с.
282. *Лоти П.* Галилея: Дневник путешествия / пер. М. Тимофеевой. — СПб: Н.Ф. Мертц, 1896. — 103 с.

283. *Лоти П.* Иерусалим: Дневник путешествия / пер. М. Тимофеевой. — СПб: Н.Ф. Мертц, 1896. — 104 с.
284. *Лоти П.* Избранные романы о любви: в 2 т.: — Т. 1. Азиаде. — М.: Ладомир, 1997. — 440 с.
285. *Лоти П.* Разочарованные: роман из современной жизни турецких гаремов / пер. М. Штромберг. — М.: Основа, 1908. — VIII, 384 с.
286. *Лоти П.* Собрание сочинений: в 5 т. — Т. 4. I. Роман ребенка; II. Пустыня: Очерки. — СПб: П.Ф. Пантелеев, 1901. — 225 с.
287. *Лоти П.* Собрание сочинений: в 5 т. — Т. 5. I. Галилея и зеленая мечеть; II. Призрак Востока; III. Иерусалим; IV. Цветы скуки. — СПб: П.Ф. Пантелеев, 1901. — 390 с.
288. *Львов-Рогачевский В.Л.* [Рец. на: Т. 6. Собр. соч. Стихотворения 1907–1909 гг. Рассказы (СПб., 1910)] // Современный мир. — 1910. — № 10. — С. 157–159.
289. *Марков Е.Л.* Путешествие на Восток. — СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1890. — XIV, 414 с.
290. *Марков Е.Л.* Путешествие по Святой земле. — СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1891. — 523 с.
291. *Масперо Г.* Древняя история народов Востока: пер. с 4 фр. изд. / Г. Масперо. — М.: К.Т. Солдатенков, 1895. — VIII, 715 с.
292. *Мережковский Д.С.* Асфодели и ромашка // Речь. — 1908. — 23 марта (№ 71). — С. 3.
293. *Михайловский В.Я.* Святый град Иерусалим: с 15 рис. и планом. — СПб.: С.В. Богданович, 1882. — 92 с.
294. *Мопассан Г.* На воде: сб. рассказов. — М.: Посредник, 1894. — 166 с.
295. *Мопассан Г.* Полное иллюстрированное собрание сочинений: в 4 т. — Т. 3: [Повести и рассказы]. — Киев: Ф.А. Иогансон, 1906. — 952 стб.
296. *Мопассан Г.* Собрание сочинений: в 12 т. — Т. 6. Бродячая жизнь; Повести и рассказы. — СПб.: Вестник иностранной литературы, 1894. — 320 с.
297. *Мопассан Г.* Полное собрание сочинений: в 12 т. — Т. 9. Бродячая жизнь. — М.: Правда, 1958. — 511 с.
298. *Мордовцев Д.Л.* Поездка в Иерусалим. — СПб.: тип. А.С. Суворина, 1881. — 196 с.
299. *Мордовцев Д.Л.* Поездка к пирамидам. — СПб.: тип. А.М. Котомина, 1881. — VIII, 192 с.
300. Муаллака Имру-уль-Кайса / пер. с арабск. подлинника по изд. Фр. Авг. Арнольда, 1850 Г. Муркоса. — М.: Унив. тип., 1882. — 18 с.
301. *Муравьев А.Н.* Путешествие ко святым местам в 1830 году: в 2 т. — СПб.: тип. 3 Отд. Собств. е. и. в. канцелярии, 1832.
302. *Муромцева В.Н.* Беседы с памятью: Новая жизнь // Новый журнал. — 1960. — № 60 (июнь). — С. 166–178.
303. *Муромцева В.Н.* Беседы с памятью: Путь до Святой земли; В Палестине // Новый журнал. — 1960. — № 62 (дек.). — С. 147–175.

304. *Муромцева В.Н.* Сирия, Галилея, Египет // Грани. — 1960. — № 47. — С. 85–101; № 48. — С. 125–135.
305. *Муромцева-Булнина В.Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью. — М.: ПРОЗАИК, 2019. — 560 с.
306. *Нилус П.А.* На берегу моря: Рассказы. — [М.]: Кн-во писателей в Москве, [1918]. — 212 с.
307. *Норов А.С.* Путешествие по Святой земле в 1835 году: в 2-х ч. — Изд. 3-е, доп. — СПб.: в типогр. III Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1854.
308. *Норов А.С.* Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 г. Авраама Норова, служащее дополнением к Путешествию по Святой земле: В 2 т. — СПб.: в типогр. III. Отдел. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1840.
309. *Олесницкий А.А.* Святая земля: Отчет по командировке в Палестину и прилегающие к ней страны: 1873–1874. Т. 1–2 / [Соч.] экстраорд. проф. Киев. духовной акад. Акима Олесницкого. — Киев: тип. С.Т. Еремеева, 1875–1878.
310. *Отшельник.* Рождественская проза: (Дружеские пародии). И. Бунин. Пустыня дьявола // Утро России. — 1909. — 29 дек. (№ 68–35). — С. 3.
311. *Петроний [Пильский П.М.]*. Новости литературы. Писатели — «друкарям» // Одесские новости. — 1910. — 3 янв. (№ 8007). — С. 1.
312. *Пильский П.М.* Восток, Иерусалим, Иудея, Город Царя Царей: (О новой кн. И. Бунина «Тень Птицы») // Сегодня. — 1931. — 1 июня (№ 150). — С. 6.
313. *Пильский П.М.* Иерусалим — Восток — Москва. Новый том собрания сочинений И.А. Бунина «Храм солнца» // Сегодня. — 1935. — 21 дек. (№ 351). — С. 3.
314. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания: в 8 т. — Т. 6: Александр Великий. — М.: «Нар. б-ка» В.Н. Маракуева, 1893. — 182 с.
315. *Поярков Н.Е.* Однодневки. Критические этюды. Сборник «Земля» и др. (VII) // Утро. — 1908. — 27 февр. (№ 375). — С. 3. — Рец. на сб. «Земля» (М., 1908).
316. Путеводитель по Святой земле. — 3-е изд. — Одесса: Изд. Русского св. Ильинского скита на Афоне, 1894. — X, 311 с.
317. Путеводитель по святым местам Востока: Руководство для рус. паломников, отправляющихся в Иерусалим, на Афон, Синай, в Бар-град и Рим, с прил. карты Палестины. — СПб: Православ. палест. о-во, 1910. — 116 с.
318. *Путник.* Босфор и Константинополь; Анатолийское побережье; По Русскому югу: очерки и картинки / с карт. Черного моря. — СПб: тип. А.С. Суворина, 1892. — VIII, 244 с.
319. *Путник [Лендер Н.Н.]*. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку (Константинополь — Каир). — Одесса: РОПиТ, 1903. — 204, 74 с.
320. *Путник [Лендер Н.Н.]*. Путеводитель по Крыму, Кавказу и Востоку. — Одесса: РОПиТ, 1906. — 218, 66 с.

321. *Путник* [Лендер Н.Н.]. Путеводитель по Одессе, Крыму и Кавказу. — Одесса: РОПит, 1907. — 180 с.
322. *Ренан Э.* Жизнь Иисуса / пер. без всяких сокращений с 19-го пересм. и доп. изд. Е.В. Святловского. — СПб.: тип. Спб. акц. общ. «Слово», 1906. — 208 с.
323. *Рёскин Д.* Техника искусства // Искусство и действительность. — М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1900. — С. 248–277.
324. *Ростовцев М.И.* Поездка в Египет. — М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1908. — 23 с.
325. Русские богомольцы в Святой земле: Три чтения: [Сост. по труду д-ра А.В. Елисеева]: с карт. Палестины. — 4-е изд. — СПб.: Постоянная комис. по устройству нар. чтений и состоящего при ней Издательск. о-ва, 1902. — 89, [15] с.
326. *Садовской Б.А.* [Рец. на кн.: Бунин И.А. Рассказы (Сочинения. Т. 5). СПб.: Знание, 1909] // Весы. — 1909. — № 5. — С. 86.
327. *Седых А.* Звездочеты с Босфора / предисл. И.А. Бунина. — Нью-Йорк: [б.и.], 1948. — 157 с.
328. *Серафим.* Собрание сочинений и писем Святогорца к друзьям своим о горе Афонской, Палестине и русских святых местах: С прил. Полного жизнеописания Святогорца: в 4 т. / Серафим. — СПб: печ. В. Головина, 1865.
329. *Серафим.* Стихотворения Святогорца [псевд.], собранные после его смерти и посвященные любителям и благотворителям св. горы Афонской и пользам Русского монастыря св. великомученика и целebника Пантелеймона. — СПб.: тип. Деп. уделов, 1861. — 311 с.
330. *Станкевич А.* Певец осени. И.А. Бунин // Южный край. — 1912. — 29 окт. (№ 11064). — С. 3.
331. *Стенли Г.М.* В царстве черных: Сцены из жизни и природы Средней Африки. — СПб.: тип. В. Балашева и К°, 1895. — 248 с.
332. *Стэнли Г.М.* В дeбрях Африки: История поисков, освобождения и отступления Эмина Паши правителя Экватории: в 2 т. — СПб.: тип. Пантелеевых, 1892.
333. *Суворин А.А.* Палестина. — СПб.: тип. А.С. Суворина, 1898. — 352 с.
334. *Тагор Р.* Гитанджали. Жертвенные песнопения / пер. с англ. Н.А. Пешешникова, под ред. И.А. Бунина. — М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. — 56 с.
335. *Тагор Р.* Садовник / пер. с англ. Н.А. Пешешникова, под ред. И.А. Бунина. — М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. — 63 с.
336. *Ухтомский Э.Э.* Путешествие на Восток его императорского высочества государя наследника цесаревича. 1890–1891: в 3 т. / авт.-изд. кн. Э.Э. Ухтомский; ил. Н.Н. Каразин. — Т. 1–3. — СПб.; Лейпциг: Ф.А. Брокгауз, 1893–1897.
337. *Федоров А.М.* Азорские острова // *Федоров А.М.* Рассказы. — СПб.: Изд. С.В. Бунина, 1908. — С. 32–43.

338. *Федоров А.М.* Араб // Земля: Сборник четырнадцатый. — М.: Московское книгоиздательство, 1914. — С. 73–95.
339. *Федоров А.М.* За океан. — СПб.: Прометей, 1909. — 211 с.
340. *Федоров А.М.* Королева: рассказы. — М.: Моск. кн-во, 1910. — 229 с.
341. *Федоров А.М.* На восток: Очерки. — СПб.: Изд. редакции журнала «Родник», 1904. — 223 с.
342. *Федоров А.М.* Собрание сочинений: в 7 т. — Т. 7. Солнце жизни. Ч. 1. — М.: Н.Н. Ключков, 1913. — 183 с.
343. *Федоров А.М.* Собрание сочинений: в 7 т. — Т. 7. Солнце жизни. Ч. 2. Палестина. — М.: Н.Н. Ключков, 1913. — 226 с.
344. *Федоров А.М.* Собрание сочинений: в 7 т. — Т. 2. Утро. — М.: Изд-во Н.Н. Ключкова, 1911. — 234 с.
345. *Федоров А.М.* Солнце и кровь: рассказы — М.: Московское книгоиздательство, 1917. — 156 с.
346. *Федоров А.М.* Сонеты. Египет. Палестина. Океан. Индия. Берега. Жизнь и смерть. — СПб.: М.В. Аверьянов, 1911. — 70 с.
347. *Федоров А.М.* Степь сказалась. — Уфа: Башкирское книжное издательство, 1981. — 272 с.
348. *Холмогоров И.Н.* Шейх Мослихуддин Саади Ширазский и его значение в истории персидской литературы. — Казань: Университетская тип., 1865. — 151 с.
349. *Чехов А.П.* Письма А.П. Чехова: в 6 т. — Т. 3: (1890–1891) / под ред. М.П. Чеховой. — М.: Книгоиздательство писателей в Москве. 1913. — XII, 360 с.
350. *Чуковский К.* Смерть, красота и любовь в творчестве И. А. Бунина // Нива. — 1914. — № 49 (дек.). — С. 947–950.
351. *Шатобриан Г.* Путешествие из Парижа в Иерусалим через Грецию, и обратно из Иерусалима в Париж через Египет, Варварию и Испанию: в 2 т. — Т. 1. — СПб., 1815. — 298 с.
352. *Ширяев Г.И.* Вечерние рассказы странника на родине о том, каким путем и как добраться до святого града Иерусалима. — СПб.: тип. П.А. Кулиша, 1859. — 136 с.
353. *Шор Д.С.* Воспоминания. — Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2001. — 352 с.
354. *Шюре Э.* Великие посвященные: Очерк эзотеризма религий Эдуарда Шюре. — СПб.: Гор. тип., 1908. — 331 с.
355. *Южанин А.* Библиография. [Рец. на:] А.М. Федоров. За океан. СПб., 1909.) // Новый журнал для всех. — Ноябрь. (№ 1). — С. 122.
356. *Яблоновский С.* [Потресов С.В.]. Фундамент // Русское слово. — 1909. — 6 дек. (№ 279). — С. 2. — Рец. на. сб. «Друкаръ» (М., 1910).
357. *Alouf M.M.* Histoire de Baalbek / par un de ses habitants Michel M. Alouf. — 2-e éd. rev. et compl. — Beyrouth: Impr. catholique, 1905. — VIII, 163 p.

358. *Alouf M.M.* History of Baalbek. — 7<sup>th</sup> ed. — Beyrouth: Impr. catholique, 1905. — V, 146 p.
359. *Baedeker K.* Egypt and the Sudân: handbook for travelers by Karl Baedeker. — 6th ed. — Leipzig, K. Baedeker Publ.; London, Dulau and Co. Publ.; New York, C. Scribner's Sons Publ., 1908. — CLXXXIV, 439 p.
360. *Baedeker K.* Egypte et Soudan: Manuel du voyageur. Guides Baedeker. — 3 ed. — Leipzig, K. Baedeker Publ.; London, Dulau and Co. Publ.; New York, C. Scribner's Sons Publ., 1908. — CLXXX, 430 p.
361. *Baedeker K.* Indien: Handbuch für Reisende. — Leipzig: Verlag von Karl Bædeker, 1914. — LXXIV, 358 p.
362. *Baedeker K.* Konstantinopel und das westliche Kleinasien: handbuch für reisende von Karl Baedeker. — Leipzig: Verlag von Karl Baedeker, 1905. — XXIV, 275 S.
363. *Baedeker K.* Palestine and Syria with the chief routes through Mesopotamia and Babylonia: a handbook for travellers. — 4th ed. — Leipzig: K. Baedeker Publ., 1906. — C, 436 p.
364. *Baedeker K.* Switzerland: and the adjacent portions of Italy, Savoy, and the Tyrol: handbook for travellers. — London: Dulau and Co., 1891. — XXVIII, 498 p.
365. *Baedeker K.* The Mediterranean; seaports and sea routes, including Madeira, the Canary Islands, the coast of Morocco, Algeria, and Tunisia; handbook for travellers. — Leipzig, Verlag von Karl Baedeker, 1911. — XXXVI, 607 p.
366. *Baedeker K.* Konstantinopel, Balkanstaaten, Kleinasien, Archipel, Cypern: Handbuch für Reisende: handbuch für reisende von Karl Baedeker. — 2 ed. — Leipzig, Verlag von Karl Baedeker, 1905. — LXXIV, 484 S.
367. *Baedeker K.* Palestine et Syrie: avec les routes principales a travers la Mésopotamie et la Babylonie: manuel du voyageur. — 3 ed. — Leipzig: K. Baedeker Publ.; Paris: P. Ollendorff Édité., 1906. — 629 p.
368. *Bounine I.* Le Monsieur de San-Francisco / Traduit du russe par Maurice [Parijanine]; avec un portrait de l'auteur, par Bakst. — Paris: Editions Bossard, 1922. — pp. 7–12.
369. *Bunin I.* Der Sonnentempel: Literarische Reisebilder, 1897–1924 / I.A. Bunin, dolmet. D. Trottenberg, ed., nachwort. T. Grob. — Zürich: Dörlemann Verlag, 2008. — 416 S.
370. *Fa-hsien.* A record of Buddhistic kingdoms; being an account by the Chinese monk Fâ-Hien of his travels in India and Ceylon / trans. James Legge. — Oxford: Clarendon Press, 1886. — XV, 123 p.
371. *Heywood A.J.* Catalogue of the I. A. Bunin, V. N. Bunina, L. F. Zurov and E. M. Lopatina Collections / A.J. Heywood; ed. by R.D. Davies, with the assistance of D. Riniker. — Leeds: Leeds University Press, 2011. — 394 p.
372. *Loti P.* Les desenchantés: roman des harems turcs contemporains. — Paris: Calmann Levy, 1906. — 435 p.
373. *Loti P.* Aziyadé. — Paris: Calmann-Lévy, 1879. — 312 p.

374. *Loti P.* Jérusalem. — Paris: Calmann-Lévy, 1895. — 221 p.
375. *Loti P.* La Galilée. La Mosquée Verte. — Paris: Calmann-Lévy, 1896. — 249 p.
376. *Loti P.* Le Désert. — Paris: Calmann-Lévy, 1895. — 258 p.
377. *Maupassant G. de.* La vie errante. — 7 e éd. — Paris: Paul Ollendorff, 1890. — 234 p.
378. *Murray J.* A Handbook for Travelers in Asia Minor, Transcaucasus, Persia, etc. — 5th ed. — London: John Murray Publ., 1895. — 420 p.
379. *Murray J.* A Handbook for Travelers in India, Burma and Ceylon. — 7th ed. — London: John Murray Publ., 1909. — 528 p.
380. *Schick K.* Die Stiftshütte, der Tempel in Jerusalem und der Tempelplatz der Jetztzeit. — Berlin: Weidmann, 1896. — VIII, 363 S.
381. *Si-yu-ki.* Buddhist records of the Western World In 2 v. Vol. 1. / trans. Hsüan-tsang, Beal Samuel. — London, 1884. — CVIII, 242 p.
382. *Spivak G.C.* Can the Subaltern Speak?: Reflections on the History of an Idea / ed. by R.C. Morris. — NY, 2010. — 336 p.
383. *Taine H.* Voyage en Italie: en 2 vol. — Librairie Hachette & C., 1866.
384. *Tennent J.E.* Ceylon: in 2 vol. Vol. 2. — London: Longman, Green and Roberts, 1860. — XVI, 669 p.
385. *Thorsten B., Sabine M.-W.* Wilhelm II.: Archäologie und Politik um 1900. — Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2017. — 142 S.
386. *Tischendorf C.* Terre-Sainte. — Paris: C. Reinwald; Libraire-Editeur, 1868. — 312 p.
387. *Wild M.* Baedeker's Constantinople and Asia Minor. 1914. — Morrisville: Lulu.com, 2015. — 689 p.
388. *Wild M.* Baedeker's India 1914. — Natland: The Red Scar Press, 2013. — 446 p.

### **Архивные источники**

389. ОГЛМТ. ОФ-3061/1. Ф. 14, Оп. 1а, 62. л. 1–4. [Письмо С.С. Кондурушкина к И.А. Бунину, 21 апреля 1908].
390. ОР РГБ. Ф. 429. I. № 7. 29 л. [Бунин И.А. «Иудеи», третья корректура].
391. РАЛ. MS 1067/ 48–49. [Машинописи неопубликованного очерка В.Н. Буниной о С.Я. Елпатьевском].
392. РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 115–116об. [Письмо П.А. Нилуса к И.А. Бунину, конец ноября 1908].

## ПРИЛОЖЕНИЕ

В Приложении представлены письма С.С. Кондурушкина (Приложение 1) и П.А. Нилуса (Приложение 2) к И.А. Бунину, а также список всех публикаций и переизданий «Храма Солнца», вышедших на данный момент (Приложение 3).

Письма С.С. Кондурушкина и П.А. Нилуса уже частично публиковались С.Н. Морозовым на страницах «Летописи жизни и творчества И.А. Бунина» (см. об этом в публикациях). Однако представленные выдержки из писем указывали только на нужные для формата летописи сведения о биографии Бунина. Во время изучения писем *de visu* были обнаружены важные сведения, позволяющие расширить круг чтения Бунина о Востоке. В письмах также представлены критические оценки современников Бунина о «Храме Солнца». По этим причинам публикация писем целиком представляется важнейшим дополнением для понимания историко-литературного контекста «Храма Солнца». В подстрочных примечаниях представлена авторская правка писем, а в конце писем приведены комментарии.

Выражаю признательность архивам ОГЛМТ и РГАЛИ за разрешение публиковать эти архивные документы. Отдельная благодарность Сергею Николаевичу Морозову за помощь с расшифровкой текста и важные уточнения к комментариям писем.



К сему еще сведения об арабской поэзии и переводах кассид.

*И. Ботьянов* Моаллака Лебида (Азиатский Вестник 1827 г. кн. и отд.).<sup>j</sup>

*Каркунов* Чертог Майи (Московский Вестник 1830 г. ч. I № 4, стр. 336).<sup>k</sup>

*У. Экштейн* О древней поэзии арабов до Мокаммеда (Московск. Телеграф 1831 г. ч. 41–42).<sup>l</sup>

*О. Сенковский.* Поэзия пустыни или поэзия аравитян до Магомета (Соб. соч. VII).<sup>m</sup>

*Як. Драгоманов.* Арабская кассида Шанфара (Сын Отечества, 1838 г. т. II, отд. I, стр 6).<sup>n</sup>

*Ник. Иконников.* Фарис, арабская кассида (Москвитянин, 1841 г. ч 4 № 7, стр 15).<sup>o</sup>

*Н. Берг.* Древние арабские стихотворения (Москвитянин 1853 г. т. IV № 14–июль, кн. 2, стр 69–70).<sup>p</sup>

*Н. Берг.* Песни разных народов. М., 1854. Стр. 217–219.<sup>q</sup>

*Бар. В. Розен* Древнеарабская поэзия и ее критика. СПб., 1872.<sup>r</sup>

*И. Холмогоров.* В истории всеобщей литературы Корта и Кирпичникова. М., 1885. т. II.<sup>s</sup>

*С. Олферьев.* Из области древне-арабской лирической поэзии (в юбилейном сборнике в честь В.Ф. Миллера М., 1900 г.)<sup>t</sup>

*А. Крымский.* Арабская поэзия в очерках и образах. Литограф. изд. Моск. 1906 г.<sup>u</sup>

В этих книгах Вы почерпнете как переводы, так и характеристики поэзии арабов.

Что касается рассказа для «Земли»<sup>v</sup>, то я обещаю таковой (не больше полутора листа) в августе с<его> г<ода>. Только это будет не совсем сирийский рассказ.

За несколько часов до получения Вашего письма я продал «Знанию» своего «Моисея»<sup>w</sup>. Несколько раз собирался я послать его «Земле», да так и не собрался. Впрочем, это уже лишний разговор.

Очень хочу Вам послать сборник «Сирийских рассказов», что выходит на днях в «Знании»<sup>x</sup>. Т<a>к к<a>к Вы не ограничиваете в письме времени своего пребывания в Глотове<sup>y</sup>, то пошлю Вам туда.

Получил от издательства первый сборник «Земли»<sup>z</sup>. Очень благодарю.

Двадцатого мая я уезжаю из П<етербур>га, куда возвращусь в конце августа. С.Я. Елпатьевский<sup>aa</sup> как-то зимой говорил мне, что Вы меня искали в П<етербур>ге<sup>bb</sup>. Я был очень огорчен, что не нашли. Вы не догадались заглянуть в книгу «Весь П<етербур>г» Суворина. Сей полезный человек уже четвертый год прописывает там мое имя полностью. Пропишет и в пятый<sup>cc</sup>.

Да, чуть не забыл. Во избежание каких бы-то ни было недопониманий (каковых я очень не люблю) должен Вам сообщить разговор мой с А.М. Федоровым<sup>dd</sup> о муаллаках. Зимой я встретился с ним в П<етербур>ге и<sup>1</sup> сказал ему, что давно собираюсь предложить И.А. Бунину перевести муаллаки, которые я очень люблю. Он: «Давайте переведем и издадим книжкой»<sup>ee</sup>. Я сказал, что мое участие в этом деле кончается одним желанием выдать перевод и указывал ему на книжку Болдырева, где собраны переводы муалляки на латинском и фр<анцузском> языках<sup>ff</sup>, а сведений, сообщенных мною Вам в этом письме, я еще не имел. Больше он ко мне за сведениями не обращался... Сообщаю это затем, чтобы в возможном разговоре с А.М. Федоровым Вы не удивились тому, что м<ожет> б<ыть> и он переводит. А переводит ли он, я не знаю<sup>gg</sup>. Но во всяком случае, указав Вам на муаллаки и сообщив сведения, я исполнил свое заветное желание.

С Уважением,

С. Кондурушкин

СПб. В<асильевский>О<стров> 10 л<иния,> д. 9 кв. 5.

---

<sup>1</sup> Далее было зачеркнуто: *спросил его.*

**Комментарий**

**a.** Письмо публикуется по автографу: ОГЛМТ. Ф. 14. ОФ-3061/1. Оп. 1а, 62. л. 1–4. Впервые частично письмо было опубликовано С.Н. Морозовым (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 736). Автор выражает благодарность архиву ОГЛМТ и Сергею Николаевичу Морозову за предоставление архивной копии и помощь в работе над публикацией.

**b.** Муаллаки (*mu'allaqatun*) — дословно «подвешенные», «нанизанные», так называются поэмы VI в., собранные вместе в VIII в. Рави (сказителем, собирателем) Хаммадом. Выделяют 7 авторов муаллак, среди них: Имру аль-Кайс. Допустимо писать «муалляки» и «муаллаки», в письме также встречается разное написание. Для унификации мы будем писать: «муаллаки».

**c.** Речь о: Муаллака Имру-уль-Кайса / пер. с арабск. подлинника по изд. Фр. Авг. Арнольда, 1850 Г. Муркоса. М.: Унив. тип., 1882. 18 с. См. современные переводы: Муаллака Имру аль-Кайса / предисл., пер. и коммент. Ф.О. Нофал // Письменные памятники Востока. 1 (18). М.: Наука, 2013. С. 24–32.; Имруулькайс. Муаллака / пер. А.А. Долининой // Аравийская старина. Из древней арабской поэзии и прозы / пер. с арабского. М., 1983. С. 23–27. Имру аль-Кайс (501–544) — арабский поэт, автор одной из поэм «Муаллаки».

**d.** «Поэма Имру-уль-Кайса (*Imru'u-(a)l-Quaisu*) едва ли не лучшая между семью известными домусульманскими стихотворениями, носящими название муаллака (*mu'allaqatun*). <...> Название муаллака, по новейшим исследованиям Нёльдке, проф. В. Ф. Гиргаса и других ориенталистов, означал образцовое произведение. По словам арабских писателей, впрочем, позднейших, слово *муаллака* означает просто “вывешенная” <...>. <Муаллаки> вывешивали в храме Каабы для вечного прославления, что составляло высшую награду отличившимся в поэтических состязаниях на ежегодных ярмарках в Оказе» (Муаллака Имру-уль-Кайса. М., 1882. С. 3).

**e.** В своем творчестве С.С. Кондурушкин тоже будет обращаться к Муаллакам. См., например: «Арабский поэт Имру-ль-Кайс сравнивает свои чувства с рассыпанным ожерельем. Вот и мои впечатления новой жизни — отдельные жемчужины, еще не снизанные общим настроением». (*Кондурушкин С.С. Листы из дневника // В солнечную ночь. Пг.: Огни, 1916. С. 119–145.*)

**f.** Касида (кассида, касыда) — твердая поэтическая форма большого объема, состоящая из 5 частей. Известна и распространена на Востоке с доисламских времен.

**g.** Неточная цитата начальных строк первой сатиры А.Д. Кантемира: «Уме незрелый, плод недолгой науки! / Покойся, не понуждай к перу мои руки». (*Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956. С. 57.*)

**h.** Переделанная и неточная цитата из первой сатиры А.Д. Кантемира. См. прим. g.

**i.** Бунинское стихотворение «Имру-уль-Кайс» датировано 21 июля 1908 г. Впервые опубликовано в период со 2 по 9 октября 1908 г. (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 759.) под названием «След» («...Ушли с рассветом. Опустели...») вместе с другими стихами Бунина. См: *Бунин И.А. Сон* («О, красота склоненных глаз!...»), *След* («...Ушли с рассветом. Опустели...»), *Вино* («— На Яйле зазеленели буки...»), *Колибри* («Трава пестрит — как разглядеть змею?..»), *Дача* («Открыты окна. В белой мастерской...») // *Новое слово: Товарищеские сборники. М., 1908. Кн. 3 (окт.). С. 7–14.* (Об этом стихотворении Бунина см. подробнее: *Двинятина Т.М. Поэзия Бунина. 2015. С. 115–117.*) Возможно, И.А. Бунин воспользовался подстрочником Кондурушкина при написании своих стихов:

Ушли с рассветом. Опустели  
 Песчаные бугры.  
 Полз синий дым. И угли кровью рдели  
 Там, где вчера чернели их шатры.  
 Я слез с седла — и пряный запах дыма  
 Меня обвеял теплотой.  
 При блеске солнца был невыразимо  
 Красив огонь прозрачно-золотой.  
 Долина серая, нагая,

Как пах осла. В колодце гниль и грязь.  
 Из-за бугров моря текут, сверкая  
 И мутно серебрясь.  
 Но тут семь дней жила моя подруга:  
 Я сел на холм, где был ее намет,  
 Тут ветер дует с севера и юга —  
 Он милый след не заметет.  
 Ночь тишиной и мраком истомила.  
 Когда конец?  
 Ночь, как верблюд, легла и отдалила  
 От головы крестец.  
 Песок остыл. Холодный, безответный,  
 Скользит в руке, как змей.  
 Горит, играет перстень самоцветный —  
 Звезда любви моей.

(Цит. по: Бунин И.А. Стихотворения. Т. 2. 2013. С. 61).

- ж.** Ботьянов И. Моаллака Лебида // Азиатский вестник. Т. I. СПб., 1827. С. 32–46. См. также: Лябид-ибн-Рабия. Моаллака Лебида и Темимьянка Абулолы / Поэмы, пер. с арабского языка Иваном Ботьяновым. «Темимьянка» Абулолы. СПб.: тип. Императорского Воспитательного дома, 1827. IV, 54 с. Лабид ибн Рабия (около 560 — около 661) — арабский писатель и поэт, один из 7-ми поэтов, поэмы которых представлены в сборнике «Муаллак» Рави Хаммада.
- к.** Каркунов. Чертог Майи // Московский Вестник. 1830. Ч. I. № 4. С. 336.
- л.** Экитейн У. От древней поэзии арабов до Мугаммеда // Московский Телеграф. 1831. Ч. 41. № 19. С. 349–377; Ч. 41. № 20. С. 509–530; Ч. 42. № 21. С. 81–102.
- м.** Сенковский О.И. Поэзия пустыни или поэзия аравитян до Магомета // Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса): с портр. и жизнеописанием автора: [в 9 т]. Т. 7. СПб.: тип. Императорской академии наук, 1859. С. 165–201.
- н.** Драгоманов Я. Арабская кассида Шанфара // Сын Отечества. 1838. Т. II. С. 6–10. (Отд. I).
- о.** Иконников Н. Фарис. Арабская Кассида / пер. с польского // Москвитянин. 1841. Ч. 4 № 7. С. 15–21.
- р.** Берг Н.В. Древние арабские стихотворения: I. Ибн-Герим из Келяба. II. Неизвестный III. Бекр-Бен-Эльнаттах о волосах своей возлюбленной. IV. Абдаллах-Бен-Эльдумейпа из Хатама. Встреча с красавицей, которую несли на носилках под охранением ее мужа. [Из книги *Namasæ Carmina*. ed. Georg. Guil. Freytag. Dr. Bonnæ. MDCCCXXVIII] // Москвитянин. 1853. Т. IV. № 14 (июль). Кн. 2. С. 69–70.
- с.** Берг Н.В. Песни разных народов / пер. Н. Берга. М.: Унив. тип., 1854. XXXIV, 556 с.
- г.** Розен В.Р. Древнеарабская поэзия и ее критика: дис. на степ. магистра араб. словесности, представл. Фак. вост. яз. / [Соч.] Бар. Виктора Розена. СПб.: тип. Акад. наук, 1872. IV, 82 с.
- д.** Холмогоров И.Н. Очерк истории арабской литературы // Всеобщая история литературы: составлена по источникам и новейшим исследованиям при участии русских ученых и литераторов / нач. под ред. В.Ф. Корша, продолж. под ред. проф. А. Кирпичникова. СПб.: Издание Карла Риккера, 1885. С. 269–373.
- е.** Олферьев С.П. Из области древне-арабской лирической поэзии // Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями / под ред. Н.Я. Янчука. М.: типо-лит. А.В. Васильева, 1900. С. 265–271. См. также: Олферьев С.П. Из области древне-арабской лирической поэзии. М.: тип. А.В. Васильева, 1900. 7 с.
- з.** Крымский А.Е. Арабская поэзия в очерках и образцах, с приложением арабского текста части переведенных образцов: Лекции, чит. в спец. классах Лазар. ин-та вост. яз. / А.Е. Крымский. М.: тип. Ю. Венер, 1906. 346 с.

- v.** Сборник «Земля» выходил с 1908 по 1917 гг. (20 выпусков), И.А. Бунин был редактором-составителем 1 и 2 выпусков. Кондурушкин в «Земле» не публиковался.
- w.** *Кондурушкин С.С. Моисей // Сборник товарищества «Знание». СПб., 1908. Кн. 25. С. 1–77.* Позднее повесть была перепечатана во 2-м томе рассказов, см.: *Кондурушкин С.С. Моисей // Рассказы. СПб.: Знание, 1910. С. 1–77.*
- x.** В изд. «Знание» Кондурушкин опубликовал 2 тома рассказов, первый том (1908) назывался «Сирийские рассказы», второй — «Рассказы» (1910). Известно также, что Бунин читал первый том «Сирийских рассказов» Кондурушкина до выпуска своего 5-го тома собрания сочинений (*Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Рассказы. СПб.: Знание, 1909. 234 с.*) и просил издательство «Знание» печатать весь том, как у Кондурушкина. Бунину понравилось оформление. 30 октября 1908 года он писал редактору «Знания» К.П. Пятницкому: «Посылаю <...> материал пятого тома. Так как он будет напечатан точно, как рассказы Кондурушкина» (Бунин И.А. Письма 1905–1919. М., 2007. С. 89).
- y.** Бунин с 15 или 16 апреля 1908 г. по 29...31 августа 1908 г. был в Глотова (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 735–753).
- z.** В первом выпуске (1908) были опубликованы очерк И.А. Бунина «Тень птицы» (С. 229–272) и отрывки «Из “Золотой Легенды”» Г. Лонгфелло: 1. Ночь; 2. Утро (С. 275–281) в переводе Бунина.
- aa.** Сергей Яковлевич Елпатьевский (1854–1933) — русский, советский писатель, врач. В 1900–1910-е гг. XX в. сотрудничал с издательством «Знание» и издательством «Московское книгоиздательство», был вхож в общие с Буниным и Кондурушкиным литературные круги.
- bb.** Бунин был зимой в Санкт-Петербурге дважды: с 1 по 5 декабря 1907 г. и с 24 или 25 по 28 февраля 1908 г. Также 12 марта 1908 г. Бунин приезжал в столицу на один день. (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 707, 724–725, 728).
- cc.** См.: *Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на... / ред. Н.И. Игнатов. ... на 1908 год: 15-й г. изд. 1908. С. 367.*
- dd.** Александр Митрофанович Федоров (1868–1949) — поэт, прозаик, переводчик, драматург. Близкий друг Бунина.
- ee.** Издание не обнаружено. Вероятно, план не был реализован.
- ff.** А.В. Болдырев перечисляет переводы в предисловии подготовленной им хрестоматии. (См.: *Болдырев А.В. Персидская хрестоматия: В 2 ч. Ч. 1. М.: Унив. тип., 1826. С. II–III.*)
- gg.** Перевод А.М. Федорова этой «муаллаки» или иных — не обнаружен. В травелоге «Солнце жизни» А.М. Федоров описал посещение города Мерсина, где рассуждал о Муаллаках и процитировал отрывок одной из них, возможно в авторском переводе и после общения с С.С. Кондурушкиным (См.: *Федоров А.М. Солнце жизни: В 2 ч. Ч. 1. М.: Изд-во Н.Н. Ключкова, 1913 С. 95–96.*)

## Приложение 2. Публикация письма П.А. Нилуса И.А. Бунину

Дорогой Ив.<sup>a</sup>

Вероятно, 4-го, 5-го декабря буду в Москве.<sup>b</sup> Приезжаю к «передвижной»<sup>c</sup>, которая еще не умерла окончательно. Неужели ты уедешь к тому времени?<sup>d</sup> Очень хотелось бы обнять тебя, мой дорогой друг! Во всяком случае, я буду в Столовом<sup>1</sup> «засвидетельствовать свое почтение», да кстати посмотрю<sup>2</sup> те места, с которыми ты связан. Я тебя могу представить в Одессе, почему-то в Ялте, но как ты связан с Москвой, Петербургом мне неясно... *хотя я в П<етербурге> тебя видел.*

«Зодиакальный свет»<sup>e</sup> и «Море богов»<sup>f</sup> и весною «Тень птицы»<sup>g</sup> «прочел с удовольствием»<sup>h</sup>, и даже представил себе будущую восточную книгу с забористым названием и глазастой виньеткой (ради Бога не делай этого). Предо мной промелькнули тени: Ричардсона<sup>i</sup>, Овервега<sup>j</sup>, Стэнли<sup>k</sup>, Федорова<sup>l</sup> и других знаменитых путешественников... Конечно, твои знаменитые предшественники, каждый во многих отношениях получает по перу в сраку, но во многом ты уступаешь. Теперь самые посредственные путешественники — англичане — уходят в пустыню в одиночестве, разбивают там палатку и<sup>3</sup> сидят день, два, неделю...<sup>m</sup> — а у тебя описанья из окна поезда! Эту подробность нужно скрыть. Пусть читатель видит тебя на верблюде, коне, осле... Нужно, наконец, попасть<sup>4</sup> хоть ненадолго в плен... Не срами себя блохами, страхом перед гиеной<sup>n</sup>, настоящий путешественник должен быть вооружен с головы до ног, вклеить хоть одну пулю в пасть крокодилу и пр. и пр., а то выходит какой-то «компанейский» Египет — англичане тебя ни за что не переведут.

<sup>1</sup> Слово написано поверх зачеркнутого. Было: *Поварском*. П.А. Нилус подразумевал Поварскую улицу.

<sup>2</sup> Слово написано поверх зачеркнутого. Было: *увидеть*

<sup>3</sup> Следом зачеркнутое слово: *там* <?>.

<sup>4</sup> Слово написано поверх зачеркнутого. Было: *попасть* <с помарками>.

Потом вот что еще, это уже серьезно. Мне кажется, что нужно писать или вроде Мопассана<sup>x1</sup>, или напр<имер> Тэна<sup>xx2</sup> т<о> е<сть>: или едва касаясь истории, или так, как Тэн, рисуя более обстоятельно исторические картины. Не будь тороплив, ленив и жаден. Если чуть-чуть расширить и связать воедино исторические перспективы, будущая книга чрезвычайно выиграет. Тут, конечно, можно еще спорить, но что, по-моему<sup>3</sup>, не хорошо — это забористые названия: «Тень Птицы», «Зодиакальный свет». Это все кажется надуманным. То же самое и в стихах: редкостные рифмы, словечки — все это хорошо, как пикантная приправа. Кабуль<sup>o</sup> хорошая штука, но облей-ка бифштекс больше, чем следует! — пожалуй, в рот не возьмешь. Тамарикс — гикс<sup>p</sup>, купание кобылы в Иордане<sup>q</sup>, настой ромашки — все это раздражает, не говоря о большой публике, которая гогочет и сердится...

В последний год как-то ты уклоняешься от простоты: жонглируешь рифмами, удивляешь неожиданностями, злоупотребляешь пикантными соусами. Хорошо говорит на этот счет Рёскин: колорит заключается не в том, чтобы вся картина была написана яркими красками, гораздо вернее для художника заставить звучать одну ноту, гармонично связанную с целым...<sup>r</sup>

Вот еще некоторые замечания для будущей книги. Откуда ты взял, что в Св. Софии мозаики замазаны красной краской? Охрой, охрой, охрой они закрашены. Потом ни слова ни говоришь о сильнейшем запахе лампадного масла в мечетях и еще — очень часто у тебя повторяется 5000 лет, 2500, 1000... Впечатление древности от этого нисколько не увеличивается. — Паки и паки: не нужно описывать зоологического сада, он так же относится к Египту, как всякий другой,

<sup>1</sup> Авторское примечание: *La vie errante*. Речь о: *Maupassant G. de. La vie errante*. 7 e éd. Paris: Paul Ollendorff, 1890. 234 p. Ги де Мопассан (1850–1893) — французский писатель. К концу XIX – началу XX вв. Мопассан воспринимался как классик мировой литературы и был очень популярен в литературе. Бунин еще в 1890-е гг. с большим интересом читал Мопассана и был подвержен его влиянию. Перевод книги известен с 1894 г. (см. *Мопассан Г. Собрание сочинений*: В 12 т. Т. 6. Бродячая жизнь; Повести и рассказы. СПб.: Вестник иностранной литературы. 1894, 320 с.). Бунин мог быть знаком и с переизданием этого же собр. соч. в 12 т. в 1896 г. Нилус, таким образом, подчеркивает легкость стиля Мопассана, писатель в травелоге не отягощает текст историческими сведениями и на первый план ставит свои субъективные впечатления.

<sup>2</sup> Авторское примечание: *Voyage en Italie*. Речь о: *Taine H. Voyage en Italie*: en 2 vol. Librairie Hachette & C. 1866. Ипполит Тэн (1828–1893) — французский философ, теоретик искусства и литературы. Первое издание книги «Путешествие по Италии» на русском язык вышло в 1913–1916 гг., Бунин, если и читал книгу, то только на французском языке. Травелог Тэна противопоставлен травелогу Мопассана, он выделяется своей тяжеловесностью, объемными историко-культурными сведениями и скорее похож на полноценное исследование итальянских городов: Неаполь и Рим (Т. 1), Флоренция и Венеция (Т. 2).

<sup>3</sup> Слово написано поверх зачеркнутого. Было: *Потом <?>*

надоевший зоолог<ический> сад в большом европейск<ом> городе к стране: есть где-то там страусы, змеи <?> — где-то за тридевять земель... Описание сада, железная дорога<sup>1</sup> мешают углублению в старину.

Представляя себе будущую книгу, я вижу пред собою хорошую, а главное нескучную вещь. Вот тебе факт: мне хочется снова перечесть эти отрывки.

Масса превосходных сравнений, живых наблюдений (нужник на пароходе вещь необходимая, но в изящной литературе излишняя), красок. Если поработаешь над книгой, может выйти вещь редкой красоты...

Целую крепко, П. Нилус

P.S. Вере Николаевне целую ручки.

P.P.S. Евгений целует и просит передать, что ему очень нравится «Зодиакаль<ный> свет». Кто мне прислал вырезку из «Вестника воспитания»? Не брат-ли твой?<sup>s</sup>

<конец ноября 1908 г.><sup>t</sup>

#### Комментарий

**а.** Письмо публикуется по автографу: РГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, л. 115–116об. Впервые частично письмо было опубликовано С.Н. Морозовым (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 771–772). Автор выражает благодарность архиву РГАЛИ и Сергею Николаевичу Морозову за предоставление архивной копии и помощь в работе над публикацией.

**б.** И.А. Бунин в письме от 6 декабря 1908 г. сообщал писателю Н.Д. Телешову (1867–1957): «Дорогой Митрич, 9-го придет в Москву Нилус. 10-го — *утром* или вечером (со скорым, в 7 часов) — надеюсь быть в Москве я» (Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. М., 2007. С. 89; выделено Буниным).

**с.** Речь о художественной выставке «передвижников». Очередная XXXVII выставка «Товарищества передвижных художественных выставок» (ТПХВ, 1871–1917) прошла в Москве, в Историческом музее с 14 декабря 1908 г. по 25 января 1909 г. Затем выставка проходила в Санкт-Петербурге, в Обществе поощрения художеств с 6 февраля по 5 апреля 1909 г. Согласно каталогу выставки, П.А. Нилус представил картину «Воспоминание об одном парке» (Товарищество передвижных художественных выставок (Петербург). Выставка. Каталог XXXVII-й Передвижной выставки картин Товарищества передвижных художественных выставок. Одесса, 1909. С. 7). П.А. Нилус был организатором аналогичных выставок товарищества южнорусских художников (ТЮРХ). Товарищество создано в Одессе в 1890 г., существовало до 1922 г. На «четвергах» товарищества часто бывал Бунин (См., например: Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 650).

<sup>1</sup> Далее сверху фигурная скобка и написан текст, но он зачеркнут, его не разобрать.

- d.** Бунины уехали из Москвы 17 ноября в Глогово, 10 декабря утром Бунин приехал в Москву, 14 или 15 декабря уехал в Ефремов и оттуда 17 декабря в Глогово. (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 767, 775). Вероятно, с 10 по 14 или 15 декабря Бунин и Нилус виделись. На это намекает письмо В.Н. Буниной: «Если хочешь, поезжай с Нилусом в Одессу» (ОГЛИМТ. ф. 14, № 2959/181 оф. Цит. по: Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 774).
- e.** *Бунин И.А.* Зодиакальный свет // Слово: литературно-художественные сборники. Книга первая. М., 1908. С. 13–39. Авторская дата: 1907 г. Сборник опубликован в декабре 1908 г. (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 776). П.А. Нилус прочел итоговый вариант «Зодиакального света» до публикации. Это связано с тем, что П.А. Нилус как один из авторов, получал авторский экземпляр заранее. В сборнике «Слово» опубликован его рассказ «Сестры Ван Ли» (С. 137–149).
- f.** *Бунин И.А.* Море богов // Журнал «Северное сияние». СПб., 1908. № 1, ноябрь. С. 31–46. Авторская дата: 1907 г. Журнал опубликован 1 ноября 1908 г. (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 765).
- g.** *Бунин И.А.* Тень птицы // Земля: Сб. 1. (январь). М., 1908. С. 229–272. Авторская дата: 1907 г. Альманах опубликован 30 января 1908 г. (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 718).
- h.** В письме от 16 февраля 1908 г. Нилус писал: «Твоя вещь <“Тень Птицы”> напоминает мне деликатную (?) художественную мозаику, но вложенную в такие места здания, что отдельные части можно рассмотреть, а всего целого не увидишь. Митрофаныч <А.М. Федоров>, а он опытный, стерва, в чужом глазу все видит — говорит, что там нет центра и это верно — это почти то же, что и я говорю. (Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 722).
- i.** Джеймс Ричардсон (1809–1951) — английский путешественник, исследователь Африки. Известен своими экспедициями в пустыню Сахара, к озеру Чад, исследованиями древних караванных путей. По результатам экспедиций (посмертно) опубликованы 3 книги: «Travels into the great desert of Sahara» (1849), «Narrative of a mission to Central Africa» (1853) и «Travels in Morocco» (1859). Книги не были переведены на русский язык, но П.А. Нилус мог быть знаком с ними в оригинале, а также по французским переводам, известным с 1850-х гг.
- j.** Адольф Овервег (или Оферверг, 1822–1852) — немецкий путешественник, исследователь, астроном и геолог. В 1849 г. вошел в состав экспедиции через Сахару к озеру Чад под руководством Д. Ричардсона. Третьим участником, продолжившим экспедицию в одиночку после смерти Ричардсона и Овервега, был немецкий путешественник, исследователь, географ Иоганн Генрих Барт (1821–1865). Результаты экспедиции изложены в его книге «Travels and discoveries in North and Central Africa: being a journal of an expedition undertaken under the auspices of H.B.M.'s Government, in the years 1849-1855» (1857). Книга не переводилась на русский язык, но была сразу опубликована на английском и немецком, а также позднее (в 1865 г.) опубликована на французском языке. На русском языке информацию об экспедиции Ричардсона, Овервега и Барта встречаем также в «Обзоре главнейших путешествий и географических открытий в пятилетие с 1848 по 1853 год» (1855), составленном русским педагогом, архивариусом, Карлом Федоровичем Свенске (1797–1871).
- k.** Генри Мортон Стэнли (имя при рождении: Джон Роуландс, 1841–1904) — английский журналист, путешественник, исследователь Африки. Вероятно, П.А. Нилус подразумевает известные книжки Г.М. Стэнли: «How I found Livingstone» (1872, рус. пер. издан в 1873 г. «Как я нашел Ливингстона», СПб.: Маг. иностр. литературы). Отрывки из книг: «Through the Dark Continent» (1878), «The Congo and the founding of its free state» (1885), «In darkest Africa» (1890), «My dark companions and their strange stones» (1893) были представлены в русском переводном издании: *Стэнли Г.М.* В царстве черных: Сцены из жизни и природы Средней Африки. СПб.: тип. В. Балашева и К°, 1895. 248 с. Книга выдержала 4 переиздания до 1912 г. (См. также: *Стэнли Г.М.* В джунглях Африки: История поисков, освобождения и отступления Эмина Паши правителя Экватории: в 2 т. СПб.: тип. Пантелеевых,

1892). 29 июля 1908 г. В.Н. Бунина писала И.А. Бунину из Ефремова: «Почти весь день сижу в саду. Читаю Стэнли, пока скучновато, и Плутарха» (Литературное наследство. Т. 110: И. А. Бунин. Кн. 1. М., 2019. С. 428).

**l.** Александр Митрофанович Федоров (1868–1949) — русский писатель. Был другом П.А. Нилуса и И.А. Бунина. Известен своей страстью к путешествиям. По воспоминаниям друзей и современников до революции Федоров «объездил весь мир» («Изгнанник я, не вольной гость...»: Воспоминания Л.Г. Шульц и отрывки из писем к А.М. Федорову, А.И. Куприна и Е.И. Чирикова / публ. и пред. О. Решетниковой // Литературная Россия. 1992. 11 сент. С. 11). Множество раз посещал Европу, был в Турции, Египте, на Цейлоне, в Японии, в Америке и др. Однако в данном случае, П.А. Нилус упоминает Федорова в ироничном ключе, продолжая ряд профессиональных исследователей, путешественником-любителем. В 1903 г. Федоров совершил путешествие на пароходе Добровольного флота «Корсунь» от Одессы до Владивостока. В 1904 г. об этой поездке написал книгу «На восток». В 1906 г. Федоров совершил плавание в Нью-Йорк, этому путешествию посвящен роман «За океан» (1909). А в 1908–1909 гг. писатель отправился в очередное путешествие по Италии, Африке и Палестине (*Аникеева Ю.Н.* Федоров Александр Митрофанович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 6: С–Ч. М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 411). Путешествие частично отражено в книге «Солнце жизни» (1913).

**m.** П.А. Нилус подразумевает весьма конкретное, популярное у европейцев (в первую очередь, англичан) туристическое увлечение — путешествие с палатками. Рекомендации к такому туризму содержались в англоязычных путеводителях. См.: *Baedeker K.* Egypt and the Sudân: handbook for travelers by Karl Baedeker. 6th ed. Leipzig, K. Baedeker Publ.; London, Dulau and Co. Publ.; New York, C. Scribner's Sons Publ., 1908. CLXXXIV, 439 p.; *Baedeker K.* Palestine and Syria with the chief routes through Mesopotamia and Babylonia: a handbook for travellers. 4th ed. Leipzig: K. Baedeker Publ., 1906. С. 436 p.

**n.** «Но здесь могли быть и гиены... И я поспешил выбраться на солнце. Гиен не оказалось, зато мои руки и вся одежда мгновенно покрылись живой жгучей сеткой блох...» (*Бунин И.А.* Зодиакальный свет // Слово: литературно-художественные сборники. Книга первая. М., 1908. С. 35). Эта цитата включена во все дореволюционные издания очерка и исключена в эмигрантских публикациях.

**o.** Кабуль — Соя кабуль — острый афганский соевый соус, пряная приправа к мясу.

**p.** Гиксы (гикосы) — древние кочевые племена Сирии и Синайского полуострова. (См.: *Бунин И.А.* Стихотворения. Т. 2. СПб., 2013. С. 384–385).

**q.** Упомянуты рифмы и строки из стихотворения Бунина «Бедуин» (1908): «Он выкупал кобылу в Иордане»; «Зной, олеандр, герань и тамарикс. // Сидит, как ястреб. Пегая абая // Сползает с плеч... Поэт, разбойник, гикс». В ответном письме от 2 января 1909 г. Бунин, как бы отвечая на замечания Нилуса, писал: «<А.Е. Грузинский> хвалит мои сонеты в XXV сбор<нике> “Знания” — один (“Караван”) особенно, даже прилагает свой перевод этого сонета на французский язык» (*Бунин И.А.* Письма 1905–1919 годов. М., 2007. С. 97, 503).

**r.** Нилус не цитирует, а скорее пересказывает своими словами идеи английского писателя, художника, философа и теоретика искусства Джона Рёскина (1819–1900) о колорите в живописи. Вероятнее всего, Нилус обобщенно пересказывает главу «Техника искусства» (в особенности параграф «Воздержанность в колорите и рисунке») из книги «Искусство и действительность» (См.: *Рёскин Д.* Техника искусства // Искусство и действительность. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко., 1900. С. 248–277). В этой главе умение создавать колорит представлено как одно из главных качеств большого художника. Книга в таком виде существует только в русской издательской традиции (с 1900 г.), это избранные страницы из сочинений Д. Рёскина. Нилус мог читать эту книгу, или мог читать собрание сочинений Д. Рёскина на русском, английском или французском языках. Книги Рёскина на русском языке (собрания сочинений и отдельные издания) печатались ежегодно с 1897 по 1912 гг.

- s.** Юлий Алексеевич Бунин (1857–1921) — старший брат И.А. Бунина, журналист, педагог, общественный деятель и участник революционного движения. Редактировал московский журнал «Вестник воспитания» с 1897 по 1917 гг. (по год закрытия журнала). См. подробнее: *Гордиенко Т.В.* Ю.А. Бунин и Московский журнал «Вестник воспитания» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2012. № 4. С. 79–92. В ответном письме от 2 января 1909 г. Бунин писал Нилусу: «Напоминаю тебе, кроме того, адрес “Бюро газетных вырезок”: СПб., Надеждинская, 1. — Берут, кажется, рублей 10 за 1000 вырезок, но можно подписаться и на меньшее количество их, хотя тебе, автору “На берегу моря”, этого делать и не следует». (*Бунин И.А.* Письма 1905–1919 годов. М., 2007. С. 97).
- t.** Датируется по: *Летопись жизни и творчества И.А. Бунина.* Т. 1. 1870–1909. М., 2011. С. 771–772.

**Приложение 3. Публикации и переиздания  
книги очерков «Храм Солнца»**

1. *Бунин И.А.* Тень птицы // Земля: Сб. 1 (январь). М., 1908. — С. 229–272.
2. *Бунин И.А.* Зодиакальный свет // Слово: литературно-художественные сборники. Книга первая. — М., 1908. — С. 13–39.
3. *Бунин И.А.* Море богов // Северное сияние. — СПб., 1908. — № 1 (ноябрь). — С. 31–46.
4. *Бунин И.А.* Тень птицы; Зодиакальный свет // *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 6 т. — Т. 5. — СПб., 1909. — С. 129–233.
5. *Бунин И.А.* Пустыня дьявола // Русское слово. — 1909. — 25 дек. (№ 296). — С. 3.
6. *Бунин И.А.* Храм солнца // Современный мир. — 1909. — № 12. — С. 33–42.
7. *Бунин И.А.* Иудея // Друкарь: лит. сб. / под ред. Н.Д. Телешова. — М., 1910. — С. 41–69.
8. *Бунин И.А.* Иудея, Пустыня дьявола, Храм Солнца // *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 6 т. — Т. 6. — СПб., 1910. — С. 117–192.
9. *Бунин И.А.* Мертвое море // Русское слово. — 1911. — 10 июля (№ 158). — С. 3.  
Позднее рассказ публиковался под заглавием «Страна содомская».
10. *Бунин И.А.* Геннисарет // Русское слово (Москва). — 1912. — 25 дек. (№ 297). — С. 4.
11. *Бунин И.А.* Иудея, Пустыня дьявола, Мертвое море, Храм Солнца // *Бунин И.А.* Рассказы и стихотворения 1907–1910 гг. — 2-е изд., доп. — М., 1912. — С. 47–162.
12. *Бунин И.А.* Геннисарет // *Бунин И.А.* Иоанн Рыдалец. Рассказы 1912–1913 г. — М., 1913. — С. 14–28.
13. *Бунин И.А.* Тень птицы, Зодиакальный свет // *Бунин И.А.* Золотое дно: Рассказы 1903–1907 гг. — 2-е изд. — М., 1914. — С. 138–196.
14. *Бунин И.А.* Храм солнца // *Бунин И.А.* Полное собрание сочинений: в 6 т. — Т. 4. — Пг., 1915. — С. 100–220.
15. *Бунин И.А.* Храм солнца. — Пг., 1917. — 174 с.
16. *Бунин И.А.* Город царя царей // Газета «Руль». — Берлин, 1925. — 22 фев. (№ 1284); 24 фев. (№ 1285). — С. 2–3; С. 2–3.
17. *Бунин И.А.* Христово озеро // Возрождение. — 1927. — 24 апр. (№ 691). — С. 3.  
Переработанный рассказ «Геннисарет».
18. *Бунин И.А.* Пустыня дьявола // Последние новости. — 1928. — 10 мая (№ 2605). — С. 2–3.
19. *Бунин И.А.* Храм солнца // Последние новости. — 1928. — 1 июля (№ 2657). — С. 2–3.
20. *Бунин И.А.* Страна содомская // Последние новости. — 1928. — 2 авг. (№ 2689). — С. 2.  
В конце сонет «Скользят, текут огни зеленых мух...».
21. *Бунин И.А.* Святая Земля // Последние новости. 1928. — 25 дек. (№ 2834). — С. 2–3.

22. *Бунин И.А.* Камень // Последние новости. — 1929. — 31 марта (№ 2930). — С. 2–3.  
Изначально 4–5 главы «Иудеи».
23. *Бунин И.А.* Свет зодиака // Последние новости. — 1929. — 9 июня (№ 3000). — С. 2–3.  
Ранее рассказ назывался «Зодиакальный свет».
24. *Бунин И.А.* Море богов // Последние новости. — 1929. — 18 июля (№ 3070). — С. 3.
25. *Бунин И.А.* Тень птицы: Рассказы 1907–1911 гг. — Париж: Современные записки, 1931. — 207 с.
26. *Бунин И.А.* Дельта // Последние новости. — 1932. — 29 мая (№ 4085). — С. 3.
27. *Бунин И.А.* Храм солнца // *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 11 т. Т. 1. — Берлин, 1936. — С. 169–308.
28. *Бунин И.А.* Тень птицы; Примечания // *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 9 т. — Т. 3. Повести и рассказы 1907–1911. — М., 1965. — С. 313–411, 483–501.
29. *Бунин И.А.* Город Царя Царей; Примечания // *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 9 т. — Т. 5. — М., 1966. — С. 130–138, 517.
30. *Бунин И.А.* Из рассказов Тень птицы: Тень птицы, Свет Зодиака, Иудея; Примечания // *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 3 т. — Т. 1. Повести и рассказы 1900–1914. — М., 1982. — С. 497–536, 575–576.  
Книга переиздавалась без изменений в 1984 г.
31. *Бунин И.А.* Город Царя Царей; Примечания // *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 3 т. — Т. 2. Повести и рассказы 1914–1930. — М., 1982. — С. 272–280, 545.  
Книга переиздавалась без изменений в 1984 г.
32. *Бунин И.А.* Тень птицы; Примечания // *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 6 т. — Т. 3. Произведения 1907–1914. — М., 1987. — С. 499–590, 655–669.
33. *Бунин И.А.* Город Царя Царей; Примечания // *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 6 т. — Т. 4. Произведения 1914–1931. — М., 1988. — С. 288–295, 681.
34. *Бунин И.А.* Тень птицы; Примечания // *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 4 т. — Т. 2. Тень птицы. Повести и рассказы 1909–1916. — М., 1988. — С. 5–94, 583–589.
35. *Бунин И.А.* Тень птицы // *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 6 т. — Т. 2. Повести и рассказы (1903–1911). Тень птицы (1907–1911). — М.; Тула, 1994. — С. 267–351.
36. *Бунин И.А.* Город Царя Царей // *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 6 т. — Т. 4. Повести и рассказы (1917–1930). Город Царя Царей. — М.; Тула, 1994. — С. 115–122.
37. *Бунин И.А.* Тень Птицы; Город Царя Царей; Примечания // *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 8 т. — Т. 4. Произведения 1907–1924. — М.: Московский рабочий, 1995. — С. 15–106, 406–414, 475–487, 520.
38. *Бунин И.А.* Иудея. — М.: Россия молодая, 1999. — 14 с. — (Библиотека паломника).

39. *Бунин И.А.* Город Царя Царей // *Бунин И.А.* Митина любовь. Повести и рассказы. Город Царя Царей. — М.; Харьков, 2000. — С. 113–121.
40. *Бунин И. А.* Море богов // *Бунин И. А.* Море богов: Рассказы / послесл. П. Левина. — М., 2000. — С. 132–142.
41. *Бунин И.А.* Тень птицы // *Бунин И.А.* Грамматика любви. Повести и рассказы, 1909–1916. Тень птицы. — М.; Харьков, 2000. — С. 297–394.
42. *Бунин И.А.* Тень птицы, Храм солнца // *Бунин И.А.* Чаша жизни: [Стихи. Проза. Публицистика]. — Воронеж, 2000. — С. 99–127.
43. *Бунин И.А.* Тень птицы // *Бунин И.А.* Окаянные дни: [Повести. Рассказы. Воспоминания]. Тень птицы. — М., 2004. — С. 159–238.  
Книга переиздавалась без изменений в 2006 г.
44. *Бунин И.А.* Тень птицы // *Бунин И.А.* Полное собрание сочинений: в 13 т. — Т. 3. Повести, рассказы 1911–1914; Тень Птицы 1907–1911. — М.: Воскресенье, 2006. — С. 373–453.
45. *Бунин И.А.* Тень птицы; Примечания // *Бунин И.А.* Собрание сочинений: [в 10 т.] — [Т. 4]. Произведения 1903–1910; Тень птицы 1907–1911: [книга очерков]. — М.: Литература; Мир книги, 2008. — С. 189–271, 275–286.
46. *Bunin I.* Der Sonnentempel: Literarische Reisebilder, 1897–1924 / I.A. Bunin, dolmet. D. Trottenberg, ed., nachwort. T. Grob. Zürich: Dörlemann Verlag, 2008. 416 S.  
Книга переиздавалась без изменений в 2011, 2014 гг.
47. *Бунин И.А.* Тень птицы // *Бунин И.А.* Солнечный удар: [роман. Повести. Рассказы]. — М.: Эксмо, 2013. — С. 23–48.  
Книга переиздавалась без изменений в 2014 г.
48. *Бунин И.А.* Из сборника рассказов «Тень птицы»: Иудея, Пустыня дьявола, Страна содомская, Геннисарет // *Бунин И.А.* Рассказы. — М.: Никая, 2014. — С. 17–55.  
В книге по ошибке к очеркам из цикла «Тень Птицы» причислен рассказ «Святые горы» [С. 9–16]. Книга содержит подстрочные примечания.
49. *Bunin I.* L'ombra di Huma: poema di un viaggiatore / interp., aut. postfaz., comment. Ugo Persi. — Bergamo, 2017. — 295 p.